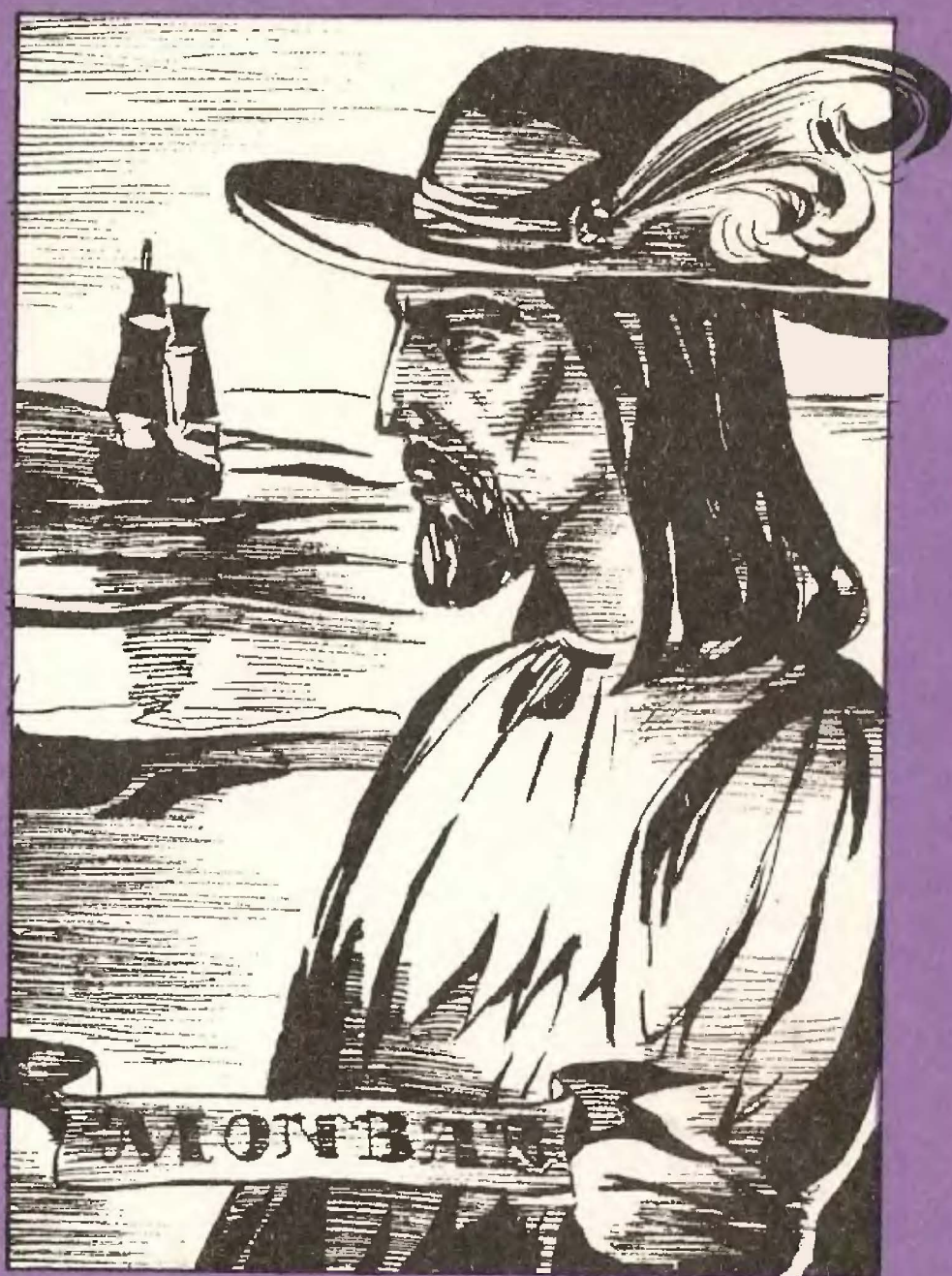

I. ƏMƏR

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 28.09.2017
STERLITAMAK

Г. ЭМАР

Г. ЭМАН

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«TERRA»-«ТЕРРА»
1993

Г. ЭММЕР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том седьмой

Авантюристы

Морские цыгане

МОСКВА
«TERRA»-«ТЕРРА»
1993

ББК 84.4 Фр
Э 54

Тексты печатаются по изданиям:

«Авантюристы»

Типография Е. Н. Ахматовой. С-Пб, 1873

«Морские цыгане»

Типография Е. Н. Ахматовой. С-Пб, 1870

Составление, редакция переводов *М. Секей*

Художник *И. Галкина*

Редактирование текста, подготовка оригинал-макета и оформления
осуществлены МП ТОО «Астра».

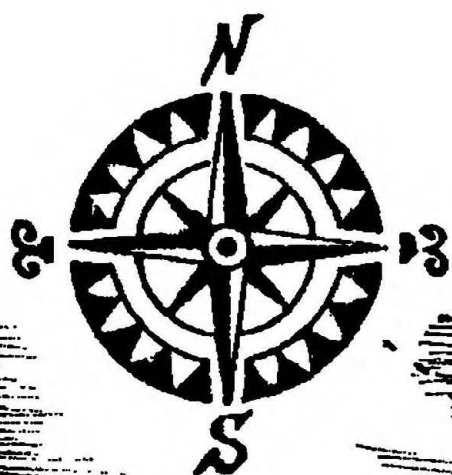
Э $\frac{4703010100-012}{А30(03)-92}$ Подписное

ISBN 5-85255-260-7 (т. 7)

ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

Авантюристы

Испания, Франция

Испания

Франция

Антиб

Тулон

ЛЕРЕНСКИЕ ОСТР.

ГРАНАДА

СЕВИЛЬЯ

САНТА-МАРИЯ

КАДИС

АЛЬЖЕСИРАС

ГИБРАЛТАРСКИЙ ПРОЛИВ

Средиземное море

ЛЕРЕНСКИЕ ОСТРОВА

СЕНТ-МАРТЕРИТ

СЕНТ-ОНОРАТ

Глава I

Гостиница французского двора

Хотя от Шансо, где начинается Сена, до Гавра, где она впадает в море, протяженность этой реки составляет не более двухсот лье¹, однако, несмотря на это сравнительно небольшое расстояние, Сена является одной из важнейших рек мира: со времен Юлия Цезаря и до наших дней на берегах ее решались величайшие общественные вопросы, волновавшие мир во все века.

Туристы, живописцы, путешественники, отправляющиеся в дальние края на поиски живописных мест, не могут найти ничего красивее извилистых берегов этой реки, окаймленной многолюдными городами и грациозными деревнями, кокетливо разбросанными направо и налево по зеленым долинам или исчезающими среди густой растительности ее крутых берегов.

Наша история началась 26 марта 1641 года в одной из этих деревень, в нескольких лье от Парижа.

Деревня эта имела только одну улицу, длинную и узкую, спускавшуюся с вершины довольно крутой горы, выющуюся вдоль небольшой речки и кончавшуюся в нескольких шагах от Сены. Улица эта во всю свою длину была обрамлена низкими и безобразными домами, служившими большей час-

¹ Лье — французская путевая мера длины, равная 4,44 км.

тью гостиницами для путников всякого рода, постоянно проезжавших эту деревню и останавливавшихся в ней ночевать.

Верхний конец улицы был занят монастырем, очень богатым, возле которого возвышалось большое здание, скрытое в обширном саду и служившее гостиницей богатым людям, которых дела или удовольствие приводили в эту деревню, окруженную на десять миль вокруг роскошными жилищами знатных вельмож.

Ничто во внешнем виде не могло заставить угадать в этом здании гостиницу; нижняя дверь вела в сад, и только пройдя его весь, можно было увидеть дом. Но у гостиницы существовал другой проезд с дороги, тогда не многолюдной, которым пользовались экипажи, когда путешественник был принят трактирщиком.

Хотя этот дом был гостиницей, его хозяин принимал не всех приезжих; напротив, он был очень разборчив и уверял, что гостиница, удостоенная посещением короля и всесильного кардинала, не должна была служить убежищем бродягам. Чтобы оправдать присвоенное себе право, трактирщик заказал вывеску, на которой был представлен французский герб с золотыми буквами, подписанными внизу: *Гостиница Французского Двора*.

Эта гостиница пользовалась большой известностью не только в окрестностях, но и в самом Париже, и, надо прибавить, известностью заслуженной, потому что если трактирщик был привередлив относительно выбора своих посетителей, зато он ухаживал и за людьми, и за лошадьми с особенным рвением.

Несмотря на то что наступили последние числа марта, холода стояли довольно сильные; тощие силуэты деревьев, отягченных инеем, печально обрисовывались на фоне серого неба, густой снег довольно толстым слоем покрывал землю. Хотя было около десяти часов вечера, ночь стояла светлая, и луна, плавающая в облаках, щедро проливала свои бледные лучи, позволявшие видеть, как днем.

Все спало в деревне, только из решетчатых окон гостиницы Французского Двора струились широкие полосы света, показывавшие, что там, по крайней мере, не спали.

Однако путешественников в гостинице не оказалось. Всем приезжавшим днем и с наступлением ночи было отказано трактирщиком, толстяком с круглым умным лицом и лукавой улыбкой, который ходил в эту минуту с озабоченным видом по своей огромной кухне, бросая иногда рассеянные

взгляды на приготовления к ужину, которым занимались главный повар и его помощники.

Пожилая женщина, низенькая и кругленькая, вдруг вбежала на кухню и резко спросила трактирщика:

— Правда ли, мэтр Пильвоа, что вы приказали приготовить комнату с балдахином, как уверяет Мариетта?

— Что вам сказала Мариетта? — спросил трактирщик строгим голосом.

— Она велела мне приготовить лучшую комнату.

— И какая же комната лучшая, мадам Тифена?

— Комната под балдахином, потому что в ней ее величество...

— Раз так, приготовьте комнату под балдахином, — перебил трактирщик.

— Однако, — осмелилась возразить мадам Тифена, которая пользовалась некоторой властью в доме — во-первых, как законная жена трактирщика, и, во-вторых, по милости некоторых довольно резких черт своего характера, — мне кажется, при всем моем к вам уважении...

— При всем моем к вам уважении, — закричал трактирщик, гневно топнув ногой, — вы дура, моя милая! Исполняйте мои приказания и перестаньте жужжать мне в ухо...

Мадам Тифена поняла, что ее повелитель и властелин не расположен в этот вечер переносить пререкания. Как женщина благоразумная, она ушла, оставляя за собой право впоследствии отплатить сполна за полученный ею выговор.

Довольный, без сомнения, своим решительным поступком, мэтр Пильвоа, бросив торжествующий взгляд на своих подчиненных, весьма удивленных, хотя они и не смели этого показать, этим необычным самовластием, направился к двери, которая вела в сад. В ту минуту, когда он брался рукой за дверную ручку, дверь вдруг отворилась перед носом у изумленного трактирщика, который отступил шатаясь на середину комнаты, и в кухню вошел мужчина.

— Наконец-то! — радостно вскрикнул незнакомец, бросив свою шляпу с пером на стол и сбрасывая плащ. — Ей-Богу! Я думал, что оказался в пустыне.

Прежде чем трактирщик, все более и более удивляясь бесцеремонности обращения, успел воспротивиться, он взял стул и спокойно уселся рядом с камином.

Пришедшему казалось на вид лет двадцать пять. Длинные черные волосы в беспорядке падали на его плечи, резкие черты лица были благородны и умны, черные, пылкие глаза дышали мужеством и привычкой повелевать. Физиономия

незнакомца носила отпечаток величия, умеряемого доброжелательной улыбкой, рот был большой, с ослепительными зубами, а красные, несколько полные губы украшались, по моде того времени, изящно завитыми усами; длинная борода покрывала четырехугольный подбородок, говорящий об упрямстве его владельца.

Костюм его, не будучи богат, был, однако, опрятен, скроен со вкусом и несколько походил на военный, чему вдобавок способствовали два пистолета, заткнутые за пояс, и длинная шпага со стальным эфесом, висевшая на перевязи. Высокий рост незнакомца, стройного и сильного, и отвага, сквозившая во всей его наружности, выдавали в нем одного из тех людей, которых было тогда очень много, — людей, с первого раза умевших требовать от тех, с кем сводил их случай, уважения, полагая, что имеют на это право.

Между тем трактирщик, несколько оправившись от волнения и удивления, сделал несколько шагов к незнакомцу и, поклонившись ниже, чем ему хотелось бы, и снимая бумажный колпак под влиянием горящего взгляда, который незнакомец устремил на него, пролепетал не совсем твердым голосом:

— Милостивый государь...

Но незнакомец бесцеремонно перебил его, спросив:

— Вы трактирщик?

— Да, — проворчал мэтр Пильвоа, удивляясь, что вынужден отвечать, когда собирался расспрашивать.

— Хорошо! — продолжал незнакомец. — Отыщите мою лошадь, которую я бросил где-то в вашем саду; велите поставить ее в конюшню и вымыть уксусом с водой. Боюсь, что у нее содрана кожа.

Эти слова были произнесены так небрежно, что трактирщик от удивления не нашелся что сказать.

— Ну! — продолжал незнакомец через минуту, слегка нахмутив брови. — Что же ты стоишь, дурак, вместо того чтобы исполнить мои приказания?

Мэтр Пильвоа, с которого совершенно слетела вся спесь, повернулся и вышел, пошатываясь, как пьяный. Незнакомец проводил его насмешливым взглядом и, обернувшись к слугам, шептавшимся между собой и смотревшим на него украдкой, велел:

— Поставьте для меня стол около огня и подавайте ужин. Да поскорее, черт подери, я падаю с голода!

Слуги, в душе радуясь сыграть шутку со своим хозяином, не заставили повторять приказания дважды; в одно мгновение стол был перенесен, столовые приборы разложены, и трактирщик, возвратившись, нашел путешественника расправляющимся с великолепной куропаткой. Лицо Пильвоа приняло все оттенки радуги: сначала побледнело, потом покраснело, так что следовало опасаться апоплексического удара.

— Уж это чересчур! — закричал он, с гневом топнув ногой.

— Что это с вами? — спросил незнакомец, поднимая голову и вытирая усы.

— Действительно, что со мной? — проворчал трактирщик.

— Да, кстати, как там моя лошадь? Она в конюшне?

— Ваша лошадь, ваша лошадь, — бормотал Пильвоа, — до вашей ли теперь лошади!

— Да что же такое, позвольте спросить! — воскликнул незнакомец, налив себе вина и разом выпив рюмку. — Гм! Это юрансонское! — прибавил он, поставив рюмку на стол с довольным видом. — Я его узнал!

Такие равнодушие и бесцеремонность довели ярость трактирщика до крайней степени и заставили его забыть всякую осторожность.

— Какая дерзость, — вскричал он, хватая бутылку, — ворваться в дом честных людей без позволения хозяев! Убирайтесь-ка отсюда поскорее, если не хотите, чтобы вам пришлось худо. Ищите себе другого приюта, а я не могу и не хочу давать вам ночлег.

Незнакомец выслушал трактирщика без малейшего волнения, и когда мэтр Пильвоа наконец замолчал, он откинулся на спинку стула и посмотрел прямо в лицо трактирщику.

— Теперь выслушайте меня, — сказал он, — и запечатайте мои слова хорошенько в вашей дурацкой башке. Ведь этот дом — гостиница, не так ли? Стало быть, он должен быть открыт для каждого путешественника, который за деньги ищет приюта и пищи. Я знаю, что вы присвоили себе право принимать людей по выбору. Я же не разделяю этого мнения и останусь здесь столько времени, сколько захочу. Я не запрещаю вам содрать с меня лишнее, эта ваше право трактирщика, я ничего не скажу против, но если мне не будут служить вежливо и проворно, если вы не дадите мне

приличной комнаты, в которой я мог бы ночевать — словом, если вы не выполните относительно меня все обязанности гостеприимства, я обещаю вам сорвать вашу вывеску, а вас повесить на ее место. Теперь вы поняли, хозяин? — прибавил незнакомец, так крепко сжав трактирщику руку, что бедный мэтр Пильвоа вскрикнул от боли, и оттолкнув его к самой стене кухни, так что тот едва удержался на ногах. — Служите мне и не спорьте.

Не интересуясь более трактирщиком, путешественник спокойно продолжал свой прерванный ужин.

Трактирщик чувствовал себя побежденным и не пытался продолжить борьбу, ставшую для него невозможной. Пристыженный и униженный, он старался угодить странному посетителю, столь бесцеремонно ворвавшемуся к нему в дом.

Путешественник не употребил своей победы во зло; довольный результатом, которого он добился, он этим не воспользовался. Так что мало-помалу и хозяин, и посетитель скоро оказались в самых лучших отношениях и к концу ужина даже лучшими друзьями.

Они стали разговаривать сначала о дожде и о хорошей погоде, о дороговизне съестных припасов, о болезни короля и кардинала, потом мэтр Пильвоа налил большой стакан вина своему непрошеному гостю и, вооружившись мужеством, сказал, покачивая головой:

— Знаете ли, вы меня ужасно стесняете.

— Вы что, опять принимаетесь за старую историю? — откликнулся незнакомец, выпивая стакан и пожимая плечами. — Я полагал, что этот вопрос давно решен.

— Умоляю вас, не горячитесь, — боязливо сказал трактирщик, — я не имею ни малейшего намерения вас оскорблять.

— Так объясните же откровенно, почему я так стесняю вас?

Трактирщик видел, что делать нечего, страх придал ему мужество.

— Поверьте, — сказал он смиренно, — я слишком хорошо знаю свет, чтобы осмелиться быть невежливым с таким дворянином, как вы...

— Оставим это, — с улыбкой перебил незнакомец.

— Но моя гостиница нанята уже неделю назад целым обществом дворян; они должны приехать через час, а может

быть, и через полчаса. Эти дворяне желают быть одни в гостинице, они взяли с меня клятву не принимать никаких других путешественников и заплатили мне за это.

— Вот и прекрасно, — сказал незнакомец с равнодушным видом.

— Прекрасно?! — вскричал трактирщик.

— Что же мне еще сказать? Вы строго исполнили свое обязательство, и никто не может упрекнуть вас ни в чем.

— Как же это?

— Разве только у вас здесь спрятался кто-нибудь, — с невозмутимым хладнокровием отвечал незнакомец, — что, признаюсь, было бы нечестно с вашей стороны.

— Здесь никого нет.

— Ну так что же?

— А вы? — боязливо произнес трактирщик.

— О! Я — это другое дело, — смеясь, сказал незнакомец. — Вы меня не приняли; напротив, я насильно ворвался к вам. Ну, когда эти дворяне к вам явятся, вам остается только одно.

— Что?

— Рассказать в точности, что произошло между нами. Или я очень ошибаюсь, или это откровенное объяснение удовлетворит их, а если нет...

— А если нет, что я буду делать?

— Пришлите их ко мне, и я берусь их уговорить; дворяне хорошего происхождения всегда понимают друг друга.

— Однако...

— Ни слова больше об этом... Да вот, кажется, и они, — прибавил незнакомец, прислушиваясь и вновь небрежно откидываясь на спинку стула.

На затвердевшем снегу послышался топот лошадей, затем в дверь постучали.

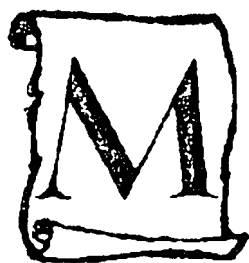
— Это они! — прошептал трактирщик.

— Нет больше причины заставлять их ждать! Отворите, хозяин, сегодня очень холодно.

Трактирщик колебался с минуту, потом вышел, ничего не возразив.

Незнакомец старательно закутался в плащ, надвинул на глаза шляпу и стал ожидать приезжих с равнодушным видом. Слуги, забившись в самый отдаленный угол кухни, дрожали, предвидя грозу.

Семейная сцена

Между тем приезжие шумели на дороге и, по-видимому, теряли терпение от замешки трактирщика. Он наконец решился отворить, хотя тайно опасался последствий, которые могло иметь для него присутствие в доме незнакомца.

Как только по его приказанию конюх отодвинул засов и отворил ворота, несколько всадников въехали на двор, а за ними — карета, запряженная четверкой лошадей. При свете фонаря, который держал слуга, трактирщик увидел, что путешественников семеро: трое господ, трое слуг и кучер на козлах. Все были закутаны в толстые плащи и вооружены с ног до головы.

Как только карета въехала на двор, всадники сошли с лошадей. Один из них, имевший, по-видимому, некоторую власть над своими спутниками, подошел к трактирщику, между тем как другие повернули карету в сад, где находился главный вход в дом, а слуги затворяли ворота.

— Мои приказания исполнены в точности? — спросил путешественник с сильным иностранным выговором, хотя он очень правильно выражался по-французски.

При этом довольно затруднительном вопросе Пильвоа почесал в голове, потом отвечал хитро:

— Насколько было возможно.

— Что вы хотите этим сказать? — грубо спросил путешественник. — Ведь инструкции были очень точны!

— Да, — смиренно отвечал трактирщик, — я даже скажу, что мне щедро заплатили вперед.

— Ну так что же?

— Я сделал, что мог, — отвечал Пильвоа, все больше смущаясь.

— Гм! Значит, у вас кто-то есть?

— Увы! Есть, монсеньер, — отвечал трактирщик, опустив голову.

Путешественник гневно топнул ногой, но тотчас же принял спокойный вид и спросил:

— Кто эти люди?

— Только один человек.

— А! Только один, — сказал путешественник с довольным видом. — Стало быть, ничего не может быть легче спровадить его.

— Боюсь, что нет, — робко сказал трактирщик. — Этот путешественник, которого я не знаю, кажется мне перегруженным, и не думаю, чтобы он был расположен удалиться.

— Хорошо, хорошо, я беру это на себя, — беззаботно сказал путешественник, — где он?

— Там, на кухне, греется у огня.

— Хорошо. Комната приготовлена?

— Да, монсеньер.

— Проводите сами этих господ, никто из ваших людей не должен знать, что будет здесь происходить.

Трактирщик, обрадовавшись, что так дешево отделался, почтительно поклонился и поспешил уйти в сад, а путешественник, шепотом обменявшись несколькими словами со слугой, оставшимся возле него, надвинул шляпу на глаза, отворил дверь и вошел на кухню.

Она была пуста; незнакомец исчез. Путешественник озабоченно огляделся вокруг. Слуги, вероятно по приказанию трактирщика, благоразумно удалились. После минутной нерешительности путешественник вышел в сад.

— Ну что, вы его видели, монсеньер? — спросил трактирщик.

— Нет, но все равно, — отвечал путешественник, — ни слова о нем тем, кто приехал со мной. Он, видимо, убрался, а если нет, смотрите, чтобы он не подходил к тем комнатам, которые вы нам отвели.

«Гм! Все это не совсем чисто,» — подумал трактирщик и, задумавшись, ушел.

Дело в том, что мэтр Пильвоа боялся. Посетители его имели угрюмые физиономии и резкие манеры; кроме того, между дерсвьями его сада мелькали какие-то тени. Он остерегся исследовать это обстоятельство, но оно увеличивало его тайные опасения.

Тифсна с фонарем в руке ждала у дверей дома, чтобы посветить путешественникам и проводить их в приготовленные комнаты. Когда карета остановилась у дверей, один из путешественников подошел, отворил дверцу и помог выйти даме.

Эта дама, роскошно одетая, по-видимому отчего-то страдала и шла с трудом. Однако, несмотря на свою слабость, она оттолкнула руку, поданную ей одним из путешественников, и приблизилась к Тифене, которая, сострадательная, как все женщины, поспешила помочь ей взойти по лестнице, несколько крутой, которая вела в комнату с балдахином.

Путешественники оставили кучера и одного лакея стеречь карету, которую не откладывали, и молча пошли за больной дамой.

Комната с балдахином, самая красивая в гостинице, была велика и меблирована с роскошью. Яркий огонь горел в камине, и несколько свечей, расставленных на столах, разливали свет. Дверь, закрытая обоями, вела в небольшую комнату, сообщающуюся с другими частями дома.

Когда дама вошла в комнату с балдахином, она опустилась на стул и поблагодарила трактирщицу кивком головы. Тифена скромно ушла, удивленная и почти испуганная при виде мрачных лиц людей, среди которых она находилась.

— Господи, Боже мой! Что же здесь затевается? — спросила она у мужа, которого встретила в коридоре, где он прохаживался с озабоченным видом. — Эти люди меня пугают. Бедная дама вся дрожит и, насколько я могла заметить ее лицо под маской, оно бело, как снег.

— Я так же испуган, как и вы, душа моя, — отвечал со вздохом Пильвоа, — но мы ничего не можем сделать. Это слишком знатные господа, друзья кардинала. Они могут погубить нас. Нам остается только удалиться в нашу комнату, как нам приказано, до тех пор, пока не потребуются наши услуги.

Трактирщик и его жена ушли в спальню и не только заперли дверь на ключ, но еще и загородили ее всем, что попало им под руку.

Незнакомец, притворяясь равнодушным, следил глазами за всеми движениями трактирщика, и как только тот вышел из кухни, чтобы отворить путешественникам, он встал, бросил кошелек, полный золота, поварам, приложил палец к губам в знак молчания и, закутавшись в плащ, вышел из кухни.

Повара поняли, что незнакомец скрывает какие-то планы, в которые им не следовало вмешиваться, разделили между собой деньги, так щедро им подаренные, и, припомнив приказания, полученные от хозяина, отправились спать.

Незнакомец, пока трактирщик принимал путешественников, углубился в сад. Дойдя до маленькой двери, о которой мы говорили, он тихо свистнул. Тотчас появились два человека. У каждого была длинная рапира на боку, пистолеты за поясом и карабин в руке.

— Что нового? — спросил незнакомец. — Вы видели что-нибудь, Мигель?

— Капитан, — ответил тот, к которому относился этот вопрос, — я ничего не видел, но опасаясь засады.

— Засады?

— Да. Тихий Ветерок заметил несколько человек подозрительной наружности, которые, кажется, хотят взять нас на abordаж.

— Вы с ума сошли, Мигель! Вы видели просто путешественников, приехавших в гостиницу.

— Нет, капитан, напротив, они как две капли воды похожи на тех, которые гонятся за нами уже третий день. Готов биться об заклад, что это сыщики кардинала.

Незнакомец, по-видимому, размышлял.

— Далеко они? — спросил он наконец.

— Говори, Тихий Ветерок, — обратился Мигель к своему товарищу.

— Я их проведаль около пяти часов, — сказал Тихий Ветерок, бретонец, низенький и коренастый, с хитрой и лукавой физиономией. — Я шел под нижними парусами только для того, чтобы перегнать их, и, кажется, оставил их в дрейфе позади.

— Стало быть, впереди у нас целый час.

— Около того, капитан.

— Это даже больше чем нам нужно. Послушайте, ребята, поклянитесь вашей матросской честью, что вы будете повиноваться мне во всем.

— Клянемся, — в один голос ответили они.

— Смотрите, я полагаюсь на вас.

— Так точно, — сказал Мигель.

— Что бы ни случилось, предоставьте мне действовать одному, если я не дам вам особого приказания прийти мне на помощь. Если, пока мы будем находиться здесь, явятся сыщики кардинала, вы убежите.

— Убежим?! — воскликнули оба моряка.

— Это необходимо, друзья мои! Кто меня освободит, если мы все втроем окажемся в плену?

— Справедливо, — заметил Мигель.

— Итак, решено?

— Да, капитан, — ответили оба.

— Да, кстати, если меня возьмут, вам будут нужны деньги, чтобы освободить меня. Вот, возьмите.

Он передал им тяжелый кошелек, который матросы взяли без лишних слов.

— Теперь ступайте за мной и смотрите в оба.

— Не беспокойтесь, капитан, — сказал Мигель, — мы будем смотреть.

Незнакомец, а за ним и оба моряка подошли к дому. Они прошли в коридор, в конце которого находилась комната путешественников, в ту самую минуту, когда мэтр Пильвоа со своей супругой заперлись у себя в спальне. Карета, которую стерегли кучер и слуга, все еще стояла перед парадным входом, но три человека прошли никем не замеченные...

Как только трактирщица вышла из комнаты с балдахином, путешественник, по-видимому пользовавшийся определенной властью над своими спутниками, отворил дверь в смежную комнату, чтобы удостовериться, не подслушивают ли там кто-нибудь, потом сел около камина и сделал знак своим спутникам последовать его примеру. Только двое слуг остались стоять у двери, опираясь руками на карабин.

Несколько секунд в комнате, где теперь находились десять человек, стояло молчание. Наконец путешественник решился заговорить с молодой дамой, которая полулежала на стуле, склонив голову на грудь и безжизненно опустив руки.

— Дочь моя, — сказал он серьезным голосом по-испански, — настала минута решительного и окончательного объяснения между нами, ведь остается только четыре мили до конца нашего продолжительного путешествия. Я намерен задержаться на сутки в этой гостинице, чтобы дать вам время собраться с силами и явиться в приличном виде перед тем, кого я назначаю вам в мужья.

Молодая женщина ответила на эту сухую речь только глухим стоном. Отец ее продолжал, делая вид, что не замечает ее отчаянного состояния.

— Вспомните, дочь моя, что я только по просьбе ваших братьев согласился простить ваш проступок с непременным условием, что вы будете повиноваться моим приказаниям.

— Где мое дитя?.. — прошептала молодая женщина голосом, прерывающимся от горя. — Что вы сделали с моим ребенком?

Путешественник нахмурил брови, сильная бледность покрыла его лицо, но он тотчас взял себя в руки и сказал мрачным голосом:

— Опять этот вопрос! Не шутите с моим гневом, напоминая мне о вашем преступлении и о бесславии нашего дома.

При этих словах женщина вдруг выпрямилась и, сорвав бархатную маску, покрывавшую ее лицо, сказала гордым голосом, смотря отцу прямо в глаза:

— Я не виновата, и вы это прекрасно знаете! Вы сами представили мне графа де Бармона, вы сами одобряли нашу любовь, по вашему же приказанию мы были тайно обвенчаны. Осмейтесь опровергнуть это!

— Молчать! — закричал путешественник, вскочив с места.

— Отец! — вскрикнули два других путешественника, бросаясь к нему.

— Хорошо, я возьму себя в руки, — сказал он, понизив голос и усаживаясь на свое место. — Я задам вам только один вопрос, донна Клара: будете вы повиноваться мне?

Она колебалась с минуту, потом, приняв решение, ответила решительным и твердым голосом:

— Выслушайте меня, отец. Вы сами сказали, что настала минута объяснения, объяснитесь же. Я ваша дочь и также стою за честь нашего дома, вот почему я требую, чтобы вы отвечали прямо и не изворачиваясь.

Эта молодая женщина, говорившая с неподдельной решимостью, которую придавало ей горе, была необыкновенно красива. Выпрямившись, гордо подняв голову с длинными шелковистыми черными волосами, в беспорядке падавшими на ее плечи и представлявшими разительный контраст с цветом ее мраморно-бледного лица, с большими глазами, горевшими лихорадкой и наполненными слезами, медленно текущими по щекам, она имела во всей своей наружности что-то роковое, как будто не принадлежавшее земле. Отец ее растрогался, несмотря на свирепую ярость, и отвечал голосом уже менее грубым:

— Я слушаю вас.

— Я вам сказала уже, что я невиновна, — продолжала она, — и повторяю, что была тайно обвенчана с графом де Бармоном в церкви Мерсед в Кадисе по вашему приказанию. Вы это знаете, и, стало быть, мне нечего распространяться об этом; мой ребенок законный, и я имею право им гордиться. Каким же образом вы, герцог Пеньяфлор, принадлежа к испанским грандам, не только похитили у меня в день нашей свадьбы супруга, вами же выбранного, но и вдруг прогнали его от себя и отняли у меня моего ребенка в час его рождения, да еще обвиняете меня в ужасном преступлении и намереваетесь, когда еще жив мой первый муж, выдать меня замуж за другого. Отвечайте же мне, в чем состоит честь, о которой

вы так часто говорите, и по какой причине вы поступаете так жестоко с несчастной, которая обязана вам жизнью и, с тех пор как существует, выказывала вам только любовь и уважение?

— Это уж слишком, непослушная дочь! — закричал герцог, с гневом поднимаясь с места. — Если вы не боитесь идти мне наперекор таким недостойным образом...

Но вдруг он замолчал и замер, трепеща от ярости и испуга: дверь комнаты внезапно отворилась, и на пороге появился человек. Гордо выпрямившись, с пылающим взором, он молча стоял, положив руку на эфес своей шпаги.

— Луи! — вскричала молодая женщина, бросаясь к нему. Но братья удержали ее и заставили сесть.

— Граф де Бармон! — прошептал герцог.

— Я, собственной персоной, герцог Пеньяфлор, — отвечал незнакомец с чрезвычайной вежливостью, — вы меня, кажется, не ждали?

Сделав несколько шагов по комнате, в то время как матросы, следовавшие за ним, стерегли дверь, граф де Бармон гордо надел шляпу на голову и, скрестив руки на груди, надменно спросил:

— Что здесь происходит? Кто смеет притеснять графиню де Бармон?

— Графиню де Бармон! — с презрением повторил герцог.

— Это правда, — иронически ответил граф, — я и забыл, что вы с минуты на минуту ждете документа, который аннулирует наш брак и позволит вам выдать дочь за человека, влияние которого помогло вам занять место вице-короля Новой Испании¹.

— Милостивый государь! — закричал герцог.

— Как?! Разве я ошибся? Нет-нет, герцог, мои шпионы не хуже ваших, они хорошо мне служат, поверьте... Но этот недостойный поступок не будет совершен! Слава Богу, я успел вовремя, чтобы помешать этому. Посторонитесь, — сказал он, оттолкнув сыновей герцога, не дававших ему пройти. — Я ваш муж, графиня, следуйте за мной, я сумею вас защитить.

¹ Н о в а я И с п а н и я — испанское вице-королевство со столицей в Мехико, в описываемое время включавшее территории современной Мексики, южных штатов США, Центральную Америку (кроме Панамы), Антильские о-ва, северное побережье Южной Америки до устья Амазонки, а также Филиппины.

Молодые люди, бросив сестру, которая была почти без чувств, устремились на графа и оба ударили его в лицо перчаткой, обнажив шпагу. При этом жестоком оскорблении граф страшно побледнел, взревел, как хищный зверь, и также обнажил шпагу. Слуги, опасаясь матросов, не делали ни малейшего движения. Герцог бросился между тремя молодыми людьми, готовыми вступить в бой.

— Граф, — холодно сказал он своему младшему сыну, — предоставьте вашему брату наказать этого человека.

— Благодарю вас, отец, — ответил старший, становясь в позицию, между тем как младший брат опустил шпагу и сделал шаг назад.

Донна Клара без чувств упала на пол. Было что-то злое в зрелище, которое в эту минуту представляла комната: женщина, хрипящая на полу в страшном нервном припадке, и никто не думает ей помочь; старик с нахмуренными бровями, с чертами лица, искаженными горестью, с бесстрастным видом присутствующий при дуэли своего старшего сына с зятем; его младший сын, кусающий губы от досады, что не может помочь своему брату; матросы, приставившие пистолеты к горлу слуг, бледных от страха; а посреди комнаты, слабо освещенной несколькими коптящими свечами, два человека со шпагами в руках, готовые проткнуть друг друга.

Дуэль продолжалась недолго — слишком сильная ненависть душила противников, чтобы они стали понапрасну терять время. Сын герцога, бывший нетерпеливее графа, наносил ему удар за ударом, которые граф, несмотря на свое искусство, отражал с трудом. Вдруг молодой человек поскользнулся, и в это мгновение граф сделал молниеносное движение и его шпага вошла в грудь противника по рукоять. Молодой человек взмахнул руками, выронил шпагу и упал на пол, не произнеся ни слова. Он был мертв.

— Убийца! — закричал его брат, бросаясь на графа со шпагой в руке.

— Вероломный! — отвечал граф, отражая нанесенный ему удар и выбивая шпагу, которая полетела к потолку.

— Остановитесь! Остановитесь! — закричал герцог, обезумев от горя, бросаясь к двум противникам, которые схватились врукопашную.

Но это позднее вмешательство было бесполезно: граф, наделенный необыкновенной силой, легко сумел освободиться от молодого человека и, бросив его на пол, стал коленом на его грудь.

Вдруг раздался топот лошадей, слышались бряцание оружия и поспешные шаги нескольких человек, взбегавших по лестнице.

— А-а! — закричал герцог со свирепой радостью. — Вот наконец и мщение!

Граф, не устаивая ответом своего врага, обернулся к матросам.

— Бегите! — крикнул он властным голосом.

Они стояли на месте, не решаясь оставить графа.

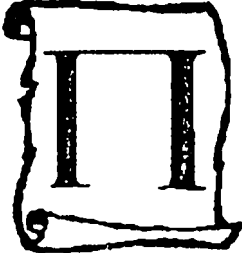
— Бегите, если хотите меня спасти, — прибавил он.

Оба матроса схватили свои карабины за дуло, чтобы проложить себе путь, и, действуя ими как палицами, бросились в коридор и исчезли.

Граф с тревогой прислушался и услышал ругательства, шум ожесточенной борьбы, потом через минуту отдаленный крик, так хорошо известный морякам. Лицо его прояснилось, он вложил шпагу в ножны и спокойно ждал, прошептав:

— Они спасены! Мне остается надежда!

Глава III Арест

 очти тотчас в комнату вбежали двадцать человек. Шум, продолжавший доноситься извне, показывал, что на лестницах и в коридорах находятся люди, готовые в случае надобности поспеть на помощь. Все эти люди были вооружены. Впрочем, в них легко было узнать королевских — или, лучше сказать, кардинальских — гвардейцев. Только двое из них, с лукавыми кошачьими физиономиями, с бегающим взглядом, одетые в черные платья, не имели оружия; но, по всей вероятности, их надо было опасаться больше других, ибо под своей раболепной вежливостью они, без сомнения, скрывали неуголимое желание причинять вред. Один из них держал в руке какие-то бумаги. Он сделал несколько шагов вперед, подозрительно оглядел все общество и сказал резким отрывистым голосом:

— Именем короля, господа!

— Что вам нужно? — спросил граф де Бармон, решительно подходя к нему.

Приняв это движение за демонстрацию враждебных намерений, человек в черном платье с живостью отскочил

назад, но тотчас возвратил хладнокровие и ответил со зло-вещей улыбкой:

— Граф Луи де Бармон, если не ошибаюсь?

— К делу, милостивый государь, к делу! — надменно ответил граф. — Я — граф де Бармон.

— Капитан королевского корабля, — бесстрастно продолжал человек в черном, — командир фрегата его величества «Эригона».

— Я вам уже сказал, что я тот, кого вы ищете, — нетерпеливо ответил граф.

— Я действительно имею к вам дело, граф. Вас нелегко нагнать! Вот уже целую неделю как я рыщу за вами, почти потеряв надежду встретить вас.

Все это было сказано с кротким видом, сладеньким голосом и с приторной улыбкой, которые могли бы взбесить и праведника, а тем более того, к кому обращался этот странный человек — характер у графа был не из терпеливых.

— Скоро вы закончите? — вскричал он, гневно топнув ногой.

— Имейте терпение, граф, имейте терпение, — ответил человек в черном тем же бесстрастным тоном. — Боже мой, как вы вспыльчивы! Так как вы, по собственному вашему признанию, граф Луи де Бармон, командир фрегата его величества «Эригона», — прибавил он, бросив взгляд на бумаги, которые держал в руках, — то в силу данных мне приказаний я вас арестую именем короля за дезертирство, за то, что вы без позволения бросили в чужих краях, то есть в Лиссабоне, в Португалии, ваш фрегат. Отдайте мне вашу шпагу, граф, — прибавил он, подняв голову и устремив на графа свои невыразительные глаза.

Граф де Бармон презрительно пожал плечами.

— Оружие дворянина моей фамилии никогда не будет отдано такому негодяю, как ты, — с презрением сказал он и, обнажив шпагу, холодно сломал лезвие о колено, а куски бросил в окно, разбив стекла. Потом выхватил из-за пояса два пистолета и взвел курки.

— Граф, граф! — закричал сбир¹, с испугом отступая. — Это бунт. Подумайте, бунт против приказаний его величества и его святейшества кардинала!

1 С б и р — здесь: судебный исполнитель.

Граф презрительно улыбнулся и, подняв пистолеты, выстрелил в воздух так, что пули засели в потолке; пистолеты граф вышвырнул в окно и, скрестив руки на груди, холодно сказал:

— Теперь делайте со мной что хотите.

— Вы сдаетесь, граф? — спросил сбир с плохо скрытым страхом.

— Да, с этой минуты я ваш пленник.

Сбир с облегчением перевел дух; хоть и безоружный, граф все еще пугал его.

— Только, — продолжал граф, — дайте мне сказать два слова этой даме.

Он указал на донну Клару, которая благодаря хлопотам трактирщицы, прибежавшей на шум, несмотря на просьбы и приказания мужа, начала приходить в себя.

— Нет, нет, ни слова! — закричал герцог, бросаясь между своей дочерью и графом. — Уведите этого негодяя, уведите его!

Но сбир, обрадовавшись легкости, с какой граф ему сдался, и не желая возбуждать его гнева, а в особенности для того, чтобы показать свою власть, не подвергаясь никакому риску, сказал:

— Позвольте, позвольте, граф желает говорить с этой дамой.

— Но этот человек — убийца! — запальчиво крикнул герцог. — Перед вами лежит тело моего несчастного сына, убитого им.

— Я весьма сожалею, — отвечал сбир, — но ничего не могу сделать, обратитесь к кому следует. Однако, если хотите, я запишу ваше обвинение... Но вы наверное настолько же желаете освободиться от нас, насколько мы желаем уехать. Позвольте же графу спокойно проститься с дамой. Я уверен, что это не займет много времени.

Герцог бросил на сбира свирепый взгляд, но, не желая опускаться до препирательств с таким негодяем, ничего не ответил и отступил с мрачным видом.

Граф присутствовал при этом споре, не выказывая ни нетерпения, ни досады. С бледным лицом, нахмурившись, он ждал, готовый, без сомнения, решиться на какую угодно крайность, если бы ему отказали.

Сбиру стоило бросить на него один взгляд, чтобы угадать, что происходило в его сердце. Не желая новых неприятностей, он миролюбиво сказал:

— Говорите, никто вам не мешает.

— Благодарю, — глухо ответил граф и повернулся к донне Кларе, которая смотрела на него пылающим взглядом.

— Клара, — произнес граф твердым и внятным голосом, — вы любите меня?

С минуту она нерешительно молчала, опустив голову и взволнованно дыша.

— Вы любите меня? — повторил граф.

— Я вас люблю, Луи, — наконец ответила она слабым и дрожащим голосом.

— Вы любите меня как вашего супруга перед Богом и перед людьми и как отца вашего ребенка?

Молодая женщина встала, ее черные глаза сверкали; протянув руку вперед, она произнесла, задыхаясь от волнения:

— В присутствии моего отца, готового проклясть меня, перед телом моего умершего брата, при людях, слушающих меня, я клянусь, Луи, что я люблю вас как отца моего ребенка, и что бы ни случилось, останусь вам верна.

— Хорошо, Клара, — сказал граф, — Господь принял вашу клятву, Он поможет вам сдержать ее. Вспомните, что мертвая или живая — вы принадлежите мне, как я принадлежу вам, и никакие силы в мире не могут разъединить нас. Теперь прощайте — и не теряйте мужества.

— Прощайте! — прошептала она, падая на стул и закрывая лицо руками.

— Пойдемте, господа! Делайте со мной что хотите, — сказал граф, обращаясь к сбирам, невольно тронутым этой сценой.

Герцог бросился к дочери как тигр и, неистово схватив ее за руку, заставил поднять лицо, залитое слезами. Устремив на нее взгляд, полный злобы, раздиравшей его сердце, он закричал голосом, свистящим от бешенства:

— Дочь моя! Приготовьтесь через два дня выйти за человека, которого я назначаю вам в супруги. А ребенка вашего вы не увидите никогда, он для вас не существует.

Молодая женщина вскрикнула от отчаяния и упала без чувств на руки трактирщицы. Граф, в эту минуту выходивший из комнаты, обернулся к герцогу и, протянув к нему руку, закричал голосом, который заставил присутствующих похолодеть от ужаса:

— Палач! Будь ты проклят! Клянусь честным словом дворянина, что я так страшно отомщу тебе и твоим близким, что воспоминание об этом мщении останется вечно. А если я не смогу поразить тебя, вся нация, к которой ты принадле-

жишь, содрогнется от моей неутолимой ненависти. Между нами теперь война, война жестокая и беспощадная. Прощай!

Оставив гордого испанца в испуге от этого страшного проклятия, граф вышел твердой походкой, бросив последний взгляд на женщину, которую любил и с которой расставался, может быть, навсегда.

Коридоры, лестницы и сад гостиницы были заполнены вооруженными людьми; было просто чудом, что оба матроса успели убежать. Это придало графу надежду, и он сошел вниз твердыми шагами под внимательным надзором сбиров, не терявших его из виду. Сбирам давно сказали, что они будут иметь дело с морским офицером крайне вспыльчивого характера, необыкновенной силы и неукротимого мужества; поэтому добровольная покорность пленника, которую они считали притворной, не внушала им особого доверия, и они держались настороже.

Когда они вышли в сад, начальник сбиров заметил карету, все еще стоявшую перед дверью.

— Это именно то, что нам нужно! — сказал он, радостно потирая руки. — Мы так спешили сюда, что забыли взять карету... Прошу вас, садитесь, граф, — прибавил он, отворяя дверцу.

Граф сел, не заставляя себя просить дважды. Сбир обратился к кучеру, сидевшему на козлах.

— Сойди! — закричал он повелительным тоном. — Именем короля, я беру эту карету. Уступи свое место одному из моих подчиненных... Эвелье, — обратился он к высокому сбиру дерзкой наружности и такому худощавому, что тот, кто стоял возле него, казалось, всегда видел только его профиль, — садись на козлы вместо этого человека и поедем!

Кучер не стал сопротивляться такому решительному приказанию, сошел с козел, и на его место тотчас сел Эвелье, а начальник сбиров поместился в карете напротив своего пленника, закрыв дверцу, и лошади, погоняемые сильными ударами бича, тронулись, таща за собой тяжелую карету, около которой ехали двадцать солдат.

В течение довольно долгого времени между пленником и сбиром не было произнесено ни одного слова. Граф думал о своем, сбир спал, или, лучше сказать, притворялся спящим. В марте ночи уже коротки, и скоро широкие белые полосы начали показываться на горизонте. Граф, до сих пор остававшийся неподвижным, сделал легкое движение.

— Вы страдаете, граф? — спросил сбир.

Этот вопрос был сделан тоном совсем непохожим на тот, которым до сих пор говорил сбир. В голосе его слышалось такое живейшее сострадание, что граф невольно вздрогнул и пристально посмотрел на говорившего. Но насколько он мог заметить при слабом свете начинающегося дня, человек, находившийся перед ним, имел все такую же невзрачную физиономию и ту же ироническую и ничего не выражающую улыбку на губах. Подумав, что ошибся, граф откинулся назад и ответил сухим тоном, которым хотел пресечь всякое желание завязать с ним разговор:

— Нет!

Но сбир, вероятно, был расположен говорить, потому что сделал вид будто не замечает, каким образом принята его предупредительность, и продолжал:

— Ночи еще холодные, свежий воздух насквозь пронизывает карету, и я боялся, не озябли ли вы.

— Я привык переносить и холод и жару, — отвечал граф, — притом, если бы даже я и не вполне привык, то скоро, вероятно, должен буду привыкать безропотно встречать любые невзгоды.

— Кто знает, граф! — сказал сбир, качая головой.

— Как! Разве я не осужден на длительное заключение в крепости?

— Так значится в приказе, исполнение которого поручено мне.

Наступило минутное молчание. Граф рассеяно смотрел на окрестности, освещенные первыми лучами рассвета. Наконец он обратился к сбиру:

— Могу я вас спросить, куда вы меня везете?

— Почему бы нет? — отвечал сбир.

— И вы ответите на мой вопрос?

— Мне это не запрещено.

— Итак, куда же мы едем?

— На Леренские острова.

Граф внутренне вздрогнул. Острова Лерен уже в те времена пользовались почти столь же ужасной известностью, какую они приобрели впоследствии, когда служили тюрьмой таинственной Железной Маске, на которую было запрещено смотреть под страхом смерти.

Сбир пристально, не говоря ни слова, смотрел на графа. Тот продолжал:

— Где мы теперь?

Сбир наклонился к окну, выглянул и сказал:

— Мы подъезжаем к Корбейлю. Будут менять лошадей. Если вы желаете отдохнуть, я могу приказать остановиться на час. Может быть, вам угодно немного перекусить?

Мало-помалу графа начинала интересовать личность этого странного человека.

— Хорошо, — сказал он.

Ничего не отвечая, сбир опустил стекла и закричал:

— Эвелье!

— Что? — спросил тот.

— Остановись у гостиницы «Золотой Лев».

— Хорошо!

Через десять минут карета остановилось на улице Сен-Сир перед дверью гостиницы. Сбир вышел из кареты, граф — за ним, и оба вошли в гостиницу. Часть конвоя осталась на улице, остальные сошли с лошадей и поместились в общей зале.

По знаку сбيرا, по-видимому хорошо здесь известного, трактирщик провел его в комнату на первом этаже, довольно неплохо меблированную, где в камине жарко горел огонь, после чего ушел, не произнеся ни слова, против обыкновения своих собратьев.

Граф машинально последовал за сбиром и сел на стуле возле камина, слишком занятый собственными мыслями для того, чтобы придавать большое значение происходящему вокруг. Когда трактирщик оставил их одних, сбир запер дверь и, сев напротив пленника, сказал:

— Теперь поговорим откровенно, граф.

Граф, удивленный этими словами, с живостью поднял голову.

— Мы не можем терять времени, ваше сиятельство, — продолжал сбир. — Выслушайте же меня, не перебивая. Я Франсуа Бульо, младший брат мужа вашей кормилицы. Вы узнаете меня?

— Нет, — отвечал граф, с минуту пристально рассматривавший сбيرا.

— Это меня не удивляет — вам было только восемь лет, когда я в последний раз имел честь видеть вас в замке Бармон. Но это все равно! Я вам предан и хочу вас спасти.

— Как я могу быть уверен, что вы действительно Франсуа Бульо, младший брат мужа моей кормилицы, и что вы не стараетесь меня обмануть? — отвечал граф подозрительным тоном.

Сбир пошарил в кармане, вынул оттуда несколько бумаг, которые подал графу. Тот машинально взглянул на них: это

были метрическое свидетельство, несколько писем, удостоверяющих личность брата мужа его кормилицы. Граф возвратил ему бумаги.

— Как же это вы меня арестовали так кстати, чтобы подать мне помощь? — спросил он.

— Очень просто, граф, голландское посольство просило кардинала вас арестовать. Лаффема, приближенный кардинала, хорошо расположенный ко мне, выбрал меня для приведения в исполнение распоряжения кардинала. Если бы дело шло о другом, я отказался бы, но я вспомнил о милостях вашего семейства ко мне и моему брату и, воспользовавшись случаем, который мне предоставляла моя должность, захотел из чувства признательности спасти вас.

— Но это совсем не легко, мой бедный друг.

— Гораздо легче, чем вы думаете, ваше сиятельство! Я здесь оставляю половину нашего конвоя, человек двадцать, с нами останется только десять.

— Гм! И это уже довольно порядочное количество, — отвечал граф, невольно заинтересовавшись.

— Это было бы слишком много, если бы в числе этих десяти человек не было семи, в которых я уверен; значит, следует опасаться только троих. Я давно гоняюсь за вами, ваше сиятельство, — прибавил сбир, смеясь, — и все меры предосторожности мною приняты, как вы убедитесь. Под предлогом, который нетрудно придумать, мы проедем через Тулон и там остановимся часа на два в известной мне гостинице. Вы переоденетесь монахом нищенствующего ордена и незаметно покинете гостиницу. Я постараюсь удалить тех конвойных, в которых я не уверен. Вы направитесь к пристани с бумагами, которые я вам отдам, и отбудете на очаровательном люгере¹ под названием «Чайка», который я нанял для вас и который вас ждет. Хозяин люгера узнает вас по паролю, который я вам скажу, и вы поедете куда хотите. Не прост ли этот план, ваше сиятельство, и не предусмотрел ли я всего? — прибавил сбир, радостно потирая руки.

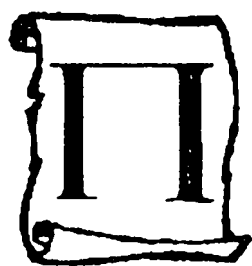
— Нет, друг мой, — отвечал граф, с волнением протягивая ему руку, — вы не предусмотрели одного.

— Чего, граф? — удивленно спросил сбир.

— Я не хочу бежать! — отвечал молодой человек, печально качая головой.

¹ Л ю г е р — небольшое двух- или трехмачтовое судно с рейковым парусным вооружением.

Остров Сент-Маргерит

ри этом ответе, которого сбир вовсе не ожидал, он посмотрел на графа с изумлением, как будто не понял. Граф кротко улыбнулся.

— Это вас удивляет? — спросил он.

— Признаюсь, граф, — ответил сбир с замешательством.

— Да, — продолжал граф, — я понимаю, вам должен казаться странным отказ принять такое великодушное предложение. Не часто бывает, что пленник, которому предлагают свободу, упорно остается в плену. Я должен вам объяснить такое странное поведение, и я объясню его немедленно, чтобы вы не настаивали и предоставили мне действовать по моему усмотрению.

— Я всего лишь ваш нижайший слуга, ваше сиятельство. Вы, конечно, лучше меня знаете, как вам следует поступить, стало быть вам нет никакой надобности объяснять мне ваши поступки.

— Именно потому, что вы старый слуга моего семейства и даете мне в эту минуту доказательство безграничной преданности, я должен объяснить вам причины отказа, который так вас удивляет. Выслушайте же меня.

— Если вы непременно этого хотите, граф, я вам повинуюсь.

— Хорошо, садитесь возле меня, другие не должны знать, что я буду говорить.

Сбир взял табуретку и сел возле графа, как тот приказал ему, сохраняя однако почтительное расстояние.

— Во-первых, будьте уверены, — продолжал граф, — что я отказываюсь от вашего предложения не по какому-нибудь предубеждению против вас, я вам полностью доверяю. Более двухсот лет ваша фамилия привязана к моей, и мы всегда могли похвалиться вашей преданностью нашим интересам. Отметив это важное обстоятельство, я продолжаю. Положим, что план, придуманный вами, удастся, хотя мне кажется, что очень трудно привести его в исполнение, и малейшая случайность может в самое последнее мгновение поставить успех под сомнение. Что случится? Я вынужден бежать без всяких средств, без друзей, и я не только не смогу отомстить своим врагам, как замышляю, но, отданный, так сказать, на произвол судьбы, очень скоро опять попаду к ним

в руки и стану объектом насмешек для тех, кого ненавижу. Я буду обесславлен, они станут меня презирать, и мне останется только одно средство расстаться с жизнью, которая потеряет для меня всякий смысл, когда все мои планы будут разрушены, — застрелиться.

— Ах, ваше сиятельство! — вскричал Бульо, сложив руки.

— Я не хочу потерпеть неудачу, — невозмутимо продолжал граф, — в страшной борьбе, что начинается ныне между моими врагами и мной. Я дал клятву, и эту клятву я должен сдерживать во что бы то ни стало. Я молод, мне только двадцать пять лет, до сих пор жизнь была для меня сплошным удовольствием, мне все удавалось — и осуществление честолюбивых планов, и достижение богатства, и обретение любви. Теперь меня коснулась горесть... пусть она приходит. Тот, кто не страдал, тот еще не мужчина! Страдание очищает душу и укрепляет сердце. Уединение — хороший советчик, оно позволяет не обращать внимание на маловажные обстоятельства и сосредоточиться на главном; в одиночестве рождаются великие идеи. Я должен закалить свою душу страданием, чтобы отплатить своим врагам сторицей за все, что я вынес. Думая о разбитой карьере, о погибшей будущности, я найду необходимые силы для совершения мщения! Когда мое сердце умрет для всякого другого чувства помимо ненависти, тогда, только тогда я сделаюсь неумолимым и смогу безжалостно растоптать ногами тех, кто теперь насмехается надо мной и думает, что уже уничтожил меня. И тогда горе тем, кто осмелится помериться со мной! Вы дрожите от того, что я говорю вам, мой старый слуга, — прибавил граф, смягчив голос, — что же было бы, если б вам позволено было читать в моем сердце! Гнев, бешенство, ненависть против тех, кто безжалостно похитил у меня счастье, чтобы удовлетворить мелкое и преступное честолюбие — вот что вы нашли бы там.

— О, граф! Позвольте старому слуге вашего семейства, человеку преданному вам, умолять вас отказаться от этих ужасных планов мщения. Ах! Вы сами падете первой жертвой своей ненависти.

— Разве вы не помните, Бульо, — с иронией заметил граф, — что у нас говорят о характере членов того рода, к которому я имею честь принадлежать?

— Да, да, граф, — отвечал сбир, печально качая головой, — помню и даже повторяю, если вы желаете.

- Повторите, друг мой.
— Вот, граф, эта поговорка:

Les Barmont-Senectaire
Haine de demon, coeur de pierre.¹

Граф улыбнулся.

— Ну! Неужели вы полагаете, что я готов запятнать честь моих предков?

— Я ничего не полагаю, сохрани меня Бог! — смиренно отвечал сбир. — Я только с испугом вижу, что вы готовите себе страшную будущность.

— Я принимаю эту будущность во всем ее ужасе, только бы исполнить свою клятву!

— Ах, граф! Вы знаете, человек предполагает, а Бог располагает. Вы теперь пленник кардинала. Подумайте, прошу вас! Кто знает, выйдете ли вы когда-нибудь из тюрьмы, в которую я вас везу? Согласитесь же быть свободным!

— Нет, перестаньте просить. Кардинал не бессмертен. Если не до, то после его смерти — весьма недалеко, я надеюсь, — моя свобода будет мне возвращена. А теперь помните хорошенько вот что: мое намерение настолько неизменно, что если, несмотря на мое нежелание, вы оставите меня здесь, первое, что я сделаю, став свободным, — это тотчас предам себя в руки кардинала. Вы поняли, не правда ли?

Старый слуга склонил голову, ничего не отвечая, и две слезы стекли по его щекам. Эта безмолвная горесть, столь искренняя и столь трогательная, взволновала графа сильнее, нежели он думал. Он встал, взял руку бедного сбira и крепко пожал ее.

— Не будем больше говорить об этом, Бульо, — дружески сказал он, — хоть я не хочу воспользоваться вашей преданностью, она меня очень тронула, и я сохраню вечную признательность к вам. Обнимите меня, мой старый друг, и не будем поддаваться чувствам — мы мужчины, а не трусливые дети, черт побери!

— О, ваше сиятельство! Я все-таки не стану унывать, — отвечал сбир, бросаясь в открытые для него объятия, — вы мне не мешаете и вблизи и издали думать о вас.

¹

У Бармон-Сенектеров
Ненависть демонская, сердце каменное. (фр.)

— Я этому не противлюсь, друг мой, — отвечал граф, смеясь, — поступайте как хотите. Притом, — прибавил он серьезно, — признаюсь, я не прочь, оказавшись вдали от света, знать, что там происходит. Может случиться такое непредвиденное обстоятельство, которое изменит мои намерения и заставит меня пожелать возвратить свободу.

— О, будьте спокойны, ваше сиятельство! — вскричал сбир, почти обрадовавшись этому туманному обещанию. — Я устрою так, что вы будете знать все новости. Недаром я шесть лет служу кардиналу, он хороший учитель, я воспользовался его уроками и знаю не одну штуку. Вы увидите меня на деле.

— Итак, решено! Теперь, кажется, неплохо бы позавтракать, прежде чем мы продолжим путь. Я чувствую зверский аппетит.

— Я прикажу трактирщику сейчас подать вам завтрак.

— Вы будете завтракать со мной, Бульо, — сказал граф, дружески ударяя сбира по плечу, — и надеюсь, что до нашего приезда на остров Сент-Маргерит всегда будет так.

— Конечно, это для меня большая честь, но...

— Я этого хочу, кроме того, ведь вы составляете часть моего семейства.

Франсуа Бульо поклонился и вышел. Заказав обильный завтрак, он распорядился, чтобы часть конвойных возвратилась в Париж, потом вернулся к графу в сопровождении трактирщика, который в несколько минут накрыл стол и ушел обратно, оставив своих посетителей за блюдами, поставленными перед ними.

Путешествие продолжалось без всяких происшествий, о которых стоило бы упоминать. Разговор пленника со своим стражем был окончательный. Тот слишком хорошо знал характер человека, с которым имел дело, чтобы пытаться возвращаться к предмету, который с первого раза так резко был определен.

В ту эпоху, когда происходила наша история, Франция не была изрезана, как ныне, сетью железных дорог; незначительный переезд требовал огромной траты времени. Тяжелые экипажи с трудом выдерживали тряску и вязли в грязи. Таким образом, несмотря на быстроту езды, прошло семнадцать дней, прежде чем пленник со своим конвоем прибыли в Тулон.

Уже в ту эпоху этот город был одним из важнейших портов Франции. Сердце графа сжалось при въезде в него. В этом городе началась его военная карьера; тут в первый раз он

вступил на корабль в качестве капитана, хранителя флага, с честью вынес уготованные ему судьбой испытания и, несмотря на свою молодость, сумел заслужить огромную известность, почти знаменитость.

Карета остановилась на Сенной площади у двери гостиницы «Мальтийский крест», которая, сказать мимоходом, может быть, является старейшей во всей Франции, потому что существует и поныне, хотя и внутренне и внешне подверглась неизбежным переменам.

Удобно разместив своего пленника в гостинице, Франсуа Бульо отправился в город. Если он и поставил часового у двери комнаты графа, то только для того, чтобы исполнить полученное приказание, а не из опасения, что пленник убежит. Он даже не потрудился запереть эту дверь, будучи убежден, что его пленник и не подумает переступить за порог.

Его не было около двух часов.

— Вы долго отсутствовали, — сказал ему граф, когда тот возвратился.

— Мне надо было закончить важные дела, — отвечал Бульо.

Граф, не прибавив ни слова, опять начал ходить взад и вперед по комнате, как он это делал до прихода сбира. Наступило минутное молчание. Бульо находился в очевидном замешательстве. Он суетливо ходил по комнате, делая вид, будто переставляет мебель. Наконец, видя, что граф продолжает молчать и не хочет замечать его присутствия, он остановился перед ним и, пристально посмотрев на него, сказал шепотом:

— Вы меня не спрашиваете, где я был?

— К чему? — беззаботно отвечал граф. — Вы, вероятно, занимались своими делами.

— Нет, ваше сиятельство, вашими!

— Да?

— Да; вас ожидает «Чайка».

Граф улыбнулся и слегка пожал плечами.

— А-а! Вы думаете об этом... А я-то считал, любезный Бульо, что мы уже решили больше не возвращаться к этому вопросу. Вот для чего вы задержали наш путь, направившись через Тулон! Меня это удивляло, я не понимал, почему вы избрали столь странную дорогу.

— Ваше сиятельство... — прошептал сбир, с мольбой сложив руки.

— Вы помешались, любезный Бульо! Вы, однако, должны знать, что если я принял намерение, дурное или хорошее, то не изменю его никогда. Пожалуйста, прекратите этот разговор. Даю вам честное слово дворянина, что все это бесполезно.

Старый слуга испустил стон, похожий на предсмертный хрип.

— Да будет ваша воля, граф! — сказал он.

— Когда мы едем в Антиб?

— Сейчас, если вы желаете.

— Хорошо; чем скорее, тем лучше.

Сбир поклонился и вышел, чтобы все приготовить к отъезду. Роли переменились, пленник распоряжался своим стражем. Через час граф выехал из Тулона. Всю дорогу граф и сбир пили и ели вместе и разговаривали о посторонних предметах. Бульо наконец убедился, что бесполезно продолжать настаивать, чтобы граф согласился на побег, однако он не отказался от своего намерения, а только отложил его, рассчитывая на действие скуки продолжительного заточения и бездейственной и бесполезной жизни на пылкую натуру своего пленника.

Приехав в Антиб, Бульо по приказанию графа, которому как будто доставляло удовольствие мучить его, стал разыскивать лодку для переезда на остров Сент-Маргерит. Поиски не были ни продолжительными, ни трудными. Имея в руках приказ кардинала, он взял первую же рыбацью лодку и переехал в ней со всеми своими людьми.

Оставляя твердую землю, граф обернулся, и странная улыбка мелькнула на его губах. Бульо, обманутый этой улыбкой, значения которой не понял, наклонился к графу и прошептал:

— Если вы хотите, еще есть время.

Граф посмотрел на него, пожал плечами и ничего не ответил.

Острова Лерен составляют группу из нескольких скал и двух островов, окруженных подводными камнями. Первый называется островом Сент-Маргерит, а второй — Сент-Онорат. В описываемое нами время был укреплен только один из островов, а на другом жили рыбаки и находились развалины монастыря, основанного святым Онора в 400 году.

Остров Сент-Маргерит был необитаем. Никто и не думал поселиться на плоском и представляющем по всей своей длине не совсем безопасное место для пристани судов остро-

ве, хотя он чрезвычайно плодоносен и там растут гранатовые, померанцевые и фиговые деревья.

Крепость, довольно важная, которая впоследствии приобрела печальную известность как тюрьма, высилась над прибрежными скалами и занимала большую часть острова. Эта крепость состояла из трех башен, связанных между собой террасами. Время покрыло стены желтоватым мхом; широкий и глубокий ров опоясывал их.

За несколько лет до начала нашего рассказа, в 1635 году, испанцы неожиданно овладели этой крепостью. Кардинал во избежание повторения подобной катастрофы решил поместить в крепости гарнизон из пятидесяти вышколенных солдат под начальством майора, исполнявшего должность губернатора, — старого офицера, которому эта должность служила вместо пенсии и который вдали от забот света вел настоящую жизнь каноника по милости безмолвного соглашения с контрабандистами, которые одни только и приставали к этому острову.

Офицер, командовавший крепостью, был высокий и худощавый старик, с жесткими чертами лица, без руки и без ноги. Его звали де л'Урсьер. Он постоянно ворчал и бранил своих подчиненных. Тот день, когда он уволился из полка, где служил майором, праздновал весь полк, и офицеры и солдаты — до такой степени ненавидели они этого достойного человека.

Кардинал де Ришелье знал толк в людях; выбрав майора де л'Урсьера в губернаторы острова Сент-Маргерит и превратив его в тюремщика, он нашел именно такое место, которое вполне подходило к его сварливому и злобному характеру.

От этого любезного человека граф де Бармон, без сомнения, должен был зависеть довольно долгое время, потому что кардинал с легкостью сажал в государственную тюрьму дворянина, но не торопился выпускать его, и пленник, кроме какого-нибудь из ряда вон выходящего случая, мог почти наверняка знать, что умрет, забытый в тюрьме, если только, как это случалось иногда, кардиналу не придет на ум приказывать отрубить ему голову на площади.

После разных переговоров и нескончаемых предосторожностей, показавших строгую дисциплину, поддерживаемую комендантом, пленника с его конвоем впустили наконец в крепость и привели к майору. Он заканчивал завтрак в ту минуту, как ему доложили о прибытии посланца от кардинала. Майор застегнул мундир, надел шпагу и шляпу и при-

казал впустить посланного. Франсуа Бульо поклонился и передал ему приказ. Губернатор пробежал бумагу глазами, после чего обратил внимание на графа, который стоял несколько позади, небрежно поклонился ему и сказал сухим и надменным голосом:

— Вы — граф де Бармон, так написано в этой бумаге.

— Да, — ответил граф, кланяясь в свою очередь.

— Я в отчаянии, решительно в отчаянии, — продолжал майор, — но у меня строгие приказания на ваш счет. Однако поверьте — гм! гм! — что я постараюсь соотнести мое природное человеколюбие с предписанной мне строгостью. Гм! гм! Будьте уверены, что я знаю обязанности дворян по отношению друг к другу.

Комендант, без сомнения удовлетворенный своей речью, улыбнулся и самодовольно выпрямился. Граф поклонился и ничего не ответил.

— Вас сейчас проводят в вашу комнату, граф, — продолжал комендант. — Гм! гм! Мне хотелось бы, чтобы эта комната была получше, но я вас не ждал, гм! гм! Позднее мы позаботимся о ваших удобствах. Берлок, — обратился он к солдату, неподвижно стоявшему у двери, — проводи этого господина — гм! гм! — в комнату под номером восемь, во вторую башню. Гм! гм! Это, кажется, самая удобная... К вашим услугам, милостивый государь, к вашим услугам, гм! гм!

Майор ушел в другую комнату, а граф в сопровождении Бульо и конвойных последовал за солдатом, который провел его по нескольким коридорам, потом остановился перед дверью, запертой на огромные запоры.

— Здесь, — сказал он.

Граф обернулся к Бульо и дружески потянул ему руку.

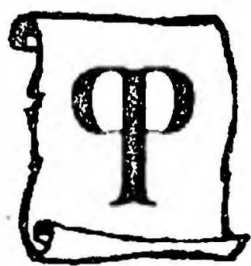
— Прощайте, мой старый друг, — сказал он голосом коротким, но твердым, между тем как неопределенная улыбка блуждала на его губах.

— До свидания, ваше сиятельство, — с чувством воскликнул Бульо и удалился со слезами на глазах.

Дверь со зловещим шумом затворилась за пленником.

— Горе тем, кто осмелится помериться силой с графом де Бармоном, — шептал Бульо, задумчиво спускаясь по лестнице, — если он выйдет из тюрьмы... а он выйдет, клянусь в этом, даже если бы мне пришлось подвергнуть опасности свою жизнь для его спасения!

Взгляд назад

амилия графов де Бармон-Сенектер была одной из самых старинных и самых знатных в Лондоне; происхождение ее было столь древним, что можно было без опасения утверждать, что оно терялось во мраке времен.

Один Бармон-Сенектер сражался в Бувине возле Филиппа-Августа. Жоанвильская хроника говорит о кавалере де Бармон-Сенектере, умершем от чумы в Тунисе в 1270 году, во время восьмого крестового похода короля Людовика IX. Франциск I на поле сражения при Мариньяно пожаловал Ангеррану де Бармон-Сенектеру титул графа в награду за храбрость и за удары, которые тот наносил на глазах короля в продолжение этой жестокой битвы. Графы де Бармоны всегда делали военную карьеру и дали Франции несколько знаменитых полководцев.

Но с течением времени могущество и богатство этого рода уменьшилось; в царствование короля Генриха III он был доведен почти до бедности. Однако, гордясь безукоризненным прошлым, он продолжал высоко держать голову в провинции и если, для того, чтобы достойно поддержать свое имя, граф де Бармон испытывал жестокие лишения, никто никогда этого не знал.

Граф поступил на службу к королю Наварры, отчасти затем, чтобы по милости войны улучшить свое положение, отчасти из восхищения перед доблестными качествами этого государя, великое будущее которого, быть может, он угадал. Храбрый, молодой, пылкий, красавец собой, граф имел много любовных приключений и среди прочих одно в Кагоре, с девицей, помолвленной с очень богатым испанцем, которую он успел похитить накануне дня свадьбы. Испанец, очень щепетильный в вопросах чести, требовал удовлетворения от графа, который нанес ему две раны шпагой и оставил лежать замертво на месте. Это дело наделало большого шума и принесло графу большой почет между утонченными молодыми людьми, однако, против ожидания, испанец выздоровел от ран. Они опять дрались, и на этот раз граф так отделал своего противника, что тот волей-неволей должен был отказаться от новой дуэли. Это приключение внушило графу отвращение к волокитству, хотя он не опасался последствий ненависти, в которой поклялся ему неудачливый испанец — герцог

Пеньяфлор. С тех пор он больше ничего о нем не слышал, но совесть упрекала его в том, что из пустой прихоти он разрушил счастье честного человека.

Храбро сражаясь возле короля во всех его войнах, граф наконец удалился в свое поместье в 1610 году, после смерти Генриха IV, испытывая отвращение к французскому двору и чувствуя потребность к отдохновению после стольких лет трудов.

Там, лет через пять, соскучившись в уединении, в котором он жил, а может быть в надежде прогнать докучливое воспоминание, которое, несмотря на прошедшее время, не переставало его мучить, граф решил жениться на молодой девушке, принадлежавшей к одной из лучших фамилий в провинции, кроткой и прелестной, но такой же бедной, как и он, и положение его делалось день ото дня все труднее. Однако этот союз был счастливым; в 1616 году графиня родила сына, того самого графа Луи, историю которого мы взялись рассказать.

Несмотря на свою нежность к ребенку, граф воспитал его в строгости, желая сделать из него такого же сурового, храброго и честного дворянина, как он сам.

Молодой Луи рано почувствовал, открыв, сколько тайной нищеты скрывается в его фамилии под внешней пышностью, потребность составить себе независимое положение, которое позволило бы ему не только не быть в тягость обожаемым родителям, жертвовавшим для него всем своим доходом, но и вернуть померкший блеск носимого им имени. Вопреки обычаю его предков, которые все служили королю в сухопутных войсках, склонность увлекла его к морской службе. Благодаря прилежным попечениям старого и достойного аббата, который из привязанности к его семейству сделался его наставником, он получил приличное образование, которым и воспользовался. Описания путешествий, бывшие любимым его чтением, воспламенили его воображение, и все его мысли обратились к Америке, где, по словам моряков, золото было в изобилии, и он имел только одно желание — тоже побывать на этой таинственной земле и взять свою долю в богатой жатве, которую собирал каждый из побывавших там.

Отец его и особенно мать долго противились его просьбам. Старик, воевавший столько лет, не понимал, как сын его может предпочитать морскую службу военной. Графиня в душе не желала видеть своего сына ни военным, ни моряком; обе эти профессии пугали ее. Она опасалась неизвестности

далеких странствий, и сердце ее страшилось разлуки, которая могла быть вечной.

Однако надо было решиться, и так как молодой человек упорно стоял на своем, родители вынуждены были уступить и согласиться с его желанием, каковы бы ни были последствия.

Граф сохранил при дворе нескольких друзей, среди которых был и герцог де Белльгард, пользовавшийся большим расположением короля Людовика XIII, прозванного при жизни Справедливым, потому что он родился под знаком созвездия Весы. Граф де Бармон был также прежде дружен с герцогом д'Эперноном, произведенном в адмиралы в 1587 году, но графу не хотелось обращаться к нему по причине слухов, распространившихся после убийства Генриха IV. Однако в таких важных обстоятельствах граф понял, что для пользы сына он должен заставить умолкнуть свои чувства, и, отправив письмо герцогу де Белльгарду, он написал другое к герцогу д'Эпернону, который в то время был губернатором Гвианы.

Оба ответа не заставили себя ждать. Старые друзья графа де Бармона не забыли его и поспешили употребить свое влияние, чтобы услужить ему, особенно герцог д'Эпернон, находившийся благодаря своему адмиральскому званию в лучшем положении в деле помощи молодому человеку. Герцог писал, что с радостью берется выдвинуть его в высший свет.

Это было в начале 1631 года; Луи де Бармону было тогда пятнадцать лет. Высокого роста, с гордым и надменным видом, одаренный редкой силой и большой ловкостью, молодой человек казался старше своих лет. С живейшей радостью узнал он, что его желание исполнилось и что больше нет никаких препятствий для его поступления во флот. В письме герцога д'Эпернона заключалась просьба к графу прислать его сына в Бордо как можно скорее, чтобы он, герцог, немедленно мог определить его на военное судно, где юноша начнет постигать азы морской службы.

Через два дня после получения этого письма молодой человек с трудом вырвался из объятий матери, почтительно простился с отцом и на хорошей лошади в сопровождении доверенного слуги уже ехал по дороге в Бордо.

Флот долгое время находился в пренебрежении во Франции, и в средние века морское дело было полностью предоставлено частным лицам, правительство не интересовалось

им, в отличие от других континентальных государств, которые приобрели если не превосходство, то по крайней мере некоторое влияние на морях. Так, мы видим, что в царствование Франциска I, который, однако, был одним из самых воинственных французских королей, арматор¹ из Дьеппа Анго, у которого в мирное время португальцы отняли судно, с позволения короля, не имевшего возможности оказать ему поддержку, снарядил целый флот за свой счет и блокировал лиссабонский порт, прекратив враждебные действия только тогда, когда заставил португальцев направить во Францию посланников смиренно просить мира у короля.

С открытием Нового Света и не менее важным открытием мыса Доброй Надежды характер мореплавания становился все более оживленным, оно стало охватывать все большие и большие территории. Это заставило французскую корону осознать необходимость создания военного флота для защиты торговых судов от нападения пиратов.

Только в царствование Людовика XIII эта мысль начала приводиться в исполнение. Кардинал де Ришелье, чей ум охватывал широчайшие области и которого английский флот заставил пережить немало неприятных минут во время продолжительной осады Ла-Рошели, издал несколько указов, относившихся к флоту, и основал школу навигации для воспитания молодых дворян, желавших служить во флоте.

Франция обязана этому великому министру первой мыслью о военном флоте, которому суждено было бороться с испанским и голландским флотом, а в царствование Людовика XIV приобрести такое важное значение и поколебать на время могущество Англии.

В эту-то школу, основанную Ришелье, и поступил виконт де Бармон благодаря влиянию герцога д'Эпернона. Старый герцог строго сдержал слово, данное своему товарищу по оружию: он не переставал покровительствовать молодому человеку, что, впрочем, было для него легко, так как виконт выказывал необыкновенные и весьма редкие в то время способности в деле освоения избранной им профессии.

В 1641 году он был уже капитаном и командиром двадцатипушечного фрегата.

К несчастью, ни старый граф де Бармон, ни жена его не могли насладиться успехами сына и новыми перспективами,

¹ А р м а т о р — частное лицо, снаряжающее суда за свой счет.

открывавшимися для их дома: оба умерли, один вскоре после другого, оставив молодого человека сиротой в двадцать два года.

Луи, как почтительный сын, истинно любивший своих родителей, оплакивал их, особенно горевал он о матери, которая всегда была так добра и нежна к нему, но так как за несколько лет уже привык жить один, уходя в долгие плаванья, и полагаться только на самого себя, эта потеря была для него менее чувствительна и менее горестна, чем если бы он никогда не оставлял родительского крова.

Оставшись теперь единственным представителем своего дома, он стал серьезно смотреть на жизнь и удвоил усилия, чтобы вернуть былую славу своему имени — имени, которое благодаря его рвению уже начинало сиять новым блеском.

Герцог д'Эпернон был еще жив, но, забытый обломок поколения, почти совершенно исчезнувшего, больной старик, давно поссорившийся с кардиналом Ришелье, он не имел уже никакого влияния и ничего не мог сделать для того, кому он так горячо покровительствовал несколько лет тому назад. Но граф не терял бодрости духа. Дворянство не любило морскую службу, хорошие морские офицеры были редки; граф де Бармон думал, что, не вмешиваясь в политические интриги, он проложит себе путь вверх.

Случай, который невозможно было предвидеть, должен был разрушить его честолюбивые планы и навсегда погубить его карьеру. Вот как это случилось.

Граф де Бармон командовал «Эригоной», двадцатипушечным фрегатом, и после довольно продолжительного плаванья у алжирских берегов, защищая французские торговые суда от варварийских пиратов¹, вошел в Гибралтарский пролив, чтобы потом выйти в океан и возвратиться в Брест. Но в ту минуту, когда он входил в пролив, его вдруг застиг встречный ветер, и после отчаянных попыток продолжить путь он был вынужден лавировать несколько часов и наконец укрыться в гавани города Альхесираса, на испанском берегу.

Зная по опыту, что пройдет дня три или четыре, прежде чем ветер позволит ему пересечь пролив, он приказал спустить лодку и отправился на берег. Город Альхесирас, очень

¹ Варварийские пираты создали в начале XVI в. на средиземноморском побережье Северной Африки пиратское государство, в течение трех веков терзавшее средиземноморскую навигацию и торговлю.

древний, был невелик, плохо выстроен и малонаселен. Только с тех пор как англичане овладели Гибралтаром, находящимся по другую сторону бухты, испанцы поняли важность Альхесираса и превратили его в образцовый порт.

У графа не было никакой другой причины ехать в Альхесирас, кроме беспокойства, свойственного морякам, побуждающего их оставлять свой корабль тотчас, как только они подойдут к пристани.

Торговые связи тогда еще не были налажены так хорошо, как в теперешние времена, правительства еще не имели обыкновения посылать в иностранные порты консулов, чтобы защищать торговые операции своих соотечественников. Военные суда, которые случай приводил в какое-либо место, должны были оказывать поддержку находящимся там торговцам из родной страны, интересы которых ущемлялись.

Отдав приказание шлюпке прибыть за ним на закате солнца, капитан в сопровождении только одного матроса по имени Мигель, к которому он был очень привязан и который сопровождал его повсюду, отправился по извилистым улицам Альхесираса, с любопытством осматривая все, что представлялось его глазам.

Этот Мигель, о котором нам часто придется говорить впоследствии, был огромного роста малый, лет тридцати, с умным лицом, питавший к своему капитану неограниченную преданность с тех пор, как тот спас его с риском для своей собственной жизни, бросившись на лодке в открытое море в ужасную погоду, чтобы оказать помощь Мигелю, когда четыре года тому назад тот упал в воду с мачты, поправляя зацепившееся снасти. С тех пор Мигель не расставался с графом. Родившись в окрестностях По, на родине Генриха IV, он был, подобно этому королю, своему соотечественнику, весел, насмешлив и слегка скептичен. Превосходный матрос, отчаянно храбрый, обладавший необыкновенной силой, Мигель олицетворял собой типичного баска, натуру сильную и грубую, но честную и верную.

Только одно существо разделяло в сердце Мигеля безграничную любовь, которую он питал к своему командиру. Это был бретонский матрос, мрачный и угрюмый, составлявший с Мигелем полную противоположность. Из-за медлительного характера этого матроса экипаж прозвал его Тихий Ветерок, и тот так привык к этому имени, что почти забыл свое настоящее.

Услугу, которую граф оказал Мигелю, Мигель оказал Тихому Ветерку и по этой причине искренне привязался к

бретонцу, хоть и насмехался над ним и дразнил с утра до вечера.

Бретонец это понимал и, насколько позволял его сосредоточенный и необщительный характер, при каждом удобном случае выказывал свою признательность баску, полностью подчиняясь ему во всех своих поступках и никогда не возмущаясь требованиями, часто непомерными, своего ментора.

Мы так долго говорили об этих двух людях потому, что им придется играть важную роль в нашем повествовании и читателю необходимо узнать их как следует.

Граф и матрос продолжали прогуливаться по улицам, один размышлял и наслаждался солнцем, другой из уважения оставался в нескольких шагах позади, отчаянно куря трубку с таким коротким чубуком, что огонь почти касался его губ. Гуляющие скоро дошли до окраины города и отправились по тропинке, окаймленной кустами алоэ, которая довольно круто взбегала на вершину холма, откуда открывалась вся панорама залива, — сказать мимоходом, одного из прекраснейших в мире.

Было около двух часов пополудни — самое жаркое время дня; все удалились в дома для сиесты¹, так что моряки не встретили ни одной живой души, и если бы «Тысяча и одна ночь», переведенная столетием позже, была известна в то время, граф без особых усилий вообразил бы себе, что это город из арабских сказок, жителей которого усыпил злой волшебник, — так вокруг было тихо и пустынно. Словно усиливая это впечатление, ветер спал, воздух был неподвижен, и обширная водяная скатерть, расстилавшаяся у ног графа, замерла, словно скованная льдом.

Граф задумчиво остановился и рассеянно смотрел на свой фрегат, издали казавшийся небольшой лодкой. Мигель все курил и, широко расставив ноги и заложив руки за спину — любимая поза моряков, — любовался окрестностями.

— Смотрите, смотрите! — сказал он вдруг.

— Что такое? — спросил граф, обернувшись.

— Сюда галопом несется всадница. Что за странная фантазия скакать в такую жару!

— Где? — спросил граф.

— Вон там, капитан, — ответил Мигель, протягивая руку.

¹ С и е с т а — полуденный отдых.

Граф устремил взгляд в ту сторону, куда указывал Мигель.

— Эта лошадь взбесилась! — вскричал он через минуту.

— Вы так думаете, капитан? — спокойно спросил матрос.

— Я уверен! Посмотри, теперь она ближе. Всадница отчаянно вцепилась в гриву, несчастная погибла!

— Очень может быть, — философски заметил Мигель.

— Скорее, скорее! — вскричал капитан, бросаясь в ту сторону, откуда неслась лошадь. — Необходимо спасти эту женщину, даже если бы нам пришлось погибнуть!

Матрос ничего не ответил, он только из предосторожности вынул трубку изо рта и положил ее в карман, после чего побежал за своим капитаном.

Лошадь мчалась как ураган. Это была берберийская лошадь чистейших арабских кровей, с маленькой головой и тонкими ногами. Она бешено скакала по узкой тропинке, в глазах ее сверкали молнии, а из расширенных ноздрей как будто вылетал огонь. Всадница, ухватившись обеими руками за длинную гриву, обезумев от страха, чувствовала себя погибшей и время от времени глухо вскрикивала. Далеко позади нее, почти не приметными точками на горизонте, во весь опор скакали несколько всадников. Тропинка, по которой мчалась лошадь, была узкой, каменистой и вела прямо к глубочайшей пропасти, к которой лошадь неслась с головокружительной быстротой. Только безумец или человек, наделенный мужеством льва, мог пытаться спасти несчастную женщину. Однако оба моряка, не рассуждая и не колеблясь, стали друг напротив друга по правую и левую сторону дороги и молча ждали. Они поняли друг друга.

Прошло две или три минуты, и лошадь пролетела мимо подобно вихрю, но граф и матрос молниеносно кинулись к ней, ухватились за поводья, и бешеное животное потащило их. С минуту продолжалась борьба разума с животной силой, наконец лошадь была побеждена и, хрипя, повалилась на землю. Граф схватил на руки молодую женщину, столь чудесно спасенную, и отнес ее на дорогу, где почтительно положил на землю. Всадница от страха лишилась чувств.

Граф, догадываясь, что подъезжавшие всадники приходились родственниками или друзьями той, которой он оказал такую важную услугу, привел в порядок свою одежду и молча ждал, с восхищением глядя на молодую женщину, распростертую у его ног.

Это была восхитительная семнадцатилетняя девушка, с тонкой и гибкой талией, с прелестнейшими чертами лица;

черные волосы, длинные и шелковистые, выбились из-под сетки, удерживавшей их, и душистыми локонами рассыпались по лицу, легкий румянец указывал на быстрое возвращение к жизни. Костюм этой молодой особы, чрезвычайно богатый, заставил бы догадаться о знатном происхождении, даже если бы печать аристократии, разлитая по всей ее наружности, не уничтожала все сомнения на этот счет.

Мигель с отличавшим его невозмутимым спокойствием, из которого ничто не могло его вывести, остался возле лошади, которая, успокоившись от падения и дрожа всем телом, встала без сопротивления. Мигель снял с нее подпругу, сорвал горсть травы и начал обтирать, восхищенно бормоча:

— Какое благородное и прекрасное животное! Было бы жаль, если бы оно упало в эту ужасную пропасть. Я рад, что оно спаслось!

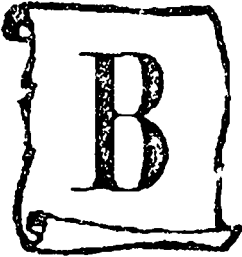
О молодой девушке достойнейший матрос вовсе не думал; весь его интерес сосредоточился на лошади. Обтерев ее травой, Мигель опять взнуздал ее и отвел к графу.

— Вот, — сказал он с довольным видом, — теперь она усмирилась; ребенок может вести ее на веревке.

Между тем всадники быстро приближались и скоро подъехали к французским морякам.

Глава VI

Увлечение

садников было четверо. Двое казались важными людьми, двое других были одеты слугами. В нескольких шагах от графа двое первых сошли с лошадей, бросили узду, подошли с шляпами в руках к графу и поклонились ему с изящной вежливостью. Граф отвечал им вежливым поклоном, украдкой рассматривая их. Первый был человек лет шестидесяти, высокого роста, походка его была благородна, лицо казалось красивым с первого взгляда, выражение его было величественным, хотя кротким и даже доброжелательным, но, рассматривая его с большим вниманием, можно было заметить по мрачному огню глаз, которые иногда бросали зловещие молнии, что эта кротость была только маской, чтобы обманывать окружающих; выдающиеся скулы, довольно низкий, хотя и широкий лоб, нос, загнутый как птичий клюв, и квадратный подбородок показывали холодную злость, смешанную с сильной долей упрямства и гордости.

На этом человеке был богатый охотничий костюм с вышивкой, а массивная золотая цепь, называвшаяся тогда *фанфаронкой*, несколько раз обвивала его шляпу с султаном из страусовых перьев. Эту фанфаронку ввели в моду авантюристы, возвращавшиеся из Новой Испании, и как ни была она смешна, горделивые кастильцы с восторгом принялись ее носить.

Спутник этого человека был гораздо моложе его, но одет столь же богато. Черты его лица казались сначала такими обыкновенными и незначительными, что наблюдатель прошел бы мимо, не обратив на них никакого внимания, но его маленькие серые глазки, полуприкрытые густыми бровями, сверкали хитростью, а линия рта с тонкими и насмешливыми губами совершенно опровергла бы предположение физиономиста, подумавшего бы, что человек этот недалекого ума и посредственных способностей.

Старший из всадников поклонился во второй раз.

— Милостивый государь, — сказал он, — я герцог Пеньяфлор. Та, кому вы спасли жизнь, подвергая опасности собственную, — моя дочь донья Клара Пеньяфлор.

Граф был уроженец Лангедока и говорил по-испански так чисто, словно на родном языке.

— Я очень рад, — ответил он с любезным поклоном, — что послужил орудием Провидению и сохранил дочь отцу.

— Мне кажется, — заметил второй всадник, — следовало бы оказать помощь донье Кларе; милая кузина наверняка серьезно пострадала.

— Не беспокойтесь, — ответил граф, — причиной обморока было всего лишь волнение. Если не ошибаюсь, мадемуазель уже начинает приходить в себя.

— В самом деле, — сказал герцог, — я, кажется, видел, что она сделала легкое движение. Лучше ее не трогать и дать опомниться, таким образом мы избегнем потрясения, последствия которого очень опасны для созданий нервных и впечатлительных — таких, как моя милая дочь.

Все это было сказано холодным, сдержанным и размеренным тоном, весьма отличающимся от того, какой должен был употребить отец, дочь которого чудом избежала смерти. Молодой офицер не знал, что и думать об этом истинном или притворном равнодушии. Но это была только испанская спесь. Герцог любил свою дочь так сильно, как только позволяла его высокомерная и честолюбивая натура, но ему было неловко проявлять свои чувства при посторонних.

— Милостивый государь, — продолжал герцог после минутного молчания, посторонившись, чтобы представить сопровождавшего его господина, — имею честь рекомендовать вам моего родственника и друга, графа дона Стенио де Безар-Суза.

Оба поклонились. Граф не имел никакой причины сохранять инкогнито, он понял, что настала минута сказать, кто он такой.

— Господа, — сказал он, — я граф Луи де Бармон-Сенектер, капитан флота его величества французского короля и командир фрегата «Эригона», в настоящее время стоящего на якоре в бухте Альхесираса.

Услышав имя графа, герцог страшно побледнел, брови его нахмурились, и он бросил на графа странный взгляд. Но смятение его продолжалось не более секунды, необыкновенным усилием воли испанец сумел скрыть в глубине сердца чувства, охватившие его, придал своему лицу прежнее бесстрастное выражение и с улыбкой поклонился. Лед был растоплен, эти трое узнали друг в друге людей благородного происхождения, их обращение друг к другу тотчас изменилось, они сделались так же любезны, как прежде были холодны и сдержаны. Герцог первый возобновил разговор самым дружеским тоном.

— Вы, вероятно, пользуетесь перемирием, объявленным некоторое время тому назад между двумя нашими странами, чтобы посетить эти края?

— Извините, герцог, я не знал, что враждебные действия между нашими армиями прекратились; я давно уже в море и не получаю известий из Франции. Случай привел меня к этим берегам. Несколько часов тому назад я укрылся в бухте Альхесираса, чтобы переждать, пока переменится ветер и позволит пересечь пролив.

— Я благословляю этот случай, граф, ему я обязан спасением своей дочери.

Донья Клара раскрыла глаза и, хотя была еще очень слаба, постепенно начинала вспоминать, что произошло.

— О! — промолвила она, вся трепеща, тихим и дрожащим голосом. — Без этого кабальеро я бы умерла.

Она силилась улыбнуться, устремив на молодого человека большие глаза, наполненные слезами, с выражением признательности, которое невозможно описать.

— Как вы себя чувствуете, дочь моя? — спросил герцог.

— Теперь я совершенно оправилась, благодарю вас, отец, — ответила она. — Когда я почувствовала, что Морено пере-

стал повиноваться уздечке и понес, я сочла себя погибшей и от страха лишилась чувств... Но где же бедный Морено? — прибавила она через минуту. — Не случилось ли с ним несчастья?

— Успокойтесь, сеньорита, — ответил граф с улыбкой и указал на коня, — он цел и невредим и совсем успокоился. Вы можете даже, если вам угодно, без всякого опасения возвратиться на нем домой.

— Конечно, я поеду на добром Морено, — сказала донья Клара, — я нисколько не сержусь на него за его шалость, хотя она могла дорого обойтись мне.

— Граф, — сказал тогда герцог, — смею надеяться, что мы не расстанемся таким образом и что вы удостоите принять дружелюбное гостеприимство, которое я предлагаю вам в своем замке.

— К несчастью, я не хозяин своим поступкам, герцог; долг службы требует моего немедленного возвращения на фрегат. Уверяю вас, я очень сожалею, что не могу ответить на ваше благосклонное предложение иначе как отказом.

— Неужели вы так скоро отправляетесь в море?

— Нет, напротив, я надеюсь, — отвечал граф, сделав ударение на этих словах, — остаться здесь еще на некоторое время.

— Раз так, — возразил, улыбнувшись, герцог, — я не принимаю вашего отказа и уверен, что скоро мы увидимся и познакомимся поближе.

— Это мое живейшее желание, — отвечал молодой человек, украдкой бросив взгляд на донью Клару, которая покраснела и потупила глаза.

Граф простился со всеми и направился к Альхесирасу, между тем как всадники удалились шагом в диаметрально противоположном направлении. Капитан шел, задумавшись, вспоминая странное приключение, героем которого он так неожиданно сделался, воскрешая в памяти малейшие подробности, восхищаясь необыкновенной красотой девушки, которой он имел счастье спасти жизнь.

Постоянно занятый делами службы, почти всегда находясь в море, граф, хотя ему было уже около двадцати пяти лет, не любил никого, никогда даже не думал о любви. Женщины, которых он видел до сих пор, не произвели никакого впечатления на его сердце, мысли его всегда оставались свободны, и никакое серьезное чувство не смутило еще спокойствия его души. Поэтому с некоторым испугом, смешанным

с удивлением, думал он о встрече, которая вдруг прервала его спокойную прогулку, и вдруг обнаружил, что красота доньи Клары и ее милые слова произвели на него сильное впечатление, что ее образ не оставлял его, и память его напоминала в самых мелких подробностях короткий разговор, который он вел с ней.

— Полно, полно! — сказал он, несколько раз покачав головой, как бы для того, чтобы прогнать докучливую мысль. — Я, верно, сошел с ума.

— Что вы говорите, капитан? — спросил Мигель, воспользовавшийся этим восклицанием, чтобы дать волю размышлениям, которые он горел нетерпением выразить вслух. — Надо признаться, эта молодая особа должна быть счастлива, что мы подросли вовремя.

— Действительно, очень счастлива, Мигель, — отвечал граф, — без нас несчастная девушка погибла бы.

— Это правда. Бедняжка!

— Это было бы ужасно. Она так молода и хороша собой!

— Недурна, только я нахожу ее немножко худощавой и чересчур уж бледной.

Граф улыбнулся, услышав такую оценку красоты девушки. Ободренный матрос продолжал:

— Позвольте ли вы дать один совет, капитан?

— Какой? Говори, не бойся.

— Бояться-то я не боюсь, черт меня побери, только мне бы не хотелось вас огорчать.

— Огорчить меня, Мигель? Чем?

— Вот видите ли, капитан, когда вы сказали ваше имя старому герцогу...

— Ну, что же случилось?

— Случилось то, что, услышав его, он вдруг побледнел как смерть, нахмурил брови да так страшно на вас посмотрел, что мне представилось, будто он хочет вас убить. Вам не кажется это странным, капитан?

— То, что ты говоришь, невозможно; ты ошибаешься.

— Вы этого не заметили, потому что опустили голову, а я видел и знаю точно то, о чем говорю.

— Но послушай, Мигель, я не знаю этого господина, я никогда его не видел. С какой же стати должен он меня ненавидеть? Ты мелешь чепуху, друг мой.

— Нет, капитан, я знаю наверное то, что говорю. Знаете вы его или нет, это не мое дело, а что он вас знает, и даже

достаточно хорошо, об этом я побьюсь об заклад; впечатление, которое вы произвели на него, так сильно, что иначе быть не может.

— Согласен, если ты уж непременно утверждаешь, что он знает меня; но, по крайней мере, я знаю точно, что никогда и ничем его не оскорблял.

— Этого никогда нельзя знать наверняка, капитан. Видите ли, я баск и давно знаю испанцев. Это странный народ; они горды, как петухи, и злопамятны, как демоны. Поверьте мне, остерегайтесь их всегда, это не повредит. При этом у этого старика лицо такое хитрое, оно мне очень не нравится.

— Во всех твоих размышлениях нет здравого смысла, Мигель, и я, верно, такой же сумасшедший, как и ты, раз слушаю тебя.

— Хорошо, хорошо, — произнес матрос, качая головой, — мы еще увидим, ошибся ли я.

На том разговор и закончился; однако слова Мигеля занимали капитана больше, чем он хотел показать, и граф возвратился на фрегат с озабоченным видом.

На другой день к десяти часам утра к фрегату подплыла щегольская шлюпка. В шлюпке сидели герцог Пеньяфлор и граф де Безар-Суза, его молчаливый кузен.

— Право, любезный граф, — сказал герцог добродушным тоном после первых слов приветствий, — вы, вероятно, сочтете меня бесцеремонным и взбалмошным, но я приехал вас увезти.

— Увезти? — с улыбкой переспросил молодой человек.

— Истинная правда. Представьте себе, граф, что моя дочь непременно хочет вас видеть. Она говорит только о вас, а так как делает со мной почти все, что ей заблагорассудится, — чему, вероятно, вы не удивляетесь, — она послала меня к вам, приказав непременно привезти вас в замок.

— Действительно, — сказал, поклонившись, дон Стенио, — сеньорита донья Клара непременно хочет видеть вас, капитан.

— Однако... — возразил граф.

— Я решительно ничего не желаю слушать, — живо возразил герцог, — вы должны решиться, любезный граф, вам придется повиноваться, вы знаете, что дам послушаться нельзя. Едем же! Но успокойтесь, я увезу вас недалеко; мой замок находится в двух милях отсюда.

Граф, в душе испытывавший сильное желание увидеть донью Клару, заставил упрашивать себя только из приличия, потом, отдав необходимые приказания своему лейтенанту, он поехал с герцогом Пеньяфлором в сопровождении Мигеля, который казался тенью своего капитана.

Вот каким образом началось знакомство, которое почти тотчас перешло в любовь и потом имело такие ужасные последствия для несчастного офицера. Герцог и неразлучный с ним кузен осыпали графа уверениями в дружбе, предоставили ему полную свободу в замке и как будто не замечали привязанности, возникшей между доньей Кларой и молодым человеком.

Тот, совершенно поглощенный своей страстью к девушке, предавался любви с доверчивым и необузданным влечением сердца, впервые познавшего любовь. Донья Клара, наивная молодая девушка, воспитанная с суровой строгостью испанских нравов, но андалузка с ног до головы, с трепетом счастья приняла признание в любви, которую она разделяла с первой минуты. Итак, все казались счастливы в замке, только Мигель портил все своим хмурым видом; чем быстрее дело приближалось к развязке, которой так желали молодые люди, тем более мрачен и озабочен становился он.

Между тем фрегат ушел в Кадис. Герцог, его дочь и дон Стенио отплыли на этом фрегате; герцогу Пеньяфлору нужно было отправиться в Севилью, где у герцога было большое имение. Он с большой радостью принял предложение, сделанное ему графом, доставить его на фрегате до Кадиса, который находится всего в двадцати с небольшим милях от Севильи.

На другой день по прибытии фрегата в Кадис капитан надел свой парадный мундир и отправился к герцогу Пеньяфлору. Герцог, зная о его визите, принял графа с улыбкой на губах и с самым дружеским видом. Ободренный приемом, граф, преодолевая свою робость, стал по всей форме просить руки доньи Клары. Герцог благосклонно принял это предложение, сказав, что ожидал его и что оно отвечает его искреннему желанию, так как составит счастье обожаемой им дочери. Он лишь заметил, что, хотя между обеими странами заключено перемирие, однако мир еще не подписан, хотя, по всей вероятности, это скоро случится; поэтому он боится, как бы известие об этом браке не повредило карьере графа, настроив кардинала против него. Эта мысль уже неодно-

кратно приходила в голову молодому офицеру, поэтому он потупил голову, не смея отвечать, так как, к несчастью, не имел никакого основательного довода, чтобы опровергнуть возражение герцога. Тот подоспел к нему на помощь, сказав, что знает очень простой способ устроить все ко всеобщему удовольствию и обойти это, казалось бы, непреодолимое затруднение. Граф, трепеща от страха и надежды, спросил, какой же это способ. Герцог объяснил ему тогда, что дело идет всего лишь о тайном браке. Пока продолжается война, тайна будет сохраняться, но тотчас по заключении перемирия, когда в Париж будет направлено посольство, о браке объявят кардиналу, которого, вероятно, уже не оскорбит этот союз.

Мечты молодого человека о счастье были так близки к краху, что он не привел ни малейшего возражения на предложение герцога. Брак, хотя и тайный, будет тем не менее действителен, а до остального ему было мало дела, и потому он согласился на все условия, которые наложил на него герцог, потребовавший, чтобы брак совершился будто бы втайне от него на случай, если враги постараются настроить короля против него. Ведь тогда он сможет сослаться на свое неведение и таким образом преодолеть недоброжелательность тех, кто ищет возможности погубить его.

Граф не совсем понял, какое дело испанскому королю до его брака, но так как герцог говорил убежденным тоном и, по-видимому, очень боялся неудовольствия короля, то граф согласился на все.

Через два дня, с наступлением ночи, молодые люди были тайно обвенчаны в церкви Мерсед священником, согласившимся за большую сумму помочь этому не совсем законному делу. Мигель Баск и Тихий Ветерок были свидетелями у своего командира, который по настоятельной просьбе герцога не сообщил о своей тайне ни одному из своих офицеров. Тотчас после обряда венчания свидетели новобрачной увезли ее в одну сторону, между тем как ее муж, очень раздосадованный, возвратился на свой фрегат.

Когда на следующий день граф явился к герцогу, тот сказал ему, что, для того чтобы лишить недоброжелателей всякого повода к сплетням, он счел за лучшее удалить свою дочь на некоторое время и отослал ее к одной родственнице, жившей в Гранаде. Граф ничего не ответил и ушел, сделав вид, будто его убедили не совсем правдоподобные доводы тестя. Однако он начинал находить поступки герцога очень странными и решил рассеять сомнения, возникшие в его голове.

Тихий Ветерок и Мигель Баск были отправлены разузнать все, что можно. Не без удивления граф узнал от них, что после двухдневных поисков им удалось выяснить, что донья Клара находится не в Гранаде, а в очаровательном городке Санта-Мария, расположенном напротив Кадиса на противоположном берегу рейда. Собрав все необходимые ему сведения, он послал с Мигелем, который говорил по-испански как севильский уроженец, письмо к донье Кларе, и с наступлением ночи в сопровождении своих верных матросов высадился на берегу в Санта-Марии. Дом, в котором жила девушка, стоял довольно уединенно. Граф поставил матросов караулить, а сам направился прямо к дому.

Отворила дверь сама донья Клара. Радость супругов была безмерна. Незадолго до восхода солнца граф ушел. К десяти часам он отправился, как обычно, с визитом к тестю, перед которым продолжал разыгрывать полнейшее неведение относительно местопребывания доньи Клары. Герцог принял графа очень хорошо. Так продолжалось около месяца. Однажды граф неожиданно получил известие о возобновлении враждебных действий между Францией и Испанией. Он был вынужден оставить Кадис, но хотел нанести последний визит герцогу и потребовать от него откровенно объяснить свое поведение; в том случае, если это объяснение не удовлетворит его, он решил похитить жену и увезти ее с собой.

Когда граф пришел к герцогу, доверенный слуга герцога сказал ему, что его господина вдруг потребовал к себе король и он уехал в Мадрид час назад, не имея даже времени, к своему величайшему сожалению, проститься с графом. При этом известии у графа возникли предчувствия какого-то несчастья, он побледнел, но сумел справиться с волнением и холодно спросил, не оставил ли его господин письма или записки на его имя. Слуга ответил утвердительно и подал графу запечатанный конверт. Дрожащей рукой граф сорвал печать и пробежал письмо глазами, но при чтении того, что заключалось в этом письме, его волнение сделалось таким сильным, что он зашатался, и если бы слуга не бросился его поддержать, он упал бы на пол.

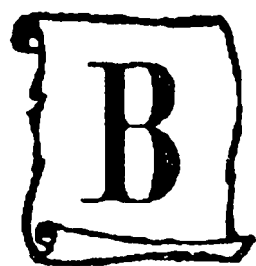
— Да! — прошептал он. — Мигель был прав!

Граф с бешенством скомкал письмо в руках. Резко выпрямившись, он сумел взять себя в руки и, дав слуге несколько луидоров, удалился поспешными шагами.

— Бедный молодой человек! — прошептал слуга, печально качая головой.

Глава VII

Отчаяние

нескольких шагах от гостиницы, где остановился герцог, к графу подошел Мигель.

— Скорее, скорее шлюпку, мой добрый Мигель! — вскричал он. — Речь идет о жизни и смерти!

Матрос, испуганный тем состоянием, в котором он увидел своего командира, хотел спросить, что случилось, но тот заставил его молчать, повторив приказание сейчас же достать лодку. Мигель потупил голову.

— Увы! Я предвидел это, — горестно прошептал он и бросился к гавани.

Лодку в Кадисе найти было не трудно; Мигелю оставалось только выбрать. Понимая, что граф торопится, он нанял лодку с десятью веслами. Граф подошел почти тотчас же.

— Десять луидоров вам и вашему экипажу, если вы будете в Пуэрто через двадцать минут! — вскричал он, бросаясь в лодку, которая чуть было не опрокинулась от сильного толчка. Матросы склонились над веслами, и лодка полетела по воде. Капитан, упорно устремив глаза на Санта-Марию, беспрестанно повторял задыхающимся голосом:

— Скорее, скорее!

Они стрелой пролетели мимо фрегата, который готовился сняться с якоря. Наконец они достигли Санта-Мари.

— Никто не должен идти за мной! — крикнул капитан, спрыгнув на берег.

Но Мигель не обратил никакого внимания на это приказание и бросился в погоню за графом, которого не хотел бросать в таком ужасном положении. Хорошо, что он решился на это, — когда он добежал до дома, где жила донья Клара, он увидел, что молодой человек лежит без чувств на земле, дом пуст, а донья Клара исчезла. Матрос взвалил капитана себе на плечи и добежал до шлюпки, где уложил его так осторожно, как только мог.

— Куда ехать? — спросил лодочник.

— К французскому фрегату, и как можно скорее, — отвечал Мигель.

Когда лодка подплыла к фрегату, Мигель заплатил лодочнику обещанную награду, потом с помощью матросов перенес капитана в каюту. Так как прежде всего необходимо было сохранить тайну графа и не возбудить подозрений, матрос в своем рапорте лейтенанту приписал состояние, в

котором находился капитан, падению с лошади, после чего, сделав знак Тихому Ветерку следовать за ним, спустился в каюту капитана. Граф де Бармон лежал неподвижно, как мертвый. Судовой врач фрегата ухаживал за ним, но не мог пробудить его к жизни, как будто покинувшей его навсегда.

— Удалите ваших помощников, довольно будет нас с Тихим Ветерком, майор, — сказал Мигель доктору, сделав ему знак.

Врач все понял и отпустил своих помощников. Когда дверь затворилась за последним из них, матрос отвел доктора в сторону и сказал ему так тихо, что его слова мог услышать один только доктор:

— Майор, командир узнал очень горестное известие, вызвавшее тяжелый кризис, которому он подвергся в эту минуту. Я сообщаю это вам, майор, потому что доктор все равно что духовник.

— Можешь быть спокоен, мой милый, — отвечал врач, — тайна командира в надежных руках.

— Я убежден в этом, майор. Пусть весь экипаж думает, будто командир упал с лошади, понимаете?.. Я уже говорил об этом лейтенанту, подавая рапорт.

— Очень хорошо. Я подтверждаю твои слова.

— Благодарю, майор. Теперь мне остается задать вам еще один вопрос.

— Говори.

— Вы должны получить от лейтенанта разрешение, чтобы из всего экипажа никто, кроме Тихого Ветерка и меня, не ухаживал за командиром. Видите ли, майор, мы его старые матросы, он может говорить при нас все не стесняясь; кроме того, ему будет приятно видеть нас возле себя. Вы получите разрешение от лейтенанта, майор?

— Да, мой друг, я знаю, ты человек честный и очень привязан к командиру, знаю также, что он полностью доверяет тебе; поэтому не тревожься, я все устрою. Только ты и твой товарищ будете входить сюда вместе со мной, пока граф болен.

— Крайне вам признателен, майор. Если представится случай, я отблагодарю вас. Говорю вам по чести, как баск, вы — предостойный человек.

Врач расхохотался.

— Вернемся к нашему больному, — сказал он, чтобы прекратить разговор.

Несмотря на все принятые врачом меры, обморок графа продолжался целый день.

— Потрясение слишком сильно, — заметил врач, — могло произойти кровоизлияние в мозг.

Только к вечеру, когда фрегат давно уже шел под парусами, оставив далеко позади кадисский рейд, наступил кризис, и состояние графа несколько улучшилось.

— Сейчас он придет в себя, — сказал доктор.

Действительно, судорога пробежала по телу графа, он открыл глаза, но взгляд его был мутным и диким. Он вращал глазами во все стороны, как бы стараясь узнать, где находится и почему лежит в постели. Три человека, не спуская с него глаз, заботливо наблюдали за этим возвращением к жизни, не казавшимся им, впрочем, успокоительным. Особенно был встревожен врач; лоб его нахмурился, брови сдвинулись от волнения. Вдруг граф приподнялся и сказал резким и жестким голосом Мигелю, стоявшему возле него:

— Лейтенант, почему вы не собрали экипаж к сражению? Ведь испанский корабль опять убежит от нас!

Врач сделал Мигелю знак.

— Извините, командир, — отвечал матрос, потакая фантазии больного, — все готово к сражению.

— Очень хорошо, — сказал больной.

Потом вдруг мысли его переменились и он прошептал:

— Она придет, она мне обещала!.. Нет! Нет! Она не придет... Теперь она умерла для меня!.. Умерла! Умерла! — повторил он глухим голосом.

Потом вдруг громко вскрикнул:

— О! Как я страдаю, Боже мой! — И слезы полились из его глаз.

Граф закрыл лицо руками и опять упал на постель. Оба матроса тревожно всматривались в бесстрастное лицо врача, стараясь прочесть на нем, чего они должны опасаться и на что надеяться. Внезапно врач облегченно вздохнул, провел рукой по своему лбу, влажному от пота, и, обернувшись к Мигелю, сказал:

— Слава Богу! Он плачет, он спасен!

— Слава Богу! — повторили матросы, набожно перекрестившись.

— Не думаете ли вы, что он сошел с ума, майор? — спросил Мигель дрожащим голосом.

— Нет, это не сумасшествие, а всего лишь бред; он скоро заснет, не оставляйте его. Проснувшись, он не будет помнить ничего. Если попросит пить, дайте ему лекарство, которое я приготовил и оставил на столе.

— Слушаюсь, майор.

— Теперь я пойду, а если случится что-нибудь непредвиденное, сейчас же дайте мне знать. Впрочем, я еще зайду ночью.

Врач ушел. Его слова вскоре подтвердились: мало-помалу граф де Бармон заснул тихим и спокойным сном. Оба матроса стояли неподвижно возле его постели; никакая сиделка не смогла бы ухаживать за больным с такой трогательной заботой, как эти два человека, внешне жесткие и грубые, но имевшие такое доброе сердце.

Так прошла ночь. Врач несколько раз приходил, но всегда уходил через несколько секунд с довольным видом, приложив палец к губам. К утру, при первом луче солнца, ворвавшемся в каюту, граф сделал движение, открыл глаза и, слегка повернув голову, сказал слабым голосом:

— Мой добрый Мигель, дай мне воды.

Матрос подал ему стакан.

— Я совсем разбит, — прошептал граф, — стало быть, я был болен?

— Да, немного, — отвечал матрос, — но теперь все прошло, слава Богу. Надо только не терять терпения.

— Мне кажется, я чувствую, как фрегат идет; разве мы под парусами?

— Так точно, командир.

— Кто же приказал сниматься с якоря?

— Вы сами вчера вечером.

— А! — произнес граф, возвращая стакан.

Голова его тяжело упала на изголовье, и он замолчал. Однако он не спал, глаза его были открыты, взор с беспокойством блуждал по стенам каюты.

— Вспоминаю! — прошептал он, и слезы брызнули из его глаз; потом, резко повернувшись к Мигелю, он прибавил: — Это ты меня поднял и принес на фрегат?

— Я, капитан.

— Благодарю; однако, может быть, было бы лучше дать мне умереть...

Матрос презрительно пожал плечами.

— Блестящая мысль! — проворчал он.

— О, если бы ты знал! — сказал граф горестно.

— Я все знаю. Не предупреждал ли я вас с самого первого дня?

— Это правда, мне следовало бы тебе поверить. Увы! Я уже тогда любил ее.

— Знаю... Да она и заслуживала этого.

— Не правда ли, она все еще меня любит?

— Кто в этом сомневается? Бедное, милое существо!

— Какой ты добрый, Мигель!

— Я справедлив.

Наступило новое молчание. Через несколько минут граф возобновил разговор.

— Ты нашел письмо? — спросил он.

— Нашел, капитан.

— Где оно?

— Здесь.

Граф с живостью схватил письмо.

— Ты прочел? — спросил он.

— Для чего? — отвечал Мигель. — Там, должно быть, сплошь ложь да гадость, а я не любитель читать подобные вещи.

— Вот, возьми.

— Чтобы разорвать?

— Нет, чтобы прочесть.

— Зачем?

— Ты должен знать, что заключается в этом письме, я так хочу.

— Это другое дело, давайте.

Он взял письмо и развернул его.

— Читай громко, — сказал граф.

— Славное поручение даете вы мне, капитан! Но если вы хотите, я должен повиноваться.

— Я прошу тебя, Мигель.

— Довольно, капитан, начинаю.

Он начал читать вслух это странное послание. Оно было короткое, лаконичное, но действие, которое должно было произвести это письмо, оказалось тем ужаснее, что каждое слово было рассчитано для того, чтобы нанести удар. Вот содержание письма:

Граф, вы не женились на моей дочери; я обманул вас ложным браком. Вы никогда ее не увидите, она умерла для вас. Уже много лет неумолимая ненависть сущест-

вует между вашей фамилией и моей. Я вас не отыскивал, нас свел сам Господь. Я понял, что Он предписывает мне мщение. Я повиновался Ему. Кажется, мне навсегда удалось разбить ваше сердце. Любовь, которую вы питаете к моей дочери, искренна и глубока. Тем лучше, вы будете больше страдать. Прощайте, граф. Послушайтесь меня, не старайтесь со мной увидеться; на этот раз мое мщение будет еще ужаснее. Моя дочь выходит через месяц за того, кого она любит и кого одного она любила всегда.

*Дон Эстебан Сильва,
герцог Пеньяфлор*

Когда матрос кончил читать, он устремил на своего командира вопросительный взгляд. Тот несколько раз покачал головой и ничего не ответил. Мигель возвратил ему письмо, которое капитан тотчас спрятал под изголовье.

— Что вы будете делать? — спросил матрос через минуту.

— Позже, — отвечал граф мрачным голосом, — позже ты узнаешь. Я не могу в эту минуту принять никакого решения; моя голова еще слаба, мне нужно подумать.

Мигель одобрительно кивнул. В эту минуту вошел доктор. Он, по-видимому, пришел в восторг, увидев, что его пациент так хорошо выглядит, и обещал, радостно потирая руки, что через неделю больной встанет с постели.

Действительно, доктор не ошибся: граф быстро выздоравливал. Наконец он мог встать, и через несколько дней кроме мертвенной бледности, разлившейся по его лицу, бледности, которую он с тех пор сохранил навсегда, силы его полностью восстановились. Граф де Бармон ввел свой фрегат в устье Тахо, бросил якорь на виду у Лиссабона, после чего вызвал лейтенанта в свою каюту и имел с ним продолжительный разговор, после чего отправился на берег вместе с Мигелем и Тихим Ветерком.

Фрегат остался под командованием первого лейтенанта; граф покинул его навсегда. Этот поступок могли бы назвать бегством, но граф де Бармон решил во что бы то ни стало возвратиться в Кадис. За те несколько дней, что прошли после его разговора с Мигелем, граф обдумал все. В результате долгих размышлений он пришел к выводу, что донья Клара была так же, как и он, обманута герцогом, что она

считала себя замужем; все в обращении молодой девушки с ним доказывало это. В желании осуществить свою месть герцог перешел границы: донна Клара любила графа, он был уверен в этом. Она повиновалась отцу не иначе, как вынужденная к тому насилием. Когда граф пришел к этому заключению, ему оставалось только одно — возвратиться в Кадис, собрать сведения, отыскать герцога и объясниться с ним в последний раз в присутствии его дочери. Остановившись на этом намерении, молодой человек немедленно исполнил его, поручив своему лейтенанту командование фрегатом, рискуя испортить свою карьеру, подвергнуться преследованию как изменник, так как война между Францией и Испанией была в полном разгаре. Он нанял прибрежное судно и в сопровождении двух матросов, которым объяснил свои намерения и которые не захотели оставить его, вернулся в Кадис.

Благодаря своему отличному знанию испанского языка граф не возбудил никаких подозрений в этом городе и без труда выяснил все, что ему было нужно. Герцог уехал в Мадрид. Граф немедленно отправился туда же.

Такой знатный вельможа, как герцог Пеньяфлор, испанский гранд первого ранга, не может путешествовать, не оставляя следов, так что граф легко мог узнать, по какой дороге тот поехал. Он приехал в Мадрид в убеждении, что в скором времени сумеет объясниться с герцогом, чего так пламенно желал.

Но надежда его была обманута. Герцог был на аудиенции короля, после чего уехал в Барселону. Это походило на какой-то гибельный рок. Но граф не унывал, верхом проехал он Испанию и добрался до Барселоны. Герцог накануне уехал в Неаполь. Эта погоня принимала размеры Одиссеи, герцог точно чувствовал, что его преследуют. Однако на самом деле все обстояло иначе: он просто выполнял поручение, данное ему королем. Граф навел справки и узнал, что с герцогом едут оба его сына и дочь. Через два дня граф де Бармон отправился в Неаполь на судне контрабандистов. Мы не будем вдаваться во все подробности этой упорной погони, которая продолжалась несколько месяцев; скажем только, что граф не застал герцога и в Неаполе, как не заставлял в Мадриде и Барселоне, он проехал всю Италию и въехал во Францию, преследуя неуловимого врага, который исчезал перед его носом.

Хоть граф и не подозревал, однако за это время их роли значительно переменились. И вот каким образом: герцогу

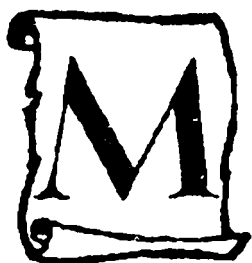
было очень интересно узнать, как поступит де Бармон. Он был уверен, что война вынудит графа покинуть Испанию, однако он слишком хорошо знал решительный характер молодого человека для того, чтобы предположить хоть на одно мгновение, что тот примет нанесенное ему оскорбление, не постаравшись беспощадно отомстить. Вследствие этого он оставил в Кадисе доверенного человека, которому поручил, в случае появления там графа, наблюдать за его поступками с величайшим старанием и уведомить герцога, что предпримет граф. Человек этот добросовестно и очень ловко исполнил трудное поручение, доверенное ему, и, в то время как граф преследовал герцога, он преследовал графа, не теряя его из виду, останавливаясь, где останавливался он, и отправляясь за ним тотчас, как только тот отправлялся в путь. Когда наконец он удостоверился, что граф действительно преследует его господина, он перегнал графа, догнал герцога в окрестностях Пиньероля и передал ему все, что узнал. Герцог, в душе уstraшенный упорной ненавистью своего врага, притворился, будто не придает никакой важности этому известию, и презрительно улыбнулся, слушая донесение своего слуги. Но, несмотря на это, он не пренебрег предосторожностями, и так как мир был почти подписан и испанский уполномоченный находился в Париже, отправил к нему этого самого слугу с письмом. В письме заключался официальный донос на графа де Бармон-Сенектера. Кардинал Ришелье без колебаний отдал приказание арестовать графа, и полицейские агенты его преосвященства под командой Франсуа Бульо выехали из Парижа в погоню за несчастным офицером. Де Бармон, в полном неведении относительно того, что происходило, продолжал свой путь и даже обогнал герцога, который, решив, что теперь ему нечего опасаться своего врага, ехал не торопясь.

Но расчет герцога был неверен; он не подумал, что агенты кардинала, не зная, где встретят того, кого им велено было арестовать, будут вынуждены ехать наугад, тем более что, кроме Бульо, никто из них не знал графа лично, а тот, как нам теперь известно, хотел дать беглецу возможность убежать.

Мы рассказали выше, какое бурное объяснение произошло между тестем и зятем. Граф был в конце концов арестован, отвезен на остров Сент-Маргерит и отдан в руки майору де л'Урсьеру.

Теперь, когда мы объяснили относительное положение каждого из наших действующих лиц, будем продолжать наш рассказ с того места, на котором остановились.

Заключенный

ы сказали, что майор де л'Урсьер, комендант крепости, велел отвести графа де Бармон-Сенектера в ту комнату, которая должна была служить ему тюрьмой до тех пор, пока кардиналу не будет угодно возвратить ему свободу.

Эта комната, довольно большая и высокая, была восьмиугольной формы, с выбеленными стенами в пятнадцать футов толщиной и освещалась двумя узкими бойницами с двойной железной решеткой, внутренней и наружной, которая пропускала тусклый свет сквозь свои частые отверстия и полностью скрывала вид извне. Один угол занимал большой камин; напротив стояла деревянная кровать с узким тюфяком, когда-то выкрашенная желтой краской, но совсем побелевшая от времени. Стол, скамейка, стул, ночной столик, железный подсвечник дополняли более чем скромную меблировку. Комната эта находилась на самом верхнем этаже башни, плоская крыша которой, где день и ночь прохаживался часовой, служила ей потолком. Солдат отпер запоры и замки двери, обитой железом, и граф твердым шагом вошел в комнату. Бросив взгляд на эти холодные и печальные стены, в которых ему предстояло жить, он сел на стул, скрестил руки на груди, опустил голову и погрузился в размышления.

Солдат — или, лучше сказать, тюремщик — ушел и, вернувшись через час, нашел графа в том же положении. Человек этот принес простыню, одеяло, немного дров; два солдата, следовавшие за ним, несли чемодан с одеждой и бельем заключенного, который они поставили в углу комнаты и ушли. Тюремщик тотчас застелил постель, потом вымел комнату и затопил камин. Исполнив все это, он подошел к заключенному.

— Ваше сиятельство, — вежливо сказал он.

— Что вам угодно, друг мой? — спросил граф, приподнимая голову и смотря на него с кротостью.

— Комендант хочет поговорить с вами. Он должен сообщить вам нечто важное.

— Я к услугам господина коменданта, — лаконично отвечал граф.

Тюремщик поклонился и вышел.

— Чего хочет от меня этот человек? — прошептал граф, оставшись один.

Ожидание его было непродолжительным; дверь снова отворилась, и появился комендант. Заключенный поднялся, чтобы встретить его, поклонился и молча ждал, когда тот заговорит. Комендант сделал тюремщику знак уйти, потом, после нового поклона, сказал с холодной вежливостью:

— Граф, дворяне должны оказывать друг другу внимание. Хотя приказания, полученные мной от кардинала, очень строги, я желаю, однако, облегчить ваше пребывание в этих стенах, насколько мне позволяют мои обязанности; я пришел прямо сюда, чтобы поговорить с вами об этом.

Граф угадал, куда клонит комендант, но не высказал этого и отвечал:

— Господин комендант, я должен быть признателен за такой шаг с вашей стороны; будьте же добры, объясните мне, в чем состоят полученные вами приказания и каким образом возможно вам смягчить их. Но прежде всего, так как я нахожусь здесь у себя, — прибавил он с меланхолической улыбкой, — сделайте мне одолжение и сядьте.

Майор поклонился, но не сел.

— Это ни к чему, граф, — сказал он, — то, что я должен вам сказать, очень коротко. Прежде всего прошу вас оценить мою деликатность: я распорядился прислать сюда чемодан с вашими вещами, не осмотрев его, хотя имел на то право.

— Вижу и очень вам благодарен.

Майор поклонился.

— Вы сами военный, граф, — сказал он, — и знаете, что его преосвященство монсеньор кардинал хоть и великий человек, но не очень щедр к офицерам, которых старость или раны вынуждают выйти в отставку.

— Это правда, — заметил граф.

— В особенности это касается комендантов крепостей; хоть они и назначены королем, но вынуждены покупать за наличные деньги места своих предшественников и находятся в полнейшей нищете, если не накопят денег заранее.

— Я этого не знал; я думал, что начальство над крепостью служит наградой.

— Так оно и есть, граф; покупается место только в таких крепостях, которые, как эта, служат государственной тюрьмой.

— А! Очень хорошо.

— Вы понимаете, что это делается по причине тех выгод, которые комендант имеет право извлекать из общения с вверенными ему заключенными.

— Понимаю как нельзя лучше. Много ли содержится несчастных в этом замке, подвергшихся немилости его преосвященства?

— Увы! Вы один. Вот по какой причине желал бы я мирно договориться с вами.

— Поверьте, что я сам очень этого желаю.

— Я в этом убежден и потому приступлю прямо к делу.

— Приступайте, приступайте; я слушаю вас с самым серьезным вниманием.

— Мне приказано не позволять вам общаться ни с кем, кроме вашего тюремщика, не давать вам ни книг, ни бумаги, ни перьев, ни чернил, никогда не позволять вам выходить из этой комнаты; кажется, очень опасаются, что вы убежите отсюда, а его преосвященство, должно быть, хочет вас удержать.

— Я очень признателен его преосвященству, но, к счастью для меня, — улыбаясь отвечал граф, — вместо того, чтобы иметь дело с тюремщиком, я завишу от храброго воина, который, строго исполняя свои обязанности, считает бесполезным мучить заключенного, уже и без того несчастного, так как он заслужил немилость короля и всесильного кардинала.

— Суждение ваше обо мне верно, граф; как ни строги эти приказания, я один распоряжаюсь в этой крепости, где мне нечего опасаться контроля, и надеюсь, что буду в состоянии смягчить предписанную в отношении вас строгость.

— Каковы бы ни были ваши намерения на этот счет, позвольте мне в свою очередь поговорить с вами откровенно, как подобает честному офицеру. Так как, без сомнения, я останусь в заключении очень долго, деньги для меня совершенно бесполезны; не будучи богат, я пользуюсь, однако, некоторым достатком и очень этому рад, потому что этот достаток позволяет выразить вам признательность за то снисхождение, которое вы оказываете мне. Услуга за услугу, милостивый государь; я буду давать вам десять тысяч в год вперед, а вы, с вашей стороны, позвольте мне иметь, разумеется за мой счет, все вещи, которые могут скрасить тяготы моего заключения.

У майора закружилась голова: старый офицер за всю свою жизнь не имел такой большой суммы.

Граф продолжал, не показывая, что заметил, какое действие произвели его слова на коменданта:

— Итак, решено. К той сумме, которую король назначил вам для моего содержания, мы будем прибавлять двести ливров в месяц, то есть две тысячи четыреста в год на бумагу, перья, книги и прочее... даже положим для круглой цифры три тысячи; вы согласны?

— Ах! Этого много, даже слишком много.

— Нет, потому что я помогаю благородному человеку, который останется мне признателен.

— Ах! Я останусь вам признателен вечно! Прошу вас не сердиться на меня за мою откровенность, но вы заставьте меня желать, чтобы вы оставались здесь как можно дольше.

— Как знать, майор, может быть, мой отъезд будет для вас выгоднее моего пребывания здесь, — сказал граф с лукавой улыбкой. — Позвольте мне вашу записную книжку.

Майор передал. Граф вырвал листок, написал несколько слов карандашом и подал майору, говоря:

— Вот чек на тысячу шестьсот ливров, которые вы можете получить из банка Дюбуа, Лусталь и К° в Тулоне.

Комендант с радостным трепетом схватил бумагу.

— Но мне кажется, что на этой бумаге написано на восемьсот ливров больше той суммы, о которой мы условились.

— Правда, но эти восемьсот ливров назначены на покупку разных вещей, значащихся вот в этом списке и которые я прошу вас достать для меня.

— Завтра вы их получите, граф.

Поклонившись почти до земли, комендант вышел, пятясь задом.

— Я не ошибся, — весело прошептал граф, когда тяжелая дверь закрылась за майором, — я не ошибся, я верно оценил этого человека, в нем сосредоточились все пороки, но самый главный в нем порок — скупость! Кажется, я сделаю с ним все, что хочу. Но я не должен спешить, мне надо действовать очень осторожно.

В уверенности, что его не потревожат несколько часов, граф отпер чемодан, принесенный солдатами, чтобы удостовериться, правду ли сказал комендант и точно ли все вещи в целости. Действительно, чемодан был нетронут.

Предвидя вероятный арест, граф, перед тем как пуститься в погоню за герцогом Пеньяфлором, купил несколько вещей, которые теперь с величайшим удовольствием нашел в чемодане. Кроме одежды и белья, в чемодане лежала очень тонкая и крепкая веревка длиной в сотню метров, две пары

пистолетов, кинжал, шпага, порох и пули. Эти вещи, которыми граф запасся на всякий случай, комендант конфисковал бы без всякого зазрения совести, если бы обнаружил их. Стало быть, чемодан раскрыт не был.

Еще в чемодане лежали стальные и железные инструменты, а в двойном дне, старательно скрытом, — тяжелый кошелек с суммой в двадцать пять тысяч ливров золотом, не считая другой суммы, почти столь же значительной, испанскими дублонами, зашитыми в широкий кожаный пояс.

Как только граф удостоверился, что комендант ему не солгал, он старательно запер чемодан, повесил ключ на стальной цепочке себе на шею и спокойно сел у камина.

Размышления его были прерваны тюремным сторожем. На этот раз тюремщик принес ему не только полный набор постельного белья, гораздо лучше того, который он доставил прежде, но прибавил к нему ковер, зеркало и даже туалетные принадлежности. Стол он накрыл скатертью, на которую поставил довольно вкусный обед.

— Комендант просит у вас извинения, — сказал тюремщик, — завтра он пришлет вам все, что вы потребовали от него, а пока он прислал вам книги.

— Хорошо, друг мой, — отвечал граф, — как вас зовут?

— Ла Гренад.

— Комендант вас назначил служить мне, Ла Гренад?

— Да.

— Друг мой, я нахожу, что вы человек хороший, вот вам три луидора. Если я буду вами доволен, то каждый месяц буду давать вам столько же.

— Если б вы ничего не дали мне, — отвечал Ла Гренад, взяв деньги, — это не помешало бы мне служить вам со всем усердием, на которое я способен. Я беру эти три луидора только потому, что такой бедный человек, как я, не имеет права отказываться от подарка такого щедрого мсье, как вы. Но, повторяю вам, я готов служить вам и вы можете распоряжаться мною как вам угодно.

— Однако я вас не знаю, Ла Гренад, — с удивлением сказал граф, — откуда у вас такая преданность ко мне?

— Я готов сказать, если это вас интересует. Я дружен с мсье Франсуа Бульо, которому я многим обязан; это он приказал мне вам служить и повиноваться во всем.

— Как добр этот Бульо! — воскликнул граф. — Хорошо, друг мой, я не буду неблагодарным. Ступайте, вы мне не нужны теперь.

Тюремщик подложил дров в камин, зажег лампу и ушел.

— Ах! — сказал граф, смеясь. — Прости, Господи! Мне кажется, что, хотя я кажусь пленником, по сути я являюсь таким же хозяином в этой крепости, как и комендант, и в тот день, когда я захочу, выйду отсюда, и этому не воспротивится никто. Что подумал бы кардинал, если бы знал, каким образом исполняются его приказания?..

Он сел за стол, развернул салфетку и с аппетитом принялся за обед.

Все случилось так, как было условлено между заключенным и комендантом. Прибытие графа де Бармона в крепость оказалось крайне прибыльно для майора, который с тех пор, как получил командование над этой крепостью, не имел еще случая извлечь хоть какую-нибудь выгоду из своего положения. Поэтому он обещал себе возместить сполна вынужденное отсутствие доходов за счет своего единственного пленника.

Комната графа была меблирована так прилично, как только возможно. Ему дали — разумеется, за очень большую сумму — все книги, какие он просил, и даже позволили прогулки на площадке башни. Граф был счастлив, насколько позволяли обстоятельства, в которых он находился. Никто не предположил бы, видя, как он усердно трудится над математикой и навигацией — он чрезвычайно заботился об усовершенствовании своего морского образования, — что человек этот питает в сердце мысль о неумолимом мщении и что эта мысль не оставляет его ни на мгновение.

С первого взгляда намерение графа позволить своим врагам заключить себя в тюрьму, когда так легко было остаться на свободе, может показаться странным; но граф принадлежал к числу тех словно высеченных из гранита людей, намерения которых остаются неизменными, которые, раз приняв какое-то решение, с величайшим хладнокровием рассчитав возможности успеха и неудачи, идут прямо по намеченному пути, не обращая внимания на препятствия, встречающиеся на каждом шагу, и преодолевают их, потому что они решили, что все должно быть именно так. Такие характеры возвеличиваются в борьбе, достигая рано или поздно назначенной цели.

Граф понял, что всякое сопротивление кардиналу кончится для него верной гибелью. Множество доказательств подтверждало эту мысль. Убежав от стражей, которые вели его в тюрьму, он остался бы на свободе, это правда, но изгнанный, он был бы вынужден покинуть Францию и скитаться в чужих краях, одинокий, без средств, вечно

настороже, вечно остерегаясь, не имея никакой возможности что-либо узнать о человеке, которому жаждал отмстить, кто отнял у него любимую женщину и разбил не только его карьеру, но и счастье. Граф был молод, он мог ждать; кроме того, как он сказал Бульо в минуту откровения, он искал страдание для того, чтобы убить в себе всякое человеческое чувство, еще оставшееся в сердце, и явиться перед врагом совершенно неуязвимым.

И кардинал Ришелье, и Людовик XIII к тому времени были серьезно больны. Смерть их должна была привести к смене царствования через два, три, четыре года, никак не позже, и одним из последствий этой двойной кончины должен был стать выход на свободу всех узников тюрем, заключенных покойным министром. Графу было двадцать пять лет; следовательно, у него впереди было много времени, тем более что, вернувшись на свободу, он вступит во все свои права и в качестве врага кардинала Ришелье будет хорошо принят при дворе. Таким образом у него появится возможность воспользоваться всеми выгодами своего положения против врага.

Только люди, одаренные непоколебимым характером и уверенностью в себе, способны на такие расчеты, и этим людям, так решительно полагающимся на случай, всегда удается все, что они хотят сделать, если только смерть не остановит их.

Через Ла Гренада, с молчаливого согласия коменданта, который закрывал глаза с очаровательной беспечностью, граф не только узнавал все, что происходило вне стен тюрьмы, но и получал письма от своих друзей и даже отвечал на них.

Однажды Ла Гренад передал ему за завтраком письмо. Письмо было от герцога де Белльгарда, а доставил его Мигель — добрый моряк не захотел жить вдали от своего бывшего командира и сделался рыбаком в Антибе, а Тихий Ветерок определился к нему в помощники. Граф поручил Ла Гренаду просить коменданта уделить ему несколько минут. Майор знал, что каждое посещение своего пленника приносит ему выгоды, и поспешил к нему в комнату.

— Вы знаете новость? — тотчас спросил его граф.

— Какую новость, граф? — сказал майор с удивлением, так как действительно ничего не знал.

Находясь на окраине королевства, комендант узнавал все новости только случайно.

— Кардинал умер; я узнал это из достоверного источника.

— О-о! — только и сказал майор, сложив руки. Эта смерть могла лишить его места.

— Его величество король Людовик Тринадцатый очень болен, — прибавил граф.

— Боже мой, какое несчастье! — вскричал комендант.

— Это несчастье может быть счастьем для вас, — заметил граф.

— Счастьем?! Когда я могу лишиться своего места! Ах, граф! Куда же я денусь, если меня прогонят отсюда?

— Весьма вероятно, что так оно и случится, — сказал граф. — Вы всегда были большим приятелем покойного кардинала.

— К несчастью! — прошептал майор, растерявшись и понимая справедливость замечания графа.

— Но есть способ устроить это дело.

— Какой же способ, граф? Скажите, умоляю вас!

— Вот какой. Выслушайте меня хорошенько; то, что я вам скажу, очень важно.

— Я слушаю, граф.

— Вот письмо к герцогу де Белльгарду. Поезжайте немедленно в Париж через Тулон, где вы получите по этому чеку две тысячи ливров на дорожные расходы. Герцог ко мне очень расположен. Он примет вас хорошо; передайте ему письмо и повинуйтесь во всем, что он скажет.

— Да, да, граф.

— А если не позже, чем через месяц...

— Не позже, чем через месяц... — повторил комендант, едва переводя дух от нетерпения.

— ...вы привезете мне сюда мое полное и окончательное помилование, подписанное его величеством Людовиком Тринадцатым...

— Как?! — вскричал комендант с удивлением.

— ...я немедленно отсчитаю вам, — холодно продолжал граф, — пятьдесят тысяч ливров, чтобы вознаградить за те неудобства, которые причинит вам мое освобождение.

— Пятьдесят тысяч ливров! — вскричал майор, и глаза его сверкнули алчностью.

— Да, пятьдесят тысяч ливров, — подтвердил граф. — Сверх того я обязуюсь, если вы желаете, оставить вас на этом месте. Ну как, решено?

— Но как же я должен действовать в Париже, граф?

— Согласно указаниям, которые вы получите от герцога де Белльгарда.

— То, что вы от меня требуете, очень затруднительно.

— Совсем не так, как вы думаете. Правда, если это поручение для вас неудобно...

— Я этого не говорил.

— Как хотите. Так беретесь вы или нет?

— Берусь, граф, и беру пятьдесят тысяч!

— И едете?

— Завтра же.

— Нет, сегодня вечером.

— Хорошо, сегодня.

— Вот письмо и чек. Да, кстати! Постарайтесь связаться с антибским рыбаком Мигелем.

— Я его знаю, — улыбаясь сказал майор.

— А-а! — сказал граф. — Кроме того, не плохо бы отыскать полицейского, который привез меня сюда, Франсуа Бульо.

— Я знаю, где его найти, — отвечал майор с той же хитрой улыбкой.

— Очень хорошо! Раз так, любезный комендант, мне нечего больше прибавить, остается пожелать вам благополучного пути.

— Путь будет благополучным, граф, клянусь вам.

— Правда, сумма-то порядочная. Пятьдесят тысяч!..

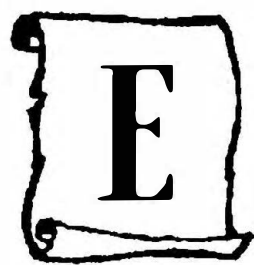
— Я не забуду этой цифры.

С этими словами майор простился со своим пленником и удалился с низкими поклонами.

— Кажется, скоро я буду свободен! — вскричал граф, оставшись один. — Ах, герцог, наконец-то мы сразимся на равных!

Глава IX

Де л'Урсьер

Если бы граф де Бармон мог сквозь толстые дубовые доски, обитые железом, увидеть выражение лица коменданта, когда тот вышел из его комнаты, он не стал бы так громко провозглашать свою победу и не считал бы себя столь близким к освобождению.

Едва только у майора исчезла необходимость опасаться пронизывающего взгляда пленника, как его лицо немедленно приняло выражение циничной злобы, которое невозможно передать, глаза засверкали мрачным огнем, а на тонких бледных губах мелькнула насмешливая улыбка.

Наступила ночь, и темнота сгущалась с каждой минутой. Майор вернулся в свою комнату, надел толстый плащ, нагнул на глаза шляпу и позвал своего помощника. Тот явился немедленно. Это был человек лет сорока, с умным лицом, черты которого выражали кротость, даже доброту.

— Я сейчас еду в Антиб, — сказал ему комендант, — куда меня призывают важные дела; вероятно, мое отсутствие продолжится несколько дней. На это время я поручаю вам командование крепостью. Наблюдайте в особенности за тем, чтобы заключенный не смог, если захочет — чего, впрочем, я не думаю — попытаться бежать. Эти попытки, хотя, как правило, не удаются, но роняют авторитет коменданта крепости.

— Буду наблюдать с величайшим старанием, господин майор.

— Есть у нас в гавани какая-нибудь рыбацья лодка? Я предпочел бы не брать лодок из крепости — гарнизон у нас совсем маленький.

— Кажется, лодка рыбака Мигеля, в которой вы обычно ездите, час тому назад находилась в гавани, но, может быть, он отправился по своему обыкновению бросить невод.

— Гм! — сказал майор. — Даже если и так, я не хочу заставлять бедного человека терять время. Эти рыбаки небогаты; каждая минута, отнятая у них, лишает их и без того ничтожной прибыли, которую может им принести продолжительная и трудная ночь.

Офицер поклонился, по-видимому разделяя филантропические мысли своего начальника, хотя на лице его отразилось удивление от подобных слов майора.

— Нет ли здесь других лодок? — спросил майор, принимая равнодушный вид.

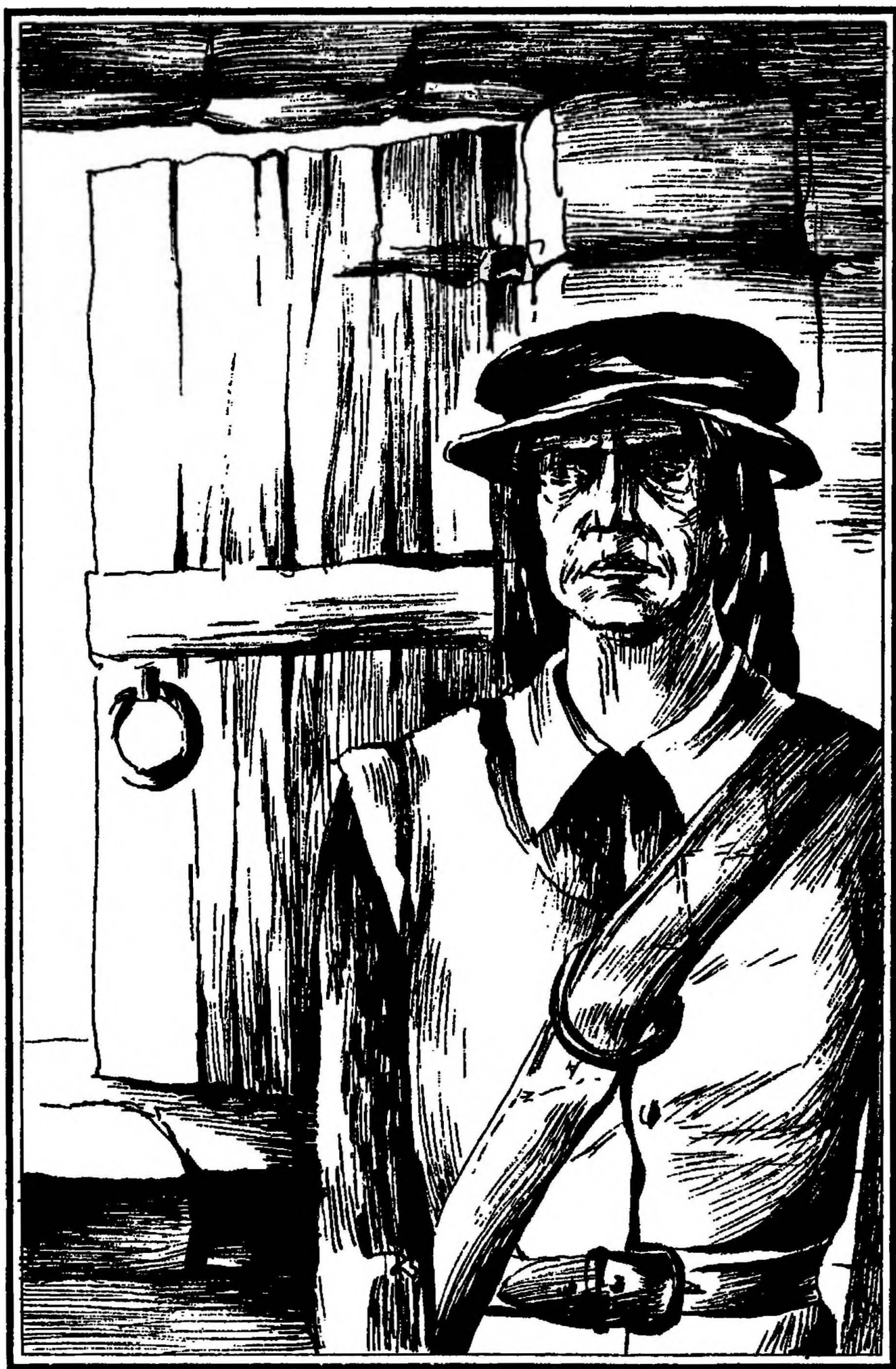
— Люгер контрабандистов готовится в эту минуту выйти в море.

— Хорошо; предупредите хозяина, что я собираюсь отправиться на его судне, и, пожалуйста, поспешите, я тороплюсь.

Офицер ушел исполнить приказание. Майор взял несколько бумаг, вероятно важных, из надежно запертой железной шкатулки, спрятал эти бумаги в карман, закутался в плащ и вышел из крепости; по дороге часовые отдавали ему честь.

— Ну что? — спросил он офицера, который шел ему навстречу.

— Я говорил с хозяином; он ждет вас.

— Благодарю. Теперь возвращайтесь в крепость и внимательно наблюдайте за пленником до моего возвращения.

Простившись с офицером, майор пошел к набережной, где его ждала шлюпка с люгера. Как только комендант взошел на люгер, поставили паруса, и хозяин почтительно приблизился к майору.

— Куда мы направляемся, господин комендант? — спросил он, снимая шляпу.

— А-а! Это вы, Нико? — спросил комендант, который, часто имея дело с контрабандистами, знал большинство по именам.

— Я к вашим услугам, господин комендант, — вежливо ответил хозяин.

— Скажите мне, — продолжал майор, — не хотите ли вы заработать десять луидоров?

Моряк расхохотался.

— Вы, верно, смеетесь надо мной, господин комендант, — сказал он.

— Вовсе нет, — нетерпеливо произнес майор, — вот вам доказательство, — прибавил он, вынимая из кармана горсть золота. — Я жду ответа.

— Вам известно, господин комендант, что десять луидоров — сумма порядочная для такого бедного человека, как я. Я вовсе не прочь заработать желтенькие; что я должен сделать?

— О, Боже мой! Дело очень простое — доставить меня на Сент-Онорат, где мне хочется погулять.

— Это ночью-то? — удивленно спросил хозяин судна.

Майор прикусил губу, понимая, что сказал глупость.

— Я большой любитель всего живописного и хочу любоваться видом монастырских развалин при лунном свете.

— У всякого свой вкус, — отвечал хозяин, — и так как вы мне платите, господин комендант, то мне до этого нет никакого дела.

— Это правда. Везите же меня на Сент-Онорат, посадите на берег в вашей шлюпке и ждите в море. Вы согласны?

— Вполне.

— Я очень люблю уединение и непременно хочу, чтобы никто из ваших людей не сходил на остров, пока я буду там.

— Весь экипаж останется на люгере, не беспокойтесь.

— Хорошо, вот вам деньги.

— Благодарю.

Легкий люгер понесся по волнам к острову Сент-Онорат, мрачные очертания которого вырисовывались на горизонте.

Путь был недолгим для такого легкого судна, как этот люгер. Скоро юркое суденышко оказалось напротив острова. Хозяин велел лечь в дрейф и спустить шлюпку на воду.

— Господин комендант, — сказал он, почтительно снимая шляпу и останавливая майора, который ходил взад и вперед по палубе, — шлюпка ждет вас.

— Уже? Прекрасно! — ответил майор.

В ту минуту, как он спускался в шлюпку, хозяин люгера остановил его.

— Есть у вас пистолет?

— Пистолет? — повторил майор, обернувшись. — Зачем? Ведь этот остров пуст.

— Абсолютно.

— Стало быть, я не подвергаюсь никакой опасности.

— Ни малейшей; я задал вопрос совсем не потому.

— Почему же?

— Сейчас темно, луны нет, в десяти шагах невозможно ничего разглядеть; как же я узнаю, что вы вернулись на люгер, если вы не предупредите меня сигналом?

— Да, правда! Как же быть?

— Вот пистолет; он не заряжен, но на полке есть порох.

— Благодарю, сказал майор, взяв пистолет и заткнув его за пояс.

Он спустился в шлюпку, которая прыгала на волнах, и четыре сильных матроса взялись за весла.

— Счастливого пути! — сказал хозяин.

Майору показалось, что это пожелание было произнесено насмешливым тоном, но он не придал этому никакого значения и стал всматриваться в очертания приближавшегося острова. Скоро нос шлюпки закрипел по песку, — они добрались. Майор сошел на берег и, приказав матросам возвращаться на судно, закрыл лицо плащом и удалился большими шагами, сразу исчезнув в темноте.

Однако вместо того, чтобы выполнять приказание, три матроса в свою очередь сошли на берег и отправились вслед за майором, стараясь держаться так, чтобы их не было заметно, а четвертый остался караулить шлюпку, спрятав ее за узким рифом и прикрепив к обломку скалы. После чего он с ружьем в руке вышел на берег и стал на одно колено, устремив глаза в темноту, в позе охотника, подстерегающего дичь.

Между тем майор продолжал свой путь в направлении развалин, величественный силуэт которых начинал уже вырисовываться на фоне темного неба, приняв из-за окружаю-

щего мрака еще более таинственный вид. Майор, убежденный, что его приказание исполнено беспрекословно — он не имел никакой причины не доверять хозяину люгера, всегда старавшемуся ему угодить, — шел, не оборачиваясь, не принимая никаких мер предосторожности, которые он считал бесполезными, и абсолютно не подозревал, что несколько человек следовали за ним и внимательно наблюдали за всеми его поступками. По легкости, с какой он находил дорогу в темноте, нетрудно было догадаться, что он не в первый раз посещает это место, казавшееся таким уединенным и пустынным.

Углубившись в развалины, де л'Урсьер миновал монастырь, заваленный обломками, и, пробравшись сквозь камни и терновник, вступил в монастырскую церковь, великолепный образчик чистейшего римского стиля, купол которой обрушился; среди разбитых колонн остались только хоры и клирос.

Внимательно осмотрев окружающие его предметы, будто ожидая увидеть кого-то, майор решился наконец три раза хлопнуть в ладоши. В ту же самую минуту в двух шагах от него возникла человеческая фигура. Появление было таким внезапным, что майор вздрогнул и сделал шаг назад, молниеносно положив руку на эфес шпаги.

— А-а! — насмешливо сказал незнакомец. — Уж не принимаете ли вы меня за привидение, что так испугались?

Этот человек был закутан в толстый плащ, складки которого полностью скрывали его, а шляпу с перьями и широкими полями он опустил на лицо так, что его решительно нельзя было узнать. Только ножны длинной рапиры, приподнимающие плащ, показывали, что, кто бы ни был этот человек, он пришел на свидание не безоружным.

— Я к вашим услугам, милостивый государь, — сказал майор, поднося руку к шляпе, но не снимая ее.

— И, без сомнения, готовы мне служить, — улыбаясь, произнес незнакомец.

— А это смотря по обстоятельствам, — невежливо ответил майор, — времена изменились.

— Та-ак! — сказал незнакомец все так же с насмешкой. — А что же нового? Очень хотелось бы узнать от вас.

— Вы и сами все прекрасно знаете.

— Все равно, скажите мне, что же это за важные новости вдруг изменили наши дружественные отношения?

— Нечего тут насмехаться. Я вам служил — вы мне платили, мы квиты.

— Может быть... Но продолжайте. Вы мне хотите предложить, вероятно, какое-то новое условие?

— Я ничего не хочу вам предлагать, я пришел, потому что вы изъявили желание меня видеть, вот и все.

— А вашим пленником вы все еще довольны?

— Больше прежнего; это очаровательный молодой человек, который, конечно, не заслуживает своей несчастной участи. Я искренне сочувствую ему.

— Черт побери! Стало быть, все обойдется дороже... Я не учел вашего сочувствия; я вижу, что ошибся.

— Что вы хотите сказать? — вскричал майор, приняв обиженный вид.

— Именно то, что говорю. Вы не обманете меня вашей совестливостью, вы хватаете обеими руками вот уже полтора года. Кардинал умер и король при смерти — вот что вы хотите мне сообщить, не правда ли? Грядет новое царствование, и вполне вероятно, что из духа противоречия новое правительство пойдет наперекор предшествовавшему и первой его заботой будет раскрыть темницы. Вы хотели мне сказать еще, что граф де Бармон, имеющий при дворе преданных друзей, скоро должен быть освобожден. Я знаю все это так же хорошо, как вы, и даже лучше вас, но что мне за дело!

— Как, что за дело?

— Конечно, если у графа де Бармона есть преданные друзья, то есть также и смертельные враги; запомните это хорошенько.

— Ну и что же из этого?

— А то, что через четыре дня вы получите приказ, подписанный самим Людовиком Тринадцатым.

— Что же будет заключаться в этом приказе?

— О, Боже мой! Так, ничего особенного, просто-напросто граф будет немедленно переведен с острова Сент-Маргерит в Бастилию, а тот, кто попадает в Бастилию, — прибавил незнакомец мрачным голосом, заставившим майора невольно вздрогнуть, — навсегда вычеркивается из числа живых и выходит оттуда только мертвым или сумасшедшим. Понимаете ли вы меня теперь?

— Да, я понимаю. Но откуда вам знать, не убежит ли граф за эти четыре дня, о которых вы говорите?

— О! При таком коменданте, как вы, эта случайность кажется мне невероятной.

— Э-э! Рассказывают весьма необыкновенные вещи о побеге пленников...

— Но меня одно успокаивает относительно этого побега.

— Что же?

— Граф сам объявил, что не согласится никогда бежать и не хочет быть свободным.

— Вы ошибаетесь, теперь он передумал и хлопочет через своих друзей об освобождении.

— А-а! Вот оно что! — сказал незнакомец, бросив на майора взгляд, молнией сверкнувший в темноте.

Комендант поклонился. Наступило молчание, во время которого не слышалось другого шума, кроме полета ночных птиц в развалинах.

— Прекратим пустую болтовню, — сказал незнакомец твердым голосом, — сколько вы хотите за то, чтобы пленник не убежал до получения приказа короля?

— Двести тысяч, — грубо ответил майор.

— Не правду ли я сказал, что все обойдется дорого? — насмешливо заметил незнакомец.

— Дорого или нет, а это моя цена, и я ничего не сбавлю.

— Хорошо, вы получите эти деньги.

— Когда?

— Завтра.

— Это слишком поздно.

— Что? — надменно спросил незнакомец.

— Я сказал, что это слишком поздно, — невозмутимо повторил майор.

— Когда же вы хотите их получить?

— Сейчас.

— Неужели вы думаете, что я ношу при себе двести тысяч?

— Я этого не говорю, но я могу отправиться с вами в Антиб, где вы и отсчитаете мне всю сумму.

— Все бы хорошо, если бы не одно обстоятельство.

— Какое же?

— Если я вам назначил свидание здесь, если я прихожу сюда переодетый и один, то, вероятно, у меня есть на то причины.

— Причины остаться неизвестным...

— Вы очень проницательны. Однако мы можем договориться.

— Не вижу, каким образом, если только вы не согласитесь на мое требование.

— Вы знаете толк в брильянтах, ведь мы до сих пор иначе и не имели дело.

— Знаю немного.

— Вот этот брильянт стоит сто тысяч экю, возьмите его.

Он подал футляр из черной шагреновой кожи. Майор быстро схватил его.

— Но каким образом я удостоверюсь, что вы не обманываете меня?

— Трогательное доверие, — рассмеялся незнакомец.

— Дела должны оставаться делами; я рискую своей шкурой, чтобы услужить вам.

— Насчет вашей шкуры не беспокойтесь. На этот счет вам нечего беспокоиться; но я исполню ваше желание.

Вынув из-под плаща потайной фонарь, он направил свет на брильянт. Майору было достаточно одного взгляда, чтобы удостовериться в размерах награды, назначенной ему.

— Вы довольны? — спросил незнакомец, пряча фонарь обратно под плащ.

— Вот доказательство, — ответил майор, пряча футляр и подавая незнакомцу связку бумаг.

— Что это? — спросил незнакомец.

— Бумаги, очень важные для вас в том отношении, что вы почерпнете из них сведения о друзьях графа и о средствах, к которым они могут прибегнуть, чтобы вернуть ему свободу.

— Право, — вскричал незнакомец, с живостью схватив бумаги, — я не жалею, что так дорого заплатил за ваше содействие! Теперь мы все сказали друг другу.

— Похоже.

— Прощайте же! Когда вы мне понадобится, я вас предупрежу.

— Вы уже уходите?

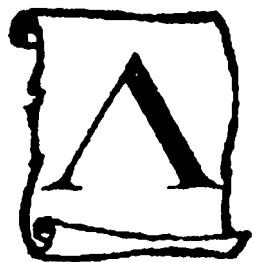
— Что же еще делать в этом совином гнезде? Кажется, пора каждому из нас возвращаться к тем, кто его ждет.

Слегка махнув майору рукой, незнакомец повернулся и исчез за развалинами алтаря. В ту же секунду незнакомца схватили несколько человек, схватили так быстро, что он не только не смог сколько-нибудь защититься, но и очутился связанным и с кляпом во рту, прежде чем опомнился от удивления, вызванного этим нападением. Безмолвные враги бросили его в таком виде, катающимся по земле в бессильной ярости, и исчезли в темноте, не заботясь более о нем. Майор после некоторой нерешительности также собрался уйти и медленно направился к берегу. Там, по совету Нико, он выстрелил из пистолета в воздух, после чего продолжал продвигаться медленными шагами. Шлюпка подплыла к нему, майор молча сел и через двадцать минут снова очутился на судне, где Нико почтительно принял его, держа шляпу в

руке. Шлюпку подняли, люгер распустил паруса и поплыл с попутным ветром.

Глава X

Люгер «Чайка»

Люгер «Чайка» был судном водоизмещением в девяносто тонн, с четырьмя пушками, которые делали его больше похожим на пиратский корабль, чем на мирное каботажное судно. Однако уже около года, как этот легкий люгер курсировал вдоль берегов Прованса и Леренских островов, и ничего худого о нем никогда не говорили. Хозяин этого судна, Нико, слыл честным и добрым малым, хотя немного грубым и задиристым. Эти недостатки, принадлежащие, впрочем, почти всем морякам, нисколько не уменьшали доброй славы, которой пользовался командир «Чайки».

Майор де л'Урсьер по прибытии на люгер тотчас отправился в каюту и, войдя туда, с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть от удивления. В каюте находился человек, который сидел за столом, небрежно потягивал ром, смешанный с водой, и курил огромную трубку, окутав все вокруг огромным облаком синеватого дыма, охватившего его, как ореол. В этом человеке майор узнал Мигеля Баска, рыбака. После секундной нерешительности майор вошел. Хотя присутствие этого человека на люгере было довольно странным, однако не могло испугать майора, не имевшего никакой причины предполагать, что Мигель относится к нему враждебно и поэтому его следует опасаться.

При шуме, произведенном майором у входа в каюту, матрос обернулся к нему, не вынимая трубки изо рта. Однако, поднося к губам стакан, который держал в правой руке, Мигель сказал насмешливым тоном:

— Э! Да это, если не ошибаюсь, наш достойный комендант! Очень рад вас видеть, майор.

— Скажите пожалуйста, — ответил майор, подражая Баску, — да это наш Мигель! По какому случаю я застаю вас здесь, когда были все основания предполагать, что вы заняты в эту минуту рыбной ловлей?

— Ба-а! — сказал Мигель с насмешкой. — Рыбу можно ловить везде, и здесь — не хуже, чем в другом месте... Что же вы не садитесь, майор, или вы боитесь унизиться, сев возле такого человека, как я?

— Вы не должны так говорить, — ответил майор, присаживаясь на стул.

— Вы не курите? — спросил Мигель.

— Нет, это развлечение для моряков.

— Это правда, майор, — но вы пьете, я полагаю?

Майор подал свой стакан, который матрос наполнил до краев.

— Ваше здоровье, майор; уж вас-то я не ожидал увидеть здесь.

— Серьезно?

— Право, так.

— Ну, говоря откровенно, и я не думал вас здесь встретить.

— Вы с Сент-Онората?

— Вы не можете не знать этого, коли я нашел вас здесь.

— Так это мы на вас потратили два часа, лавируя между островами, рискуя наткнуться на какой-нибудь бурун, вместо того, чтобы заниматься нашими делами?

— Как это, вашими делами? Разве вы заделались контрабандистом?

— Я занимаюсь всем, — лаконично отвечал Мигель, наполняя свой стакан.

— Но за коим чертом вы здесь? — спросил майор.

— А вы? — ответил Мигель вопросом на вопрос.

— Я... я... — в замешательстве начал майор.

— Вы колеблетесь, — с насмешкой продолжал Мигель, — хотите, я скажу вам?

— Вы, Мигель?

— Вы ездили на остров Сент-Онорат любоваться природой, не так ли? — сказал Мигель с громким хохотом.

— Действительно, я всегда имел склонность ко всему живописному... Но я вспомнил, что забыл сказать Нико, где мне надо сойти на берег.

Он сделал движение, чтобы встать.

— Не нужно, — сказал матрос, заставляя его сесть.

— Как же, не нужно? Напротив, нельзя медлить...

— А я говорю, что вам придется пока посидеть, майор, — решительно перебил матрос, — мне надо прежде поговорить с вами.

— Поговорить со мной?! — с изумлением вскричал майор.

— Так точно, майор, — сказал Мигель с сарказмом в голосе, — я должен вам сказать нечто очень важное. В вашей чертовой крепости это невозможно: там у вас множество солдат и тюремщиков, которые, стоит вам нахмурить брови,

схватят вашего собеседника и без церемоний бросят в какую-нибудь яму, где и оставят гнить без всякого зазрения совести. Это очень неприятно, честное слово. Здесь гораздо удобнее, я не боюсь, что вы заключите меня в тюрьму, поэтому и хочу воспользоваться представившимся случаем высказать вам то, что у меня на сердце.

Майор в душе не на шутку встревожился, еще не зная точно, чего именно должен опасаться, до того обращение этого матроса, который всегда был с ним вежлив до раболепия, казалось ему странным. Однако он не показал вида и, небрежно облокотившись о стол, сказал:

— Хорошо, поговорим, если вам так хочется, добрый Мигель. Мне торопиться некуда.

Матрос чуть подвинул стул и очутился прямо напротив дел'Урсьера. Посмотрев на него с лукавым видом и отпив ром, он вдруг сказал, стукнув пустым стаканом о стол:

— Премилая у вас страсть, майор, отправляться по ночам любоваться впотьмах развалинами монастыря, премилая страсть! При этом, как я узнал, она вам приносит большие барыши.

— Что вы хотите сказать? — вскричал майор, побледнев.

— То, что говорю! Уж не верите ли вы в случайность, майор?

— Но...

— В случайность, по которой встретили меня здесь и по которой нашли на пустынном острове брильянт в триста тысяч? Ведь и та и другая случайности совершенно невозможны.

На этот раз майор и не пытался отвечать; он понял, что попался. Мигель продолжал насмешливым тоном:

— Конечно, действовать так, как вы, очень умно, можно быстро разбогатеть, хватая обеими руками, только ремесло это очень ненадежно.

— Вы меня оскорбляете, негодяй! — пролепетал майор. — Берегитесь, я позову...

— Полноте, — перебил матрос с громким смехом, — я не обращаю внимания на ваши оскорбления; я занят другим в эту минуту, а если вы хотите позвать кого-то, попробуйте, вы увидите, что получится.

— Но это измена!

— Еще бы! Ведь мы все более или менее изменники! И вы изменник, и я изменник, это уж точно; поверьте мне, бесполезно разговаривать на эту тему, гораздо лучше вернуться к нашему делу.

— Говорите, — пробормотал майор мрачным голосом.

— Послушайте, я хочу доказать вам, что я с вами полностью откровенен, и показать раз и навсегда, сколь напрасны ваши надежды относительно того, что случится здесь. Эй, Нико! — закричал он громким голосом, слегка ударив стаканом по столу. — Иди сюда, мой милый!

На лестнице раздались тяжелые шаги, и тотчас лукавое лицо Нико появилось в дверях.

— Чего ты хочешь, Мигель? — спросил он, делая вид, будто не замечает присутствия майора.

— Совсем немного, — отвечал матрос, указывая на офицера, побледневшего от волнения, — одного простого вопроса, чтобы доставить удовольствие этому господину.

— Говори.

— Кто теперь командует люгером «Чайка», в каюте которого мы находимся в данную минуту?

— Ты.

— И все на люгере, включая и тебя, обязаны мне повиноваться?

— Непременно, да еще и без малейшего возражения.

— Очень хорошо; положим, Нико, я прикажу тебя схватить майора, привязать ему к ногам два ядра и бросить в море; что ты сделаешь, мой милый?

— Что я сделаю?

— Да.

— Я повинуюсь.

— Без возражений?

Нико пожал плечами.

— Прикажешь? — сказал он, протянув свою широкую руку к майору, который задрожал всем телом.

— Не будем торопиться, — ответил Мигель, — возвращайся на палубу, но не уходи далеко; вероятно, ты скоро мне понадобишься.

— Хорошо, — ответил Нико и исчез.

— Теперь вы все узнали, господин майор, — сказал Мигель, небрежно повернувшись к испуганному коменданту, — и начинаете понимать, что, как я ни ничтожен по сравнению с вами, однако, по крайней мере на время, вы находитесь в моей власти.

— Признаю, — произнес майор слабым, дрожащим голосом.

— Раз так, я думаю, мы быстро пойдем друг друга.

— Приступайте же к делу без дальнейших околичностей.

— Хорошо! — грубо вскричал Мигель. — Вот это мне нравится. Благоволите вручить мне брильянт, который ваш сообщник передал вам в развалинах.

— Это грабеж! Я был о вас лучшего мнения, — произнес майор презрительно.

— Называйте это как хотите, — хладнокровно возразил матрос, — слова ничего не значат, а брильянт отдайте мне.

— Нет, — холодно ответил майор, — этот брильянт составляет все мое богатство, и вы получите его только вместе с моей жизнью.

— Это меня не остановит. Я вас убью, если будет нужно, а после возьму брильянт!

Он зарядил пистолет. Наступило молчание.

— Итак, вы непременно хотите отнять у меня этот брильянт?

— И брильянт, и еще кое-что другое.

— Я вас не понимаю.

Матрос встал, приставил пистолет к груди майора и, нахмутив брови, сказал:

— Вы меня поймете.

Майор почувствовал, что погиб — этот человек убьет его.

— Остановитесь, — сказал он.

— Вы согласны?

— Да, — сказал майор прерывающимся от бешенства голосом и, вынув футляр из кармана, прошептал: — Возьми и будь проклят!

Мигель заткнул пистолет за пояс, раскрыл футляр и внимательно рассмотрел брильянт.

— Тот самый! — сказал он, закрыл футляр и спрятал его в карман.

Несчастный комендант следил за всеми его движениями тусклым взором. Мигель сел на прежнее место, налил себе стакан рому, опорожнил его одним глотком и, откинувшись назад, принялся набивать свою трубку.

— Теперь поговорим, — заметил он.

— Как, поговорим? — спросил майор. — Разве мы еще не поговорили?

— Конечно, нет! Гм! Как вы торопитесь. Мы еще ничего не сказали друг другу.

— Чего же еще вы хотите от меня?

— Это упрек, но я приписываю его вашей досаде и не сержусь на вас. Неприятно, когда человека, бывшего всю жизнь бедным, вдруг лишили состояния, которого он наконец добился, причем лишили в одно мгновение. Выслушайте

же меня, майор, — продолжал Мигель, приняв добродушный вид и положив локти на стол, — состояние, которого вы лишились, легко будет вернуть назад, это зависит только от вас.

Майор вытаращил глаза, не зная, должен ли он верить словам матроса, но так как он ничем не рисковал, позволив Мигелю объясниться, то приготовился слушать с самым сосредоточенным вниманием. Его собеседник между тем продолжал:

— Неважно, как я узнал, но знаю наверняка, — неопровержимым доказательством чему служит брильянт, — что, с одной стороны, вы притворялись, будто принимаете живейшее участие в судьбе графа де Бармона, у которого вы, не в упрек вам будь сказано, посредством этого притворного сострадания выманили значительную сумму денег, а с другой стороны, вы изменяли ему без стыда и совести, оказывая услуги его врагам, от которых также получали хорошую плату. Это только к слову; бесполезно об этом рассуждать, — сказал Мигель, движением руки останавливая майора, который хотел что-то сказать. — Но я вбил себе в голову, что, несмотря на интриги его врагов, граф будет освобожден, и освобожден мною. Вот мой план — выслушайте хорошенько, господин комендант, потому что дело это касается вас больше, чем вы, по-видимому, предполагаете... Граф узнал о смерти кардинала Ришелье. Это я передал ему это известие в письме герцога де Белльгарда. Вы видите, я знаю все, или почти все. Он тотчас попросил вас к себе, вы явились. О чем вы говорили? Говорите и будьте откровенны; я слушаю вас.

— Зачем мне пересказывать вам этот разговор? — насмешливо спросил майор.

— Для моего личного удовольствия, — ответил Мигель, — и для вашей собственной пользы. Не спешите радоваться, майор, вы еще не высвободились из моих рук; поверьте мне, соглашайтесь добровольно, этого требуют ваши выгоды.

— Мои выгоды? — удивленно переспросил майор.

— Не беспокойтесь, когда придет время, я вам все объясню.

Старый офицер подумал и наконец решился говорить, дав себе слово, если представится случай, заставить матроса дорого поплатиться за причиненные беспокойство и унижение.

— Граф, — начал комендант, — просил меня съездить в Париж для переговоров с герцогом де Белльгардом, чтобы

привезти ему приказ об освобождении, который герцог должен был получить от короля.

— Хорошо. А когда же намеривались вы ехать в Париж?

— Я уехал.

— А-а! — сказал Мигель, смеясь. — Вы, кажется, остановились в дороге; но это ничего не значит. Все?

— Почти.

— Гм! Стало быть, есть еще кое-что?

— Почти ничего.

— Все равно, говорите, я очень любопытен. Граф ничего вам не обещал?

— Обещал.

— Сколько?

— Пятьдесят тысяч, — нехотя сказал майор.

— Э-э! Сумма хорошая, а вы собирались заработать ее довольно странным образом. Но я не хочу возвращаться к этому. Не хотите ли вы вернуть себе брильянт и в то же время получить пятьдесят тысяч, обещанные вам графом? Говорите, это зависит от вас.

— Вы насмехаетесь надо мной, вы шутите?

— Напротив, никогда еще я не говорил более серьезно. До прибытия графа в крепость вы были бедным человеком, всю жизнь перебивались кое-как и, сидя, как сова на старой стене, на вашем острове, подвергались риску умереть без единого су. Вот уже года полтора, как ваши дела совершенно изменились. Из тех денег, которые вы выманивали у графа, и из тех, которые давали вам его враги, вы успели сколотить довольно приличную сумму. Предположим, вы получите пятьдесят тысяч от графа и я возвращу вам брильянт — это составит вам состояние совершенно независимое, позволяющее вам окончить жизнь в радости и изобилии. Согласны вы на это?

— Конечно. Но пятьдесят тысяч я не получу, а брильянт вы у меня забрали.

— Это правда, но я уже говорил, что от вас, и только от вас самих зависит опять получить его.

— Что же я должен сделать для этого?

— Вот этого я ждал от вас, майор! Стало быть, вы согласны вступить в переговоры?

— Я вынужден это сделать; разве у меня есть свобода выбора в данную минуту?

— Свобода выбора есть всегда, стоит только захотеть, майор, и вы это знаете так же хорошо, как и я. Поскольку вы человек умный, вы должны понимать, что когда составишь

себе состояние более или менее честными средствами, то надо сохранить его во что бы то ни стало. И вы начинаете слушать предложения, которые, как вы можете догадаться, я приготовился сделать вам, гораздо внимательнее, так как убедились наконец, что ваши выгоды требуют договориться со мной.

— Предполагайте что хотите, мне все равно, но выскажите наконец эти предложения, чтобы я узнал, предписывает ли мне честь принять их, или я должен отказаться.

Мигель бесцеремонно засмеялся в ответ на эту речь, которой майор старался замаскировать свое согласие.

— Вместо того, чтобы ехать в Париж, — сказал Мигель, — возвращайтесь на Сент-Маргерит, ступайте к графу, скажите ему, что он свободен, и вместе с ним вернитесь на люгер, который будет вас ждать. Когда вы с графом придете на люгер, мы снимемся с якоря, тогда я возвращу вам брильянт, отсчитаю пятьдесят тысяч, а так как вы, без сомнения, не захотите после этого вновь принять начальство над крепостью, я перевезу вас и ваше богатство куда вам будет угодно, где вы сможете наслаждаться им без опасения.

— Но что я скажу графу, — заметил майор, — чтобы убедить его, будто он освобожден по приказу короля?

— Это меня не касается; это ваше дело, черт побери! Вы обижаете себя, любезный майор, заставляя меня сомневаться в силе вашего воображения. Ну, что вы думаете о моем предложении; принимаете вы его?

— Кто докажет, что вы меня не обманываете и что, когда я выполню все свои обязательства, вы так же строго выполните и ваше?

— Даю слово честного человека, которое, хотя этот человек и простой матрос, стоит слова дворянина.

— Я вам верю, — ответил майор, опустив глаза под сверкающим взглядом Мигеля.

— Итак, решено?

— Да.

— Хорошо. Эй, Нико! — закричал Мигель.

Хозяин люгера явился с быстротой, доказывавшей, что он в продолжение разговора находился поблизости от собеседников.

— Я здесь, Мигель, чего ты от меня хочешь?

— Где мы сейчас находимся? — спросил матрос.

— В пяти милях от Сент-Маргерит.

— Хорошо. Будем держаться здесь до рассвета; на восходе солнца мы подъедем к острову.

— Хорошо.

— Господин комендант, кажется, желает немножко отдохнуть. Не можешь ли ты поместить его где-нибудь, чтобы он мог поспать часа три—четыре?

— Ничего не может быть легче; так как я не лягу спать нынешней ночью, и ты также, конечно, то моя комната в распоряжении господина майора, если ему будет угодно.

Старый офицер был действительно разбит, не только от усталости и продолжительной бессонницы, но и от волнения, которое испытал за этот вечер. В уверенности, что ему нечего опасаться за свою безопасность, он без церемоний принял предложение хозяина люгера и ушел в каюту, дверь которой Нико вежливо распахнул перед ним.

Оба моряка вернулись на палубу.

— На этот раз, — сказал Мигель, — кажется, мы все придумали хорошо и наш план удастся.

— Готов согласиться с тобой, а все-таки с этим старым бакланом трудно было справиться!

— Не слишком, — сказал Мигель смеясь, — кроме того, у него не было выбора; волей-неволей, а он должен был согласиться.

Как было решено, всю ночь люгер крейсировал на расстоянии пяти миль от берега. На восходе солнца подошли к острову. Возле берегов ветер стих, так что потребовалось довольно много времени для того, чтобы легкое судно дошло до небольшой пристани, находившейся перед крепостью. Люгер сидел в воде так глубоко, что не мог подойти к самой набережной; поэтому он лег в дрейф на некотором расстоянии. Хозяин люгера Нико спустил шлюпку в море, а Мигель отправился в каюту предупредить майора.

Комендант уже проснулся. Освеженный сном, он смотрел теперь на свое положение более трезво и понимал, что предложенный ему способ выйти из затруднительного положения, в которое он сам себя поставил по причине своей жадности, был скорее выгоден, чем неприятен для него. Почти с веселым видом поздоровался он с Мигелем и без всякого внутреннего сопротивления пожал руку, протянутую ему.

— Где мы теперь, Мигель? — спросил он.

— Мы приехали, майор.

— Уже? Не боитесь ли вы, что немного рано выходить на берег?

— Нет; уже девять часов утра.

— Так поздно? Черт побери! Кажется, я неплохо поспал; я чувствую себя отлично.

— Тем лучше, майор, это хороший знак. Вы помните все наши условия, не правда ли?

— Абсолютно.

— И вы исполните их добросовестно?

— Добросовестно! Я в свою очередь даю вам честное слово и, что бы ни случилось, сдержу его.

— Мне приятно слышать это, я начинаю думать о вас иначе.

— Ба-а! — смеясь сказал майор. — Вы меня еще не знаете!

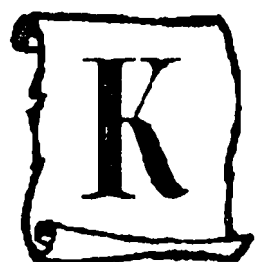
— Шлюпка готова; она ждет только вас.

— Если так, я иду за вами, Мигель. Теперь я так же тороплюсь закончить это дело, как и вы.

Майор вышел на палубу, сел в шлюпку, которая тотчас направилась к набережной. Сердце Мигеля сильно билось в то время, пока он следил тревожным взором за легкой шлюпкой, быстро удалявшейся от люгера к берегу.

Глава XI

Прощай, Франция!

Как только майор де л'Урсьер сошел на остров Сент-Маргерит, в крепости поднялась тревога. Накануне, оставляя остров, комендант объявил, что отсутствие его продлится одну неделю, а может быть, и все две. Помощник его, капитан, которому он передал командование над крепостью на время своего отсутствия, поспешно бросился к нему навстречу, горя любопытством узнать причину столь скорого возвращения. Майор сначала отвечал уклончиво, что известия, полученные им в дороге, заставили его немедленно вернуться. Разговаривая таким образом, он вошел в крепость и отправился прямо в свою комнату в сопровождении помощника, которого пригласил с собой.

— Милостивый государь, — сказал он, как только они остались одни, — немедленно выберите из гарнизона десять решительных человек и отправляйтесь с ними на рыбацкой лодке, которую по приезде я видел выброшенной на берег. Поручение, которое я даю вам, очень важно, и если вы исполните его хорошо, может доставить вам большие выгоды. Оно должно быть исполнено в глубочайшем секрете; это государственная тайна.

Помощник коменданта с признательностью поклонился. Очевидно, ему было лестно доверие начальника. Майор продолжал:

— Велите высадить себя на берег немного ниже Антиба и придержите лодку, которая понадобится вам для возвращения. Устройте все таким образом, чтобы войти в город ночью, не привлекая к себе внимания; разместите ваших людей как считаете нужным, не возбуждая недоверия, так чтобы иметь их под рукой в одну минуту. Завтра, в десять часов утра, явитесь к губернатору, вручите ему письмо, которое я вам дам, и будьте готовы исполнить его распоряжения. Вы поняли меня?

— Совершенно, господин комендант.

— В особенности я прошу вас соблюдать величайшую осторожность; помните — от успеха этого поручения, вероятно, зависит ваша карьера.

— Полностью повинуюсь вам, господин комендант. Я надеюсь, что, когда я возвращусь, я получу от вас только похвалы.

— Надеюсь... Ступайте же; вам надо выйти через полчаса. Пока вы собираетесь, я напишу письмо; оно будет готово, когда вы придете проститься со мной.

Помощник коменданта, почтительно поклонившись, удалился с радостью в сердце, не имея ни малейшего представления об измене, замышляемой начальником, и пошел наскоро готовиться к отъезду.

У майора под начальством был гарнизон из пятидесяти солдат, под командой трех офицеров, одного капитана и двух поручиков. Этот капитан, его помощник, мог оказаться помехой в исполнении того плана, который он задумал; — коменданту пришлось бы придумывать предлог, чтобы прикрыть в его глазах отсутствие письменного приказа об освобождении графа. После удаления капитана с майором оставались лишь два офицера, занимавших столь незначительные посты, что не могли позволить себе никаких замечаний и не смели не исполнять его приказаний, тем более что де л'Урсьер, в течение десяти лет бывший комендантом крепости, не подавал ни малейшего повода к оскорбительным для его чести предположениям.

Вынужденный обстоятельствами изменить своим обязанностям и навсегда удалиться за пределы отечества, которое он не надеялся больше увидеть после своего решительного поступка, майор хотел извлечь из своего неприятного положения все, что можно, и вследствие принятых мер надеялся

очутиться вне всякой опасности, когда измена его наконец откроется. Но из чувства справедливости, весьма похвального, особенно со стороны такого человека и при подобных обстоятельствах, майор хотел один нести тяжесть своего предательского поступка и не навлекать подозрений в сообщничестве на бедных офицеров, которые обязаны были повиноваться ему по долгу службы.

Он написал губернатору Антиба очень подробное письмо, в котором рассказал о задуманной им измене, которая уже свершится, когда губернатор прочтет это странное послание. Он изложил причины, вынуждающие его действовать подобным образом, приписав себе всю ответственность за этот поступок и полностью снимая со своих офицеров и солдат подозрения не только в каком-либо соучастии, но и в осведомленности, даже косвенной, о его намерениях. Исполнив эту обязанность, майор запечатал письмо и положил его на стол в ожидании возвращения своего помощника. Теперь дел'Урсьеру уже нельзя было отступать назад — надо было во что бы то ни стало идти вперед и преуспеть. Уверенность в гибели, если план его не удастся, отняла у него последние сомнения и вернула ему необходимое спокойствие для того, чтобы действовать с хладнокровием, требуемым обстоятельствами, в которые он попал. Вошел капитан.

— Ну что? — спросил майор.

— Я готов, господин комендант; солдаты уже находятся в рыбацкой лодке. Через десять минут мы покинем остров.

— Вот письмо, которое вы должны отдать в собственные руки губернатору Антиба. Помните мои инструкции.

— Я исполню их в точности.

— Итак, до свидания; да хранит вас Господь! — сказал майор, вставая.

Офицер поклонился и вышел. Майор следил за ним взглядом в полуоткрытое окно своей комнаты, видел, как он вышел из крепости, направляясь к берегу, сел в рыбацкую лодку; лодка отчалила, подняла парус и наконец тихо удалилась при попутном ветре.

— Уф! — сказал майор, запирая окно со вздохом облегчения. — С одним делом покончено, теперь перейдем к другому.

Но прежде всего старый офицер заперся в своей комнате, сжег одни бумаги, взял с собой другие, сложил кое-какие вещи в легкий чемодан, не желая брать с собой всего ему принадлежащего из опасения возбудить подозрение. Старательно спрятав под плащом небольшую железную шкатул-

ку, очень тяжелую, в которой без сомнения лежали его наличные деньги, он отпер дверь и позвал дежурного. Солдат явился.

— Попроси сюда поручиков де Кастэ и де Мерсея, мне нужно поговорить с ними, — сказал майор.

Поручики де Кастэ и де Мерсей немедленно явились, очень заинтересованные этой неожиданной аудиенцией; обычно комендант мало разговаривал со своими офицерами.

— Господа, — сказал он, отвечая на их поклон, — приказ короля заставил меня поспешно возвратиться сюда. Я должен доставить нашего заключенного, графа де Бармона, в Антиб, куда уже отправился ваш капитан с конвоем, достаточным для того, чтобы пресечь всякую попытку к бегству со стороны заключенного. Я действовал таким образом потому, что королю угодно, чтобы этот переезд графа из одного места в другое выглядел внешне как освобождение; именно в таком смысле я и буду говорить с заключенным, чтобы он ни о чем не подозревал. Во время моего отсутствия, которое продлится не более двух дней, вы, господин де Кастэ, как старший по чину, должны принять командование над крепостью. Мне приятно думать, господа, что я останусь вполне доволен исполнением ваших обязанностей за время моего отсутствия.

Офицеры поклонились. Привыкнув к извилистой и таинственной политике кардинала, они нисколько не были удивлены словам майора, потому что, хотя кардинал умер, король еще не мог за такое короткое время изменить систему своего правления.

— Отдайте приказание, чтобы заключенного привели ко мне; пока я буду объявлять ему об освобождении, — прибавил майор с насмешливой улыбкой, значения которой офицеры не могли понять, — велите отнести все его вещи в шлюпку контрабандного люгера, на котором я вернулся. Ступайте, господа.

Офицеры ушли. Граф очень удивился, когда Ла Гренад отворил дверь его тюрьмы и пригласил следовать за ним, говоря, что комендант желает говорить с ним. Он думал, что майор отправился в Париж, как они условились накануне, и не понимал причины его присутствия в крепости после тожественного обещания, которое тот дал накануне.

Еще одно обстоятельство крайне удивило графа: с тех пор как он был в заключении, комендант никогда не требовал его к себе, а, напротив, всегда сам приходил к нему. Мысли его

окончательно смутились, когда Ла Гренад сказал, чтобы он уложил вещи в чемодан и запер его на ключ.

— Но для чего эти нелепые предосторожности? — спросил граф.

— Всяко может случиться, — лукаво ответил тюремщик, — предосторожности никогда не помешают; на вашем месте я надел бы шляпу и взял плащ.

Говоря таким образом, солдат активно помогал ему укладывать вещи в чемодан.

— Шляпу-то я возьму, — засмеялся молодой человек, — а плащ к чему? Я не рискую простудиться по дороге из тюрьмы до комнаты коменданта.

— Вы не хотите взять свой плащ?

— Конечно нет.

— Ну, так я его возьму; сами увидите, он вам понадобится.

Молодой человек молча пожал плечами и вышел из комнаты, дверь которой тюремщик даже не потрудился затворить.

Майор ждал своего пленника, большими шагами расхаживая по комнате. Ла Гренад ввел графа, положил плащ на стул и вышел.

— А-а! — смеясь сказал майор. — Я вижу, вы уже догадались.

— О чем же я догадался, позвольте вас спросить, господин комендант?

— Ведь вы оделись по-дорожному?

— Это дурак Ла Гренад, не знаю почему, заставил меня надеть шляпу и непременно захотел принести сюда мой плащ.

— Он был прав.

— Почему?

— Граф, имею честь сообщить вам, что вы свободны.

— Я свободен! — вскричал граф, побледнев от радости и волнения.

— Король соблаговолил подписать приказ о вашем освобождении, который я получил по приезде в Антиб.

— Наконец-то! — радостно воскликнул граф. — Можете вы показать мне этот приказ?

— Извините, граф, но это запрещено.

— Почему же?

— Таков общий порядок.

— Хорошо, я не настаиваю. Но можете ли вы, по крайней мере, сказать мне, по чьей просьбе возвращена мне свобода?

— Не вижу к этому никаких препятствий; вы освобождены по просьбе герцога де Белльгарда.

— Милый герцог — истинный друг! — с волнением вскричал граф.

Майор с величайшим хладнокровием подал графу перо и, указав на пустое место в какой-то книге, сказал:

— Угодно вам подписать?

Граф быстро пробежал глазами свидетельство о том, как с ним обращались во время его заключения, и подписал.

— Теперь, — сказал он, — так как я свободен... ведь я свободен, не правда ли?

— Как воздух.

— Стало быть, я могу уйти! Мне кажется, эти мрачные стены меня душат; я вздохну свободно только тогда, когда почувствую себя на вольном воздухе.

— Я понимаю; я подготовил все, мы отправимся, когда вам будет угодно.

— Мы? — удивленно спросил граф.

— Да, граф, я поеду вместе с вами.

— Зачем?

— Чтобы оказать вам честь.

— Хорошо, — сказал граф с озабоченным видом, — поедем вместе, но у меня здесь кое-какие вещи...

— Они уже отправлены. Поедем.

Майор взял свой чемодан и шкатулку и вышел в сопровождении графа.

— Я ведь вам говорил, что вам понадобится плащ, — сказал Ла Гренад графу де Бармону, кланяясь ему, когда граф проходил мимо. — Счастливого пути и успеха вам!

Они подошли к берегу. Во время этого непродолжительного перехода граф опять нахмурился: он заметил печаль на лице солдат и офицеров, смотревших на его отъезд. Они перешептывались между собой, указывая на него пальцем так, что это начало беспокоить графа. Временами он украдкой взглядывал на майора, тот казался спокойным, на лице его была улыбка. Наконец они дошли до лодки. Майор посторонился, чтобы пропустить графа, и сел за ним в шлюпку.

Во время переезда с берега на люгер граф и майор молчали. Наконец они подъехали к люгеру, им бросили веревку, и они поднялись на трап. Шлюпку немедленно подняли, паруса распустили, и люгер полетел по волнам.

— А-а! — вскричал граф, заметив Мигеля. — Раз ты здесь, я спасен!

— Надеюсь, — весело отвечал тот, — но пожалуйста, граф, мы должны поговорить.

Они спустились в каюту в сопровождении майора.

— Теперь мы можем говорить... Капитан, нам надо свести счета.

— Счета? — с удивлением переспросил граф де Бармон.

— Да. Начнем по порядку; вы обещали майору пятьдесят тысяч?

— Обещал.

— И позволяете мне их отдать?

— Конечно!

— Хорошо, он получит их. Вы сдержали ваше обещание, — обратился он к майору, — а мы так же честно сдержим наше. Вот, я возвращаю вам ваш брильянт. Деньги я сейчас вам отдам. Кажется, вы так же, как и мы, не желаете возвращаться во Францию.

— Совершенно не желаю, — отвечал майор, радуясь, что ему возвратили брильянт.

— Где вы предпочитаете высадиться? Нравится ли вам Англия? Или вы предпочитаете Италию?

— Право, не знаю.

— Быть может, Испанию? Мне все равно.

— Почему же не Португалию?

— Хорошо, мы оставим вас в Португалии.

Граф с возрастающим удивлением слушал этот непонятный для него разговор.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Это значит, капитан, — ответил Мигель, — что король вашего помилования не подписывал, вы пленник и, вероятно, остались бы в заключении на всю жизнь, если бы, к счастью для вас, комендант не согласился отворить вам двери.

— Комендант! — вскричал граф, делая шаг к майору.

— Не спешите благодарить коменданта, — сказал Баск, — подождите, пока он вам расскажет, что случилось и каким образом он должен был освободить вас, когда, быть может, предпочел бы не делать этого.

— Посмотрим, посмотрим! — сказал граф, с гневом топнув ногой. — Объясните же мне все, наконец, я ничего не понимаю и хочу знать все — все, слышите ли вы?!

— Этот человек все расскажет вам, капитан, только он боится последствий своих признаний, вот почему он не решается начать.

Граф де Бармон презрительно улыбнулся.

— Этот человек не стоит моего гнева, — сказал он, — что бы он ни рассказал, я не стану ему мстить; он прощен заранее, даю честное слово.

— Рассказывайте, майор, — сказал Мигель, — а я пока поднимусь на палубу к Нико, или, если вы предпочитаете, к Тихому Ветерку, который довольно хорошо разыграл свою роль в этом деле.

Мигель вышел, майор и граф остались одни. Майор понял, что лучше откровенно во всем сознаться, и поведал графу о своей измене со всеми подробностями. Рассказал он и о том, каким образом Мигель заставил его спасти графа, когда, напротив, он получил плату за то, чтобы погубить его. Хотя имя герцога Пеньяфлора ни разу не было произнесено во время рассказа майора, граф, однако, угадал, что это герцог наносил ему все удары. Несмотря на всю его решимость, эта глубина ненависти, этот мстительный макиавеллизм испугали его. Но в этом подробном рассказе одно обстоятельство осталось для него темным: каким образом Мигель узнал о последней проделке его врага, и узнал как раз вовремя, так, чтобы расстроить ее?

На все вопросы графа майор ничего не мог ответить, он сам этого не знал.

— Ну как, теперь вы все узнали? — спросил матрос, внезапно входя в каюту.

— Да, — ответил граф с некоторым оттенком грусти, — все, кроме одного обстоятельства.

— Какого же?

— Мне хотелось бы узнать, каким образом вы открыли так искусно составленный заговор.

— Очень просто, капитан. Вот, в двух словах, как все было: Тихий Ветерок и я незаметно для майора следили за ним; когда он вошел в развалины, мы подслушали весь его разговор с незнакомцем. Когда майор отдал незнакомцу бумаги и тот направился к выходу, я бросился на него и, схватив за горло, с помощью Тихого Ветерка отнял у него бумаги...

— Где же эти бумаги? — с живостью перебил граф.

— Я отдам их вам, капитан.

— Благодарю тебя, Мигель! Теперь продолжай.

— Я уже кончил. Я связал его и вложил ему в рот кляп, чтобы он не смог кричать, бросил его там и убежал.

— Как! Ты убежал, Мигель, бросив связанного человека на пустынном острове?!

— А что же я должен был делать, капитан?

— О! Может быть, лучше было бы его убить, чем оставлять в таком ужасном положении?

— А он-то уж как нежно поступил с вами, капитан! Полноте, жалость к такому хищному зверю была бы глупостью с вашей стороны. Кроме того, черт всегда помогает своим помощникам. Не беспокойтесь, я уверен, что он уже спасся.

— Как же это?

— Ведь не вплавь же он добрался до Сент-Онората. Верно, его люди спрятались где-нибудь поблизости; решив, что он слишком долго не возвращается, они, верно, отправились на его поиски и подняли его, так что ему пришлось проваляться всего часа два или, может быть, три.

— Это возможно, Мигель, даже весьма вероятно. Но куда ты нас везешь?

— Вы здесь распоряжаетесь, капитан; мы отправимся, куда вы захотите.

— Я тебе скажу, но прежде высадим на берег майора; кажется, он так же желает освободиться от нашего общества, как мы — от его.

В эту минуту слышался голос Тихого Ветерка.

— Эй, Мигель, — сказал он, — нам навстречу идет большое судно.

— Черт побери! — сказал Мигель. — А флаг поднят?

— Поднят. Это норвежское судно.

— Вот прекрасный случай для вас, майор, — сказал граф.

— Эй, матрос! — закричал Мигель, не дожидаясь ответа майора. — Правь на норвежца!

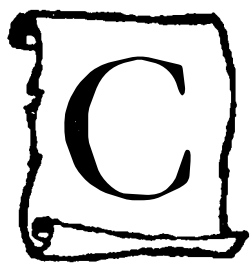
Майор считал бесполезным протестовать. Через два часа оба судна подошли друг к другу. Норвежское судно шло в Хельсингборг, и капитан согласился взять еще одного пассажира. Майора перевезли туда со всеми принадлежавшими ему вещами.

— Теперь, капитан, — сказал Мигель, когда шлюпка возвратилась, — куда пойдём мы?

— Пойдем к островам, — печально ответил граф, — только там мы найдем убежище. — И бросив последний взгляд на берега Франции, очертания которых начинали теряться в синеватой дымке на горизонте, он прошептал, с горестным вздохом закрыв лицо руками: — Прощай, Франция!

В этих двух словах вылились все последние человеческие чувства, оставшиеся в глубине сердца этого человека, столь истерзанного злополучной судьбой, который, побежденный отчаянием, отправлялся требовать от Нового Света мщения, в котором так упорно отказывал ему Старый Свет.

Начало приключений

Семнадцатое столетие было переходной эпохой между средними веками, которые испускали последний вздох, и современной эрой, которую великие мыслители восемнадцатого столетия должны были так великолепно утвердить.

Под ударами неумолимого кардинала де Ришелье в умах произошла огромная эволюция, эволюция скрытая, которая подтачивала в самом принципе дело министра, хотя ни о причинах этой эволюции, ни о силе ее он вовсе не подозревал. Мир претерпел огромные изменения, вылившиеся на поверхность во второй половине семнадцатого столетия.

В это время испанцы, обладая по праву сильного большей частью Америки, где они построили множество колоний, были властелинами морей, которые еще не очистила знаменитая Голландская Метла. Английский флот пока пребывал в стадии формирования, и, несмотря на постоянные усилия Ришелье, французский флот еще не существовал. Вдруг неизвестно откуда явились искатели приключений, люди всех сословий, от самого высокого до самого ничтожного, всех наций, особенно французской, и, словно хищные птицы, поселившись на не приметном островке Атлантического океана, решили бороться против кастильского могущества и сами от себя объявили ему беспощадную войну, нападая на испанский флот с неслыханной дерзостью, и, как слепень, вонзившийся в бок льва, теснили испанского колосса, своими мужеством и непреклонной волей вынуждая его считаться с ними.

Через несколько лет их невероятные подвиги, их смелые действия внушили такой страх испанцам и доставили им такую справедливо заслуженную славу, что люди, преследуемые судьбой, искатели приключений стали стекаться со всех уголков света на остров, служивший им убежищем, и число их так быстро увеличивалось, что им едва не удалось стать многочисленной и грозной нацией.

Скажем в нескольких словах, кто были эти люди и как началась их странная карьера. Для этого нам надо вернуться к испанцам.

После своих впечатляющих открытий в Новом Свете испанцы выпросили у папы Александра VI буллу, отдававшую им в исключительную собственность обе Америки. Опираясь

на эту буллу и считая себя единственными властителями Нового Света, испанцы захотели удалить оттуда всех соперников и начали обращаться как с корсарами со всеми судами, которые встречали под обоими тропиками. Их могущество на море и важная роль, которую они играли тогда на американском континенте, не давали возможности правительствам протестовать, как они хотели бы, против этой чудовищной тирании. Тогда французские и английские арматоры, подстрекаемые приманкой наживы и не обращая никакого внимания на испанские притязания, вооружили суда и послали их к этим богатейшим местам, чтобы захватывать испанские караваны судов, грабить американские берега и сжигать города. Когда с ними стали обращаться как с пиратами, смелые моряки прямо приняли то положение, в которое их поставили, совершая гнусные поступки повсюду, где высаживались на землю; они захватывали богатую добычу и, презирая международное право, не заботясь, в войне находятся испанцы или нет с той страной, гражданами которой они являлись, нападали на них повсюду, где встречались с ними.

Испанцы, занятые своими богатыми владениями в Мексике, в Перу и вообще всеми своими сухопутными владениями, которые служили для них источником неисчерпаемого богатства, допустили непростительную оплошность — пренебрегли Антильскими островами, простирающимися от залива Мексиканского до залива Маракайбо¹, и устроили колонии только на четырех больших островах этого архипелага. Скрываясь в небольших бухтах, пользуясь изрезанностью береговой линии, авантюристы внезапно насккивали на испанские суда, брали их на абордаж, после чего возвращались на землю делить добычу. Испанцы, несмотря на большое число своих судов, на усиленные конвои, не могли больше плавать по Антильскому морю², которое авантюристы избрали сценой своих подвигов, не рискуя вступить в ожесточенную битву против людей, которые сделались почти неуловимыми благодаря небольшим размерам и легкости своих судов.

Странствующая жизнь имела столько очарования для этих искателей приключений, что они сами дали себе меткое прозвище *флибустьеров*, то есть вольных грабителей, и дол-

¹ Речь идет о Венесуэльском заливе.

² Ныне — Карибское море.

го не приходила к ним мысль основать постоянное поселение среди этих островов, служивших им временным приютом. Дела находились в таком положении, когда в 1623 году младший сын одного нормандского дворянина, носивший имя д'Эснамбюк, которому право старшинства не давало никакой надежды составить себе состояние за исключением того, которое он мог приобрести своим трудолюбием или мужеством, снарядил в Дьеппе бригантину водоизмещением в семьдесят тонн, на которую поставил четыре пушки, собрал сорок решительных матросов и отправился гоняться за испанцами, стремясь встретить какое-нибудь богатое судно. Добравшись до Кайманов, островков, находящихся между Кубой и Ямайкой, он внезапно наткнулся на большой испанский корабль с тридцатью пятью пушками и с экипажем в триста пятьдесят человек. Положение корсаров было отчаянное. Д'Эснамбюк, не давая испанцам время опомниться, атаковал их. Битва продолжалась три часа с неслыханным ожесточением. Дьеппцы дрались с такой яростью, что испанцы отчаялись их победить и, лишившись половины экипажа, первыми прекратили битву и позорно бежали от маленькой бригантины. Однако сама она сильно пострадала и едва могла держаться на воде; десять человек из экипажа были убиты, другие, покрытые ранами, тоже вышли из строя.

Поблизости находился остров Сент-Кристофер; д'Эснамбюк с превеликим трудом добрался до него и укрылся там, чтобы починить свое судно и вылечить раненых. Потом, посчитав, что для успеха его будущих набегов ему нужно надежное убежище, он решил поселиться на этом острове.

Остров Сент-Кристофер, названный карибами *Лиамнига*, находится в двадцати трех милях от Антигуа и в тридцати милях от Гваделупы и входит в состав Малых Антильских островов. Общий вид этого острова замечательно красив; на нем возвышается гора Мизери, потухший вулкан высотой в три тысячи пятьсот футов, занимающий всю северо-западную часть острова и постоянно спускающийся уступами до тех пор, пока не теряется на юге в долинах, расположенных недалеко от небольшого селения, носящего название Нижняя Земля. Бесплодие гор составляет разительный контраст с плодородием равнин. Долины покрыты необыкновенно богатой растительностью, между тем как горы представляют глазу только смутный хаос разбитых скал, все пространство между которыми сплошь заполнено глиной, останавливающей всякую растительность. Воды мало, и она совершенно

не годится для питья, так как сильно пропитана солями, к которым приезжие привыкают с большим трудом. Но для флибустьеров было важно то, что на острове Сент-Кристофер имеются две великолепные гавани, хорошо укрытые и легко защищаемые, а его берега иззубрены глубокими заливами, где в случае опасности легкие суда флибустьеров легко могли находить убежище.

Д'Эснамбюк встретил, высадившись на берег, нескольких французов, живших в согласии с коренным населением — карибами. Эти французы не только приняли его с распростертыми объятиями, но даже присоединились к нему и выбрали его своим командиром. По странной случайности, в тот самый день, когда дьеппцы пристали к острову Сент-Кристофер, английские флибустьеры под командой капитана Уорнера, также пострадавшие в битве с испанцами, укрылись на острове с другой стороны. Корсары обеих наций, которых не разделяли никакие мысли о завоевании, земледелии или торговле и которые стремились к одной цели — сражаться с испанцами и найти себе убежище против общего врага, легко сговорились; потом, разделив остров, поселились друг возле друга и жили в добром согласии, которого ничто не нарушало. Они даже объединили свои силы против карибов, которые, испугавшись таких быстрых темпов роста их нового поселения, пытались их прогнать. Флибустьеры разбили индейцев и заставили их просить пощады.

Через несколько месяцев Уорнер и д'Эснамбюк отправились первый в Лондон, второй в Париж, чтобы просить покровительства своих правительств для новой колонии. Как всегда случается, эти люди, которые сначала искали временного убежища, чувствовали теперь желание видеть развитие поселения, основанного ими, которое за короткое время приобрело столь важное значение.

Кардинал Ришелье, всегда расположенный покровительствовать планам, ведущим к усилению могущества Франции, принял флибустьера с большим почетом, согласился на его просьбу и основал компанию, названную Компанией Островов, для разработки земель в колонии. Капитал общества состоял из сорока пяти тысяч ливров, а Ришелье со своей стороны подписался на десять тысяч. Д'Эснамбюк был назначен главой колонистов.

Среди перечня обязанностей, связанных с его должностью, мы должны упомянуть об одном пункте по причине его странности. Согласно этому пункту белые в Америке подвергались временному рабству, еще более жестокому, чем

рабство негров. Вот этот пункт, гибельные последствия которого обнаружатся в продолжение этой истории:

«Никакой работник не может быть принят в колонию, если не обяжется остаться на срок в три года на службе у Компании, которая будет иметь право использовать его на всех работах, какие ей покажутся необходимыми, и он не будет иметь права жаловаться или нарушать условия договора, заключенного им».

Этих работников называли *обязанными* — приличное название для рабов.

Обратное путешествие нового губернатора окончилось плачевно. Непрерывно терзаемый бурями, он высадился на остров только с несколькими умирающими людьми — болезни истребили почти весь его экипаж.

Капитану Уорнеру посчастливилось больше: он возвратился с множеством колонистов. Некоторое время между двумя колониями царило доброе согласие, но англичане, которых было больше, воспользовались тем, что французы по своей малочисленности не могли им воспротивиться, и основали новое поселение на острове Невис, соседнем с Сент-Кристофером. Однако д'Эснамбюк не отчаивался в участии колонии и снова отправился во Францию просить у кардинала помощи людьми и деньгами, чтобы разгромить своих беспокойных соседей. Ришелье согласился на его просьбу. По приказанию кардинала командир эскадры де Кюссак прибыл к острову Сент-Кристофер с шестью большими, хорошо вооруженными кораблями. Он застал на рейде десять английских судов, три захватил, три потопил, а остальные обратил в бегство. Испуганные англичане не старались больше выходить из своих границ, и мир восстановился. Де Кюссак, снабдив колонию людьми и съестными припасами, отправился основывать поселение на острове Сант-Эстатиус, в четырех милях от Сент-Кристофера.

Между тем испанцы, после появления флибустьеров в американских морях так страдавшие от их набегов, с чрезвычайным беспокойством смотрели на их окончательное воцарение на Антильских островах. Они поняли, как важно для них не позволять флибустьерам основывать долговременные хорошо укрепленные поселения в этих местах, если они не хотят, чтобы их колонии были уничтожены, а торговля замерла. Поэтому они задумали принять решительные меры против тех, кого они считали пиратами, и навсегда уничтожить их разбойничьи гнезда, которые уже стали грозной силой. Вследствие этого адмирал дон Фердинанд Толедо,

которого мадридский двор назначил командующим сильной флотилией, отправленной в 1630 году в Бразилию сражаться с голландцами, получил приказ уничтожить по пути *гнезда ехидн*, основанные флибустьерами на острове Сент-Кристофер.

Внезапное появление этого мощного соединения перед островом привело его обитателей в испуг. Объединенных сил французских и английских авантюристов, их отчаянного мужества было недостаточно для того, чтобы предотвратить опасность, угрожающую им, и отразить такое грозное нападение. После ожесточенной битвы, где множество флибустьеров, особенно французских, было убито, остальные сели в легкие пироги и укрылись на соседних островах. К сожалению, мы вынуждены сказать, что англичане постыдно бежали в самом начале сражения и в конце концов решили капитулировать. Половину сдавшихся отослали в Англию на испанских кораблях, остальные обязались очистить остров как можно скорее. Это обещание, естественно, было забыто тотчас после отъезда испанского флота. Впрочем, эта экспедиция была единственной серьезной мерой, предпринятой испанцами против флибустьеров.

Французы оставили острова, на которых укрылись, и возвратились на Сент-Кристофер, где вновь поселились, подравшись прежде с англичанами, которые воспользовались случаем захватить их земли, но которых они заставили вернуться в прежние границы.

Замечание странное и доказывающее, что флибустьеры были не разбойниками, как их старались представить: жители острова Сент-Кристофер выделялись среди всех колонистов кротостью нравов и вежливостью обращения; предания о вежливости, оставленные первыми французами, поселившимися там, сохранились даже до нынешних времен. В восемнадцатом столетии Сент-Кристофер называли *Кротким островом*, а на Антильских островах есть пословица, которая гласит: «На Сент-Кристофере живут дворяне, на Гваделупе мещане, на Мартинике солдаты, на Гренаде — чернь».

Довольно долго дела оставались в том положении, которое мы описали. Флибустьеры, делаясь все смелее и смелее перед испанской трусостью, расширили арену своих подвигов, еще больше возненавидев испанцев, которые заклеили их, прозвав ворами. На своих легких пирогах, составлявших весь их флот, подстерегали они богатые корабли, плывшие из Мексики, решительно нападали на них и возвращались на Сент-Кристофер с добычей.

Колония преуспевала, земли обрабатывались с усердием. Эти люди, в сердцах которых не оставалось никакой надежды возвратиться на родину, совершали свои подвиги с лихорадочной горячностью людей, укрепляющих могущество своей новой родины, так что через несколько лет после истребления колонии испанцами остров Сент-Кристофер снова сделался цветущей колонией — по милости своего плодородия, энергии и смывленности его жителей, но в особенности благодаря непрерывному труду обязанных работников Компании.

Теперь настала пора рассказать, какой участи подвергались эти несчастные люди у колонистов. Мы сказали выше, что Компания посылала на острова людей, нанимаемых ею на три года. Все годились для нее: крестьяне, ремесленники, даже врачи, которые в убеждении, что их призывали заниматься их профессией в колониях, прельщались обещаниями, которые Компания им расточала. Но как только они давали, то есть подписывали свое согласие, Компания смотрела на них как на людей, принадлежавших ей телом и душой; а когда они приезжали в колонию, агенты ее продавали их плантаторам по тридцать и сорок экю за душу — и это днем, в присутствии губернатора! Таким образом они становились настоящими рабами колонистов, осужденными на самые трудные работы. Эти бедные, несчастные люди, так недостойно обманутые, подвергаясь побоям, изнемогая от усталости в убийственном климате, умирали по большей части прежде, чем наступал третий год, который должен был возвратить им свободу. Притеснение зашло так далеко, что многие господа вздумали продлить трехлетнее рабство. В конце 1632 года колония на острове Сент-Кристофер подвергалась крайней опасности, потому что обязанные работники, срок которых кончился и которым хозяева отказывались возвратить свободу, взялись за оружие и приготовились атаковать колонистов с той энергией отчаяния, которой не сможет противостоять никакая сила. Д'Эснамбюк сумел уговорить их сложить оружие и избежать кровопролития только обещаниями выполнить их справедливые требования. Когда впоследствии во Франции узнали о печальном положении работников, нанимаемых агентами Компании, стало почти невозможно найти желающих наниматься на работу, так что агенты были вынуждены ходить по площадям и перекресткам и набирать бродяг. Напоив, они заставляли их подписывать обязательство, которое те уже не могли нарушить.

Мы не станем больше распространяться об этом, так как в продолжение этого рассказа нам придется говорить об этих работниках; мы прибавим еще только одно слово о несчастных, которых Англия отправляла на острова с теми же самыми условиями. Если участь французских работников была ужасна, то участь английских работников была просто отвратительна. С ними обращались с гнусным варварством, брали в рабство на семь лет, потом, когда наступала пора возвратить им свободу, поили допьяна и, пользуясь их немняемым состоянием, заставляли подписывать новое обязательство на такой же срок. Кромвель после разграбления Дрогеды¹ продал более тридцати тысяч ирландцев на Ямайку и Барбадос.

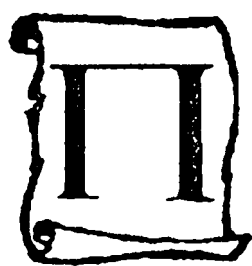
Однажды около двух тысяч этих несчастных успели спастись на корабле, который по своей неискушенности в мореплавании они пустили по воле ветра и волн, и течение прибило их к Эспаньоле. Эти бедные люди, не зная, где они находятся, будучи без провизии и без средств, все умерли с голоду. Их кости, побелевшие от времени, долго оставались на мысе Тибурон, в месте, которое было названо по причине этой ужасной катастрофы *бухтой Ибернийцев*²; название это сохранилось до сих пор.

Читатель простит нам эти подробности о поселении флибустьеров на острове Сент-Кристофер, но так как ужасное общество этих авантюристов основалось в этом уголке земли и так как мы взялись рассказать их историю, нам необходимо было объяснить читателю эти события, чтобы впоследствии к ним не возвращаться. Теперь мы продолжим наш рассказ, которому предшествующие главы служат, так сказать, прологом, и, перескочив одним прыжком пространство между островом Сент-Маргерит и Антильским архипелагом, мы перенесемся на остров Сент-Кристофер через несколько месяцев после побега — мы не смеем сказать «освобождения» — графа Луи де Бармон-Сенектера.

¹ Во время войны с Ирландией в 1640 г. английские войска под командой Кромвеля после ожесточенного штурма взяли ирландскую крепость Дрогеду и устроили в городе жесточайшую резню.

² И б е р н и я — античное и средневековое название Ирландии.

Совет флибустьеров

Прошло несколько лет, не принеся значительных перемен в колонии. Флибустьеры продолжали все с тем же ожесточением совершать набеги против испанцев, но так как экспедиции их были единичными вследствие отсутствия в их среде какой-либо организации, то потери испанцев, хотя и весьма ощутимые, были, однако, не столь значительны, как можно было бы ожидать.

В один прекрасный день люгер с четырьмя пушками и с экипажем из сорока человек бросил якорь у острова Сент-Кристофер, гордо подняв французский флаг. Это судно привезло колонистам новый контингент храбрых авантюристов. Они высадились, познакомились с обитателями острова и изъявили желание поселиться здесь. Их предводитель, которого товарищи называли Монбаром и которому они, по-видимому, были бесконечно преданны, объявил колонистам, что он так же, как и они, питает глубокую ненависть к испанцам, что за ним идут два испанских корабля, захваченных им, и что капитанам этих кораблей он приказал бросить якорь у берегов Сент-Кристофера. Эти приятные известия были встречены местными жителями с радостными восклицаниями, и Монбара едва не отнесли на берег на руках, с триумфом.

Как он и объявил, через четыре дня два испанских корабля бросили якорь у острова Сент-Кристофер; над кастильским флагом, перевернутым в знак унижения, гордо развевался флаг французский. К ужасу, охватившему даже самых мужественных, на бушприте, на блинда-гафелях, на реях этих кораблей висели трупы — по приказанию Монбара экипаж этих кораблей был повешен; не пощадили ни одного юнги.

Предводитель французских авантюристов великодушно передал груз с обоих кораблей колонистам, потребовав взамен только землю, на которой он мог бы построить себе жилище. Это требование тотчас было встречено согласием. Вновь прибывшие разгрузили свой люгер, сошли на берег и принялись обустраиваться.

Монбар был молодым человеком двадцати восьми лет, с мужественными и резкими чертами лица, с пристальным и проницательным взором. Выражение его физиономии было печально, насмешливо и жестоко; матовая бледность, раз-

литая по лицу, придавала еще большую необычность его наружности. Высокого роста, крепкого сложения, но гибкий и грациозный, он отличался изяществом, благородными манерами, кроткой и изысканной речью; он производил странное очарование на окружающих и на тех, кого с ним сводил случай. Люди чувствовали одновременно и антипатию, и влечение к этому необычному человеку, который, кажется нисколько не заботясь о том, подчинял всех своей воле, заставлял повиноваться себе одним мановением руки или просто нахмутив брови и, по-видимому, жил, только когда находился в гуще битвы, когда трупы валялись около него, кровь текла под его ногами, вокруг раздавался свист пуль, смешиваясь с грохотом пушек, и когда он, опьянев от дыма пороха и резни, бросался на палубу испанского корабля.

Вот что говорили о нем его товарищи тем, кого поражала его необычная внешность и кто хотел побольше узнать о нем. Но кроме этих скудных сведений невозможно было узнать ни малейшей подробности из его прошлой жизни. Когда колонисты поняли, что все их вопросы остаются без ответа, они перестали задавать их, тем более что прошлая жизнь Монбара не только их не касалась, но и не очень-то их интересовала.

Авантюрист оставался на острове ровно столько времени, сколько было необходимо для того, чтобы вполне сносно обустроить свое жилище, после чего в один прекрасный день, не предупредив никого, перебрался на свой люгер с людьми, которых привез с собой, оставив шесть человек на острове, чтобы смотреть за его новыми владениями, и отплыл в неизвестном направлении.

Через месяц он вернулся, ведя на буксире испанский корабль с богатым грузом и со всей командой, повешенной на реях.

Так продолжалось целый год. Монбар никогда не оставался на острове больше трех дней, уходил в море и всегда возвращался с добычей и с командой, подвергнутой повешению.

Смелость отважного корсара увенчалась таким большим успехом, что слухи об этом достигли Франции. Тогда дьепские авантюристы, понимая, какую пользу они могут извлечь из корсарства, снарядили суда и на острове присоединились к Монбару с намерением совершать усиленные набеги против испанцев.

Флибустьерство вступало в новую, организованную фазу. Монбар построил свое жилище на том самом месте, где в пос-

ледствии англичане воздвигли батарею. Эта позиция была выбрана очень удачно, и в случае нападения было легко не только обороняться, но и отразить натиск неприятеля со значительными для него потерями.

Жилище это, выстроенное из бревен и покрытое пальмовыми листьями, возвышалось почти на самом краю скалы, откуда можно было видеть большую часть острова и море на много миль вокруг. До этой скалы, возвышавшейся отвесно на сорок метров над морем, можно было добраться не иначе как по узкой и неровной тропинке, перегороженной через определенные расстояния крепкими палисадами и широкими и глубокими рвами, через которые необходимо было проходить по небрежно переброшенным доскам, кои легко было снять в случае тревоги; две пушки, поставленные на вершине тропинки, надежно защищали подходы.

Дом разделялся на пять комнат, довольно больших, мебелированных с роскошью и комфортом, довольно странным на таком отдаленном острове, но это вполне оправдывалось ремеслом хозяина, который выбрал для себя эту мебель из добычи, доставленной ему грабежом. На длинном шесте, вбитом в землю перед дверью дома, развевался белый флаг корсаров, который Монбар менял иногда на черный, в середине которого были изображены белого цвета мертвая голова и две кости крест-накрест, — флаг зловещий, показывавший, что побежденные не должны ждать пощады.

В один жаркий день в конце мая, через полтора года после прибытия Монбара на остров, несколько человек свирепого вида и с грубыми ухватками, вооруженные с ног до головы, шли, разговаривая между собой, по тропинке, которая из долины вела на скалу, где возвышался дом Монбара. Было около десяти часов вечера. Ночь стояла тихая и ясная, мириады звезд сверкали на небе, луна щедро проливала свой белый свет, воздух был так прозрачен, что даже самые маленькие предметы виднелись на далеком расстоянии. В воздухе не замечалось ни малейшего дуновения ветра, в листьях деревьев — ни малейшего шелеста. Море, спокойное, как зеркало, с тихим и таинственным шепотом плескалось у песчаного берега. Бесшумно летали светлячки и иногда касались путников, которые небрежно отмахивались от них руками, не прерывая разговора, который, по-видимому, их очень интересовал.

Людей было пятеро; все находились в расцвете сил, движения их были энергичны и резки, лица дышали смелостью и чрезвычайной решимостью, плечи были несколько сгорб-

лены, а по походке и по характерному размахиванию рук с первого взгляда можно было узнать в них моряков, даже если бы их костюмы не свидетельствовали об этом со всей очевидностью. Они говорили по-английски.

— Ба! — говорил один из них в ту минуту, когда мы начинаем прислушиваться к их разговору. — Надо посмотреть — не все то золото, что блестит; притом я был бы рад ошибиться.

— Ты по своей похвальной привычке, — отвечал другой, — начинаешь высказывать сомнение.

— Нет, — с живостью отвечал первый, — только опасение.

— Наконец-то мы узнаем, в чем дело, — сказал третий, — мы уже прошли половину тропинки, слава Богу!

— Этот демон Монбар, — продолжал первый, — отлично выбрал место — какой вид! Его дом неприступен.

— Да, не думаю, чтобы испанцы отважились на приступ. Только бы, — прибавил этот человек, вдруг остановившись, — нам не пришлось идти понапрасну! Застанем ли мы Монбара дома?

— Ручаюсь вам, Красный Чулок, что Монбар дома, будьте спокойны.

— Откуда вам это известно? — осведомился тот, кто носил странное прозвище Красный Чулок.

— Разве вы не видите, что развевается его флаг?

— Это правда, я не обратил внимания.

— Но теперь-то вы видите, я полагаю?

— Если только я не ослеп!

— А! — сказал один из флибустьеров, который до сих пор молчал. — Мы все-таки не знаем, для чего нас созывают... Вы знаете, брат?

— Понятия не имею, — ответил Красный Чулок, — верно, Монбар придумал какой-нибудь смелый план и хочет пригласить нас принять участие.

— Вы знаете, что он созвал не только нас, но и вожаков французских флибустьеров.

— Я не понимаю цели этого собрания, — продолжал Красный Чулок, — впрочем, это все равно, скоро мы узнаем, в чем дело.

— Это правда... Ну вот, мы и пришли.

Действительно, в эту минуту они дошли до вершины тропинки и очутились на площадке прямо против дома, дверь которого была отворена, как бы приглашая их войти. Из двери лился довольно яркий свет, и громкий говор голосов

ясно показывал, что в доме собралось многолюдное общество. Англичане подошли и остановились у порога дома.

— Входите, братья, — слышался изнутри звучный голос Монбара, — входите, вас ждут.

Семь или восемь человек находились в комнате, в которую вошли англичане; эти люди были самыми знаменитыми предводителями флибустьеров. Здесь были: Красивая Голова, тот свирепый дьеппец, который убил более трехсот своих обязанных работников, сославшись впоследствии на то, что они умерли от лени; Пьер Высокий, бретонец, который шел на abordage не иначе как переодевшись женщиной; Александр Железная Рука, молодой человек, слабый и деликатный с виду, с женственными чертами, но одаренный поистине геркулесовой силой и впоследствии сделавшийся одним из героев флибустьерства; Рок, прозванный Бразильцем, хотя родился в Гронингене, городе восточной Фрисландии, в Нидерландах; затем двое из наших бывших знакомых, Тихий Ветерок и Мигель Баск, которые прибыли на остров Сент-Кристофер в одно время с Монбаром и чья репутация среди флибустьеров была очень высока.

Пятерых пришедших англичан звали: Красный Чулок, имя которого уже было произнесено в предыдущем разговоре; Морган, молодой человек лет восемнадцати, с надменным лицом и с аристократическими манерами; Жан Давид, голландский моряк, поселившийся в английской колонии, и, наконец, Уильям Дрейк, давший клятву нападать на испанцев не иначе как в то время, когда их будет пятнадцать против одного, — так было велико презрение, которое он испытывал к этой чванливой нации.

Таким образом тут присутствовало избранное общество всех знаменитых флибустьеров того времени.

— Добро пожаловать, братья, — сказал Монбар, — я очень рад вас видеть. Я ждал вас с нетерпением... Вот трубки, табак и ром; курите и пейте, — прибавил он, указывая на стол, стоявший посередине залы, на котором лежали трубки, стояли стаканы, кружки с водой и горшок с табаком. Флибустьеры сели, закурили трубки и наполнили стаканы.

— Братья, — продолжал Монбар через минуту, — я пригласил вас к себе по двум причинам, очень важным, одна из которых вытекает из другой. Вы расположены выслушать меня?

— Говори, Монбар, — отвечал Уильям Дрейк от имени всех, — испанцы прозвали тебя Губителем; я завидую этому

имени, брат, ты можешь желать флибустьерству только пользы.

— Об этой-то пользе и идет речь, — ответил Монбар.

— Я в этом уверен, брат; говори, мы слушаем тебя с почтением.

Все приготовились внимательно слушать. Эти люди, столь закаленные в сражениях, не признававшие других законов кроме тех, что создали себе сами, не знали зависти и готовы были добросовестно рассуждать о предложениях, которые хотел им сделать Монбар.

Несколько минут Монбар собирался с мыслями, потом заговорил проникновенным голосом, который скоро пленил его слушателей.

— Братья, — сказал он, — я не стану долго распространяться, потому что все вы люди испытанные, с горячим сердцем и твердой рукой, и с вами продолжительные речи не только бесполезны, но даже смешны. С самого моего прибытия на Сент-Кристофер я изучаю флибустьерство, его жизнь, его нравы, его стремления и с огорчением узнал, что результаты не оправдывают усилий. Что мы делаем? Ничего или почти ничего, несмотря на наше неукротимое мужество! Испанцы насмежаются над нами, по причине нашего одиночества мы слишком слабы для того, чтобы причинить им ощутимый урон. Мы понапрасну тратим нашу энергию, проливаем кровь, чтобы отнимать у испанцев какие-то жалкие суда; не так должны идти дела, это не то мщение, о котором каждый из нас мечтал. Какова причина нашей относительной слабости против грозного врага? Одиночество, о котором я вам говорил, — это одиночество всегда будет парализовать наши усилия.

— Это правда, — прошептал Железная Рука.

— Но что же мы можем сделать? — спросил Давид.

— К несчастью, помочь ничем невозможно, — вздохнул Уильям.

— Мы авантюристы, а не государство, — заметил Красивая Голова.

Монбар улыбнулся той бледной и зловещей улыбкой, которая была ему свойственна и холодила сердце.

— Вы ошибаетесь, братья, — сказал он, — средство найдено, если захотим. Мы сделаемся государством!

— Говори! Говори! Говори! — закричали все авантюристы, вскочив со своих мест.

— Вот мой план, братья, — продолжал он. — Нас здесь двенадцать человек; мы принадлежим к разным нациям, но имеем одно сердце, мы составляем отборный цвет флибустьерства. Я заявляю об этом громко, не опасаясь опровержения, потому что каждый из нас дал доказательства своей храбрости — и какие доказательства! Ну, соединимся же, составим одну семью; из нашей доли в добыче уделим сумму на общую казну и, сохранив свободу организовать отдельные экспедиции, поклянемся никогда не вредить, никогда не идти наперекор друг другу, оказывать помощь, когда это окажется необходимым, трудиться изо всех сил на погибель Испании и, не разглашая договора о нашем товариществе другим братьям, соединять наши силы, когда наступит пора, чтобы разом раздавить нашего неумолимого врага. Вот, братья, мое первое предложение. Я жду вашего решения.

Наступило минутное молчание. Флибустьеры понимали важность предложения их собрата и силу, которую оно даст им в будущем. Они переглянулись между собой, посоветовались шепотом, потом Уильям Дрейк взялся отвечать от имени всех присутствующих.

— Брат, — сказал он, — ты в нескольких словах разъяснил вопрос, который до сих пор всегда оставался в темноте; ты прекрасно определил причину нашей слабости и в то же время нашел средство сделать товарищество, образовавшееся случайно и почти бесполезное до сих пор, действительно могущественным и полезным. Но это не все. Товариществу, о котором ты говоришь, необходима голова, которая управляла бы им и, когда наступит пора, обеспечила бы успех его усилий. Следовательно, необходимо не только, чтобы наше товарищество оставалось тайным и чтобы во всем не относящемся к главной цели оно как бы не существовало, необходимо выбрать предводителя, которому мы будем преданны и которому мы будем помогать трудиться для общего блага, сохраняя полнейшую тайну.

— Вы согласны с этим, братья? — спросил Монбар. — Вы принимаете мое предложение и дополнение, сделанное Уильямом Дрейком?

— Принимаем, — отвечали флибустьеры в один голос.

— Очень хорошо; только предводитель, о котором вы говорите, должен быть выбран нами единогласно, а его власть может быть отнята у него на собрании большинством голосов. Будучи хранителем общей казны, он должен быть всегда

готов дать отчет, и его пребывание на этом посту, если оно не будет возобновлено в результате вторичных выборов, не может превышать пяти лет.

— Все это справедливо, — сказал Красный Чулок, — никто лучше тебя не расписал бы нашу общую выгоду, брат.

— Итак, — заметил Давид, — мы будем настоящими братьями; никакие ссоры, никакие распри не будут возможны между нами.

— Мы будем внешне сохранять вольные нравы и полнейшую независимость, — подтвердил Красивая Голова.

— Да, — ответил Монбар.

— Теперь, братья, — сказал Уильям Дрейк, вставая и снимая шляпу, — выслушайте меня. Я, Уильям Дрейк, клянусь моей верой и моей честью в полной преданности товариществу Двенадцати и заранее обязуюсь подчиниться любому наказанию, какое братья захотят наложить на меня, даже смерти, если изменю тайне товарищества и нарушу свою клятву. Да поможет мне Господь!

После Уильяма Дрейка каждый флибустьер твердым голосом произнес ту же клятву. Все опять сели на свои места.

— Братья, — начал Монбар, — то, что мы сделали до сих пор, ничего не значит, — это только рассвет новой эры, счастливые дни флибустьерства едва начинаются. Двенадцать человек — таких, как мы, — увлеченные одной идеей, должны творить чудеса.

— Мы сотворим их, будь спокоен, брат, — сказал Морган, беспечно ковырявший в зубах золотой зубочисткой.

— Теперь, братья, прежде чем я сделаю вам свое второе предложение, было бы хорошо, если бы мы выбрали главу общества.

— Еще одно слово, — сказал Мигель, выходя на середину кружка.

— Говори, брат.

— Я хочу добавить, что каждый член товарищества, который попадет во власть испанцев, должен быть освобожден другим членом товарищества, каким бы опасностям он ни подвергался.

— Клянемся! — с восторгом вскричали флибустьеры.

— Если только это не будет невозможно, — сказал Морган.

— Для нас ничего нет невозможного, — резко ответил Уильям Дрейк.

— Это правда, брат, ты прав, я ошибался, — с улыбкой заметил Морган.

— Общество будет называться обществом Двенадцати; смерть одного из членов позволит принять другого, который должен быть избран единогласно, — отвечал Мигель.

— Мы клянемся! — снова вскричали флибустьеры.

— Теперь, — заявил один из братьев по имени Бартелеми, — проведем тайные выборы, чтобы сохранить свободу подачи голосов.

— Вот на этом столе бумага, перья и чернила, братья, — сказал Монбар.

— А вот моя шапка, — смеясь, сказал Красный Чулок, — бросайте в нее ваши бумажки, братья.

Сняв с головы шапку из бобровой шкуры, флибустьер положил ее на землю посреди залы. Тогда авантюристы в строгом порядке, один за другим, написав что-то на бумажке, свертывали ее и клали в шапку Красного Чулка. Потом все сели на свои места.

— Все подали голос? — спросил Давид.

— Все, — ответили флибустьеры в один голос.

Давид вынул из шапки бумажки, сосчитал их; бумажек оказалось двенадцать.

— Теперь, брат, — сказал Уильям Дрейк Давиду, — так как у тебя в руках шапка, считай же голоса.

Давид посмотрел на товарищей; они утвердительно кивнули головой. Тогда он взял первый попавшийся бюллетень, развернул его и прочел:

— Монбар Губитель.

Потом он взял второй бюллетень и развернул.

— Монбар Губитель, — прочел он опять.

На каждом бюллетене стояли два слова: «Монбар Губитель» — зловещий вызов, брошенный испанской нации, для которой этот человек был самым жестоким врагом. Монбар встал, снял шляпу и, любезно поклонившись товарищам, сказал:

— Братья, благодарю вас. Вы не обманетесь в вашем доверии ко мне.

— Да здравствует Монбар Губитель! — вскричали в едином порыве все флибустьеры.

Страшное общество Двенадцати было создано. Флибустьерство действительно становилось грозным и могущественным.

Второе предложение

Монбар дал время утихнуть энтузиазму своих товарищей, потом заговорил. Ничто не изменилось в его лице, ничто не выдавало в нем радости торжества или удовлетворенного самолюбия, но выбор его товарищей в одно мгновение сделал его человеком могущественным. Лицо Монбара оставалось таким же бесстрастным, голос был все так же тверд.

— Братья, — сказал он, — я должен был сделать вам второе предложение, вы помните?

— Это правда, — сказал Уильям Дрейк, — говори же, брат, мы слушаем тебя.

— Вот это второе предложение; только я вас прошу хорошенько все обдумать, прежде чем вы мне ответите, — ваше мнение не должно быть высказано сгоряча, потому что, повторяю вам еще раз для того, чтобы вы поняли меня хорошо, это предложение очень важно и серьезно. Вот оно. Я предлагаю вам оставить остров Сент-Кристофер и выбрать другое место убежища — гораздо удобнее, а в особенности безопаснее для нас.

Флибустьеры с удивлением смотрели на него.

— Я объясню, — сказать он, протягивая руку, как бы требуя молчания, — выслушайте меня внимательно, братья; то, что вы услышите, интересно для вас всех. Наше местопребывание выбрано плохо, оно слишком удалено от цели наших экспедиций. Затруднения, которые нам необходимо преодолевать, чтобы возвращаться сюда, из-за течений, сносящих наши суда, и встречных ветров, мешающих быстроте их хода, заставляют нас терять драгоценное время. Антильский архипелаг состоит более чем из тридцати островов, из которых нам, кажется, легко выбрать тот, который для нас удобнее. Я давно уже думаю об этом. Мои выходы в море не ограничивались преследованием испанцев, я отправлялся также разузнавать местность и, кажется, нашел землю, удобную для нас.

— О какой земле ты говоришь? — спросил Давид за всех своих товарищей.

— Я говорю об острове, который испанцы называют Эспаньолой, а мы — Санто-Доминго.

— Но, брат, — сказал Бартелеми, — это огромный остров, с великолепными лесами, и на нем живут испанцы; мы буквально попадем в волчью пасть.

— Я сам так думал, прежде чем все разузнал, но теперь я убедился не только в том, что проклятые испанцы занимают не весь этот остров, но и в том, что в той части острова, которую они не заняли, мы встретим помощников.

— Помощников? — с удивлением вскричали флибустьеры.

— Да, братья, и вот каким образом. Во время высадки адмирала дона Толедо на остров Сент-Кристофер французы, успевшие спастись от резни, убежали, как вам известно, на соседние острова, а многие даже отправились дальше. Они добрались до Санто-Доминго; это была большая смелость, не правда ли? Но, повторяю вам, испанцы занимают только половину острова; в то время, когда они открыли этот остров, они оставили на острове несколько голов рогатого скота. Эти животные размножились, и теперь огромные равнины Санто-Доминго покрыты бесчисленными стадами диких быков, пасущихся на всей необитаемой части острова. Вам известно, что эти стада составляют неоценимый источник провианта для наших судов, и, кроме того, соседство испанских колонистов дает нам возможность утолять нашу ненависть против них. Впрочем, те из наших товарищей, которые уже несколько лет поселились на этой земле, ведут с ними непрерывную и ожесточенную борьбу.

— Да, да, — подтвердил Красивая Голова с задумчивым видом, — я понимаю, о чем ты нам толкуешь, брат; ты прав до некоторой степени, но будем рассуждать спокойно и хладнокровно, как люди серьезные.

— Говори, — отвечал Монбар. — Каждый из нас имеет право высказывать свое мнение, когда речь идет об общих интересах.

— Как мы ни храбры, — а мы можем смело этим похвалиться, потому что, благодарение Богу, наше мужество известно, — мы, однако, не настолько сильны, чтобы сражаться на суше с испанцами. Захватить корабль или сражаться с целой ордой колонистов — две разные вещи; ты согласен с этим, брат?

— Конечно, брат, согласен.

— Хорошо, я продолжаю. Очевидно, что испанцы до сих пор не заметили или по малочисленности и отсутствию угрозы со стороны авантюристов, поселившихся в пустынной части острова, пренебрегли ими, но когда они увидят,

что поселение, которое они считали временным, становится постоянным и принимает грозные размеры колонии, и не захотят допустить его развития, тогда что случится? Они соединят все свои силы, неожиданно нападут на нас, всех перережут после отчаянной схватки и разрушат одним разом не только новую колонию, но и наши надежды на мщение.

Эти слова Красивой Головы, отличавшиеся сжатой логикой, произвели некоторое действие на флибустьеров, которые начали переглядываться друг с другом, но Монбар не дал времени разгореться искре возражения и тотчас заметил:

— Ты был бы прав, брат, если бы, как ты предполагаешь, мы основали наше главное поселение на Санто-Доминго. Очевидно, мы были бы раздавлены многочисленностью врага и вынуждены постыдно оставить остров. Но предполагать, что я, питающий неумолимую ненависть к этому презренному народу, мог придумать подобный план, не убедившись сначала в успехе и пользе, которые он нам принесет, значит плохо меня знать.

— Говори яснее, брат, — сказал Уильям Дрейк, — мы тебя слушаем с самым серьезным вниманием.

— У северо-западной оконечности Санто-Доминго находится остров длиной около восьми миль, отделенный от большой земли узким каналом и окруженный скалами, называемыми *Железными берегами*, которые делают невозможной высадку нигде, кроме южной стороны, где находится довольно хорошая гавань, грунт которой состоит из очень мелкого песка и где суда укрыты от всех ветров, которые, впрочем, никогда не бывают сильными в тех местах; несколько песчаных отмелей встречаются еще вдоль берегов, но к ним можно пристать только пирогам. Остров этот называется Тортугой, то есть островом Черепахи, своей формой он напоминает это земноводное животное. Вот, братья, где я намерен основать наше главное поселение, или, если вы предпочитаете это название, нашу штаб-квартиру. Гавань Пор-де-Пэ и гавань Марго, находящиеся напротив Тортуги, сделают легким сообщение с Санто-Доминго. Укрывшись на нашем острове, как в неприступной крепости, мы сможем со смехом взирать на усилия всего Кастильского королевства. Но я не хочу вас обманывать, я должен сказать вам все: испанцы остерегаются, они предвидели, что если набеги продолжатся, если они не успеют нас уничтожить, то превосходное положение этого острова не укроется от нашего внимания и что, вероятно, мы постараемся завла-

деть им; поэтому они заняли его отрядом в двадцать пять солдат под командой альфереса¹. Не улыбайтесь, братья, — хотя этот гарнизон немногочислен, вполне достаточно его присутствия на острове из-за тех мер, которые он принял для усиления своей безопасности. Имеются также определенные затруднения при высадке на берег. Кроме того, отряду легко получить за весьма непродолжительное время подкрепление с Санто-Доминго. Несколько раз, переодевшись, проникал я на Тортугу и осматривал все очень внимательно; вы можете вполне доверять сведениям, которые я сообщаю вам.

— Монбар прав, — сказал тогда Рок Бразилец, — я знаю остров Черепахи, я убежден так же, как и он, что этот остров предоставит нам убежище гораздо более надежное и более выгодное, чем Сент-Кристофер.

— Теперь, братья, — продолжал Монбар, — подумайте и отвечайте — да или нет. Если вы примете мое предложение, я постараюсь осуществить свой план, захватив остров; если вы откажете, об этом больше не будет речи.

Желая дать возможность своим собратьям спокойно, без нажима обсудить его предложение, авантюрист вышел из комнаты на террасу, где начал прохаживаться взад и вперед, внешне равнодушный ко всему, что происходило, но в душе сильно тревожась о результатах обсуждения.

Не прошло и нескольких минут, пока он прохаживался таким образом, как вдруг неподалеку от него послышался легкий свист, свист до того тихий, что только такой тонкий слух, каким был одарен флибустьер, мог его услышать. Он сделал несколько шагов в направлении, откуда подали сигнал, и в ту же минуту человек, лежавший на земле и так слившийся с темнотой, что его невозможно было заметить, поднял голову и при беловатых отблесках лунных лучей явил смуглое смышленное лицо кариба.

— Омопуа? — спросил флибустьер.

— Я жду, — лаконично ответил индеец, становясь прямо перед ним.

Омопуа, то есть *Прыгун*, был молодой человек лет двадцати пяти, высокий и удивительно пропорционально сложенный. Кожа его имела золотистый оттенок флорентийской бронзы. Он был гол, за исключением легких холщовых панталон, спускавшихся немного ниже колен;

¹ А л ь ф е р е с — подпоручик.

длинные черные волосы, ровно разделенные на макушке, спускались по плечам. Кроме длинного ножа и штыка, заткнутого за пояс из бычьей кожи, другого оружия у него не было.

— Пришел тот человек? — спросил Монбар.

— Пришел.

— Прыгун его видел?

— Видел.

— Он считает себя узнанным?

— Только лишь глаз ожесточенного врага мог узнать его при таком переодевании.

— Хорошо; мой брат проводит меня к нему.

— Я провожу бледнолицего вождя.

— Хорошо! Где я найду Прыгуна через час после восхода солнца?

— Прыгун будет дома.

— Я приду.

Услышав, что его зовут из комнаты, Монбар прибавил:

— Я полагаюсь на обещание индейца.

— Да, если вождь сдержит свое обещание.

— Сдержу.

Простившись с флибустьером, кариб проскользнул к утесу и почти мгновенно исчез. Монбар с минуту оставался неподвижен, погружившись в глубокие раздумья, потом сделал резкое движение и, проведя рукой по лбу как бы для того, чтобы изгладить все следы волнения, большими шагами возвратился в дом.

Обсуждения закончились, флибустьеры расселись на стульях, Монбар также сел на свое место и ждал с притворным равнодушием, чтобы заговорил кто-нибудь из товарищей.

— Брат, — начал Давид, — мы трезво обдумали твое предложение; наши товарищи поручили мне сказать тебе, что они принимают его. Только они желают знать, какими средствами намерен ты добиться осуществления своего плана.

— Братья, благодарю вас за ваше согласие, — ответил Монбар, — а способы, которыми я намерен захватить остров Черепахи, позвольте мне пока сохранить в тайне: успех экспедиции обязывает меня к этому. Знайте только, что я не хочу ущемлять ничьих интересов и намерен один подвергнуться любому риску.

— Ты не так меня понял, брат, или я плохо выразился, — возразил Давид. — Если я спросил, каким образом ты намерен действовать, то меня побуждало к тому не пустое любопытство. В таком важном и интересующем все наше общество деле мы должны умереть или победить вместе с тобой. Мы хотим разделить с тобой часть торжества или получить долю в поражении.

Монбар был невольно растроган этими великодушными словами, так благородно произнесенными. С внезапным порывом сердца протянув руки флибустьерам, которые решительно пожали их, он сказал:

— Вы правы, братья, мы все должны участвовать в этом великом предприятии, которое, как я надеюсь, позволит нам совершить благородные дела. Мы все отправимся на остров Черепахи, только — поверьте, я говорю вам не из честолюбия — предоставьте мне руководить экспедицией.

— Разве ты не наш предводитель? — вскричали флибустьеры.

— Мы будем тебе повиноваться по флибустьерским законам, — сказал Давид, — тот, кто задумал экспедицию, один имеет право командовать ей, мы будем твоими солдатами.

— Решено, братья! Сегодня же в одиннадцать часов утра я отправляюсь на торги, где выставят на продажу работников, прибывших из Франции третьего дня, навещу губернатора, чтобы предупредить его о подготовке к новому набегу, и набор экипажей начнется тотчас же.

— Все мы непременно там будем, — сказал Красивая Голова, — мне надо купить двух работников взамен пары бездельников, которые умерли от лени.

— Решено, — сказал Бартелеми, — в одиннадцать часов мы все будем в Нижней Земле.

Они встали и приготовились расходиться, потому что в обсуждениях прошла вся ночь и солнце, хотя еще находилось за горизонтом, уже начинало оттенять его широкими перламутровыми полосами, которые мало-помалу переходили в пурпуровые оттенки и показывали, что дневное светило не замедлит появиться.

— Кстати, — сказал с равнодушным видом Монбар Моргану, который провожал его вместе с другими флибустьерами до начала тропинки, — если ты не очень дорожишь своим карибом, не знаю как его зовут...

— Прыгун.

— А! Очень хорошо. Итак, я говорил, что если тебе все равно, то я был бы тебе очень обязан, если бы ты уступил его мне.

— Он тебе нужен?

— Да, я думаю, что он будет мне полезен.

— Раз так, возьми его, брат; я уступаю его тебе, хотя это хороший работник и я им доволен.

— Благодарю, брат. Во сколько ты его ценишь?

— Боже мой! Я не стану с тобой торговаться, брат. Я видел у тебя хорошее ружье — отдай его мне и возьми индейца, мы будем квиты.

— Подожди.

— Чего?

— Я хочу отдать тебе это ружье прямо сейчас; пришли ко мне индейца... или, если у меня будет время, я сам зайду за ним сегодня.

Флибустьер вернулся в дом, снял со стены ружье и принес его Моргану, который с неподдельной радостью набросил его на плечо.

— Ну, решено, — сказал он. — До свидания.

— До свидания, — ответил Монбар, и они разошлись.

Монбар надел толстый плащ, шляпу с широкими полями, полностью скрывавшими его лицо, и, обернувшись к Мигелю, сказал:

— Матрос, одно важное дело заставляет меня отправляться в Нижнюю Землю; ступай к губернатору, кавалеру де Фонтенэ, и, не вдаваясь ни в какие подробности и не открывая нашей тайны, просто скажи ему, что я готовлю новую экспедицию.

— Хорошо, пойду, — ответил Мигель.

— Потом пройди к люгеру и вместе с Тихим Ветерком приготовь там все к отплытию.

Дав инструкции морякам, Монбар спустился с утеса.

Кавалер де Фонтенэ, так же как и д'Эснамбюк, место которого в звании губернатора острова Сент-Кристофер он занял два года тому назад, был младшим сыном нормандского дворянина, приехавшим на острова искать счастья. Но прежде чем сделаться губернатором, он долгое время участвовал в набегах флибустьеров. Именно такой человек и был нужен последним на губернаторском посту: он предоставлял им свободу действовать так, как они считали необходимым, и никогда не требовал от них отчета, понимал с полуслова и

только брал десятую часть добычи, — добровольная дань, которую ему платили авантюристы в благодарность за покровительство, которое он им оказывал от имени короля.

Взошло солнце. Свежий морской ветерок тихо шелестел листьями деревьев, птицы пели, спрятавшись в ветвях. Монбар шел большими шагами, не смотря ни вправо ни влево, по-видимому погруженный в глубокие размышления.

При входе в селение Нижняя Земля, вместо того, чтобы пойти прямо, он направился по узкой тропинке через плантацию табака к горе Мизери. После довольно продолжительной ходьбы флибустьер наконец остановился у входа в бесплодное ущелье, на косогоре которого возвышалась жалкая бревенчатая хижина, покрытая пальмовыми листьями. На пороге этой хижины стоял человек. Заметив Монбара, он радостно вскрикнул и с быстротой и легкостью лани бегом бросился к нему по скалам. Это был кариб Прыгун. Добежав до флибустьера, он бросился перед ним на колени.

— Встань, — сказал ему авантюрист, — к чему благодарить меня?

— Мой господин час тому назад сказал, что теперь я принадлежу не ему, а тебе.

— Я же обещал тебе!

— Это правда, но белые всегда обещают и никогда не держат своих обещаний.

— Ты видишь доказательство обратному. Встань. Твой господин продал тебя мне, это правда, а я даю тебе свободу; у тебя теперь только один властелин — Бог.

Индеец встал, приложил руку к груди, зашатался, лицо его судорожно передергивалось, он пребывал в сильном душевном волнении, которое, несмотря на все усилия, он не мог преодолеть. Монбар, спокойный и мрачный, внимательно рассматривал его, устремив на него проницательный взгляд. Наконец индейцу удалось заговорить; голос его с хрипом вырывался из горла.

— Прыгун был вождем своего народа, — сказал он, — испанец унизил его, при помощи измены сделав рабом и продав, как выючную скотину. Ты возвращаешь Прыгуну то звание, которого он никогда не должен был лишаться. Хорошо, ты теряешь плохого раба, но приобретаешь преданного друга. Без тебя я умер бы. Моя жизнь принадлежит тебе.

Монбар протянул ему руку, кариб почтительно поцеловал ее.

— Как ты хочешь, остаться здесь или возвратиться на Гаити¹?

— Родные Прыгуна и остальной его народ блуждают на равнинах Бохио², — ответил индеец, — но куда пойдешь ты, туда пойду и я.

— Хорошо, ступай за мной и веди меня к тому человеку, понимаешь?

— Сейчас.

— Ты уверен, что он испанец?

— Уверен.

— Ты не знаешь, по каким причинам приехал он на остров?

— Не знаю.

— В каком месте он остановился?

— У одного англичанина.

— Стало быть, в английской колонии?

— Нет, в Нижней Земле.

— Тем лучше. Как зовут этого англичанина?

— Капитан Уильям Дрейк.

— Капитан Дрейк?! — с удивлением вскричал Монбар. — Это невозможно!

— Он там.

— Стало быть, капитан его не знает?

— Не знает; этот человек пришел к нему и попросил гостеприимства, капитан не мог ему отказать.

— Это правда. Ступай ко мне в дом, возьми платье, ружье или любое другое оружие, которое тебе понравится, и приходи ко мне; я буду у капитана Дрейка, а если меня там не окажется, то встретимся на пристани. Ступай.

Монбар вернулся назад и направился к Нижней Земле, а кариб пошел прямо к дому Монбара.

Нижняя Земля была, так сказать, штаб-квартирой французской колонии. В то время, когда происходит наша история, это было жалкое селение, выстроенное без всякого порядка, сообразно прихоти или удобству каждого домовладельца. Но издали оно выглядело очень живописно из-за хаотичного расположения домов всевозможной формы и величины, выстроенных на берегу моря перед великолепным

¹ Так карибы называют Санто-Доминго; это значит Большая Земля.
— *Примеч. автора.*

² Другое название, которое карибы дают Санто-Доминго. — *Примеч. автора.*

рейдом, заполненным кораблями, стоящими на якоре, и бесчисленным множеством пирог, постоянно сновавших взад и вперед. Батарея из шести пушек на узком мысе, выдававшаяся в море, защищала вход на рейд. Но в этом городке, таком грязном, таком жалком и ничтожном с виду, странные обитатели вели насыщенную жизнь. Узкие, темные улицы были наполнены разношерстной публикой, которая сновала взад и вперед с озабоченным видом. Трактиры виднелись на углу всех площадей и всех перекрестков, странствующие купцы хриплым голосом расхваливали свой товар, а публичные глашатаи в сопровождении толпы, которую на каждом шагу все увеличивали празднующиеся, объявляли при звуке труб и барабанов о продаже в этот день новых наемных работников, прибывших накануне на корабле Компании.

Монбар неприметно прошел в толпе к дому Уильяма Дрейка. Дом этот, довольно красивый и опрятный, возвышался на морском берегу, недалеко от особняка губернатора. Флибустьер отворил дверь, которая, по местному обычаю, была не заперта, и вошел внутрь.

Глава XV

Шпион

 первой комнате, которую можно было назвать и залой, и кухней, находились два человека. Это были работник капитана Уильяма Дрейка и какой-то незнакомец. Самого капитана тут не было. При виде незнакомца глаза флибустьера сверкнули, и зловещая улыбка появилась на его бледных губах.

Незнакомец сидел за столом, стоявшим посреди комнаты, и спокойно завтракал куском холодной говядины, приправленной перцем, запивая еду бордо, которое, скажем мимоходом, хотя и стало популярным в Париже только в царствование Людовика XV благодаря герцогу де Ришелье, возвратившемуся из Гиени, где он был губернатором, уже давно ценилось в Америке. Незнакомец был человеком довольно высокого роста, с бледным лицом, с чертами отшельника, худой, костлявый, угловатый, но его благородные манеры указывали на высокое положение в обществе, а простой и даже более чем скромный костюм напрасно старался замаскировать это положение.

При входе флибустьера, не поднимая головы, незнакомец искоса бросил взгляд из-под своих бархатных ресниц и снова занялся вкусным завтраком, стоявшим перед ним.

У флибустьеров все было общее; каждый брал у другого, дома тот был или нет, все, что ему было нужно, — оружие, порох, одежду, пищу, и тот, у кого делался этот заем, не должен был обижаться или выражать даже самое легкое недовольство. Подобная вольность в обращении с чужим имуществом не только допускалась и терпелась, но считалась даже правом, которым все пользовались без малейшего зазрения совести.

Монбар, осмотрев глазами комнату, взял стул и, бесцеремонно сев напротив незнакомца, сказал работнику:

— Подай мне завтрак, я голоден!

Работник, не позволяя себе ни малейшего замечания, тотчас повиновался. В одно мгновение, с чрезвычайным проворством он подал флибустьеру обильный завтрак, потом стал позади его стула, чтобы ему прислуживать.

— Друг мой, — небрежно сказал ему флибустьер, — благодарю, но я не люблю, чтобы кто-либо стоял позади меня, когда я ем. Ступай, встань перед дверью дома и не пускай сюда никого без моего приказания, — прибавил он, бросив на работника многозначительный взгляд. — Никого! Ты слышишь? — прибавил он, делая ударение на эти слова. — Если бы даже пришел сам твой господин. Ты меня понял?

— Понял, Монбар, — ответил работник и ушел.

При имени «Монбар» незнакомец чуть заметно вздрогнул, бросив тревожный взгляд на флибустьера, но тотчас взял себя в руки и принялся есть с величайшим спокойствием, по крайней мере внешним. Монбар в свою очередь расправлялся с завтраком, по-видимому ничуть не интересуясь сотрапезником, сидевшим напротив. Так продолжалось несколько минут. В комнате не слышалось никакого шума, кроме звона ножей и вилок, между тем как в душе каждого из сидящих за столом бушевали сильные страсти. Наконец Монбар поднял голову и посмотрел на незнакомца.

— Вы на редкость молчаливы, — сказал он добродушным тоном человека, которому надоело продолжать молчание и который желает начать разговор.

— Я? — спросил незнакомец самым спокойным голосом, приподняв голову. — Да нет, кажется...

— Однако смею вам заметить, — продолжал флибустьер, — вот уже четверть часа как я имею честь находиться в вашем

обществе, а вы еще не сказали мне ни единого слова, даже не поздоровались, когда я вошел.

— Извините меня, — сказал незнакомец, слегка наклонив голову, — это поступок совершенно невольный. Кроме того, не имея удовольствия знать вас...

— Вы в этом уверены? — с иронией перебил авантюрист.

— По крайней мере я так думаю; и, не имея ничего сказать вам, я предположил, что бесполезно начинать пустой разговор.

— Как знать! — с насмешкой возразил флибустьер. — Самые пустые разговоры вначале часто становятся очень интересными через несколько минут.

— Сомневаюсь, чтобы это произошло в нашем случае. Позвольте же мне прервать беседу на этих первых словах. Кроме того, мой завтрак окончен, — сказал незнакомец, вставая, — и серьезные дела требуют моего присутствия. Извините, что я так скоро оставляю вас, поверьте, я весьма сожалею.

Флибустьер не двинулся с места. С грациозной небрежностью откинувшись на спинку стула и играя ножом, который держал в руке, он сказал кротким и вкрадчивым голосом:

— Извините, только одно слово...

— Говорите скорее, — отвечал незнакомец, останавливаясь, — уверяю вас, я очень тороплюсь.

— О! Вы останетесь со мной на несколько минут, — продолжал авантюрист все с той же насмешкой.

— Если вы так сильно этого желаете, я вам не откажу, но уверяю вас, что я очень тороплюсь.

— Я нисколько в этом не сомневаюсь; особенно вы торопитесь уйти из этого дома, не правда ли?

— Что вы хотите сказать? — надменно спросил незнакомец.

— Я хочу сказать, — отвечал флибустьер, вставая, подходя к нему и становясь перед дверью, — что притворяться бесполезно, вы узнаны.

— Я узнан? Я вас не понимаю... Что значат эти слова?

— Они значат, — грубо сказал Монбар, — что вы шпион и изменник, и через несколько минут вы будете повешены!

— Я? — вскричал незнакомец с очень хорошо разыгранным удивлением. — Вы сошли с ума или ошибаетесь. Прошу простить меня.

— Я не сошел с ума и не ошибаюсь, сеньор дон Антонио де Ла Ронда.

Незнакомец вздрогнул, смертельная бледность покрыла его лицо, но тотчас придя в себя, он сказал:

— О, это безумство!

— Милостивый государь, — прошептал Монбар, все еще спокойно, но оставаясь как бы пригвожденным к двери, — я утверждаю, вы опровергаете. Очевидно, один из нас лжет или ошибается. Я уверяю вас, что не лгу, стало быть лжете вы, и чтобы разрешить последние сомнения на этот счет, я прошу вас выслушать меня. Но прежде не угодно ли вам сесть. Нам надо поговорить несколько минут, а я вам замечу, что не совсем прилично говорить стоя друг против друга, уподобившись боевым петухам, готовым наскочить на хохол друг другу, когда можно говорить сидя.

Невольно подчиняясь сверкающему взору флибустьера, в упор устремленного на него, и резкому повелительному тону, незнакомец сел на свое место, или, лучше сказать, не сел, а опустился на стул.

— Теперь, — продолжал Монбар тем же спокойным тоном, садясь на свое прежнее место, опираясь локтями о стол и подаваясь всем корпусом вперед, — чтобы разом рассеять все иллюзии, которые вы могли сохранить, и доказать вам, что я знаю гораздо больше, чем вы желали бы, позвольте мне в двух словах рассказать вам вашу историю.

— Милостивый государь... — попытался перебить его незнакомец.

— О! Не бойтесь, — прибавил флибустьер тоном холодного и сухого сарказма, — я не стану долго распространяться; так же как и вы, я не желаю тратить время на пустые разговоры, но заметьте, между прочим, каким образом наш пустой разговор, как я предвидел, скоро сделался интересным. Не правда ли, как это странно?

— Я жду, чтобы вы объяснились, — холодно отвечал незнакомец, — потому что до сих пор я не понял ни одного слова из всего, что вы сказали мне.

— Ей-Богу, вы пришлись мне по сердцу! Я не ошибся на ваш счет. Храбрый, холодный, скрытный, вы достойны быть флибустьером и вести с нами жизнь, полную приключений.

— Вы оказываете мне большую честь, но все это мне не объясняет...

— Потерпите немного; как вы пылки! Остерегайтесь, ваше ремесло требует хладнокровия, а его-то в эту минуту у вас и недостает.

— Вы очень остроумны, — сказал незнакомец, насмешливо поклонившись своему собеседнику.

Тот оскорбился этой усмешкой и, ударив кулаком по столу, сказал:

— Вот ваша история в двух словах. Вы андалузец, родились в Малаге, младший сын и, следовательно, были назначены в духовное звание. В один прекрасный день, не чувствуя никакой склонности к тонзуре, вы сели на испанский корабль, отправлявшийся на Санто-Доминго. Вас зовут дон Антонио де Ла Ронда... Как видите, мне известно многое.

— Продолжайте, — совершенно флегматично произнес незнакомец, — вы чрезвычайно меня заинтересовали.

Монбар пожал плечами и продолжал:

— Приехав на Санто-Доминго, вы успели за короткое время, по милости вашей красивой внешности, а особенно вашего тонкого и непринужденного ума, найти себе могущественных покровителей, так что уже через три года по прибытию из Европы вы настолько возвысились, что сделались одним из самых влиятельных людей в колонии. К несчастью...

— Вы сказали, к несчастью? — перебил незнакомец с насмешливой улыбкой.

— Да, — невозмутимо отвечал авантюрист, — к несчастью фортуна повернулась к вам спиной, и до такой степени...

— До такой степени?..

— ...что, несмотря на ваших друзей, вас арестовали и угрожали судом за кражу двух миллионов пиастров, — цифра внушительная, поздравляю вас. Сознаюсь, что всякий другой на вашем месте погиб бы; Совет по делам Индий¹ не шутит, когда речь идет о деньгах.

— Позвольте мне вас прервать, милостивый государь, — сказал незнакомец с совершенной непринужденностью, — вы рассказываете эту историю чрезвычайно красноречиво, но если вы будете продолжать таким образом, она продлится нескончаемо. Если вы мне позволите, я закончу ее в нескольких словах.

— Ага! Теперь вы сознаетесь, что она справедлива?

¹ Речь идет о созданном в 1524 г. Королевском верховном совете по делам Индий, назначавшем должностных лиц всех рангов, как светских, так и духовных, в испанских колониях, контролировавшем деятельность колониальной бюрократии и являвшемся высшей судебной инстанцией по всем вопросам, связанным с жизнью колоний.

— Еще бы! — отвечал незнакомец с удивительной самоуверенностью.

— Вы сознаетесь, что вы дон Антонио де Ла Ронда?

— Для чего мне отпираться, раз вы это знаете?

— Стало быть, вы признаете, что обманом забрались в колонию с целью...

— Я сознаюсь во всем, в чем вам будет угодно, — с живостью сказал испанец.

— Стало быть, вы заслуживаете виселицу и будете повешены через несколько минут.

— Ну уж нет! — возразил испанец, не теряя хладнокровия. — Вот в этом-то мы с вами не сходимся, милостивый государь. Ваше заключение лишено всякой логики.

— Что?! — вскричал авантюрист, удивляясь этой внезапной перемене в тоне, которой он не ожидал.

— Я сказал, что ваше заключение не логично.

— Я это слышал.

— Я докажу это, — продолжал испанец. — Теперь ваша очередь выслушать меня.

— Хорошо, надо быть сострадательным к тем, кто скоро умрет.

— Вы очень добры, но, слава Богу, до этого я еще не дошел. От стакана до губ еще далеко, гласит очень мудрая пословица на моей родине.

— Продолжайте, — сказал флибустьер со зловещей улыбкой.

Испанец даже не дрогнул.

— Для меня очевидно, милостивый государь, что вы желаете предложить мне какое-то условие.

— Я?

— Конечно. Вот почему, узнав во мне шпиона, — а должен сознаться, что я действительно шпион, вы видите, я с вами предельно откровенен, — для вас ничего не могло быть легче, чем приказать повесить меня на первом же дереве без всякого суда.

— Да, но я это сделаю сейчас.

— Нет, вы не сделаете этого, и вот почему: вы думаете, по причинам, мне не известным, — я не хочу обижать вас предположением, будто вы почувствовали ко мне сострадание, когда мои соотечественники так справедливо называют вас *Губителем*, — вы думаете, повторяю, что я могу быть вам полезен для успеха вашего плана, и, следовательно,

вместо того, чтобы велеть меня повесить, как вы сделали бы это при всяких других обстоятельствах, вы прямо пришли сюда, чтобы поговорить со мной, как друг с другом. Ну! Я сам этого желаю; говорите, я вас слушаю. В чем заключается ваше дело?

Произнеся эти слова с самым непринужденным видом, дон Антонио откинулся на спинку стула, вертя в пальцах сигару. С минуту флибустьер смотрел на него с нескрываемым удивлением, потом, расхохотавшись, сказал:

— Ну хорошо; по крайней мере между нами не будет недоразумений. Да, вы угадали, я хочу сделать вам предложение.

— Об этом нетрудно было догадаться, но оставим это; в чем состоит ваше предложение?

— Боже мой! Все очень просто. Вам только надо переменить вашу роль.

— Очень хорошо. Я вас понимаю; то есть, вместо того, чтобы изменять вам в пользу Испании, я буду изменять Испании в вашу пользу.

— Вы видите, что это легко.

— Действительно, очень легко, но чертовски опасно. Положим даже, что я соглашусь на вашу просьбу, но какая мне будет от этого польза?

— Во-первых, вас не повесят.

— Быть повешенным, утопленным или расстрелянным — почти одно и то же. Я желал бы выгоды посущественнее и повиднее.

— Черт побери! Вы привередливы! Разве спасти жизнь от петли ничего не значит?

— В ситуации, когда нечего терять, смерть скорее благодеяние, чем бедствие.

— Да вы, оказывается, философ!

— Нет, черт побери! Я только отчаянный человек.

— Это часто одно и то же. Но вернемся к нашему делу.

— Да, вернемся, это гораздо лучше.

— Я предлагаю вам свою долю добычи с первого корабля, который я захвачу. На это вы согласны?

— Это уже лучше. К несчастью, корабль, о котором вы мне говорите, похож на медведя из басни, — он еще в пути. Я предпочел бы что-нибудь посущественнее.

— Я вижу, что вам надо уступить. Служите мне хорошенько, и я награжу вас так щедро, что даже испанский король не мог бы сделать больше.

— Решено, я рискну. Теперь скажите мне, каких услуг вы требуете от меня?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне захватить врасплох остров Черепахи, на котором вы долго жили и с которым вы, кажется, сохранили связи.

— Не вижу в этом ничего приятного, и, прежде всего, позвольте одно замечание.

— Какое?

— Я не могу ручаться вам за успех этого смелого предприятия.

— Это замечание справедливо, но будьте спокойны: даже если остров хорошо защищен, он будет еще лучше атакован.

— В этом я убежден... Но что дальше?

— Я вам скажу после, когда придет время, сеньор, а теперь мы должны заняться другими делами.

— Как вам угодно.

— Теперь, как я уже имел честь сказать вам вначале, я знаю, что вы человек очень хитрый и способный проскользнуть, как змея, между пальцев без малейшего зазрения совести. Так как я хочу избежать этой возможности, сделайте мне одолжение, отправляйтесь сейчас же на мой люгер.

— Пленником? — с досадой осведомился испанец.

— Нет, не пленником, любезный дон Антонио, а как заложник, с которым будут обращаться со всем вниманием, совместимым с нашей общей безопасностью.

— Но слово дворянина...

— Годится между дворянами, это правда, но с такими негодьями, как вы нас называете, оно, по-моему, не имеет никакой цены. Даже вы, идальго старой Испании, считаете для себя возможным нарушать ваше слово без малейшего зазрения совести, когда вас побуждают к этому выгоды.

Дон Антонио потупил голову и ничего не ответил, в душе признавая, хотя не хотел этого выказывать, справедливость слов флибустьера. Тот с минуту наслаждался смущением испанца, потом три раза ударил по столу рукояткой ножа. Немедленно вошел работник капитана.

— Что вам нужно, Монбар?

— Скажи мне, мой храбрый товарищ, — обратился к нему авантюрист, — не видел ли ты краснокожего кариба, не бродит ли он вокруг этого дома?

— Монбар, краснокожий кариб спрашивал меня несколько минут назад, здесь ли вы. Я ответил утвердительно, но не

хотел нарушать ваше приказание и не впустил его, несмотря на его просьбу.

— Очень хорошо. Человек этот не сказал, как его зовут?

— Напротив, он тотчас сказал, что его зовут Прыгун.

— Это тот человек, которого я и ждал; впусти его, пожалуйста. Он, должно быть, ждет у дверей. И сам приходи вместе с ним.

Работник вышел.

— Чего вы хотите от этого человека? — спросил испанец с беспокойством, которое не укрылось от проницательных глаз авантюриста.

— Этого индейца я назначу вам в караульные, — сказал Монбар.

— Стало быть, вы действительно хотите задержать меня?

— Безусловно, сеньор.

В эту минуту вошел работник вместе с карибом, который был одет в свой традиционный костюм, но воспользовался позволением Монбара, чтобы вооружиться с ног до головы.

— Прыгун и ты, друг мой, выслушайте хорошенько, что я вам скажу. Видите вы этого человека? — сказал флибустьер, указывая на испанца, все такого же бесстрастного.

— Видим, — ответили они.

— Встаньте по обе стороны от него, доставьте на люгер и отдайте моему матросу Мигелю Баску, приказав ему от моего имени не спускать глаз с этого человека. Если по пути к люгеру он попытается бежать, стреляйте в него без всякой пощады. Вы меня поняли?

— Поняли, — ответил работник, — положитесь на нас, мы ручаемся за него головой.

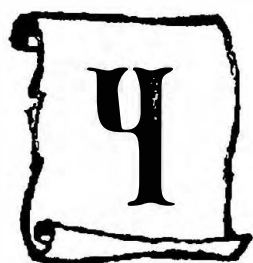
— Хорошо, полагаюсь на ваше слово... Милостивый государь, — прибавил флибустьер, обращаясь к дону Антонио, — прошу вас отправиться с этими людьми.

— Я повинуюсь силе.

— Да, я все понимаю. Но успокойтесь, ваш плен будет непродолжителен и не жесток. Я сдержу обещание, данное вам, если вы со своей стороны сдержите ваше. Ступайте же. До свидания!

Испанец ничего не ответил, встал между караульными и вышел вместе с ними.

Продажа невольников

Через минуту Монбар встал, надел плащ, который при входе бросил на стул, и хотел выйти из дома. На пороге двери он очутился лицом к лицу с капитаном Дрейком.

— А-а! Ты здесь, брат? — воскликнул Дрейк.

— Да, я завтракал.

— И правильно делал.

— Пойдешь со мной на продажу невольников?

— Нет, мне не нужны работники.

— И мне не нужны, но ты знаешь, что тотчас после продажи начнется набор.

— Да, правда! Дай мне только сказать несколько слов моему работнику, и я пойду с тобой.

— Твой работник вышел.

— Я же велел ему не выходить!

— Я дал ему поручение.

— А-а, тогда другое дело.

Оба флибустьера ушли.

— Ты не спрашиваешь меня, какое поручение я дал твоему работнику, — заметил Монбар через несколько минут.

— А для чего мне спрашивать? Меня это не касается.

— Это касается тебя гораздо больше, чем ты думаешь, брат.

— Каким образом?

— Ты оказал гостеприимство одному незнакомцу, не так ли?

— Да. Но при чем здесь...

— Сейчас поймешь. Этот незнакомец, которого ты не знаешь... Ты ведь не знаешь его?

— Нет. Что мне за дело, кто он такой? В гостеприимстве отказывать нельзя.

— Это правда, но я узнал этого человека.

— Да? И кто же это?

— Ни больше ни меньше как испанский шпион.

— Вот тебе раз! — сказал капитан, остановившись.

— Что с тобой?

— Ничего, ничего! Я только пойду прострелю ему голову, если ты еще этого не сделал.

— Нет, брат, я убежден, что этот человек окажется нам очень полезен.

— Каким же образом?

— Можно умеючи извлечь выгоды даже из испанского шпиона. Пока что я отправил его с твоим работником и моим человеком на люгер, где его будут стеречь, так что он от нас не ускользнет.

— Полагаюсь на тебя... Благодарю тебя, брат, что ты избавил меня от этого негодяя.

Разговаривая таким образом, оба флибустьера дошли до того места, где происходила продажа работников.

Направо находился большой навес из досок, открытый и ветру, и дождю. Посреди этого навеса поставили стол для секретарей Компании, которые производили продажу и составляли контракты. Для губернатора было приготовлено кресло возле довольно высокого помоста, куда каждый работник или работница всходили поочередно для того, чтобы покупатели могли свободно их рассматривать. Эти несчастные, обманутые агентами Компании в Европе, заключали соглашения, последствий которых не понимали, и были убеждены, что по приезде в Америку, по истечении более или менее продолжительного срока, они получат свободу зарабатывать себе пропитание как захотят. Среди них находились также сыновья разорившихся родителей и кутилы, для которых труд был делом презренным и которые воображали, будто в Америке, стране золота, богатство свалится на них, как во сне.

Несколько дней тому назад корабль Компании привез полторы сотни наемников, и в их числе находились несколько женщин, по большей части молодых и хорошеньких, но развратных, которых полиция задержала на улице и которые без всякого суда были отправлены в Америку. Женщины эти также должны были в результате торгов достаться колонистам, но не как невольницы, а как жены. Союзы эти, заключенные по цыганскому обычаю, должны были длиться определенный промежуток времени, не больше семи лет, если только не последует взаимного согласия супругов, но этого не случалось почти никогда, а по окончании этого срока они расходились и каждый имел право вступать в новый брак.

Работники были привезены с корабля на остров уже два дня назад. Эти два дня были им даны для того, чтобы они могли немного прийти в себя от усталости, накопленной во время продолжительного морского путешествия, погулять и подышать живительным воздухом земли, которого они были так долго лишены.

К тому моменту, когда подошли два флибустьера, торги шли уже полчаса, в сарае была целая толпа колонистов, желавших купить невольников — мы вынуждены употреблять это слово, потому что эти бедные оборванные работники были не чем иным, как рабами. При появлении Монбара толпа расступилась, и ему довольно легко удалось в сопровождении капитана встать возле губернатора, кавалера де Фонтенэ, возле которого уже находились самые знаменитые авантюристы. Здесь же присутствовал и Мигель Баск.

Кавалер де Фонтенэ учтиво приветствовал Монбара, он даже встал со своего места и сделал два шага ему навстречу, что флибустьерам очень понравилось и за что они были очень признательны губернатору; эта честь, оказанная самому знаменитому среди них, отражалась на всех них. Обменявшись несколькими учтивыми словами с губернатором, Монбар наклонился к Баску и спросил его:

— Ну что, матрос?

— Испанец на люгере, — ответил Мигель, — под присмотром Тихого Ветерка.

— Стало быть, я могу не беспокоиться?

— Конечно.

Во время этого разговора торги продолжались. Все работники были проданы, кроме одного, который стоял в эту минуту на помосте возле агента Компании, исполнявшего роль аукциониста; ему было поручено восхвалять достоинства человеческого товара, предложенного присутствующим. Выставленный на продажу человек был малый небольшого роста, коренастый, крепкого сложения, лет двадцати шести, с жесткими, решительными и умными чертами лица; его серые глаза излучали отвагу и веселье.

— Жан-Франсуа Но, родившийся в провинции Пуату, в местечке Сабль д'Олоне, — сказал агент Компании, — двадцати пяти лет, сильный и здоровый матрос. Сорок экю за Олоне, сорок экю за три года, господа!

— Тот, кто меня купит, провернет выгодное дельце, — сказал Жан-Франсуа Но.

— Сорок экю, — продолжал агент, — сорок экю, господа! Монбар обернулся к работнику.

— Как, негодяй, ты матрос, и вместо того, чтобы присоединиться к нам, ты продал себя? Какой же ты малодушный! Олоне засмеялся.

— Вы не понимаете! Я продал себя потому, что это было необходимо, — отвечал он, — для того, чтобы моя мать могла перебиться во время моего отсутствия.

— Как это?

— Что вам за дело? Вы пока что не мой господин, а если и станете им, то не будете иметь права расспрашивать меня о моих личных делах.

— Ты кажешься мне храбрым человеком.

— Мне самому это кажется. Я хочу сделаться таким же флибустьером, как и все вы, а для этого мне необходимо поучиться ремеслу.

— Сорок экю! — вскричал агент.

Монбар внимательно посмотрел на работника, твердый взор которого медленно потупился пред его взором, потом, оставшись весьма удовлетворенным результатами изучения, обернулся к агенту.

— Хорошо, замолчите, — сказал он, — я покупаю этого человека.

— Олоне присужден Монбару Губителю за сорок экю, — сказал агент.

— Вот деньги, — отвечал флибустьер, бросая на стол горсть серебра. — Пойдем, — приказал он Олоне, — ты теперь мой работник.

Тот спрыгнул с помоста и с радостным видом подбежал к Монбару.

— Так это вы Монбар Губитель? — с любопытством спросил он.

— Ты, кажется, меня допрашиваешь, — смеясь, сказал флибустьер, — однако твой вопрос кажется мне вполне естественным, и на этот раз я тебе отвечу, — да, это я.

— Раз так, я благодарю, что вы купили меня, Монбар! С вами я наверняка быстро стану знаменитым.

По знаку своего нового господина он почтительно стал позади него.

Начиналась самая любопытная для авантюристов часть торгов — продажа женщин. Эти бедные и несчастные женщины, по большей части молодые и хорошенькие, дрожа поднимались на помост и, несмотря на свои усилия не теряться, краснели от стыда; горячие слезы текли по их лицу при виде взглядов всех мужчин, пылкие глаза которых были устремлены на них. Компания получала особенно большие барыши на женщинах, потому что она захватывала их даром и продавала как можно дороже. Мужчины обычно шли с молотка по цене от тридцати до сорока экю и не могли продаваться дороже, женщины же продавались с аукциона за большие деньги; только губернатор имел право остановить продажу, когда цена казалась ему довольно высока.

Женщины всегда присуждались покупателю среди криков и насмешек, весьма неприличных, над флибустьерами, которые не боялись пускаться по брачному океану, наполненному подводными камнями.

Красивая Голова, этот свирепый флибустьер, о котором мы уже говорили, купил, как и намеревался, двух работников взамен двух умерших, как он выражался, от лени, но в действительности от его ударов. Потом, вместо того, чтобы вернуться домой, он поручил работников своему надзирателю, потому что у флибустьеров, — у владельцев негров, были надзиратели, смотревшие за работой белых невольников, — и остался, с живейшим участием следя за продажей женщин. Друзья его подшучивали над ним, но он только презрительно пожимал плечами и стоял, скрестив руки на дуле своего длинного ружья и упорно устремив глаза на помост.

Там заняла место молодая женщина, нежная, деликатная, почти ребенок, с белокурыми кудрявыми волосами, падавшими на ее белые худощавые плечи. Гладкий и задумчивый лоб, большие голубые глаза, наполненные слезами, свежие щеки, крошечный ротик заставляли ее казаться гораздо моложе, нежели она была в действительности; ей было восемнадцать лет. Тонкий и гибкий стан, кроткий вид, словом все в ее восхитительной наружности имело обольстительное очарование, составлявшее полный контраст с решительными и пошлыми ухватками женщин, появлявшихся на помосте до и после нее.

— Луиза, родившаяся на Монмартре, восемнадцати лет. Кто берет ее в жены на три года за пятнадцать экю? — сказал агент Компании насмешливым голосом.

Бедная девушка закрыла лицо руками и заплакала.

— Двадцать экю за Луизу! — сказал какой-то авантюрист, подходя к помосту.

— Двадцать пять, — немедленно откликнулся другой.

— Велите ей поднять голову, чтобы ее было видно! — грубо закричал третий.

— Ну, малютка, будь мила, — сказал агент, заставляя Луизу отнять руки от лица, — дай посмотреть на себя, это для твоей же пользы, черт побери! Двадцать пять экю!

— Пятьдесят! — внезапно произнес Красивая Голова со своего места.

Взоры всех устремились на него; до сих пор Красивая Голова выказывал глубокое пренебрежение к женщинам.

— Шестьдесят! — закричал один авантюрист, который вовсе не собирался покупать эту молодую девушку, а только хотел подзадорить своего товарища.

— Семьдесят! — сказал другой с тем же сострадательным намерением.

— Сто! — закричал Красивая Голова с гневом.

— Сто экю, господа! Сто экю! Луизу на три года! — бесстрастно сказал агент.

— Полтора ста.

— Двести!

— Двести пятьдесят!.. Триста! — закричали в то же время несколько авантюристов, постепенно приближавшиеся к помосту.

Красивая Голова был бледен от бешенства; он боялся, что Луиза достанется кому-нибудь другому. Он вообразил, что ему непременно нужна женщина для ведения хозяйства. Луиза понравилась ему с первого взгляда, и он захотел ее купить.

— Четыреста экю! — закричал он вызывающе.

— Четыреста экю! — повторил агент Компании своим монотонным голосом.

Наступило молчание; четыреста экю составляют порядочную сумму. Красивая Голова торжествовал.

— Пятьсот! — вдруг воскликнул резкий и звучный голос.

Торг вновь разгорелся; противники остановились только для того, чтобы собраться с силами.

Агент Компании потирал руки с веселым видом, повторяя:

— Шестьсот! Семьсот! Восемьсот! Девятьсот!

Зрителями овладело какое-то неистовство, каждый набавлял цену с гневом. Девушка все плакала. Красивая Голова находился в бешенстве, похожем на помешательство. С гневом сжимая ружье между судорожно подергивающимися пальцами, он чувствовал безумное искушение послать пулю в самого решительного из противников. Однако присутствие кавалера де Фонтенэ удерживало его.

— Тысяча! — закричал он хриплым голосом.

— Тысяча двести! — немедленно крикнул самый резвый из конкурентов.

Красивая Голова с бешенством топнул ногой, набросил ружье на плечо, надвинул шляпу на лоб и медленными торжественными шагами, как передвигались бы статуи, если бы они умели ходить, подошел и стал рядом со своим докучливым противником. Тяжело ударив о землю прикладом ружья

в нескольких дюймах от ноги этого человека, он посмотрел на него с вызывающим видом и закричал прерывавшимся от волнения голосом:

— Полторы тысячи!

Конкурент в свою очередь гордо посмотрел на него, отступил на шаг, взвел курок у своего ружья, потом сказал спокойным голосом:

— Две тысячи!

Перед этими двумя ожесточенными противниками другие участники благоразумно ретировались. Борьба превратилась в ссору и угрожала сделаться кровавой. Мертвая тишина повисла над собравшимися, ссора этих двух людей прекратила всякое веселье среди присутствующих, остановила все шутки. Губернатор с участием следил за развитием этой борьбы и готовился вмешаться. Авантюристы мало-помалу отступили и оставили большое пространство вокруг обоих соперников.

Красивая Голова также сделал несколько шагов назад, положил ружье на плечо и прицелился в своего противника.

— Три тысячи! — сказал он.

Противник тоже положил ружье на плечо.

— Три тысячи пятьсот! — закричал он, спустив курок. Раздался выстрел.

Но губернатор быстрым, как мысль, движением отвел концом своей трости дуло ружья, и пуля ушла в крышу. Красивая Голова оставался неподвижен, только, услышав выстрел, опустил ружье.

— Милостивый государь! — с негодованием обратился губернатор к выстрелившему флибустьеру. — Вы поступили бессовестно, вы чуть не совершили убийство.

— Господин губернатор, — холодно ответил флибустьер, — когда я выстрелил, в меня прицеливались; стало быть, это была дуэль.

Губернатор колебался, довод был не лишен логики.

— Это не имеет значения, — продолжал он через минуту, — законы о дуэли не были вами соблюдены. Чтобы наказать вас, я вас исключаю из числа конкурентов. Я приказываю, — обратился он к агенту Компании, — чтобы женщина, явившаяся причиной этого неприятного спора, была присуждена мсье Красивой Голове за три тысячи экю.

Агент поклонился с довольно угрюмым видом; он надеялся, исходя из того, как шли торги, достичь цифры гораздо более значительной. Но возражать кавалеру де Фонтенэ было нельзя, приходилось покориться.

— Луиза присуждена за три тысячи экю! — обратился агент к Красивой Голове со вздохом сожаления, — не о женщине, а о деньгах.

— Очень хорошо, господин губернатор, — сказал второй флибустьер со зловещей улыбкой, — я должен преклониться перед вашим приговором, но с Красивой Головой мы еще увидимся.

— Надеюсь, Пикар! — холодно ответил дьеппец. — Теперь разговор между нами будет вестись о пролитой крови.

В это время Луиза сошла с помоста, где ее место заняла другая женщина, и вся в слезах остановилась возле Красивой Головы, отныне ее повелителя и властелина. Кавалер де Фонтенэ бросил взгляд сострадания на бедную женщину, для которой, по всей вероятности, начиналась тяжелая жизнь с человеком такого жестокого характера, и сказал ей мягким голосом:

— Милостивая государыня, с нынешнего дня на три года вы становитесь законной супругой Красивой Головы. Вы обязаны его любить, повиноваться ему и оставаться верной; таковы законы колонии. Через три года вы имеете право оставить его или продолжать жить с ним, если он на это будет согласен. Подпишите эту бумагу.

Несчастливая женщина, ослепленная слезами, вне себя от отчаяния, подписала бумагу, которую ей подал губернатор, потом бросила горестный взгляд на безмолвную и равнодушную толпу, в которой у нее не было ни единого друга.

— Что я теперь должна делать? — спросила она губернатора тихим и дрожащим голосом.

— Вы должны следовать за этим человеком, который на три года сделался вашим мужем, — ответил кавалер де Фонтенэ с движением сострадания, которого он не мог сдержать.

Красивая Голова дотронулся до плеча молодой девушки, все тело которой задрожало и которая посмотрела на него с отчаянием.

— Да, — сказал он, — ты должна следовать за мной. Господин губернатор сказал тебе, что теперь я твой муж на три года, и до окончания этого срока у тебя нет другого господина кроме меня. Слушай же и запомни хорошенько мои слова: то, что ты делала и чем была до сих пор, меня не касается, — заявил он мрачным и свирепым голосом, заставившим бедную девушку похолодеть от ужаса, — но начиная с нынешнего дня и с этой минуты ты зависишь от меня, от меня одного, я вверяю тебе мою честь, которая становится твоей честью, и если ты ее скомпрометируешь, если ты за-

будешь свой долг, — прибавил он, с силой ударив своим ружьем, которое издало зловещий звук, — вот что тебе напомнит о ней! Теперь ступай за мной.

— Будьте поласковей с ней, Красивая Голова, — сказал кавалер де Фонтенэ, не будучи в состоянии удержаться, — она так молода.

— Я буду справедлив, господин губернатор; благодарю за ваше беспристрастие, мне пора идти. Пикар, мой старый приятель, ты знаешь, где меня найти.

— Я непременно явлюсь к тебе, но не хочу мешать твоему медовому месяцу, — ответил Пикар с насмешкой.

Красивая Голова ушел в сопровождении своей жены. Продажа не представляла более ничего интересного; оставшиеся женщины были раскуплены за цену гораздо ниже той, за которую была продана Луиза, к великому сожалению агентов Компании. Флибустьеры уже хотели уходить, но в это время Монбар взошел на помост и, обратившись к толпе, сказал звучным голосом:

— Братья, остановитесь, я должен сообщить вам нечто важное.

Авантюристы остались на своих местах.

Глава XVII

Набор

 все флибустьеры столпились около помоста, с нетерпением ожидая, что им скажет Монбар.

— Братья, — сказал он через минуту, — я готовлю новую экспедицию, для которой мне нужны триста решительных человек. Кто из вас хочет отправиться в набег с Монбаром Губителем?

— Все! Все! — закричали флибустьеры с энтузиазмом.

Губернатор сделал движение, намереваясь уйти.

— Извините, кавалер де Фонтенэ, — сказал Монбар, — я прошу вас задержаться еще на несколько минут. Я задумал очень серьезную экспедицию и сейчас продиктую договор о разделе добычи, который я попрошу вас, как губернатора колонии, подписать прежде наших товарищей. Кроме того, я должен предложить вам условие.

— Я останусь, если вы хотите, Монбар, — ответил губернатор, опять усаживаясь на прежнее место. — Теперь позвольте вас спросить, какое условие хотите вы мне предложить?

— Вы владелец двух бригантин, каждая в двадцать тонн?

— Да, это так.

— Эти бригантины для вас бесполезны в настоящую минуту, так как вы, кажется, отказались от набегов, а мне они будут очень и очень полезны.

— Считайте, что с этой минуты бригантины в вашем распоряжении, — любезно ответил губернатор.

— Благодарю вас за ваше одолжение, но в такой экспедиции никто не может предвидеть, что случится, и я предлагаю вам купить два корабля за четыре тысячи экю наличными.

— Хорошо; если вы этого желаете, я очень рад доставить вам удовольствие, оба корабля принадлежат вам.

— Я буду иметь честь вручить вам четыре тысячи экю через час.

Они поклонились друг другу, потом флибустьер обернулся к авантюристам, которые ждали, едва переводя дух от нетерпения. Покупка двух судов еще более увеличила их любопытство.

— Братья! — сказал он своим звучным и ясным голосом. — Вот уже два месяца как мы не предпринимали никаких экспедиций, ни одно судно не отправлялось з набег. Разве вам не надоедает праздная жизнь, которую мы ведем? Разве вы не начинаете чувствовать недостаток в деньгах, разве ваши кошельки не начинают пустеть? Друзья, решайтесь, отправляйтесь со мной, и уже через две недели ваши карманы наполнятся испанскими пиастрами, и хорошенькие девушки, теперь к вам суровые, станут расточать при виде вас очаровательные улыбки! Долой испанцев, братья! Пусть те из вас, кто хочет следовать за мной, скажут свои имена Мигелю Баску, моему матросу. Помните только, что раз добыча выгодна, то и опасность велика, и я желю набрать людей, решившихся победить или храбро умереть, не прося пощады и самим не щадя врага. Я, Монбар Губитель, не щажу испанцев и не требую пощады от них!

Одобрительными возгласами были встречены эти слова, произнесенные тем тоном, к которому знаменитый флибустьер прибегал, желая увлечь тех, к кому обращался.

Началась вербовка. Мигель Баск сел у стола, за которым прежде сидел агент Компании, и принялся записывать имена флибустьеров, которые толпились около него и которые все до единого хотели участвовать в экспедиции, предвидя, что она будет очень прибыльна.

Но Мигель получил строгие инструкции от своего капитана. Убежденный, что в людях у него не будет недостатка и

что их всегда найдется больше чем нужно, Мигель был разборчив и безжалостно отказывал тем из флибустьеров, чья репутация людей — мы не скажем храбрых, все были храбры как львы — но людей безумно отважных еще не установилась. Однако, несмотря на исключительную придирчивость Мигеля Баска, триста человек скоро были записаны. Разумеется, это были самые храбрые флибустьеры, совершившие неслыханно дерзкие подвиги, такие люди, с которыми предпринять и исполнить невозможное было детской игрой.

Первыми записались, как было оговорено заранее, члены Общества Двенадцати. Де Фонтенэ, сам бывший флибустьер, не только знавший о репутации, но и видевший в деле всех этих людей, не мог опомниться от удивления и ежеминутно повторял Монбару, который стоял, спокойно улыбаясь, возле него:

— Но что же вы намерены сделать? Уж не собираетесь ли вы захватить Санто-Доминго?

— Может быть, — с насмешкой ответил флибустьер.

— Однако мне кажется, что я имею право на ваше доверие, — сказал губернатор обиженным тоном.

— Да, на самое полное доверие, но только вам известно, что первое условие успеха подобной экспедиции — тайна.

— Это правда.

— Я ничего не могу вам сказать, но не мешаю вам догадаться.

— Догадаться? Но как?

— Может быть, договор о разделе добычи объяснит вам кое-что?

— Ну, составьте же этот договор.

— Потерпите еще немного... Ну вот, сюда идет Мигель. Закончен наш набор?

— Еще бы! У меня записались триста пятьдесят человек.

— Черт побери! Это много.

— Никак нельзя было не взять. Все хотят идти с Монбаром. Невозможно удержать.

— Что ж, делать нечего, — улыбаясь, сказал Монбар. — Дай мне твой список.

Мигель подал. Флибустьер осмотрелся вокруг и заметил агента Компании, которого удержало любопытство и который остался, чтобы присутствовать при наборе.

— Милостивый государь, — вежливо сказал ему Монбар, — вы, кажется, агент Компании?

— Да, — ответил агент, поклонившись, — имею такую честь.

— Если так, позвольте попросить вас оказать мне одну услугу.

— Говорите, я буду очень рад помочь вам.

— Милостивый государь, мы с моими товарищами люди не ученые, лучше управляемся с топором, чем с пером. Не будете ли вы так любезны на несколько минут послужить мне секретарем и написать договор о разделе добычи, который я буду иметь честь вам продиктовать и который мои товарищи потом подпишут.

— Очень рад, что вы удостоиваете меня своим доверием, — сказал агент, поклонившись.

Он сел за стол, взял бумагу, приготовил перо и принялся ждать.

— Тишина, господа! — воскликнул кавалер де Фонтенэ, шепотом перекинувшись несколькими словами с Монбаром.

Все разговоры тотчас прекратились, и немедленно воцарилось глубокое молчание. Де Фонтенэ продолжал:

— Экспедиция флибустьеров, состоящая из, двух бригантин и одного люгера, выйдет с острова Сент-Кристофер под командой Монбара, которого я назначаю именем его величества короля Людовика Четырнадцатого командующим эскадрой в чине адмирала. Эта экспедиция, цель которой остается в секрете, состоит из трехсот пятидесяти отборных флибустьеров. Капитанами кораблей назначаются трое: Мигель Баск, Уильям Дрейк и Жан Давид; им приказано во всем руководствоваться приказами, которые они получают от адмирала. Каждый капитан сам назначит офицеров своего экипажа. Теперь, — обратился губернатор к Монбару, — продиктуйте договор.

Флибустьер поклонился и, обратившись к агенту Компании, который ждал, подняв и голову, и перо, спросил:

— Вы готовы?

— Я жду ваших приказаний.

— Пишите, я диктую.

Никогда экспедиция не выходила из гавани, не составив заранее договора о разделе добычи. Этот, так называемый *фрактовый*, или *фартовый*, договор, где права каждого строго оговариваются и неукоснительно соблюдаются, служит законом этим людям, которые, хотя с ними трудно было справиться на суше, без ропота покорялись самым строгим требованиям флотской дисциплины. Как только они ступали ногой на корабль, вчерашний капитан, сделавшийся сегодня матросом, без ропота покорялся своему подчиненному положению, продолжавшемуся только во время компании и кон-

чавшемуся по возвращении, когда каждый член экспедиции вновь оказывался в равных со всеми правах.

Мы дословно приводим сей необычный фартовый договор, потому что по этому подлинному документу читатель легче поймет важность и значимость предстоящего флибустьерам дела. Монбар продиктовал то, что было необходимо, спокойным голосом, среди благоговейного молчания присутствующих, которое лишь изредка прерывали крики одобрения.

Договор командующего эскадрой адмирала Монбара, капитанов Мигеля Баска, Уильяма Дрейка, Жана Давида с Береговыми братьями, подчинившимися им по доброй воле.

Командующий эскадрой будет иметь право на получение ста долей.

Каждый капитан получит двадцать долей.

Каждый «брат» получит четыре доли.

Эти доли будут считаться после того, как доля короля будет взята из всей добычи.

Хирурги, кроме своей доли, получают по двести пиастров в возмещение затрат на лекарства.

Плотники, кроме своей доли, будут иметь право на вознаграждение за свой труд, каждый — по сто пиастров.

Всякое неповиновение будет наказано смертью, несмотря на имя и звание того, кто окажется виновным.

Братья, отличившиеся во время экспедиции, будут награждены следующим образом:

тот, кто собьет неприятельский флаг с крепости и водрузит флаг французский, будет иметь право, кроме своей доли, на пятьдесят пиастров;

тот, кто возьмет в плен неприятеля, кроме своей доли, получит по сто пиастров за каждого;

гренадеры за каждую гранату, брошенную в крепость, получают по пять пиастров;

тот, кто захватит в сражении неприятельского офицера, будет вознагражден, если он рисковал своей жизнью, лично командующим эскадрой.

Сверх того причитаются, кроме доли, премии раненым и изувеченным:

за потерю обеих ног — полторы тысячи экю или пятнадцать невольников, по выбору изувеченного, если невольников окажется достаточное количество;

за потерю обеих рук — тысячу восемьсот пиастров или восемнадцать невольников, по выбору;

за одну ногу, без различия, правую или левую, — пятьсот пиастров или пять невольников;

за потерю одного глаза — сто пиастров или одного невольника;

за одну руку, без различия, правую или левую, — пятьсот пиастров или пять невольников;

за оба глаза — две тысячи пиастров или двадцать невольников;

за один палец — сто пиастров или одного невольника;

если кто-нибудь будет опасно ранен в тело, тот получит пятьсот пиастров или пять невольников.

Разумеется, все эти награды будут вычтены из всей добычи перед разделом долей.

Всякий неприятельский корабль, взятый в море или на рейде, будет разделен между всеми членами экспедиции, если только он не будет оценен более десяти тысяч экю, — в таком случае тысяча экю будет вычтена и дана экипажу корабля, который подошел к нему первым; экспедиция выкинет французский флаг, кроме того, командующий эскадрой выкинет на большой мачте трехцветный флаг — синий, белый и красный.

Ни один офицер или моряк, участвующий в экспедиции, не может оставаться на берегу без позволения командующего эскадрой, под страхом быть объявленным дезертиром и преследуемым за бегство.

Когда этот последний пункт договора, который, так же как и предшествующие, все выслушали в глубоком молчании, был записан агентом Компании, Монбар взял документ и зачитал его целиком громким, внятным и звучным голосом.

— Согласны вы с этим договором, братья? — спросил он флибустьеров.

— Да! Да! — закричали они, размахивая шляпами. — Да здравствует Монбар! Да здравствует Монбар!

— И вы клянетесь, как клянемся я и мои офицеры, повиноваться без ропота и строго исполнять все пункты этого договора?

— Клянемся! — вновь воскликнули все.

— Хорошо, — продолжал Монбар, — завтра на восходе солнца начнется отправка на корабли. Все должны быть на своих местах до десяти часов утра.

— Будем.

— Теперь, братья, позвольте вам напомнить, что каждый из вас должен быть вооружен ружьем и саблей, иметь мешок с пулями и по крайней мере три фунта пороха. Повторяю вам, что экспедиция, предпринимаемая нами, очень важна, и вы должны не забыть выбрать себе матросов, чтобы они помогали вам в случае болезни или ран, и завещали вам свою долю в добыче, которая без этой предосторожности достанется королю. Поняли ли вы меня, братья? Воспользуйтесь как хотите несколькими часами свободы, которые еще остаются у вас, но не забудьте, что завтра на рассвете я жду вас на судах.

Флибустьеры ответили громкими криками и вышли из-под навеса, где остались только губернатор, Монбар, его капитаны и новый работник из Олоне, которого Монбар купил несколько часов тому назад и который вместо того, чтобы печалиться, казался, напротив, очень доволен всем, что происходило вокруг.

— Больше у меня распоряжений для вас нет, господа, — сказал Монбар, — вы знаете так же хорошо, как и я, что нужно делать. Киньте между собой жребий, потом отправляйтесь на корабль, осмотрите все и приготовьтесь сняться с якоря по первому сигналу; вот единственное приказание, которое я должен вам отдать... Ступайте.

Три капитана поклонились и тотчас ушли.

— Ах! — с сожалением заметил кавалер де Фонтенэ. — Любезный Монбар, я никогда не могу смотреть на приготовления к экспедиции без зависти и печали.

— Вы сожалеете о жизни авантюристов? Я понимаю это чувство, хотя каждая экспедиция увеличивает ваше богатство.

— Что мне до этого? Не думайте, что мною движет корысть; мои мысли гораздо возвышеннее... Впрочем, теперь не время разговаривать об этом. Отправляйтесь, и если вы будете иметь успех, в чем я лично не сомневаюсь, мы, может быть, сойдемся с вами и тогда вдвоем предпримем экспедицию, о которой долго будут говорить.

— Я буду очень рад, — ответил флибустьер, — иметь такого товарища; ваши необыкновенные заслуги и непоколебимое мужество станут порукой нашему успеху. Я всегда готов исполнить любое ваше приказание, если только Богу будет угодно, чтобы я и на этот раз добился успеха и вернулся целым и невредимым из предстоящей экспедиции.

— До свидания! Желаю вам удачи.

— Благодарю вас.

Так, разговаривая, они вышли из сарая, пожали друг другу руки и после прощального поклона разошлись в разные стороны. Флибустьер в сопровождении своего нового работника направился к дому. В ту минуту, когда он выходил из города, к нему подошел какой-то человек и поклонился.

— Чего вы от меня хотите? — спросил авантюрист, бросив на него пронизательный взгляд.

— Сказать вам одно слово.

— Какое?

— Вы капитан Монбар?

— Вы, должно быть, не здешний, если задаете мне такой вопрос.

— Это не имеет значения, отвечайте.

— Я капитан Монбар.

— Вам письмо.

— Письмо, мне? — переспросил Монбар с удивлением.

— Вот оно, — проговорил незнакомец, подавая Монбару письмо.

— Давайте.

— Ну все, теперь данное мне поручение исполнено, прощайте.

— Но позвольте мне в свою очередь сказать вам одно слово.

— Говорите.

— От кого это письмо?

— Я не знаю, но, прочтя это письмо, вы, вероятно, узнаете.

— Да, это правда.

— Стало быть, я могу идти?

— Никто вам не мешает.

Незнакомец поклонился и ушел. Монбар распечатал письмо, быстро пробежал глазами и побледнел, потом прочел опять, но на этот раз медленно и как бы взвешивая каждое слово. Через минуту он как будто решился и, обернувшись к своему работнику, стоявшему неподвижно в нескольких шагах, сказал:

— Подойди. Ты матрос?

— Матрос, и, я думаю, искусный.

— Хорошо, ступай за мной.

Флибустьер поспешно вернулся в город и направился к морю. Он как будто искал чего-то. Через минуту мрачное выражение его физиономии прояснилось. Он заметил тонкую и легкую пирогу, выброшенную на берег.

— Помоги мне столкнуть эту пирогу в море, — приказал он работнику.

Тот повиновался. Как только пирога оказалась в воде, Монбар впрыгнул в нее, сопровождаемый своим работником, и, схватив весла, они стремительно удалились от берега.

— Поставь мачту, чтобы мы могли распустить парус, — велел Монбар.

Ничего не отвечая, Олоне сделал, что ему было приказано. В одно мгновение парус был распушен, и легкая пирога полетела по волнам.

Долго они плыли таким образом, не обмолвившись ни единым словом, и, оставив далеко за собой корабли, вышли с рейда.

— Ты говоришь по-испански? — внезапно спросил Монбар работника.

— Как уроженец Старой Кастилии, — ответил тот.

— Ага! — сказал Монбар.

— Это легко объяснить, — продолжал Олоне, — я ходил с байонцами и басками на ловлю китов и несколько лет занимался контрабандой на испанском берегу.

— Ты любишь испанцев?

— Нет, — отвечал Олоне, нахмутив брови.

— Верно, у тебя есть на то причина?

— Есть.

— Можешь мне сказать?

— Почему бы и нет?

— Так говори.

— У меня было свое судно, на котором я занимался контрабандой. Я трудился шесть лет, чтобы скопить сумму, необходимую на покупку этого судна. Однажды, когда я старался провезти запрещенный товар, меня захватил испанский таможенный люгер, судно мое пошло ко дну, мой брат был убит, я сам опасно ранен и попал в руки к испанцам. Вместо того, чтобы перевязать мои раны, они отдубасили меня палками и оставили лежать замертво на месте. Думая, без сомнения, что я умер, они забыли про меня. Мне удалось при помощи хитрости, выстрадав неописуемые мучения, голод, холод, усталость и тому подобное, что было бы слишком долго перечислять, наконец пробраться за границу и отдышаться на французской земле. Я был свободен, но мой брат погиб по милости испанцев. Вот и вся моя история. Как она вам?

— Печальна, мой милый... Стало быть, тебя привела к нам ненависть, а не только желание обогатиться?

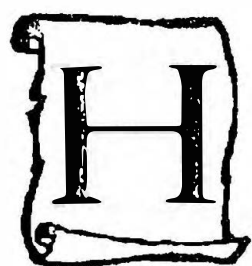
— Ненависть в особенности.

— Хорошо! Садись на мое место и правь, а я пока кое-что обдумаю. Мы идем к Невису; держи курс на юго-восток, вон к тому мысу.

Олоне сел на руль, Монбар закутался в плащ, надвинул шляпу на глаза, опустил голову на грудь и застыл, неподвижный как статуя. Пирога все плыла, подгоняемая ветром.

Глава XVIII

Невис

Невис отделен от острова Сент-Кристофер каналом всего в полмили шириной. Этот очаровательный остров, плодородие которого замечательно, возник, по всей вероятности, в результате вулканического взрыва. Об этом говорит кратер, содержащий горячий источник с водой, сильно пропитанной серой. Издали он имеет вид обширного конуса, и в действительности весь остров — не что иное, как очень высокая гора, подножие которой омывается волнами. Склоны этой горы, сперва отлогие, становятся мало-помалу крутыми, растительность исчезает, а вершина, покрытая снегом, теряется в облаках.

Во время высадки испанцев на Сент-Кристофер много флибустьеров искали приюта на этом острове. Некоторые, прельстившись живописными видами, окончательно поселились там и начали разводить плантации, правда немногочисленные и слишком отдаленные одна от другой, для того чтобы обитатели могли помогать друг другу в случае нападения неприятеля; но эти плантации, однако, преуспевали и обещали скоро стать довольно крупными.

Хотя легкая пирога флибустьера неслась, подгоняемая попутным ветром, однако он довольно долго добирался до острова, так как необходимо было войти в пролив и проплыть его во всю длину, прежде чем он мог достичь того места, куда направлялся.

Солнце начинало уже клониться к закату, когда пирога наконец вошла в небольшую песчаную бухту и остановилась.

— Привяжи лодку к берегу, спрячь весла в траве и ступай за мной, — приказал Монбар.

Олоне повиновался с той точностью и с той быстрой понятливостью, которые он показывал во всем.

— Взять мне ружье? — спросил он своего хозяина.

— Возьми, это не повредит, — ответил Монбар, — флибустьер никогда не должен ходить без оружия.

— Хорошо, буду помнить.

Они прошли по едва заметной тропинке, которая от берега шла покато и кончалась узкой эспланадой¹, посреди которой, недалеко от скалы, была раскинута легкая палатка. У входа в палатку сидел человек, читавший молитвенник. На человеке этом был строгий костюм францисканцев; он казался уже немолодым, был бледен, худощав, лицо его, со строгими чертами отшельника, было умным и кротким. При звуке тяжелых шагов авантюристов он живо поднял голову, и печальная улыбка мелькнула на его губах. Поспешно закрыв книгу, он встал и сделал несколько шагов навстречу пришедшим.

— Господь да будет с вами, дети мои, — сказал он по-испански, — если вы пришли с чистыми намерениями; если нет — да внушит Он вам чистые мысли.

— Отец мой, — сказал флибустьер, отвечая на его поклон, — я тот, кого флибустьеры на острове Сент-Кристофер называют Монбаром Губителем; намерения мои чисты. Приехав сюда, я исполнил ваше желание видеть меня, если вы действительно фрей Арсенио Мендоса, тот, кто несколько часов тому назад прислал мне письмо.

— Я действительно тот, кто вам писал, сын мой, меня зовут фреем Арсенио Мендосой.

— Если так, говорите, я готов выслушать вас.

— Сын мой, — произнес монах, — то, что я хочу вам сообщить, чрезвычайно важно и касается только вас; может быть, лучше было бы выслушать вам это одному.

— Я не знаю, о каких важных вещах хотите вы сообщить мне, отец мой; в любом случае знайте, что этот человек — мой работник и обязан быть глух и нем, если я ему прикажу.

— Хорошо, я буду говорить при нем, если вы этого требуете, но повторяю, нам лучше остаться одним.

— Пусть будет по-вашему... Удались отсюда, но встань так, чтобы я мог тебя видеть, — обратился Монбар к работнику.

¹ Эспланада — открытое пространство между цитаделью крепости и городскими строениями.

Олоне отошел на сто шагов и оперся на свое ружье.

— Неужели вы опасаетесь какой-то измены со стороны бедного монаха? — сказал францисканец с печальной улыбкой. — Это значило бы предполагать во мне намерения очень далекие от моих мыслей.

— Я ничего не предполагаю, отец мой, — резко ответил флибустьер, — а только имею привычку остерегаться, находясь лицом к лицу с человеком вашей нации, духовным или светским.

— Да-да, — сказал монах печальным голосом. — Вы питаете неумолимую ненависть к моей несчастной родине, поэтому вас и называют Губителем.

— Какие бы чувства я ни испытывал к вашим соотечественникам, какое бы имя ни дали они мне, я полагаю, вы не для того пригласили меня сюда, чтобы обсуждать со мной этот вопрос.

— Действительно, не по этой причине, вы правы, сын мой, хотя, может быть, я и об этом мог бы сказать вам многое.

— Должен заметить вам, отец мой, что время уходит, — я не могу оставаться здесь долго, и если вы не поспешите объясниться, к величайшему моему сожалению я вынужден буду вас покинуть.

— Вы будете сожалеть об этом всю жизнь, сын мой, будь она даже так продолжительна, как жизнь патриарха.

— Может быть, хотя я очень в этом сомневаюсь. Из Испании я могу получить только неприятные известия.

— Не исключено. Во всяком случае, вот что я должен сообщить вам...

— Я вас слушаю.

— Как вам подсказывает моя одежда, я монах францисканского ордена.

— По крайней мере, внешне, — сказал флибустьер с иронической улыбкой.

— Вы сомневаетесь в этом?

— Почему бы мне не сомневаться? Разве вы первый испанец, который не побоялся осквернить святую одежду для того, чтобы удобнее было шпионить за нами?

— К несчастью, ваши слова справедливы, это случалось слишком часто... Но я действительно монах.

— Я вам верю, пока не получу доказательств противного; продолжайте.

— Я духовник многих знатных дам на острове Эспаньола. Среди них одна, молодая и прекрасная, недавно приехавшая

на острова со своим мужем, по-видимому погружена в неизбывную печаль.

— А-а! Но чем же я могу помочь, отец мой, позвольте вас спросить?

— Я не знаю; только вот что произошло между этой дамой и мной... Дама эта, как я вам уже говорил, молодая и прекрасная, благотворительность и доброта которой неисчерпаемы, проводит большую часть времени в своей молельне на коленях перед образом Божьей Матери и молится со слезами и рыданиями. Невольно заинтересованный этой искренней и глубокой горестью, я несколько раз, пользуясь правом, которое мне дает мое звание, старался проникнуть в это истерзанное сердце и вызвать в моей духовной дочери доверие, которое позволило бы мне подать ей утешение.

— И вам, конечно, не удалось, отец мой?

— Нет, не удалось.

— Позвольте заметить вам, что до сих пор я не вижу в этой истории, очень печальной, но похожей на историю многих женщин, ничего интересного для меня.

— Подождите, сын мой.

— Продолжайте.

— Однажды эта дама показалась мне печальнее обычного. Я удвоил усилия, чтобы уговорить ее открыть мне свое сердце. Побежденная моими просьбами, она сказала мне слова, которые я передаю вам буквально: «Отец мой, я несчастное существо, бесчестное и низкое, страшное проклятие тяготеет надо мной. Один человек имеет право знать тайну, которую я напрасно стараюсь подавить в моем сердце; от этого человека зависит мое спасение. Он волен осудить меня или простить, но каков бы ни был его приговор, я без ропота покорюсь его воле и буду считать себя счастливой, если любой ценой искуплю преступление, в котором я виновна».

Пока монах произносил эти слова, лицо флибустьера, и без того бледное, помертвело, судорожный трепет пробежал по его телу, и, несмотря на все его усилия казаться спокойным, он был вынужден прислониться к одному из кольев палатки, чтобы не упасть.

— Продолжайте, — сказал он хриплым голосом. — И эта женщина назвала вам этого человека?

— Назвала, сын мой. «Увы! — сказала она мне. — К несчастью человек, от которого зависит моя участь, самый непримиримый враг моего народа. Это один из главарей тех свирепых флибустьеров, которые поклялись вести против Испании беспощадную войну. Я с ним никогда не встречусь,

разве только в каком-нибудь сражении или в разграбленном городе, сожженным по его приказанию. Словом, человек, о котором я вам говорю, не кто иной, как страшный Монбар Губитель».

— А-а! — прошептал флибустьер прерывающимся голосом, крепко прижимая руку к груди. — Она так сказала?

— Да, сын мой, она произнесла эти слова.

— И тогда?..

— Тогда, сын мой, я, бедный монах, пообещал ей отыскать вас, где бы вы ни были, и повторить вам ее слова. Я должен был опасаться только смерти, стараясь увидаться с вами; я давно уже принес Богу в жертву мою жизнь.

— Вы поступили как человек с благородным сердцем, монах, и я благодарю вас за ваше доверие ко мне. Вам нечего больше прибавить к сказанному?

— Есть, сын мой. Когда эта дама увидела, что я решился пренебречь всеми опасностями, чтобы отыскать вас, она добавила: «Ступайте, отец мой, верно Бог сжалился надо мной и вдохновил вас в эту минуту. Если вы сумеете добраться до Монбара, скажите ему, что я должна верить ему тайну, от которой зависит счастье его жизни, но пусть он поторопится, если захочет узнать: я чувствую, что дни мои сочтены и скоро я умру!»

Наступило минутное молчание. Монбар в волнении ходил взад и вперед с опущенной головой; временами он останавливался, гневно топал ногой, после чего вновь принимался ходить и бормотал вполголоса бессвязные слова. Вдруг он остановился перед монахом и пристально посмотрел ему в глаза.

— Вы сказали мне не все, — произнес он.

— Извините меня, сын мой, все, до последнего слова.

— Однако есть одна важная подробность, которую вы, вероятно, забыли, потому что умолчали о ней.

— Я не понимаю, о чем вы, сын мой, — отозвался монах.

— Вы забыли сказать мне имя и звание этой женщины, отец мой.

— Да, правда, но это не забывчивость с моей стороны. Действуя таким образом, я руководствовался отданными мне приказаниями. Эта дама умоляла меня не говорить вам о ее имени и звании, она сама хочет открыть вам и то и другое. Я поклялся ей умолчать об этом.

— Ага! — гневно вскричал флибустьер. — Так вы дали клятву?!

— Да, сын мой, и сдержу ее во что бы то ни стало, — твердо ответил монах.

Флибустьер нервно рассмеялся.

— Вам, вероятно, не известно, — сказал он, — что мы, негодяи, как нас называют ваши соотечественники, знаем удивительные секреты, позволяющие развязывать самые непокорные языки, а вы находитесь в моей власти!

— Я нахожусь в руках Бога, сын мой! Что ж, попытайтесь, я бедный, беззащитный человек, я не могу сопротивляться вам, пытайте же меня, если хотите, но знайте, что я умру, не изменив своей тайне.

Монбар устремил сверкающий взгляд на монаха, который продолжал спокойно стоять перед ним, но через минуту, с гневом ударив себя по лбу, вскричал:

— Я сошел с ума! Что мне за нужда до этого имени, разве я его не знаю? Послушайте, отец мой, простите мне то, что я сказал; гнев ослепил меня. Свободным пришли вы на этот остров, свободным и покинете его. Клянусь вам в этом, а я, так же как и вы, не имею привычки нарушать данные мной клятвы, каковы бы они ни были.

— Я знаю это, сын мой, мне не за что вас прощать. Я вижу, что горесть помрачила ваш рассудок, и сожалею об этом, потому что предчувствую: Господь выбрал меня для того, чтобы сообщить вам горестную весть.

— Да, это правда. Я не искал эту женщину, я старался ее забыть, она сама ищет встречи со мной! Хорошо, Господь нас рассудит; она требует, чтобы я увиделся с ней, — прекрасно, я пойду к ней! Но пусть она винит только себя в ужасных последствиях нашего свидания... Однако я еще согласен оставить ей путь к спасению. Когда вы возвратитесь к ней, уговорите ее не стараться больше искать встречи со мной. Вы видите, что у меня все еще есть в глубине сердца остатки сострадания к ней, несмотря на то, что она заставила меня вытерпеть; но если, несмотря на ваши просьбы, она будет настойчиво искать возможности встретиться со мной, тогда... да будет ее воля, я отправлюсь на свидание, которое она мне назначит!

— Мне поручено назначить вам это свидание сегодня же, сын мой.

— А-а! — в отчаянии пробормотал флибустьер. — Она все предусмотрела!.. Где же назначено это свидание?

— Вы понимаете, что эта дама не может, если бы и пожелала, оставить остров.

— Стало быть, мы должны увидеться на Санто-Доминго?

— Да, сын мой.

— Какое же место выбрала она?

— Большую равнину, отделяющую Мирбале от Сан-Хуана.

— А! Место, крайне удобное для засады, — с горестной усмешкой заметил флибустьер. — Насколько мне известно, оно находится на испанской территории.

— Оно составляет границу этой территории, сын мой. Но я могу постараться уговорить эту даму выбрать другое место, если вы опасаетесь за вашу безопасность.

Монбар презрительно пожал плечами и опять усмехнулся.

— Стал бы я бояться! — воскликнул он. — Полно, монах, вы сошли с ума! Какое мне дело до испанцев? Да если бы их сидело в засаде пятьсот человек, я и то сумел бы от них избавиться. Стало быть, решено, что если эта дама будет упорствовать в своем намерении объясниться со мной, я отправлюсь на равнину, расстилающуюся между Мирбале и Сан-Хуаном у слияния Большой реки и Артибонита.

— Я исполню ваше желание, сын мой; но если эта дама потребует, несмотря на мои увещевания и просьбы, чтобы свидание произошло, как я вас уведомя?

— Если вы смогли приехать сюда, тем более вы сможете, не навлекая на себя подозрений, пробраться во французскую часть Санто-Доминго.

— По крайней мере, постараюсь, сын мой, если это так уж необходимо.

— Разведите большой огонь на берегу около Марго, я сразу пойму, что это значит.

— Я все сделаю, сын мой, но когда же я должен развести этот огонь?

— Сколько еще времени вы намереваетесь оставаться здесь?

— Я намерен уехать тотчас после нашего свидания.

— Стало быть, сегодня же?

— Да, сын мой.

— Ага! Стало быть, в окрестностях есть испанское судно?

— Вероятно, сын мой; но если вы найдете его и захватите, как же я доберусь до Эспаньолы?

— Это правда. Пусть испанцы благодарят вас... По зрелом размышлении я хочу дать вам один совет.

— Каков бы он ни был, сын мой, от вас я с удовольствием приму совет.

— Уезжайте немедленно. Завтра вам здесь плохо придется. Я не поручусь за вашу безопасность, как и за безопасность вашего корабля; вы меня понимаете?

— Конечно, сын мой. Но как же сигнал?

— Сигнал зажгите через две недели; я постараюсь к тому времени добраться до Санто-Доминго.

— Хорошо, сын мой.

— А теперь, монах, прощайте — или, лучше сказать, до свидания, потому что мы, вероятно, скоро увидимся.

— Вероятно, сын мой. До свидания, и да будет с вами милосердный Господь!

— Да будет! — с ироническим смехом ответил флибустьер.

Он махнул на прощание рукой, набросил ружье на плечо и удалился, но через несколько минут остановился и поспешно возвратился назад. Францисканец все это время не двигался с места.

— Еще одно слово, отец мой, — взволнованно произнес Монбар.

— Говорите, сын мой, я вас слушаю, — ответил монах кротким голосом.

— Послушайте меня, используйте все ваше влияние на эту даму, чтобы уговорить ее отказаться от этого свидания, последствия которого могут быть ужасны.

— Я употреблю все силы, сын мой, — заверил его монах. — Я буду молить Бога, чтобы Он позволил мне уговорить мою духовную дочь.

— Да, — продолжал Монбар мрачным голосом, — может быть, для нее и для меня лучше, чтобы мы не виделись никогда...

Повернувшись спиной к монаху, флибустьер твердым шагом отправился по тропинке и скоро исчез.

Когда фрей Арсенио удостоверился на сей раз, что авантюрист ушел, он тихо приподнял полог палатки и вошел внутрь. Там на голой земле стояла на коленях женщина, закрыв лицо обеими руками и молясь с приглушенными рыданиями.

— В точности ли исполнил я полученные от вас приказания, дочь моя? — осведомился монах.

Женщина приподнялась, обратив к нему свое прекрасное и бледное лицо, орошенное слезами, и прошептала тихим и дрожащим голосом:

— Да, отец мой, да благословит вас Бог за то, что вы не оставили меня в моей горести.

— Это тот самый человек, с которым вы желали говорить?

— Он самый, да, отец мой.

— И вы непременно желаете видеться с ним?

Она колебалась с минуту, трепет пробежал по ее телу, и едва слышным голосом она прошептала:

— Это необходимо, отец мой.

— Надеюсь, что вы все обдумаете до тех пор, — продолжал монах.

— Нет, нет, — сказала она, печально качая головой, — если бы даже этот человек вонзил мне кинжал в сердце, я должна иметь возможность объясниться с ним в последний раз.

— Да будет ваша воля! — сказал он.

В эту минуту послышался легкий шум. Монах вышел, но почти тотчас вернулся.

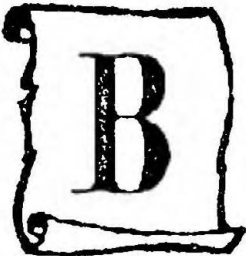
— Приготовьтесь, — сказал он, — за нами пришли с корабля. Вспомните последний совет, который дал мне этот разбойник, — поедem как можно скорее.

Ничего не ответив, дама встала, закуталась в мантилью и вышла. Через час она оставила остров Невис в сопровождении фрея Арсенио Мендосы.

Монбар давно уже добрался до острова Сент-Кристофер.

Глава XIX

Экспедиция

 все время пути от острова Невиса до Сент-Кристофера Монбар находился в сильном волнении. Разговор, который состоялся у него с монахом, разбередил в его сердце глубокую рану, смягченную, но не излеченную временем, которая после первых слов обагрилась кровью и причиняла боль, как в первый день.

Каким образом эта женщина, которую он не хотел называть, о присутствии которой в Америке он не знал, от которой бежал, скрывшись среди флибустьеров, успела за такое короткое время не только раздобыть сведения о его присутствии на островах, но даже отыскала его? С какой целью отыскивала она его? Для чего она так сильно желала его видеть?

Все эти бесконечные вопросы, которые Монбар задавал себе, оставались без ответа и только увеличивали беспокойство флибустьера. В течение нескольких минут он думал

засесть в засаду в проливе между Невисом и Сант-Эстатиусом — двумя островами, между которыми находился остров Сент-Кристофер, — напасть на испанский корабль, захватить его и пытками добиться сведений, которые монах отказался ему сообщить. Но он тотчас отказался от этого плана, — ведь он дал честное слово и ни за что на свете не изменил бы ему. Между тем наступила ночь, пирога все скользила вперед. Монбар направил ее на свой люгер, и когда легкая лодочка подплыла к нему, флибустьер закричал громким голосом:

— Эй!

Тотчас человек, черный силуэт которого обрисовался на темно-синем фоне горизонта, наклонился вперед.

— Это ты, Тихий Ветерок? — спросил Монбар.

— Я, — отвечал тот.

— Мигель на люгере?

— Да, капитан.

— А, ты меня узнал?

— Еще бы не узнать! — ответил бретонец.

— Вы караулите моего пленника, не правда ли?

— Будьте спокойны, я ручаюсь за него.

— Только не притесняйте его понапрасну.

— Хорошо, капитан, мы будем вежливы.

— Прыгун на люгере?

— Я здесь, — тотчас ответил второй голос.

— А! — с удовлетворением заметил флибустьер. — Тем лучше. Ты мне нужен, сходи на берег.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас.

— Подожди.

Прежде чем флибустьер угадал намерение кариба, слышался плеск тела, падающего в воду, и минуты через три индеец ухватился обеими руками за край пироги.

— Я здесь, — сказал он.

Монбар не мог не улыбнуться, — с такой быстротой ди-карь повиновался его приказанию. Он протянул ему руку и помог взобраться в лодку.

— Для чего ты так торопишься? — спросил его Монбар с мягким упреком.

Индеец отряхнулся, как мокрый пудель.

— Ба! — отвечал он. — Вот я и готов.

— Индеец у вас? — спросил Тихий Ветерок.

— Да. Теперь прощайте, до завтра.

— До завтра.

— Отчаливай, — сказал флибустьер своему работнику.

Тот склонился над веслами, и пирога продолжила путь.

Через десять минут она достигла того самого места, где Монбар подобрал ее, собираясь в Невис. Три человека сошли на берег, толкнули пирогу в море и направились к дому Монбара.

Они шли по городу сквозь толпы флибустьеров, отмечавших пением, криками и возлияниями последние часы свободы. Дорогой все молчали. Когда они дошли до дома Монбара, флибустьер зажег восковую свечу и осмотрел дом с величайшим вниманием, чтобы удостовериться, нет ли там посторонних, после чего вернулся к своим спутникам, ждавшим его перед домом.

— Входите, — коротко сказал он.

Они вошли. Монбар сел на стул и обратился к карибу:

— Мне нужно поговорить с тобой, Прыгун.

— Хорошо, — ответил индеец. — Стало быть, я нужен тебе.

— Ты этим доволен?

— Да, я этим доволен.

— Почему?

— Белый человек добр и великодушен, и я хочу доказать ему, что не все карибы свирепы и неукротимы, они умеют быть признательными.

— Я обещал тебе позволить вернуться к своим, не правда ли?

— Да, ты мне это обещал.

— К несчастью, так как я назначен командующим экспедицией, которая, вероятно, будет продолжительной, я не могу теперь проводить тебя на Гаити.

При этих словах лицо индейца омрачилось.

— Подожди, не огорчайся и выслушай меня внимательно, — продолжал флибустьер, от которого не ускользнула перемена в лице индейца.

— Слушаю.

— Я дам тебе возможность, и ты сделаешь то, чего не могу сделать я.

— Я не совсем понимаю, о чем говорит бледнолицый вождь. Я всего лишь бедный индеец со слабым разумом. Мне нужно объяснить все подробно, чтобы я понял. Правда, когда я понял, я уже не забываю.

— Ты — кариб и, стало быть, умеешь управлять пирогой?

— Умею, — ответил индеец с гордой улыбкой.

— Если я дам тебе пирог, как ты думаешь, доберешься ты до Гаити?

— Большая земля очень далеко, — проговорил кариб печальным голосом, — путь очень далек для одного человека, как он ни храбр!

— Согласен, но если я положу в пирог не только провизию, но и сабли, топоры, кинжалы и четыре ружья с порохом и пулями?

— Бледнолицый вождь сделает это?! — недоверчиво вскричал кариб. — Когда Прыгун будет так вооружен, кто посмеет ему сопротивляться?

— А если я сделаю еще больше? — продолжал флибустьер с улыбкой.

— Вождь шутит, он очень весел. Он говорит себе: индейцы легковверны, я посмеюсь над Прыгуном!

— Я не шучу; напротив, я говорю очень серьезно. Я дам тебе все, о чем упомянул, а для того, чтобы ты спокойно добрался к своим, я дам тебе товарища, человека храброго, который будет твоим братом и защитит тебя в случае надобности.

— Кто этот товарищ?

— Вот он, — сказал Монбар, указывая на своего работника, который неподвижно стоял перед ним.

— Стало быть, я не пойду с тобой в экспедицию, Монбар? — спросил работник с тоном упрека.

— Успокойся, — сказал Монбар, слегка ударив его по плечу. — Я даю тебе поручение гораздо опаснее предпринимаемой мною экспедиции. Мне был нужен преданный человек, второй я, и я выбрал тебя.

— В таком случае ты поступил правильно! Я докажу тебе, что ты не ошибся во мне.

— Я убежден в этом. Согласен ты взять с собой этого товарища, Прыгун? Он поможет тебе миновать флибустьеров, которых ты встретишь по дороге, не подвергаясь их оскорблениям и насмешкам.

— Хорошо, бледнолицый вождь действительно любит Прыгуна. Что будет делать индеец, когда он доберется до своих?

— Братья Прыгуна, кажется, приютились в окрестностях Артибонита?

— Да, на больших равнинах, которые французы называют Мирбале.

— Хорошо. Прыгун отправится к своим, расскажет им, как флибустьеры обращаются с карибами; он представит им своего товарища и будет ждать.

— Я буду ждать! Бледнолицый вождь приедет на Гаити?

— Вероятно, — сказал Монбар с неопределенной улыбкой. — И доказательством служит то, что мой работник останется среди твоего племени до моего прибытия.

— Хорошо. Я буду ждать прибытия белого вождя. Когда мне отправляться?

— Нынешней ночью. Ступай на берег, сходи от моего имени к хозяину пироги, в которой мы приплыли. Вот тебе деньги, — он дал ему несколько пиастров, — скажи ему, что я покупаю эту лодку, достань также провизии, и жди твоего спутника, которому я должен сказать еще несколько слов. Он скоро присоединится к тебе.

— Иду... Благодарность в моем сердце, а не на губах! В тот день, когда ты потребуешь моей жизни, я отдам ее тебе, — она принадлежит тебе и всем, кто меня любит. Прощай!

Он сделал движение, чтобы уйти.

— Куда ты идешь? — спросил Монбар.

— Ведь ты позволил мне уйти?

— Да, но ты забыл взять...

— Что?

— Обещанное тебе оружие. Возьми ружье для себя и еще четыре ружья, которыми распорядись как тебе угодно, а также шесть сабель, шесть кинжалов, шесть топоров. Когда ты выйдешь из гавани, проплывая мимо люгера, ты спросишь от моего имени два бочонка пороху и два бочонка пуль у Мигеля Баска; он даст тебе их. Теперь ступай, и счастливого пути!

Кариб, сраженный этой простой и исполненной величия щедростью, стал на колени перед авантюристом и, схватив его ногу, поставил ее себе на голову, воскликнув глубоко взволнованным голосом:

— Провозглашаю тебя лучшим из людей! Я и мой народ будем отныне преданными тебе невольниками.

Он поднялся, зскинул на плечо ружье, которое подал ему работник, и вышел. Несколько минут были слышны его шаги на тропинке, но скоро все смолкло.

— Теперь мы остались вдвоем, Олоне! — обратился Монбар к своему работнику.

Тот подошел.

— Я слушаю, — сказал он.

— Я впервые увидел тебя сегодня, но ты мне понравился с первого взгляда, — продолжал авантюрист. — Я хороший физиономист; твое чистосердечное и открытое лицо, глаза, смотрящие прямо в лицо, выражение смелости и ума, разлитое в твоих чертах, расположили меня в твою пользу, вот почему я купил тебя. Надеюсь, я не ошибся, но все же хочу испытать тебя. Ты знаешь, что я имею право уменьшить срок твоей службы и дать тебе, если захочу, свободу даже завтра; подумай об этом и действуй в соответствии с этим.

— Невольник или свободный, я буду предан тебе, Монбар, — ответил Олоне. — Не говори же мне о наградах, мне этого не надо. Испытай меня! Надеюсь, что я с честью выйду из этого испытания.

— Вот слова настоящего человека и авантюриста! Выслушай же меня, и чтобы ни одно слово из того, что ты услышишь, не сорвалось с твоих губ.

— Я буду нем...

— Через десять дней я брошу якорь у гавани Марго на Санто-Доминго. Экспедиция, которой я командую, должна внезапно напасть на Черепаший остров и захватить его. Но пока мы будем атаковать испанцев, они не должны суметь напасть на нас с тыла и уничтожить наши поселения на Большой Земле.

— Я понимаю, карибы занимают испанскую границу, мы должны сделать их помощниками экспедиции.

— Именно! Ты меня прекрасно понял, в этом и состоит данное тебе поручение. Только надо действовать чрезвычайно хитро и очень осторожно, чтобы не возбудить тревоги в испанцах с одной стороны и подозрений у карибов — с другой. Индейцы обидчивы и недоверчивы, особенно к белым, на которых у них есть причины жаловаться. Роль, которую тебе предстоит сыграть, довольно трудна, но я думаю, что благодаря влиянию Прыгуна ты будешь иметь успех; кроме того, через два дня после моего прибытия в гавань Марго я отправлюсь на равнины близ Артибонита, чтобы договориться с тобой и отдать необходимые распоряжения... Ты видишь, что я действую с тобой откровенно и скорее как с братом, чем с работником.

— Благодарю, тебе не придется раскаиваться!

— Надеюсь... Да! Еще одно, последнее приказание, правда второстепенной важности, но все-таки серьезное.

— Какое?

— Часто испанцы отправляются на охоту или на прогулку на артибонитские равнины. Наблюдай за ними, но так, что-

бы они не могли тебя приметить. Пусть они не подозревают того, что мы замышляем против них; малейшая неосторожность может иметь последствия чрезвычайно серьезные для успеха наших планов.

— Я буду действовать осторожно, не беспокойся.

— Теперь, мой милый, мне остается только пожелать тебе благополучного пути и полного успеха.

— Позволишь мне задать тебе один вопрос перед моим отъездом?

— Говори, я слушаю.

— По какой причине, когда у тебя столько храбрых и преданных друзей, ты, вместо того чтобы обратиться к кому-нибудь из них, выбрал неизвестного работника, которого совсем не знаешь, для такого трудного секретного поручения?

— Ты непременно хочешь это знать? — смеясь, спросил авантюрист.

— Да, если ты не находишь нескромным это желание.

— Вовсе нет, и я удовлетворю твое любопытство в двух словах. Я выбрал тебя, — кроме моего доброго мнения о тебе, мнения чисто личного, — потому что ты бедный работник, приехавший из Франции только два дня тому назад, которого никто не знает; никто не знает также, что я тебя купил, и по этой причине никто не станет тебя остерегаться, и, следовательно, ты будешь для меня помощником тем более неоценимым, что никто не догадается, что ты уполномочен мной и действуешь по моим приказаниям. Теперь ты все понимаешь?

— Вполне, благодарю тебя за объяснение. Прощай! Не пройдет и часа, как мы с карибом отчалим от Сент-Кристофера.

— Слушайся его во время пути. Этот индеец — очень смысленный человек, и с ним ты доберешься благополучно.

— Обязательно. Кроме того, уважение, оказанное ему, расположит его в мою пользу и упрочит успех наших планов.

— Я вижу, ты умен, — рассмеялся флибустьер, — и теперь вполне надеюсь, что мое поручение ты выполнишь успешно.

Олоне вооружился точно так же, как кариб, после чего простился со своим господином и ушел.

— Э! — прошептал Монбар, оставшись один. — Кажется, мои планы близятся к осуществлению, и скоро я буду в состоянии нанести решительный удар.

На другой день на восходе солнца в городе, который и без того никогда не бывал спокоен, царил необыкновенное вол-

нение. Флибустьеры, вооруженные с ног до головы, прощались со своими друзьями и готовились к отправлению на назначенные накануне суда.

По рейду во всех направлениях сновало бесчисленное множество пирог, доставлявших людей и провизию на отплывающие корабли. Кавалер де Фонтенэ, окруженный главным штабом знаменитых флибустьеров, а именно Монбаром, Давидом, Дрейком и Мигелем Баском, стоял на краю деревянного помоста, служившего дебаркадером, присутствуя при отъезде флибустьеров.

Эти люди, с мужественными и свирепыми лицами, загорелые, мускулистые, в простых полотняных панталонах, в старых шляпах, но вооруженные длинными ружьями, сделанными в Дьеппе специально для них, острыми длинными ножами, заткнутыми за пояс, с сумками, наполненными порохом и пулями, имели странный и необыкновенно страшный вид. Особенно поразительны были их лица, дышащие беззаботностью и неукротимой смелостью. При виде флибустьеров становились понятны и ужас, который они внушали испанцам, и невероятные подвиги, которые они совершали почти шутя, не ставя жизнь свою ни в грош и видя перед собой только одну цель — грабеж.

По мере того как они проходили мимо губернатора и офицеров, избранных им в начальники, они почтительно кланялись им, потому что этого требовала дисциплина, но в этом поклоне не было ничего унижительного и раболепного — это был поклон людей, вполне сознававших свое достоинство и знавших, что если сегодня они матросы, то завтра, стоит им только захотеть, могут стать капитанами.

К полудню экипажи всех судов оказались в полном составе, на берегу остались только командующий эскадрой и три капитана.

— Господа, — сказал Монбар своим офицерам, — как только мы выйдем с рейда, каждый может идти как хочет. У нас на судах мало провизии, и испанские острова, которые попадутся нам по дороге, снабдят нас съестными припасами. Не бойтесь грабить острова испанцев, это все-таки будет часть победы над врагами. Итак, решено, что каждый из нас со своей стороны должен спешить к месту общего сбора. Осторожность заставляет нас скрывать от неприятеля численность наших сил. Пункт нашего соединения — остров Кейе; первый прибывший туда должен ждать остальных. Там я вам дам последние инструкции о цели экспедиции, часть которой уже вам известна.

— Итак, — сказал де Фонтенэ, — вы упорно желаете сохранить тайну?

— Если вы непременно требуете, господин губернатор, — отвечал Монбар, — я вам...

— Нет-нет, — смеясь, перебил кавалер де Фонтенэ, — к чему мне это знать? Притом я ее почти угадал.

— Вот как? — спросил Монбар с недоверчивым видом.

— Или я очень ошибаюсь, или вы предпринимаете что-то против Санто-Доминго.

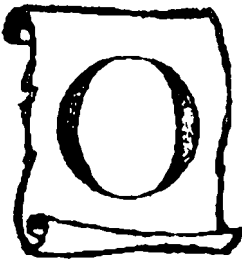
Авантюрист ответил хитрой улыбкой и простился с губернатором, который весело потирал руки, убежденный, что он действительно угадал тайну, которую от него скрывали.

Через час три легких судна снялись с якоря, распустили паруса и удалились, отдав прощальный салют земле, на который ответила батарея с мыса. Скоро суда слились вдали с беловатым туманом на горизонте и совсем исчезли.

— Вот увидите, что я не ошибся, — сказал де Фонтенэ своим офицерам, возвращаясь к губернаторскому дому, — этот демон Монбар действительно идет на Санто-Доминго. Гм! Мне жаль испанцев.

Глава XX

Дель-Ринкон

 ставим пока эскадру флибустьеров, к которой мы скоро вернемся, направляться по непроходимому лабиринту Антильского архипелага к острову Санто-Доминго, как его называют французы, к Эспаньоле, как называл его Колумб, или к Гаити, как называли его карибы, первые и настоящие его владельцы.

Говоря о карибах, мы подразумеваем и негров, и краснокожих. Многие не знают, что некоторые карибы черны и так походят на африканских негров, что когда французские колонисты-плантаторы поселились на острове Сент-Винсент и привезли с собой черных невольников, черные карибы, негодую на свое сходство с людьми, униженными рабством, и боясь, кроме того, как бы впоследствии цвет их кожи не стал предлогом для того, чтобы и их подвергнуть той же участи, бежали в самые непроходимые леса и, чтобы навсегда установить очевидное различие между собой и чернокожими невольниками, перевезенными на остров, стали сжимать обручем лоб у новорожденных, так чтобы он был совершенно плоский; это стало как бы признаком новой породы у буду-

щего поколения туземцев и впоследствии сделалось знаком независимости.

Прежде чем продолжить наш рассказ, мы попросим у читателя позволения заняться географией; так как события в описываемой здесь флибустьерской истории будут происходить на Санто-Доминго, то необходимо описать этот остров подробнее.

Остров Санто-Доминго, или Эспаньола, открытый 6 декабря 1492 года Христофором Колумбом, по общему мнению — самый красивый из всех Антильских островов. Длина его — семьсот километров, средняя ширина — сто двадцать, протяженность береговой линии, не считая бухт и заливов, — тысяча четыреста километров.

В центре острова находятся горные цепи, возвышающиеся одна над другой и тянущиеся в трех различных направлениях. Самая длинная простирается к востоку и проходит посредине острова, разделяя его на две почти равные части. Вторая цепь направляется к северу. Третья, короче второй, идет сначала в том же направлении, но, описывая изгиб к югу, кончается у мыса Святого Марка.

В глубине острова встречаются несколько других горных цепей, но гораздо менее значительных. Такое множество гор явилось причиной того, что сообщение между северной и южной частью острова оказалось чрезвычайно затруднено.

У подножия этих гор находятся огромные равнины, покрытые роскошной растительностью. Горы, перерезанные оврагами, поддерживающими постоянную и благотворную влажность, содержат в себе различные металлы, помимо горного хрусталя, каменного угля, серы, каменоломен порфира и мрамора, и покрыты зарослями банановых и пальмовых деревьев.

Реки, хотя их много, в большинстве своем, к несчастью, несудоходны. Главные из них — Нейба, Макорис, Яке-дель-Норте, или Монте-Кристи, Осама, Юна и Артибонит, причем последний является самой большой из всех рек. С моря вид этого острова очарователен: точно огромный букет цветов вырос из недр моря. Мы не станем рассказывать историю санто-домингской колонии. Этот богатый и плодоносный остров по нерадивости, жестокости и скупости испанцев через полтора столетия после своего открытия дошел до такой степени нищеты и унижения, что испанское правительство было вынуждено посылать в эту колонию, не только не приносящую дохода, но и ставшую убыточной, средства на жалование войскам и чиновникам.

Пока Санто-Доминго медленно приходил в упадок, новые колонисты, занесенные к этим берегам случаем, поселились на северо-западной стороне острова и завладели ею, несмотря на сопротивление испанцев. Этими новыми колонистами были французские авантюристы, изгнанные с острова Сент-Кристофер во время высадки десанта с эскадры адмирала Толедо и теперь искавшие себе приюта.

Открыв остров, испанцы оставили на нем сорок голов скота, быков и телок; животные быстро размножились и огромными стадами паслись на внутренних равнинах острова. Французские авантюристы по прибытии нисколько не думали обрабатывать землю, но, увлеченные прелестью опасной охоты, занялись исключительно преследованием диких быков и кабанов, тоже очень многочисленных и особенно опасных.

Единственное занятие авантюристов составляла охота. Мясо убитых быков они коптили по индейскому обычаю. Отсюда происходит название *буканьеров*, потому что карибы называли *буканами* те места, где они коптили мясо пленников, захваченных на войне, которых они съедали, прежде хорошенько их откормив.

У нас еще будет возможность вернуться к этому вопросу и подробнее рассказать об этих странных людях. Однако, несмотря на свою любовь к независимости, авантюристы скоро поняли необходимость обеспечить сбыт для выделяемых кож и основали несколько контор в гаванях Марго и Пор-де-Пе, которые считали столицами своих колоний. Но положение этих контор было очень ненадежно по причине присутствия испанцев, до сих пор единственных обладателей острова, не желавших соглашаться на такое близкое соседство. Поэтому они постоянно вели ожесточенную войну, тем более яростную, что ни с той, ни с другой стороны не было никакой пощады.

Вот каково было положение на Санто-Доминго в ту минуту, когда мы опять вернемся к нашему рассказу, то есть через две недели после отплытия эскадры флибустьеров под командой Монбара Губителя от берегов острова Сент-Кристофер.

Солнце, уже готовое закатиться за горизонт, непомерно удлиняло тени деревьев; поднимался вечерний ветерок, слегка шевеливший листья на деревьях и пригибавший высокую траву. Человек на сильной гнедой лошади, в костюме

испанских кампесинос¹, ехал по едва различимой тропинке, извивавшейся среди обширной равнины, покрытой великолепными плантациями сахарного тростника и кофейных деревьев и доходившей до нарядного домика, с кокетливой галереи которого далеко виднелись окрестности.

Человеку этому было лет двадцать пять. Лицо его было красивым, но с печатью надменности и нестерпимого презрения; одежда, очень простая, украшалась длинной рапирой с эфесом из чеканного серебра, висевшей на левом боку, по которой в нем можно было признать дворянина, — только дворянство имело право носить шпагу.

Четыре черных полуобнаженных невольника, обливаясь потом, бежали за его лошадыю. Один нес ружье с богатой насечкой, второй — охотничью сумку, а еще двое — мертвого кабана, в связанные ноги которого была вдета бамбуковая палка, поддерживаемая плечами бедных негров.

Но всадник казался очень мало занят своими спутниками, или невольниками, которых он не удостоивал даже поворотом головы, разговаривая с ними надменным и презрительным тоном. В руке он держал вышитый носовой платок, которым поминутно вытирал пот со лба. Молодой человек бросал вокруг гневные взгляды, подстегивая свою лошадь шпорами, к великому отчаянию невольников, вынужденных удваивать усилия, чтобы поспевать за ним.

— Неужели мы никогда не доберемся до этого проклятого дома? — воскликнул он с досадой.

— Еще полчаса, — почтительно отвечал негр. — Вы видите галерею?

— Что за идиотская мысль возникла у моей сестры похоронить себя в этой ужасной дыре, вместо того чтобы спокойно жить в своем палаццо в Санто-Доминго? Как сумасбродны женщины, клянусь честью! — пробормотал он сквозь зубы.

Молодой человек приправил это замечание бешеным ударом шпор, и его лошадь понеслась во весь опор.

Они быстро приближались к дому, который уже легко было рассмотреть. Это был очаровательный дом, довольно большой, покрытый террасой, с бельведером и перистилем из четырех колонн, поддерживавших галерею. Дом, к которому можно было пройти через довольно большой сад, окру-

¹ Кампесино — крестьянин.

жала частая изгородь; позади него находились конюшни для лошадей и помещение для негров, нечто вроде жалких низких хижин, полуразрушенных, выстроенных из ветвей деревьев и покрытых пальмовыми листьями. Этот домик, спокойный и уединенный среди равнины с роскошной растительностью, полускрытый деревьями, имел вид совершенно очаровательный, который, тем не менее, нагнал на путешественника только глубокую досаду и сильную скуку.

Вероятно, появление путешественника было замечено часовым, поставленным на бельведере, чтобы наблюдать за окрестностями; от домика галопом помчался всадник, направляясь к небольшой группе вновь прибывших, состоящей из дворянина, которого мы описали, и четверых невольников, все еще бежавших за ним, показывая свои белые зубы и отдуваясь, как тюлени.

Приезжий был низкого роста, но широкие плечи и пропорциональное сложение свидетельствовали о его необыкновенной физической силе. Ему было лет сорок, черты его лица были жесткие и резкие, выражение физиономии — мрачное и скрытное; соломенная шляпа с широкими полями почти полностью закрывала его лицо. Плащ, называемый *пончо*, сделанный из одного куска материи с отверстием для головы посередине, покрывал его плечи; рукоятка длинного ножа высывалась из правого сапога, на левом боку висела сабля, а поперек седла лежало длинное ружье. Доехав до путешественника, он остановил свою лошадь, снял шляпу и почтительно поклонился.

— Добро пожаловать, сеньор дон Санчо, — сказал он вежливо.

— А-а! Это вы, Бирбомоно, — воскликнул молодой человек, слегка коснувшись своей шляпы. — Что вы здесь делаете? Я думал, вас уже давно повесили.

— Ваше сиятельство изволит шутить, — ответил всадник, нахмурившись. — Я — мажордом сеньоры.

— С чем вас обоих и поздравляю.

— Сеньора очень тревожится за ваше сиятельство; я собирался по ее приказанию осмотреть окрестности. Она будет очень рада, что вы добрались благополучно.

— В каком смысле благополучно, — нахмурился молодой человек, отпуская узду своей лошади. — Что ты хочешь сказать этим, разбойник? Чего я должен опасаться на дорогах?

— Вашему сиятельству известно, что негодяи-испанцы разъезжают по равнинам.

Молодой человек расхохотался.

— Что ты плетешь! Скачи доложить о моем приезде сестре и перестань болтать.

Мажордом не заставил повторять приказание дважды, прищпорил лошадь и умчался галопом.

Через десять минут дон Санчо сходил с лошади перед крыльцом дома, где его ждала женщина редкой красоты, но страшно бледная, которая, по-видимому, едва держалась на ногах — столь слабой и болезненной она казалась. Эта женщина была сестрой дон Санчо и хозяйкой этого дома. Молодые люди долго стояли обнявшись, не произнося ни слова, потом дон Санчо предложил руку сестре и вошел с ней в комнаты, предоставив мажордому присмотреть за лошадью и поклажей. Молодой человек усадил сестру в кресло, подвинул кресло себе и сел сам.

— Наконец-то, — сказала она радостным голосом, взяв руку молодого человека, — я вижу тебя опять, брат; ты здесь, возле меня. Как я рада тебя видеть!

— Моя добрая Клара, — отвечал дон Санчо, целуя ее в лоб, — вот уже около года, как мы расстались.

— Увы! — прошептала она.

— И за этот год случилось много такого, о чем ты, конечно, мне расскажешь.

— Моя жизнь в этот год может быть описана в двух словах: я страдала.

— Бедная сестра, как ты переменилась за такое короткое время! Тебя едва узнать; а я такой веселый приехал в Санто-Доминго и тотчас отправился к тебе. Твой муж, который совершенно не изменился и которого я нашел мрачным и молчаливым, и еще более важным из-за его высокого положения, конечно, сказал мне, что ты не совсем здорова и что доктора предписали тебе сельский воздух.

— Это правда, — сказала она с печальной улыбкой.

— Да, но я думал, что ты только не совсем здорова, а нахожу тебя чуть ли не умирающей.

— Не будем больше говорить об этом, Санчо, умоляю тебя. Что за беда, если я больна?.. Ты получил мое письмо?

— Разве я очутился бы здесь без этого? Через два часа по получении его я был уже в дороге. Вот уже три дня, — прибавил он, улыбаясь, — скачу я по горам и по долам по ужасной дороге, чтобы поскорее оказаться возле тебя.

— Благодарю, благодарю, Санчо; твое присутствие делает меня счастливой. Ведь ты останешься на некоторое время со мной, не правда ли?

— Сколько захочешь, милая сестра, ведь я свободен.

— Свободен? — переспросила она, удивленно посмотрев на него.

— Боже мой, да! Его светлость герцог Пеньяфлор, наш с тобой знатнейший родитель, вице-король Новой Испании, соблаговолил дать мне неограниченный отпуск.

При упоминании отца легкий трепет пробежал по телу молодой женщины, глаза ее наполнились слезами.

— О! — произнесла она. — Наш отец здоров?

— Здравее прежнего.

— А говорил он с тобой обо мне?

Молодой человек прикусил губу.

— Он мало говорил со мной, — сказал он, — но зато я говорил с ним много, что восстановило равновесие. Я думаю даже, что он дал мне отпуск исключительно для того, чтобы освободиться от моей болтовни.

Донна Клара молча опустила голову; брат смотрел на нее с нежным состраданием.

— Будем говорить о тебе, хорошо? — спросил он.

— Нет, нет, Санчо! Будем лучше говорить о *нем*, — ответила она нерешительно.

— О *нем*? — переспросил он глухим голосом и нахмурил брови. — Ах, бедная моя сестра! Что я могу сказать тебе? Все мои усилия были тщетны, я ничего не узнал.

— Да, да, — прошептала донна Клара, — он принял все меры к тому, чтобы надежно спрятаться... О Боже! — вскрикнула она, сложив руки. — Неужели ты не сжалишься надо мной?

— Успокойся, умоляю тебя, сестра! Я постараюсь, я буду искать, я удвою усилия, я, может быть, успею наконец...

— Нет, — перебила она, — никогда, никогда мы ничего не добьемся... Он осужден, осужден моим отцом; этот неуловимый человек никогда не отдаст его мне. О! Я лучше, чем ты, знаю нашего отца... Ты, Санчо, мужчина, ты можешь пытаться бороться с ним, но меня он раздавил, раздавил одним ударом, он разбил мое сердце, сделав меня невинной сообщницей адского мщения! Потом холодно упрекнул меня в бесславии, причиной которого сам же и явился, и навсегда уничтожил счастье трех существ, которые любили бы его и будущее которых он держал в своих руках.

— А ты, милая Клара, разве ты ничего не знаешь, ничего не узнала?

— Узнала... — ответила донна Клара, пристально глядя на брата. — Я сделала ужасное открытие.

— Ты меня пугаешь, Клара. Что ты хочешь этим сказать? Объясни.

— Не теперь, мой добрый Санчо, не теперь; еще не время, потерпи. Ты знаешь, что у меня никогда не было от тебя тайн. Ты один всегда любил меня. Я пригласила тебя для того, чтобы открыть тебе эту тайну; через три дня ты узнаешь все, и тогда...

— Тогда? — спросил он, пристально глядя на сестру.

— Тогда ты сможешь измерить глубину бездны, в которую я упала... Но прошу тебя, довольно об этом, я очень больна. Поговорим о другом, хочешь?

— Очень хочу, милая Клара, но о чем же мы будем говорить?

— Боже мой! О чем тебе угодно, друг мой, о дожде, о хорошей погоде, о твоём путешествии, — мало ли о чем!

Дон Санчо понял, что его сестра находится в сильном нервном возбуждении и что он только ухудшит ее и без того болезненное состояние, если не исполнит ее желания, поэтому он не стал возражать, а охотно пошел навстречу ее прихоти.

— Если так, милая Клара, — сказал он, — я воспользуюсь случаем, чтобы разузнать кое о чем.

— Разузнать? О чем же, брат мой? Я живу очень уединенно, как ты, верно, заметил; не думаю, чтобы я была в состоянии исполнить твоё желание... Однако все-таки скажи.

— Ты знаешь, сестра, что я приехал на Эспаньолу только четыре дня тому назад и в первый раз.

— Это правда, ведь ты никогда не бывал на этом острове... Как ты его находишь?

— И ужасным, и восхитительным; ужасным в отношении путей сообщения и восхитительным по местоположению.

— Действительно, дороги не очень удобны.

— Скажи лучше, что их нет вовсе.

— Ты строг.

— Нет, не строг, а только справедлив; если бы ты видела, какие превосходные дороги у нас в Мексике, ты бы согласилась со мной... Но речь не о том.

— А о чем?

— О той вещи, что я хотел тебя спросить.

— Это правда, я и забыла... Говори же, я слушаю тебя.

— Представь себе, когда я отправился сюда из Веракруса, все, кому я говорил о своём отъезде, непременно отвечали мне: «А-а, вы едете на Эспаньолу, сеньор дон Санчо Пеньяфлор? Гм! Берегитесь!» На корабле, на котором я плыл, я

постоянно слышал, как офицеры перешептывались между собой: «Будем остерегаться!» Наконец я приехал в Санто-Доминго. Первое, что я сделал, как я уже сказал, — это отправился к графу Безару, твоему супругу. Он принял меня так хорошо, как только мог это сделать. Но когда я объявил ему о своем намерении поехать к тебе сюда, брови его нахмурились и первым словом его было: «Черт побери! Черт побери! Вы хотите ехать туда? Остерегайтесь, дон Санчо, остерегайтесь!» Это ужас как меня бесило; зловещие предостережения, всегда и везде раздававшиеся в моих ушах, сводили меня с ума... Я не требовал объяснений от твоего мужа, я ничего не добился бы от него, мне хотелось только разъяснить эту зловещую фразу, как только представится случай, и вот он действительно представился, и я прошу тебя объяснить мне эту загадку.

— Я жду, чтобы прежде ты сам мне все объяснил, потому что, признаться, до сих пор я решительно не понимаю, о чем ты рассказываешь.

— Хорошо, дай мне закончить. Как только я отправился в путь с невольниками, которых дал мне твой муж, я увидел, что эти негодяи постоянно вертели головами направо и налево с испуганным видом. В первую минуту я не придавал этому большого значения, но сегодня утром я заметил великолепного кабана; мне захотелось выстрелить в него, что, впрочем, я и сделал, — я привез тебе этого кабана. Когда эти черти-негры увидели, что я заряжаю ружье, они бросились на колени передо мной и, с ужасом сложив руки, закричали с самым несчастным видом:

«Остерегайтесь, ваше сиятельство, остерегайтесь!»

«Чего я должен остерегаться?» — вскричал я с раздражением.

«Негодяев, ваше сиятельство, негодяев!»

Я не мог добиться от них другого объяснения, но надеюсь, сестра, что хоть ты-то мне скажешь, кто такие эти страшные негодяи?

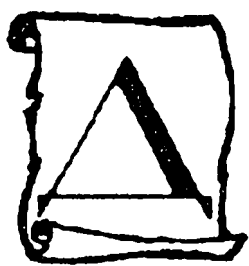
Он наклонился к ней. Донна Клара, широко открыв глаза, протянув руки, устремила на него такой страшный взгляд, что он с испугом отступил.

— Негодяи!.. Негодяи... — повторила она два раза сдавленным голосом. — О! Сжался, брат мой!

Она встала, сделала несколько шагов и без чувств упала на пол.

— Что это значит? — вскричал молодой человек, бросаясь к сестре, чтобы поднять ее.

Рассказ мажордома

он Санчо, крайне встревоженный состоянием сестры, поспешил позвать горничных, которые тотчас прибежали. Он вверил ее их попечениям и ушел в комнату, приготовленную для него, приказав, чтобы его предупредили немедленно, как только донне Кларе сделается лучше.

Дон Санчо Пеньяфлор был очаровательный молодой человек, веселый, беззаботный, он искал в жизни только удовольствия и отвергал с эгоизмом молодости и богатства всякую горечь и всякую скуку.

Принадлежа к одной из самых знатных фамилий испанской аристократии, имея надежду стать со временем обладателем семи или восьми миллионов, предназначенный благодаря знатности своего имени занимать впоследствии одну из лучших должностей и вступить в блестящий и выгодный брак, который делает счастливыми дипломатов, предоставляя им свободу ума для высоких политических соображений, он старался, насколько это было возможно, сдерживать биение своего сердца и не возмущать неуместной страстью спокойной лазури своего существования.

Будучи армейским капитаном, в ожидании светлого будущего и чтобы иметь какое-нибудь занятие, он поехал в качестве адъютанта с отцом в Мексику, когда герцог был назначен вице-королем Новой Испании. Но будучи еще слишком молод для того, чтобы серьезно смотреть на жизнь и быть честолюбивым, он занимался только игрой и любовными интригами, что очень сердило герцога, который, миновав возраст удовольствий, не допускал, чтобы молодые люди приносили жертву кумиру, которому он сам так долго курил фимиам. Впрочем, это была натура кроткая, уживчивая, но зараженная, как все испанцы той, а может быть, еще и нынешней эпохи предрассудками своей касты, считавшая негров и индейцев выючным скотом, созданным для ее пользы, и не скрывавшая своего презрения и отвращения к этим несчастным созданиям.

Словом, дон Санчо, следуя семейным традициям, всегда смотрел вверх, а не вниз, поддерживал равных, но ставил непреодолимую преграду высокомерия и пренебрежения между собой и теми, кто был ниже его.

Однако, может быть, без его ведома — мы не хотим поставить этого ему в заслугу — среди холодной атмосферы, в которой он вынужден был жить, в его сердце пробралось нежное чувство и иногда угрожало уничтожить все плоды семейного воспитания.

Чувство это было не чем иным, как дружбой, которую он испытывал к своей сестре, дружбой, которая могла быть принята за обожание, до того она была преданна, почтительна и бескорыстна. Чтобы угодить сестре, он готов был решиться на невозможное, одно ее слово делало его послушным, как невольника, любое ее желание тотчас становилось для него приказанием — таким же, а может быть, и более серьезным, чем если бы оно было отдано королем испанским, хотя этот надменный монарх льстил себя гордой мыслью, что солнце никогда не закатывалось в его владениях. Первые слова графа, произнесенные им, едва он остался один в своей комнате, покажут его характер лучше, чем его можно объяснить.

— Ну! — вскричал он, с отчаянием бросаясь в свое кресло. — Я думал, что проведу здесь несколько приятных дней, а вместо этого мне придется слушать жалобы Клары и утешать ее. Черт бы побрал всех несчастных! Они все точно нарочно преследуют меня, нарушая мое спокойствие.

Через три четверти часа негритянка-невольница пришла сказать ему, что донна Клара пришла в себя, но чувствует себя слабой и разбитой и просит извинения, что не может видеть его в этот вечер. Молодой человек в душе был доволен свободой, которую давала ему сестра и которая избавляла его от необходимости возобновлять неприятный разговор.

— Хорошо, — сказал он невольнице, — кланяйся госпоже и вели подать мне ужинать. Попроси также ко мне мажордома, мне нужно с ним поговорить.

Невольница вышла, оставив его одного. Тогда граф откинулся на спинку кресла, вытянул ноги и погрузился в ту дремоту, которая не может называться ни сном, ни бдением, во время которой душа как будто блуждает в неведомых далях, — испанцы называют это состояние *сиестой*. Пока он находился в этом состоянии, невольники осторожно накрывали на стол, опасаясь разбудить его, выставя отборные кушанья. Скоро запах блюд, поставленных перед ним, вернул молодого человека к действительности. Он приподнялся и, подойдя к креслу, сел за стол.

— Почему не идет мажордом? — спросил он. — Разве ему не передали мою просьбу?

— Передали, ваше сиятельство, но в данный момент мажордом отсутствует, — почтительно ответил один из невольников.

— Отсутствует? По какой причине?

— Он каждый вечер обходит весь дом... Но он скоро вернется; если ваше сиятельство соизволит немного подождать, вы скоро его увидите.

— Хорошо, хотя я не понимаю, для чего ему осматривать дом... Ведь здесь нет хищных зверей?

— Слава Богу, нет, ваше сиятельство.

— Так к чему же эти предосторожности?

— Эти предосторожности принимаются против негодяев, ваше сиятельство.

— Да что же это за негодяи?! — вскричал граф, подпрыгнув на стуле. — Видно, все здесь сговорились мистифицировать меня, прости Господи!

В эту минуту послышался звон шпор.

— Вон идет мажордом, ваше сиятельство, — почтительно заметил один из негров.

— Наконец-то! Пусть войдет!

Бирбомоно вошел, снял шляпу, почтительно поклонился и выжидательно уставился на графа.

— Я жду вас уже больше часа, — произнес молодой человек.

— Очень сожалею, ваше сиятельство, но мне сказали об этом только сейчас.

— Знаю, знаю... Вы обедали?

— Нет еще, ваше сиятельство.

— Ну так садитесь напротив меня.

Мажордом, знавший надменный характер графа, колебался, не понимая такого снисхождения с его стороны.

— Садитесь же, — нетерпеливо продолжал молодой человек. — Мы не в городе — следовательно, к черту эти обычаи; кроме того, я хочу поговорить с вами.

Мажордом поклонился и занял, не отнекиваясь более, указанное ему место. Ужин был непродолжителен. Граф ел, не произнося ни слова. Когда ужин кончился, он отодвинул тарелку, выпил по испанскому обычаю стакан воды, закурил сигару и угостил мажордома.

— Курите, я разрешаю, — сказал он.

Бирбомоно принял это позволение графа с признательностью, но в душе, все больше удивляясь, спрашивал себя, по какой такой важной причине молодой господин был так любезен. Когда убрали со стола и невольники ушли, затворив

двери, граф и управляющий остались одни. Ночь была великолепна, воздух необыкновенно прозрачен, мириады звезд сияли на небе; приятный теплый воздух вливался в окна, нарочно оставленные широко открытыми; глубокая тишина царила в окрестностях, и с того места, где сидели оба собеседника, был виден мрачно чернеющий вдалеке лес.

— Теперь, — произнес граф, выпуская синеватый дымок, — поговорим.

— Поговорим, ваше сиятельство, — откликнулся мажордом.

— Я должен многое у вас спросить, Бирбомоно... Вы знаете меня, не так ли? Вы знаете, что я всегда исполняю свои обещания и угрозы.

— Знаю, ваше сиятельство.

— Хорошо, я приступаю к делу без дальнейших предисловий. Я должен получить от вас очень важные сведения. Отвечать на мои вопросы — не значит изменять вашей госпоже, которая приходится мне сестрой и которую я люблю больше всего на свете. Напротив, может быть, вы окажете ей косвенную услугу. Кроме того, то, что вы мне не скажете, я узнаю от других, а вы в таком случае лишитесь моего доверия... Вы меня понимаете, я полагаю?

— Вполне, ваше сиятельство.

— И что вы на это скажете?

— Ваше сиятельство, я предан душой и телом вашей фамилии, и, следовательно, мой долг — отвечать на все вопросы, с которыми вы соизволите ко мне обратиться, в убеждении, что расспрашивая меня, у вас нет другой причины, кроме желания угодить моей госпоже.

— Лучше рассуждать нельзя, Бирбомоно; я всегда говорил, что вы человек умный. Ваш ответ доказывает мне, что я не ошибся... Начнем по порядку; во-первых, скажите мне, что произошло между моей сестрой и ее мужем перед ее приездом сюда и какие причины заставили ее уехать из Санто-Доминго?

— Вы знаете, ваше сиятельство, графа де Безар-Суза, мужа вашей сестры и моего господина. Этот вельможа не очень разговорчив по своему характеру, но добр и искренне привязан к своей жене. Он исполняет каждое ее желание и дает возможность жить, как она захочет, никогда не позволяя себе ни малейшего замечания на этот счет. На Эспаньоле графиня жила в полном уединении, постоянно удаляясь в свои комнаты, куда входили только ее горничная, духовник и доктор. Граф посещал ее каждое утро и каждый вечер,

оставался с ней около получаса, разговаривал о посторонних предметах, после чего уходил.

— Да! Такая жизнь сестры кажется мне довольно однообразной... И долго она продолжалась?

— Несколько месяцев, ваше сиятельство, и без сомнения продолжалась бы и дальше, если бы не одно происшествие, о котором никто, кроме меня, не знает и которое побудило ее приехать сюда.

— Ага! Какое же это происшествие?

— Однажды, ваше сиятельство, в гавань Санто-Доминго пришел наш испанский корабль. Когда он проходил мимо островов, на него напали негодяи, от которых он лишь чудом сумел уйти, захватив многих из них.

— А, постойте! — вскричал граф. — Прежде чем продолжить дальше, объясните мне, кто эти негодяи, о которых беспрестанно говорят и которых никто не знает? Вы знаете, о ком идет речь?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Наконец-то, — радостно воскликнул граф, — я добьюсь, чего хочу! Ведь вы мне объясните, не правда ли?

— Буду очень рад, ваше сиятельство.

— Говорите, я слушаю.

— О! Говорить тут долго не придется, ваше сиятельство.

— Тем хуже.

— Но думаю, что это будет интересно.

— Тем лучше! Говорите скорее.

— Эти негодяи — французские и английские авантюристы, дерзость которых превосходит все, что можно было бы о ней сказать. Спрятавшись среди скал, когда проходят наши суда, — а они поклялись вести против них войну на уничтожение, — они подплывают на жалких пирогах, до половины наполненных водой, к нашему кораблю, который они приметят, захватывают его и уводят с собой. Ущерб, наносимый этими негодьями нашему флоту, неизмерим; каждый корабль, на который они нападут, за весьма редким исключением, можно считать погибшим.

— Черт побери! Черт побери! Это очень серьезно!.. И неужели ничего не предпринималось для того, чтобы очистить море от этих мерзких пиратов?

— Извините, ваше сиятельство, адмирал дон Фернандо Толедо по приказу короля напал на остров Сент-Кристофер, притон этих пиратов, захватил кого смог и камня на камне не оставил от их главного гнезда.

— Ага! — сказал граф, потирая руки. — Кажется, это было хорошо сделано.

— Нет, ваше сиятельство, и вот по какой причине: изгнанные, но не уничтоженные, пираты рассыпались по другим островам; некоторые возвратились на Сент-Кристофер, но большая часть имела дерзость найти себе приют на самой Эспаньоле.

— Да, но их прогнали, я надеюсь?

— По крайней мере пытались, ваше сиятельство, но все безуспешно; они засели в той части острова, которую заняли, успешно сопротивляясь всем силам, посланным против них. Часто из осажденных они превращаются в осаждающих, даже подбираются к испанской границе, жгут, грабят, опустошают все, что попадает на их пути, тем успешнее, что они внушают панический страх нашим солдатам, — как только те видят или слышат их, то бегут без оглядки. Дошло до того, что граф Безар, наш губернатор, вынужден был отнять у отрядов, называемых *полусотнями* и защищающих наши границы, все ружья и вооружить их кольями.

— Как, отнял у них ружья?! Для чего же? Боже мой! Это же невероятно!

— Однако это легко объяснить, ваше сиятельство: солдаты так боятся пиратов, что, опасаясь встречи с ними, нарочно стреляют из ружей, чтобы уведомить их о своем присутствии и убедить их удалиться, и пираты, узнав таким образом, где находятся солдаты, отправляются грабить другие места, в уверенности, что там им никто не помешает.

— Просто невероятно!.. А здесь вы боитесь их посещения?

— Здесь они еще не были, однако все-таки надо остерегаться.

— Я одобряю вашу осторожность... Но вернемся теперь к вашему рассказу, который я прервал, чтобы узнать от вас эти драгоценные сведения. Вы говорили, что испанский корабль пришел в бухту Санто-Доминго и привез на своем борту нескольких пиратов, захваченных им в плен.

— Да, ваше сиятельство... Надобно вам сказать, что пиратов, взятых в плен, вешают.

— Очень благоразумная мера.

— Пиратов посадили пока что в тюрьму в ожидании казни, и фрею Арсенио поручили примирить их с небесами.

¹ Все это исторически верно. — *Примеч. автора.*

— Да-а, трудная обязанность. Но кто такой этот фрей Арсенио?

— Фрей Арсенио — духовник графини.

— А, прекрасно! Продолжайте.

— Представьте себе, ваше сиятельство, что эти пираты — люди очень набожные, они никогда не нападают на корабль, не помолившись Богу; следовательно, фрею Арсенио не составило особого труда исполнить свои духовные обязанности. Губернатор решил, что в назидание другим этих пиратов повесят на испанской границе. Их вывели из тюрьмы крепко связанными и провезли на повозках под усиленным конвоем по городу, мимо населения, осыпавшего их гневными проклятиями и угрозами. Но пираты не обращали никакого внимания на это проявление народной ненависти. Их было пятеро. Все они были молодыми и сильными. Вдруг в ту минуту, когда повозки, с трудом прокладывая себе дорогу сквозь густую толпу, поравнялись с губернаторским дворцом, все пираты вскочили, спрыгнули на землю и с громкими криками бросились во дворец. Обезоружив караул, они заперли за собой двери. Осталось неизвестным, каким образом им удалось освободиться от оков. Толпа оцепенела при виде такого безумного поступка, но скоро к солдатам вернулось мужество и они решительно бросились ко дворцу. Пираты встретили их ружейными выстрелами. Разгорелась ужасная битва... Наши солдаты оказались в крайне невыгодном положении, так как являлись отличной мишенью для невидимого врага, славившегося своим искусством стрельбы. Два десятка мертвых и столько же раненых солдат осталось лежать на земле; испанцы не решались продолжать эту бойню... Скоро, предупрежденный о том, что происходит, в сопровождении своих офицеров прибыл губернатор; к счастью для него, он отсутствовал, когда захватили его дворец, но графиня была дома, и граф дрожал при мысли, что она могла попасть в руки этих негодяев. Он приказал им сдаться; они ответили залпами, убившими несколько человек рядом с губернатором и слегка ранившими его самого.

— Дерзкие негодяи! — прошептал граф. — Надеюсь, что их повесили...

— Нет, ваше сиятельство; два часа сражались они со всеми городскими силами и в конце концов предложили капитуляцию, которая и была принята.

— Как! — вскричал граф. — Принята?! О! Это уж чересчур!

— Однако это истинная правда, ваше сиятельство; они угрожали, что если им не дадут свободно удалиться, они взорвут весь дворец вместе с собой, предварительно перерезав всех пленников, находившихся в их власти, и первой — графиню. Губернатор рвал на себе волосы от бешенства, а пираты только смеялись.

— Но это же не люди! — вскричал граф, с гневом топнув ногой.

— Я вам и говорил, что это не люди, а демоны. Офицеры уговорили графа согласиться на капитуляцию. Пираты потребовали, чтобы улицы очистили от толпы, велели привести лошадей для себя, для графини и одной ее горничной, намереваясь держать их заложницами до тех пор, пока не окажутся в безопасности, и покинули дворец, хорошо вооруженные, уводя с собой мою бедную госпожу, дрожавшую от страха и походившую скорее на мертвую, чем на живую. Пираты не торопились: они шли шагом, смеялись и разговаривали между собой, оборачиваясь и даже останавливаясь иногда, чтобы окинуть взглядом толпу, которая следовала за ними на почтительном расстоянии. Таким образом они вышли из города. Обещание свое они добросовестно сдержали: через два часа графиня, с которой обращались чрезвычайно вежливо, вернулась в Санто-Доминго, провожаемая до дворца восклицаниями и радостными криками людей, которые уже считали ее погибшей. Через день граф приказал проводить мою госпожу сюда, в этот дом, куда доктора предписали ей переехать на некоторое время, чтобы отдохнуть от ужасных волнений, которые она, без сомнения, испытала за то время, пока находилась во власти разбойников.

— Я надеюсь, после вашего приезда сюда не случилось ничего необыкновенного.

— Случилось, ваше сиятельство, — вот почему я вам говорил вначале, что мне одному известно о происшествии, изменившем образ жизни моей госпожи. Один из пиратов имел с ней продолжительный разговор. Я присутствовал при этом разговоре, правда находился довольно далеко и не мог слышать, что он ей сказал, но зато все видел и могу судить о впечатлении, которое он произвел на нее. Я последовал за моей госпожой, решив не оставлять ее и помочь ей, если будет нужно, даже ценой собственной жизни.

— Вы добрый слуга, Бирбомоно, я благодарю вас.

— Я только исполнял свой долг, ваше сиятельство... Как только разбойники оставили ее одну, я приблизился к моей госпоже и проводил ее в город. Через несколько дней после

нашего приезда сюда моя госпожа переоделась в мужскую одежду, тайно вышла из дома в сопровождении меня и фрея Арсенио, который не хотел ее оставлять. Она привела нас на берег, к бухте, где уже ждал один пират. Этот человек опять имел продолжительный разговор с моей госпожой, потом, посадив нас в пирогу, отвез на испанскую бригантину, дрейфующую у берега; после я узнал, что эта бригантина была нанята фреем Арсенио по приказанию моей госпожи. Как только мы поднялись на это судно, оно вышло в открытое море; пират вернулся на берег в своей пироге.

— Что за сказки ты мне рассказываешь, Бирбомоно!

— Сеньор, я говорю вам чистую правду, как вы меня и спрашивали, ничего не прибавляя и не убавляя.

— Хорошо, я тебе верю, но все это так невероятно...

— Перестать мне, ваше сиятельство, или продолжать мой рассказ?

— Продолжай, черт побери! Может быть, среди всего этого хаоса блеснет какой-нибудь свет.

— Наша бригантина начала лавировать между островами, рискуя попасть в руки разбойников, но каким-то непостижимым чудом сумела пройти незаметно, так что через неделю мы добрались до острова, имеющего форму горы, называющегося, кажется, Невис и отделенного только узким каналом от острова Сент-Кристофер.

— Но вы сами мне сказали, что Сент-Кристофер — приют пиратов?

— Точно так, ваше сиятельство... Бригантина якорь не бросала, а только спустила шлюпку. Мою госпожу, монаха и меня посадили в эту шлюпку и высадили на остров. Только поставив свою крошечную ножку на берег, графиня обернулась ко мне и взглядом приказала оставаться в шлюпке. «Вот письмо, — сказала она, подавая мне бумагу, — ты отвезешь это письмо на Сент-Кристофер, отыщешь там одного знаменитого пирата, которого зовут Монбар, и отдашь ему письмо в собственные руки. Ступай, я полагаюсь на твою верность». Что я должен был делать? Повиноваться, не так ли, ваше сиятельство? Матросы на шлюпке, как будто зная, куда надо меня везти, пристали к острову Сент-Кристофер. Мне удалось встретиться с Монбаром и отдать ему письмо, после чего я скрылся. Ожидавшая меня шлюпка доставила меня на Невис. Сеньора поблагодарила меня. На закате солнца Монбар приехал на Невис и разговаривал около часа с монахом, пока донна Клара пряталась в палатке; потом он ушел. Через несколько минут графиня и дон Арсенио возвратились на

бригантину, которая так же благополучно отвезла нас на Эспаньолу. Монах остался во французской части острова, — по какой причине, я не знаю; графиня и я вернулись сюда и живем здесь вот уже десять дней.

— Что дальше? — спросил граф, видя, что мажордом замолчал.

— Это все, ваше сиятельство, — ответил Бирбомоно. — С тех пор донна Клара оставалась взаперти в своих комнатах и ничто не нарушало однообразия нашей жизни.

Некоторое время граф сидел молча, потом встал, с волнением прошелся по комнате и, обернувшись к Бирбомоно, сказал:

— Хорошо, мажордом, благодарю вас. Молчите обо всем происшедшем; ступайте и помните, что никто в доме не должен подозревать о том, насколько важен наш разговор.

— Я буду нем, ваше сиятельство, — заверил его мажордом и после почтительного поклона удалился.

— Очевидно, за всем этим кроется какая-то ужасная тайна, — пошептал молодой человек, — и сестра наверняка желает, чтобы я поделил эту тайну с ней! Боюсь, что я попался в ловушку. Неужели Клара не могла оставить меня в покое в Санто-Доминго?

Глава XXII

По дорогам

На другой день донна Клара если не совершенно оправилась от волнения, испытанного накануне, то, по крайней мере, находилась в состоянии более удовлетворительном, чем осмеливался надеяться ее брат после обморока, свидетелем которого он стал.

Но ни брат, ни сестра не допустили ни малейшего намека на вчерашний разговор. Донна Клара хотя и была очень бледна и особенно слаба, выглядела веселой и даже, опираясь на руку графа, немного погуляла в саду. Но брат не обманывался на ее счет; он понял, что сестра жалеет о том, что говорила с ним слишком откровенно, и старается ввести его в заблуждение относительно своего истинного душевного состояния. Однако он не показывал этого и, когда сильная дневная жара немного спала, выразил намерение осмотреть окрестности, желая тем самым дать сестре возможность побыть одной. Взяв ружье, он отправился верхом в сопровож-

дении мажордома, вызвавшегося служить ему проводником. Донна Клара не удерживала его; напротив, она была очень рада представившейся на несколько часов свободе.

Молодой человек поскакал с лихорадочным нетерпением; он находился в сильном волнении, в котором сам не мог дать себе отчета. Несмотря на свой эгоизм, он принимал живейшее участие в несчастье сестры. Ее кроткая безропотность невольно трогала его сердце. Он был бы рад подарить хоть сколько-нибудь радости этому сердцу, разбитому горем. С другой стороны, странный рассказ мажордома беспрестанно приходил ему на память и в высшей степени подстрекал его любопытство. Однако он ни за что на свете не хотел расспрашивать сестру о темных сторонах этого рассказа или хотя бы даже намекать ей, что ему известно о ее общении с флибустьерами острова Сент-Кристофер.

Граф ехал с мажордомом по равнине, охотился и разговаривал о посторонних предметах, но никак не мог выкинуть из головы рассказ мажордома. Внезапно он обернулся к своему проводнику.

— Кстати, — заметил он как бы невзначай, — я еще не видел духовника моей сестры; как, вы сказали, его звать?

— Фрей Арсенио, ваше сиятельство, францисканец.

— Чего же он прячется?

— Я уже объяснял вам вчера причину, ваше сиятельство.

— Может быть, я не спорю, но у меня все так перемешалось в голове, — возразил граф с притворным равнодушием, — что я не помню, что именно вы мне говорили об этом. Вы обяжете меня, если повторите.

— Пожалуйста, ваше сиятельство. Фрей Арсенио оставил нас в ту минуту, когда мы приехали сюда, и с тех пор не показывался здесь.

— Странно... А донну Клару, кажется, вовсе не тревожит это продолжительное отсутствие?

— Не тревожит, ваше сиятельство; сеньора ничего не говорит о фрее Арсенио и даже не осведомилась, вернулся ли он.

— Все это очень странно, — пробормотал молодой человек. — Что значит это таинственное исчезновение?

После этого граф быстро прервал разговор и опять занялся охотой. Прошло уже несколько часов с тех пор, как они выехали из дома и незаметно отъехали довольно далеко. Солнце клонилось к горизонту. Граф хотел уже возвращаться, когда вдруг из леса, от которого всадники были отделены только кустами, послышался треск ломаемых ветвей, и не-

сколько быков выскочили на равнину, преследуемые — или, лучше сказать, подгоняемые — десятком ищеек, которые были отбешенства и кусали их. Быки, штук семь или восемь, промчались, как ураган, мимо лошади графа, которая от неожиданности так испугалась, что с минуту оставалась неподвижна, не зная, что ей делать. Свирепые животные, преследуемые собаками, вдруг резко повернули и бросились обратно в лес, но в эту минуту раздался выстрел и один бык, пораженный в голову, упал на землю. В то же мгновение из леса выскочил человек и бросился к быку, лежавшему неподвижно и полускрытому высокой травой. Этот человек, по-видимому, не замечал испанцев, он шел большими шагами, на ходу заряжая свое длинное ружье, из которого сделал такой искусный выстрел. Все произошло так быстро, что дон Санчо еще не успел опомниться от удивления, когда мажордом наклонился к нему и тихим, прерывающимся от страха голосом шепнул:

— Ваше сиятельство, вы хотели видеть пирата. Рассмотрите же хорошенько этого человека, это — пират.

Дон Санчо был не робкого десятка. Когда первое удивление прошло, он полностью овладел собой, медленно и хладнокровно подъехал к незнакомцу и с любопытством стал его рассматривать.

Незнакомец был молодой человек среднего роста, очень стройный и крепкого сложения. Его правильные, энергичные и довольно красивые черты лица дышали смелостью и умом. Без сомнения, долгое воздействие холода, зноя, дождя и солнца придало его лицу очень резкий смуглый оттенок; он носил коротко подстриженную бороду.

Костюм его отличался, так сказать, первобытной простотой: он состоял из двух рубаш, панталон и камзола из толстого полотна, до того покрытого пятнами крови и грязи, что невозможно было узнать его первоначальный цвет. На незнакомце был кожаный пояс, с которого свисал с одной стороны чехол из крокодиловой кожи, в котором находились четыре ножа и штык, а с другой стороны — большая горлянка, заткнутая воском и наполненная порохом, и кожаный мешок с пулями; через плечо была перекинута свернутая маленькая палатка из тонкого полотна. Обувь его состояла из сапог, сшитых из невыделанной воловьей шкуры. Длинные волосы, подвязанные кожаным ремешком, выбивались из-под меховой шапки с козырьком, покрывавшей его голову. По характерной форме его ружья, дуло которого имело четыре с половиной фута длины, легко было установить, что

оно изготовлено в Дьеппе оружейным мастером Бражи, который вместе с мастером Желеном из Нанта владел монополией на производство оружия для авантюристов.

Во внешнем облике этого человека, вооруженного и одетого таким образом, угадывалось нечто величественное и страшное. Инстинктивно чувствовалось, что находишься лицом к лицу с сильной натурой, с личностью избранной, привыкшей полагаться только на себя, которую никакая опасность, как бы ни была она велика, не должна ни удивлять, ни страшить.

Подходя к быку, он искоса бросил взгляд на двух охотников, потом, не обращая на них внимания, свистнул собакам, которые тотчас же бросили преследовать быков, послушно вернулись и встали рядом с ним. Вынув нож из чехла, он принялся сдирать кожу с быка, лежащего у его ног. В эту минуту граф подъехал к нему.

— Кто вы такой и что делаете тут? — спросил он резким голосом.

Буканьер поднял голову, насмешливо взглянул на человека, который разговаривал с ним таким повелительным тоном, и, презрительно пожав плечами, ответил:

— Кто я? Вы видите, я — буканьер. Что я делаю? Сдираю кожу с быка, которого убил. Что еще?

— Но по какому праву вы позволяете себе охотиться на моих землях?

— А-а! Эти земли принадлежат вам? Очень рад. Видите ли, я охочусь здесь потому, что мне так нравится; а если это не нравится вам, то мне очень жаль.

— Что это значит? — спросил граф надменно. — Каким тоном осмеливаетесь вы говорить со мной?

— Тоном, который меня в общем-то устраивает, — отвечал буканьер, приосанясь. — Поезжайте-ка своей дорогой и послушайте доброго совета: если вы не хотите, чтобы через пять минут ваш роскошный камзол обагрился кровью, не проявляйте больше интереса к моей особе, как я не стану интересоваться вами, и не мешайте мне заниматься своим делом.

— Этому не бывать, — запальчиво ответил молодой человек. — Земля, на которой вы распоряжаетесь так дерзко, принадлежит моей сестре, донне Кларе Безар! Я не позволю, чтобы на ней так своевольно распоряжались такие негодяи, как вы. Убирайтесь сию же минуту, а не то...

— А не то? — повторил буканьер, и в глазах его сверкнули молнии, между тем как мажордом, предчувствуя недоброе, благоразумно стал за спиной своего господина.

Граф оставался холоден и бесстрастен перед буканьером, решив дать немедленный отпор, если увидит малейшее подозрительное движение. Против всякого ожидания грозный взгляд авантюриста почти тотчас же сменился спокойным, черты лица приняли обычное беззаботное выражение, и он ответил тоном почти дружелюбным:

— Эй! Чье вы имя произнесли, позвольте вас спросить?

— Владелицы этих земель.

— Это понятно, — улыбаясь, сказал авантюрист. — Но как ее зовут? Пожалуйста, повторите это имя.

— Извольте, — откликнулся молодой человек презрительно, так как ему показалось, что его противник уклоняется от ссоры, грозившей разгореться между ними. — Я произнес имя донны Клары де Безар-Суза...

— И прочее и прочее, — смеясь, перебил авантюрист. — У этих чертей испанцев есть имена на каждый день в году. Ну-ну, не сердитесь, молодой петушок, — прибавил он, заметив краску на лице графа, вызванную отпущенным им замечанием. — Мы с вами, быть может, более близки к соглашению, чем вы полагаете. Что вы выиграете в битве со мной? Ничего! А потерять можете, напротив, многое.

— Я вас не понимаю, — сухо заметил молодой человек. — Надеюсь, вы мне все объясните.

— Это сделать не долго, вот увидите, — продолжал незнакомец, все так же улыбаясь.

Обернувшись к лесу, он приложил руку ко рту и закричал:

— Эй, Олоне!

— Здесь! — тотчас ответил человек из глубины леса.

— Подойди сюда, — продолжал буканьер. — Кажется, здесь найдется кое-что по твоему вкусу.

— Ага! — отвечал Олоне, все еще невидимый. — Посмотрим!

Молодой граф не знал, что и думать о таком повороте событий. Он опасался грубой шутки со стороны этих полудикарей. Он не знал, отдаться ли гневу, кипящему внутри него, или терпеливо ждать, что произойдет дальше. Но тайное предчувствие заставляло его сдерживаться и действовать осторожно с этим человеком, который, по-видимому, не держал никакого злого умысла против него и обращение которого, хотя резкое и грубое, было, однако, вполне дружелюбным.

В эту минуту показался Олоне в таком же костюме, как буканьер. Он быстро подошел к нему и, не обращая внимания на испанцев, спросил, что ему нужно, бросив на траву шкуру дикого быка, которую нес на плече.

— Кажется, ты мне говорил, что Тихий Ветерок прислал тебе с Прыгуном записку сегодня утром? — продолжал буканьер.

— Это правда, Польшэ, я говорил тебе об этом, — отвечал тот. — Мы даже условились с тобой, что поскольку тебе хорошо известны здешние края, то ты отведешь меня к особе, которой я должен вручить этот дьявольский листок бумаги.

— Ну, если хочешь, ты можешь сейчас же исполнить данное тебе поручение, — продолжал Польшэ, указывая на дона Санчо. — Вот родной брат этой особы.

— Как! — воскликнул Олоне, устремив внимательный взгляд на молодого человека. — Этот красивый щеголь?

— Да — по крайней мере, он утверждает, что это так; ты знаешь, эти испанцы такие лгуны, что на их слово никак нельзя положиться.

Дон Санчо покраснел от негодования.

— Что дало вам право сомневаться в моих словах? — вскричал он.

— До сих пор ничего, и потому я говорю не о вас, а о всех испанцах вообще.

— Итак, — спросил его Олоне, — вы брат донны Клары Безар, владелицы дома дель-Ринкон?

— Еще раз повторяю, что я ее брат.

— А чем вы мне это докажете?

Молодой человек пожал плечами.

— Мне все равно, верите вы мне или нет.

— Может быть, но для меня очень важно знать наверняка. Мне дали записку к этой даме, и я должен точно исполнить поручение.

— Отдайте же мне эту записку, я сам ей отвезу.

— Вот как вы решили, — сказал Олоне с насмешкой. — Так я вам и отдал это письмо ни с того ни с сего.

Он громко расхохотался, и Польшэ последовал его примеру.

— Эти испанцы не сомневаются ни в чем, — заметил буканьер.

— Так убирайтесь же к черту с вашей запиской! — вскричал с гневом молодой человек. — Какое мне дело, что вы оставите ее у себя!

— Полно, полно, не сердитесь, черт побери! — примирительным тоном произнес Олоне. — Может быть, есть способ все устроить к всеобщему удовольствию; я не так темен, как кажусь, и намерения у меня самые благие, я только не хочу быть обманут, вот и все.

Молодой человек, несмотря на очевидное отвращение, которое внушали ему авантюристы, не смел, однако, покинуть их; письмо это могло быть очень важным, и сестра, конечно, никогда не простила бы ему необдуманной поступок.

— Ну, говорите же, — сказал он, — только поскорее, становиться поздно, я далеко от дома и хочу возвратиться до заката солнца, чтобы не тревожить сестру понапрасну.

— Какой любящий брат! — продолжал Олоне с иронической улыбкой. — Вот что я вам предлагаю: скажите этой даме, что слуге Монбара поручено передать ей письмо и что если она хочет получить его, то пусть придет сама.

— Как, сама придет, куда?

— Сюда, конечно! Мы с Польшэ хотим устроить букан на этом месте и будем ждать эту даму весь завтрашний день. Мне кажется, я предлагаю вам очень простой и легкий способ.

— И вы думаете, — отвечал граф с иронией, — что моя сестра согласится на свидание, назначенное презренными авантюристами? Полно, вы с ума сошли!

— Я ничего не думаю, а делаю предложение, которое вы можете принять или отвергнуть, вот и все. Что касается письма, то она получит его не иначе, как если приедет за ним сама.

— Почему бы вам не отправиться со мной к ней? Это, кажется, было бы гораздо проще.

— Может быть, я вначале так и собирался поступить, но потом передумал; сами решайте, что вам делать.

— Моя сестра слишком уважает себя для того, чтобы решиться на такой поступок, я заранее уверен, что она с негодованием откажется.

— А может быть, вы ошибаетесь, господин щеголь, — сказал Олоне с лукавой улыбкой. — Кто может знать, что думают женщины?

— Чтобы прекратить разговор, и так уже слишком затянувшийся, я сообщу ей то, что вы мне сказали, только не скрою от вас, что я буду ее отговаривать всеми возможными способами.

— Делайте что хотите, это меня не касается, но знайте: если она захочет приехать сюда, то никакие ваши рассуждения ее не удержат.

— Посмотрим.

— Не забудьте сказать ей, что письмо это от Монбара.

Во время этого разговора, вовсе его не интересовавшего, Польшэ с равнодушием и беззаботностью, которые отличали буканьеров, срезал ветви и вбивал колья для палатки, приготовляемой на ночь.

— Вы видите, — продолжал Олоне, — что мой товарищ уже принялся за работу. Прощайте же, до завтра. Мне некогда разговаривать с вами дольше: надо помочь ему сделать букан.

— Помогайте сколько хотите, но я убежден, что вы напрасно рассчитываете на успех поручения, которое я принимаю на себя.

— Посмотрим, но вы все-таки скажите, сеньор. Да, еще одно слово! Смотрите, чтобы не было никакой измены!

Молодой человек не удостоил их ответом, он презрительно пожал плечами, повернул свою лошадь и в сопровождении мажордома галопом помчался к домику. Отъехав на некоторое расстояние, он оглянулся; палатка уже была раскинута, и оба буканьера деятельно занимались буканом, так мало заботясь об испанцах, которые, без сомнения, бродили в окрестностях, как будто находились за пятьсот миль от ближайшего жилища. Граф задумчиво продолжал двигаться по направлению к дому.

— Вот, ваше сиятельство, — сказал ему мажордом, — вы видели пиратов, что вы теперь о них думаете?

— Это люди грубые, — отвечал граф, печально качая головой, — да, грубые и неукротимые, но чистосердечные и относительно честные — по крайней мере, с их точки зрения.

— Да-да, вы правы, ваше сиятельство, вот почему они каждый день продвигаются все дальше и дальше, и если им позволить, я боюсь, что им скоро будет принадлежать весь остров.

— О! До этого мы еще не дошли, — сказал граф с усмешкой.

— Извините меня, ваше сиятельство, если я спрошу вас, намерены ли вы говорить сеньоре об этой встрече?

— Хотел бы я не говорить; к несчастью, судя по тому, что вы мне рассказали о том, что происходило между моей сестрой и этими людьми, мое молчание может иметь последст-

вия очень важные для нее. Лучше, кажется, прямо сказать ей обо всем; ей лучше меня знать, как поступить.

— Я думаю, что вы правы, ваше сиятельство. Для сеньоры содержимое этого письма может оказаться очень важным.

— Наконец-то мы приехали, слава Богу!

Когда они подъезжали к дому, уже настала ночь. С удивлением заметили они необычное движение около дома. Огни, зажженные в долине, бросали яркий свет в потемках. Приблизившись, граф узнал, что огни эти разведены солдатами, которые расположились на биваке. Доверенный слуга ожидал приезда графа и, заметив его, тотчас подал ему несколько писем и просил пожаловать к сеньоре, которая ждала его с нетерпением.

— Что здесь случилось? — осведомился он.

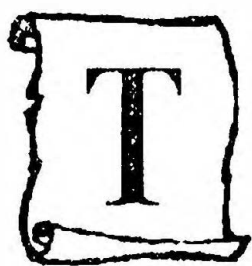
— Две полусотни прибыли сюда на закате солнца, ваше сиятельство, — отвечал слуга.

— Так! — сказал он, слегка нахмутив брови. — Скажите сестре, что я сейчас буду у нее.

Слуга поклонился и ушел. Молодой человек сошел с лошади и отправился в комнату донны Клары, заинтересованный неожиданным прибытием войск в такое место, где, по-видимому, всегда царило спокойствие и где его присутствие было бесполезным.

Глава XXIII

Запутанный клубок

Теперь вернемся к одному из наших действующих лиц, которое до сих пор играло весьма второстепенную роль в этой истории, но которое, как это часто случается, должно занять в нашем рассказе на некоторое время место в первом ряду.

Мы говорим о графе доне Стенио де Безар-Суза, испанском гранде высшего ранга, губернаторе острова Эспаньола и муже донны Клары Пеньяфлор.

Граф дон Стенио де Безар-Суза был настоящий испанец времен Карла V, сухой, жеманный, спесивый, самонадеянный, всегда говоривший свысока, если вообще удостоивал кого-либо разговором, что с ним случалось очень редко, не по недостатку ума — он вовсе не был глуп, — а из лености и презрения к другим людям, на которых он никогда не смотрел иначе как прищурившись и презрительно вздернув губу. Высокий, хорошо сложенный, с благородными манерами и

очень изящными чертами лица, граф, несмотря на свою неразговорчивость, был одним из самых интересных мужчин при испанском дворе, а ведь их в то время было очень много. Женился он на донне Кларе по расчету и из честолюбия, но мало-помалу, любуясь очаровательным личиком женщины, на которой женился, смотря на ее кроткий взгляд, слыша мелодичный звук ее голоса, он влюбился в нее до безумия. Как у всех людей, привыкших сосредотачивать в себе свои чувства, страсть его к донне Кларе приняла размеры тем более внушительные, что была безнадежна и оставалась в сердце несчастного человека, имевшего отчаянное убеждение, что она никогда не будет разделена той, что внушала ему эту страсть. Все знаки внимания донна Стенио его жена так решительно отвергала, что он наконец стал сдерживаться.

Как и все отвергнутые любовники, граф, будучи ко всему еще и мужем, — обстоятельство достаточно обидное для личности, слишком ослепленной своими достоинствами, чтобы приписывать неудачу себе лично, — стал искать того счастливого соперника, кто отнял у него сердце жены. Конечно, графу не удалось найти этого фантастического соперника, который существовал только в его воображении; это подало повод к ревности тем более свирепой, что, не зная, на что излиться, она переносилась на все.

Итак, граф ревновал не как испанец, так как вообще испанцы, что бы о них ни говорили, не заражены этой глупой болезнью, но как итальянец, и эта ревность заставляла его страдать еще больше потому, что он не мог выказать ее. Боясь насмешек, он был вынужден старательно заключать ее в своем сердце. Когда после его женитьбы на донне Кларе, о замужестве которой с графом де Бармоном он не знал, его тесть герцог Пеньяфлор был назначен вице-королем Новой Испании и дал ему место губернатора на острове Эспаньола, граф почувствовал сильную радость; он был уверен, что в Америке его жена, разлученная со своими друзьями и родными, вынужденная жить одна и, следовательно, подчиняться его влиянию, от скуки и от праздности наконец разделит его любовь или, по крайней мере, не отвергнет ее. Кроме того, на островах он мог не бояться соперничества среди местного населения — полудикого и полностью поглощенного страстью гораздо могущественнее любви — страстью к золоту.

Увы! Он ошибся и на этот раз. Правда, донна Клара, так же как и в Испании, не давала ему повода для ревности, но

навязать ей себя ему так и не удалось; с первого дня приезда на Эспаньолу она обнаружила желание жить в уединении, предаваясь религиозным обрядам, и граф невольно был вынужден покориться ее неизменной решимости. Он покорился, но его обуяло бешенство, ревность его не погасла, и, если можно употребить это выражение, она тлела под пеплом; одной искры было достаточно, чтобы заставить ее вспыхнуть ярче и ужаснее.

Кроме этого легкого неудовольствия, жизнь, которую граф вел на Эспаньоле, была самого приятного свойства: он властвовал в звании губернатора, видя, что все преклоняются перед его волей, за исключением жены — быть может единственного лица, которое он желал бы подчинить себе. Он был окружен льстецами и самовластно распоряжался подчиненными; кроме того, губернаторское звание приносило ему определенный доход, быстро округляя его состояние, в котором сумасбродства, совершенные им в молодости, нанесли довольно серьезные опустошения. Былые бреши он старался восполнить как можно скорее, так чтобы не только их уничтожить, но и не дать возможности подозревать, что они существовали когда-нибудь.

Между тем любовь графа не остывала, а напротив, все усиливалась. Одной страстью он старался искоренить другую. Забота об увеличении состояния заставляла его терпеливо принимать равнодушие графини; он уже начал думать, что испытывает к ней только искреннюю дружбу, тем более что донна Клара со своей стороны была очаровательна во всем, что не касалось страсти мужа к ней. Она интересовалась или, по крайней мере, делала вид, будто интересуется торговыми махинациями, в которые пускался граф — по примеру своих предшественников — под чужим именем, и даже иногда с той верностью суждения, которой обладают женщины, сердце которых свободно, давала ему превосходные советы относительно дел очень скользких, чем граф пользовался, приписывая всю славу себе.

Так обстояло дело, когда произошел эпизод с флибустьерами, рассказанный мажордомом дону Санчо Пеньяфлору. Безумная борьба пяти человек против целого города, борьба, из которой они вышли победителями, возбудила в графе ярость — тем более сильную, что флибустьеры, оставляя город, увели с собой графиню в качестве заложницы. Граф понял, что он обманывался на свой счет, считая, будто его любовь и ревность угасли. За те два часа, что графиня отсутствовала, граф вынес нестерпимую пытку; его мучения уси-

ливало то, что ярость, которую он испытывал, была бессильна, а мщение — невозможно, по крайней мере в тот момент. С этой минуты граф поклялся в неумолимой ненависти к флибустьерам и дал себе слово вести с ними войну не на жизнь, а на смерть.

Благополучное возвращение графини, с которой авантюристы обращались с величайшим уважением все время, пока она находилась в их власти, успокоило бешенство графа с супружеской точки зрения, но оскорбление, нанесенное ему как губернатору, было слишком серьезно для того, чтобы он отказался от мести. С этой минуты всем командирам полусотен были отправлены самые строгие приказания удвоить бдительность и преследовать авантюристов всюду, где их встретят. Были организованы новые полусотни из смелых и решительных людей. Авантюристы, которых удалось захватить, были безжалостно повешены. Тишина восстановилась, спокойствие и доверие колонистов, на время поколебленные, вернулись, и все пошло обычным порядком.

Графиня выразила желание поправить свое здоровье, проведя несколько недель в дель-Ринконе, и граф, которому доктор сообщил об этом ее желании, нашел его весьма естественным. Он спокойно смотрел на отъезд своей жены, убежденный, что в том месте, куда она отправляется, ей не будет угрожать никакая опасность и что эта снисходительность с его стороны будет оценена графиней. Итак, она уехала, взяв с собой только несколько слуг и доверенных невольников, радуясь, что избавится на некоторое время от тягостной жизни, которую она вела в Санто-Доминго, и замышляя смелый план, исполнение которого мы видели.

Через час после отъезда дона Санчо Пеньяфлора в дель-Ринкон граф заканчивал свой завтрак и уже собирался направиться в будуар отдохнуть, когда ему доложили, что какой-то человек, не желавший назвать свое имя, но уверявший, будто губернатор его знает, непременно хочет видеть его, говоря, что желает сообщить графу чрезвычайно важные сведения.

Минута для того, чтобы просить об аудиенции, была выбрана неудачно: графу хотелось спать. Он ответил, что как бы ни были важны эти сведения, он не считает их настолько важными, чтобы пожертвовать своим сном; он будет свободен только в четыре часа, и если незнакомец придет в это время, то он его примет. После этих слов граф встал и, направляясь к своему будуару, пробормотал:

— Прости, Господи! Если верить всем этим мошенникам, не будешь иметь ни минуты покоя.

Он преспокойно растянулся на кровати, закрыл глаза и заснул. Сон графа продолжался три часа. Эти часы стали впоследствии причиной очень важных и запутанных обстоятельств.

Проснувшись, дон Стенио забыл о незнакомце; его часто отвлекали по пустякам люди, уверяющие, будто должны сообщить ему важные сведения, так что он не придавал никакого значения словам незнакомца, и они совсем вылетели у него из головы.

В ту минуту, когда он входил в залу, где обычно давал аудиенции и где теперь было совершенно пусто, слуга, прежде докладывавший о незнакомце, явился снова.

— Что тебе нужно? — спросил его губернатор.

— Ваше сиятельство, — ответил слуга, почтительно поклонившись, — этот человек опять пришел.

— Какой человек? — спросил граф.

— Тот же, который приходил утром.

— А-а! Ну и чего же он хочет? — продолжал граф.

— Он хочет, чтобы вы приняли его. Он говорит, что должен сообщить вам очень важные вещи.

— Ага! Очень хорошо! Помню. Это тот самый, о котором ты докладывал мне утром?

— Тот самый, ваше сиятельство.

— Как его зовут?

— Он желает сказать свое имя только вашему сиятельству.

— Гм! Не нравятся мне эти предосторожности. Они не предвещают ничего хорошего. Послушай, Хосе, когда он придет, скажи ему, что я не принимаю людей, которые хотят сохранить инкогнито.

— Он уже пришел.

— Так скажи ему это прямо сейчас.

Граф повернулся к слуге спиной. Тот вышел, но через пять минут возвратился назад.

— Ну? Ты велел ему уйти? — поинтересовался граф.

— Нет, он поручил передать эту карточку вашему сиятельству. Он уверяет, что этой карточки будет достаточно для того, чтобы ваше сиятельство приняли его.

— О-о! — сказал граф. — Это очень любопытно; посмотрим...

Он взял карточку из рук слуги, бросил на нее рассеянный взгляд, потом вдруг вздрогнул, нахмурил брови и, обернувшись к слуге, приказал:

— Проводи этого человека в желтую гостиную; пусть он подождет меня там, я сейчас приду туда. Черт побери! Черт побери! — бормотал он, оставшись один. — Давно уже этот негодяй не давал о себе знать; я думал, что его повесили или он утонул. Неужели этот ловкий плут действительно собирается сообщить мне важные известия? Посмотрим...

Выйдя из комнаты, в которой он находился, граф торопливо направился в желтую гостиную, где находился человек, приславший ему карточку. Увидев губернатора, он поспешно встал и почтительно поклонился. Граф обернулся к слуге, стоявшему у дверей.

— Меня ни для кого нет дома, — сказал он. — Ступай.

Слуга вышел и тщательно затворил за собой двери.

— Теперь мы остались вдвоем, — произнес граф, опускаясь в кресло и указывая незнакомцу на стул.

— Я жду приказаний вашего сиятельства, — почтительно ответил тот.

— Моих приказаний? Я, кажется, не собирался делать ничего подобного.

— Извините, если я позволю себе напомнить вам о некоторых обстоятельствах, о которых вы, кажется, забыли.

— Напомните, мой милый, я искренне этого желаю; только я замечу вам, что мое время драгоценно и другие, кроме вас, ждут моего присутствия.

— Я не стану долго распространяться, ваше сиятельство.

— Этого-то я и хочу. Начинайте.

— Разве ваше сиятельство не помнит, что через несколько дней после происшествия с пиратами вы сказали в минуту гнева и нетерпения, что дадите десять тысяч пиастров за то, чтобы получить любые ценные сведения об авантюристах, об их силах, их планах?

— Действительно, я помню, что говорил это. Дальше?

— Ваше сиятельство дали обещание при мне. Уже несколько раз вы давали мне разные поручения. Когда вы сказали это, то смотрели на меня; я предположил, что вы обращаетесь ко мне, и стал действовать.

— То есть?

— То есть из преданности к вашему сиятельству, несмотря на бесчисленные опасности, которым я неминуемо должен был подвергнуться, я решился раздобыть сведения, в которых вы так нуждались, и...

— И вы узнали что-нибудь? — с живостью спросил граф, который до сих пор мало обращал внимания на слова незнакомца.

— Я узнал многое, ваше сиятельство.

— Неужели! Что же, например?.. Только пожалуйста, — заметил граф, — не повторяйте мне слухов о разных пустяках, мне прожужжали ими все уши.

— Сведения, которые я буду иметь честь сообщить вашему сиятельству, почерпнуты из хорошего источника, — я сам отправился за ними в притон этих пиратов.

Граф с невольным восхищением взглянул на этого человека, который не побоялся подвергнуться такой серьезной опасности.

— Я весь превратился в слух, — сказал он. — Говорите, сеньор.

— Ваше сиятельство, — продолжал шпион, — теперь мы можем так называть незнакомца. — Я приехал с острова Сент-Кристофер.

— Но ведь именно на этом острове и приютились пираты!

— Совершенно верно, ваше сиятельство. Мало того, я еще возвратился на их корабле.

— О-о! — сказал губернатор. — Расскажите-ка мне об этом, милый дон Антонио, — кажется, так вас зовут?

— Это еще не все, ваше сиятельство, — ответил шпион с улыбкой.

— Разве есть еще что-нибудь? — спросил граф. — Я думал, что вы сообщили мне все.

— Я направил официальное донесение губернатору Эспаньолы, донесение подробное, в котором я не забыл ничего, что могло бы помочь ему защитить остров, вверенный его попечениям.

— Ну?

— Теперь мне остается сообщить графу Безару, если только он пожелает, некоторые сведения, очень интересные для него лично.

Граф устремил на шпиона проницательный взгляд, как будто хотел прочесть в глубине его души.

— Графу Безару? — сказал он с рассчитанной холодностью. — Какое интересное известие можете вы сообщить ему? Как частное лицо я, кажется, не имел никаких дел с пиратами.

— Может быть, ваше сиятельство... Впрочем, я буду говорить только по приказанию вашего сиятельства и, прежде

чем объяснюсь, прошу вас простить мне, если то, что я скажу, будет оскорбительно для вашей чести.

Граф побледнел, брови его нахмурились.

— Берегитесь, — сказал он с угрозой, — берегитесь переступить за границы дозволенного и, желая доказать слишком многое, не впадите в противоположную крайность; честью моего имени играть нельзя, и я никому не позволю запятнать ее.

— Я не имею никакого намерения оскорбить ваше сиятельство, я говорю так только из искреннего расположения к вам.

— Хорошо, я этому верю; однако, так как честь моего имени касается меня одного, я не признаю ни в ком права говорить о ней даже с добрыми намерениями.

— Прошу прощения у вашего сиятельства, но я, видимо, не так выразился; то, что я хочу вам сообщить, относится только к заговору, задуманному против графини, без ее ведома, конечно.

— Заговор против графини! — гневно вскричал дон Стецио. — Что вы хотите сказать, сеньор? Я требую, чтобы вы немедленно объяснились!

— Ваше сиятельство, если так, я буду говорить. Графиня, кажется, теперь в окрестностях городка Сан-Хуана?

— Это правда; но откуда это вам известно, если, по вашим словам, вы приехали в Санто-Доминго только несколько часов тому назад?

— Я это предполагаю потому, что слышал, как на корабле, на котором я вернулся на Эспаньолу, говорили о свидании, что должно состояться через несколько дней у главаря авантюристов в окрестностях Артибонита.

— О! — вскричал граф. — Ты лжешь, негодяй!

— С какой стати? — холодно заметил шпион.

— Откуда мне знать, — из ненависти или, может быть, из зависти.

— Я? — промолвил шпион, пожав плечами. — Полно, ваше сиятельство! Такие люди, как я, шпионы, если уж называть вещи своими именами, подвержены только одной страсти — жажде золота.

— Но то, что вы мне сказали, просто немыслимо! — с волнением возразил граф.

— Кто вам мешает удостовериться, что я говорю правду, ваше сиятельство?

— Это я и сделаю! — вскричал он, с бешенством топнув ногой.

Потом, приблизившись к шпиону, спокойно и неподвижно стоявшему посреди комнаты, и посмотрев ему прямо в глаза с выражением ярости, которое невозможно передать, граф сказал глухим и прерывающимся от гнева голосом:

— Послушай, негодяй, если ты солгал, ты умрешь!

— Согласен, ваше сиятельство! — холодно ответил шпион. — Ну, а если я сказал правду?

— Если ты сказал правду?.. — вскричал граф. — Нет, повторяю, это невозможно!

Увидев мимолетную улыбку на губах шпиона, граф прибавил:

— Хорошо, если ты сказал правду, сам назначь награду, и какова бы она ни была, клянусь честью дворянина, ты ее получишь.

— Благодарю, ваше сиятельство, — отвечал шпион, поклонившись. — Я принимаю ваше слово.

Некоторое время граф ходил большими шагами по комнате в сильном волнении, по-видимому совершенно забыв о присутствии шпиона, бормоча прерывистые слова, с гневом размахивая руками и, по всей вероятности, замышляя зловещий план мщения; наконец он остановился и, обратившись к шпиону, сказал:

— Ступай, но не уходи из дворца... Или нет, лучше подожди.

Схватив со стола колокольчик, он громко позвонил. Вошел слуга.

— Позвать сюда субалтерн-офицера¹ и четырех солдат, — приказал граф.

Шпион пожал плечами.

— К чему все эти предосторожности, ваше сиятельство? — с упреком заметил он. — Разве моя выгода не требует, чтобы я оставался здесь?

Некоторое время граф внимательно смотрел на него, потом движением руки отослал слугу.

— Хорошо, — сказал он, — я полагаюсь на вас, дон Антонио де Ла Ронда. Ждите моих приказаний; скоро вы мне понадобится.

— Я никуда не уйду, ваше сиятельство.

Почтительно поклонившись, он наконец вышел. Оставшись один, граф на несколько минут дал выход так долго

¹ Субалтерн-офицер — офицер младшего офицерского состава.

сдерживаемому бешенству, но мало-помалу к нему вернулось хладнокровие и он начал размышлять.

— О, я буду мстить! — вскричал он.

С лихорадочной поспешностью он отдал приказ отправить многочисленные отряды в разные места, так чтобы полностью окружить дель-Ринкон, куда было отправлено две полусотни под командой решительных и опытных офицеров. Приняв эти меры, через час после заката солнца, когда отряды были уже отправлены, граф, закутавшись в толстый плащ, вскочил верхом и в сопровождении дона Антонио и доверенных офицеров инкогнито проехал город, не будучи узнан, и тогда, обернувшись к сопровождавшим его лицам, сказал глухим голосом:

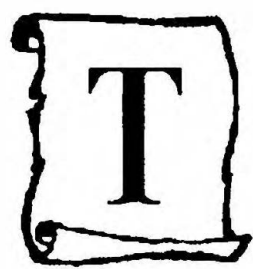
— Теперь скачите во весь опор; не бойтесь загнать лошадей, в дороге приготовлена смена.

Он вонзил шпоры в бока лошади, которая заржала от боли, и все помчались вперед с головокружительной быстротой.

— А-а! — восклицал граф, подстегивая свою лошадь, напугавшую все силы. — Поспею ли я вовремя?

Глава XXIV

Марго

Теперь возвратимся к флоту флибустьеров, который мы оставили направляющимся в Кейе, к месту общего сбора, удачно выбранному по причине его близости к Санто-Доминго и благодаря тому обстоятельству, что он находился напротив Черепашьего острова.

Каждый раз, когда авантюристы предпринимали экспедицию, они, по своему обыкновению, брали с собой только военные снаряды и съестные припасы на два дня, потому что по дороге они совершали высадки на встречавшиеся им на пути острова и грабили испанских колонистов, поселившихся там.

Так было и теперь: флибустьеры оставляли за собой длинную полосу огня и крови, безжалостно убивая беззащитных испанцев, которых один вид флибустьеров приводил в ужас, захватывали скот и грабили дома, после чего их сжигали. Первым кораблем, добравшимся до Кейе, был люгер, на котором находились Монбар и Мигель Баск. На другой день, через несколько часов одна после другой, пришли две бри-

гантины. Они бросили якорь напротив судна командующего эскадрой за два кабельтова от берега. В это время в Кейе жили краснокожие карибы, беженцы с Эспаньолы, откуда их прогнали жестокости испанцев. Они укрылись на этом острове и жили довольно хорошо по милости плодородной почвы и союза, который они заключили с флибустьерами. Как только три корабля бросили якоря, их окружило множество пирог, на которых карибы привезли им разнообразные съестные припасы. Капитан бригантины отпустил на берег большую часть своего экипажа, и другие капитаны последовали его примеру; на судах осталось только необходимое число людей. По знаку адмирала вся команда стала на берегу полукругом вокруг него, капитаны в первом ряду. Позади стояли карибы, в душе встревоженные этой грозной высадкой, причины которой они не понимали, с беспокойством ожидая, что будет происходить.

Монбар, держа в одной руке белый флаг, широкие складки которого развевались над его головой, а в другой — длинную шпагу, обвел взором всех окружавших его.

В одежде весьма легкой, но хорошо вооруженные, с загорелыми лицами, сильные, мужественные, решительные, авантюристы, окружившие этого человека, гордо стоявшего перед ними, откинув голову назад, с блестящими глазами, с надменным взором, — авантюристы представляли, еще раз говорим мы, поразительный вид; их свирепая жестокость не была лишена некоторого величия, которое усиливалось благодаря первобытному пейзажу, составлявшему фон картины, и дополнялось пестрой толпой индейцев, чьи встревоженные лица и характерные позы придавали эффект этой сцене. Некоторое время слышался шум морских волн, разбивавшихся о берег, да мрачный ропот толпы; потом мало-помалу шум затих, и на берегу воцарилась глубокая тишина.

Тогда Монбар сделал шаг вперед и голосом твердым и звучным, мужественный тон которого очень скоро пленил всех этих людей, жадно прислушивавшихся к его словам, объяснил цель экспедиции, до сих пор им неизвестную.

— Братья, — сказал он, — матросы, друзья! Настала минута открыть, чего я жду от вашего мужества и вашей преданности общему делу. Вы не наемники, которые за умеренную плату дают себя убивать, как скот, не зная даже, за что они дерутся. Нет, все вы люди с мужественным сердцем, натуры избранные. Вы хотите знать цель, к которой идете, и какую выгоду вы получите от ваших усилий. Многие из

наших знаменитых товарищей вместе со мной решились напасть на самые богатые владения подлых испанцев, которые думали обесславить нас, заклеив именов разбойников, и которые при виде наших маленьких пирог разбегаются, словно стая испуганных чаек. Но для того, чтобы мщение наше было полным, для того, чтобы мы успешно завладели богатствами наших врагов, нам надо иметь укрепленный пункт, достаточно близкий от центра наших действий, чтобы мы могли нападать на них неожиданно, и достаточно сильный, чтобы все кастильское могущество разбилось о него в бесполезных усилиях. Остров Сент-Кристофер слишком отдален; кроме того, высадка адмирала дона Фернандо Толедо продемонстрировала нам, что как мы ни храбры, нам никогда не удастся укрепиться там настолько, чтобы не обращать внимания на ярость наших врагов. Следовательно, надо было найти место более благоприятное для наших планов, пункт, который легко сделать неприступным. Наши друзья и я принялись за дело. Искали мы долго и настойчиво. Господь в конце концов благословил наши усилия: мы нашли место, лучше которого отыскать невозможно.

Тут Монбар на несколько мгновений замолчал. Словно электрический разряд пробежал по рядам авантюристов, глаза их метали молнии, они сжимали ружья в своих сильных руках, будто с нетерпением ожидая начала обещанной им борьбы. Радостная улыбка прояснила на минуту бледное лицо командующего эскадрой. Потом знаком руки он потребовал внимания.

— Братья, перед нами остров Санто-Доминго, — он протянул руку к морю. — Санто-Доминго! Прекраснейший и богатейший из всех островов, которыми обладает Испания. На этом острове многие из наших братьев, избежавшие резни на острове Сент-Кристофер, поселились и отчаянно сражаются с испанцами, чтобы удержаться на завоеванной ими земле. К несчастью, несмотря на их мужество, их слишком мало для того, чтобы сопротивляться неприятельским войскам; скоро они будут вынуждены оставить остров, если мы не подоспеем на помощь. Они позвали нас, мы ответили на зов наших братьев, помочь которым в час опасности предписывала нам честь. Делая доброе дело, мы исполняем план, давно задуманный нами, и находим наконец то неприступное место, которое искали так долго! Вы ведь знаете Черепаший остров, братья. Отделенный только узким каналом от Санто-Доминго, он возвышается, как передовой часовой среди моря. Вот

орлиное гнездо, укрепившись на котором, мы можем пре-
небречь бешенством испанцев. На остров Черепахи, братья!

— На остров Черепахи! — вскричали авантюристы, с во-
сторгом размахивая оружием.

— Хорошо! — продолжал Монбар. — Я знал, что вы пой-
мете меня и что я могу на вас положиться. Но прежде чем мы
захватим Тортугу, защищаемую только небольшим гарни-
зоном из двадцати солдат, которые убегут при первой же
атаке, нам необходимо, чтобы помочь нашим братьям с Сан-
то-Доминго и сохранить землю, которой они завладели, за-
хватить для себя важные гавани. Они станут для нас
выгодными местами для сбыта товаров и дадут возможность
с легкостью наносить вред испанцам, а если возможно, и
совсем прогнать их с острова, часть которого они уже поте-
ряли. Завтра мы отправимся в гавань Марго, там договорим-
ся с буканьерами и соединим наши усилия таким образом,
чтобы извлечь из предстоящей экспедиции и честь, и при-
быль. Теперь, братья, пусть каждый экипаж возвращается
на свой корабль; завтра на восходе солнца мы бросим якорь
у гавани Марго, а через несколько дней я обещаю вам вели-
кие битвы и богатую добычу, которую мы разделим между
всеми. Да здравствует Франция и смерть Испании!

— Да здравствует Франция! Смерть Испании! Да здрав-
ствует Монбар! — вскричали авантюристы.

— Отправимся, братья, — заключил Монбар. — В особен-
ности же не забудьте, что бедные индейцы, жители этого
острова, — наши друзья и с ними следует обращаться как с
такowymi.

Авантюристы последовали за своими офицерами и пере-
правились на свои суда в полном порядке. На восходе солнца
эскадра снялась с якоря. Разумеется, вся провизия была
куплена авантюристами у индейцев за наличные деньги, и
никто не мог пожаловаться на их пребывание в Кейе. Через
несколько часов эскадра вошла в канал, отделяющий Санто-
Доминго от Тортуги, и бросила якоря в гавани Марго. Ис-
панский остров виднелся со своими громадными горами,
высокими утесами, вершины которых как будто прятались в
небе, между тем как с другой стороны Черепаха со своими
густыми зелеными лесами казалась гигантской корзиной
цветов, вышедшей из морских глубин.

Как только суда бросили якорь, к люгеру подплыла пиро-
га, в которой сидели четыре человека. Это были Польтэ,
которого мы уже видели, работник Олоне и Прыгун, кариб-
ский вождь. Индеец сменил европейский костюм на одежду

своего народа. Монбар пошел навстречу посетителям, поклонился им и провел их в каюту.

— Милости просим, — сказал он. — Через минуту здесь будут остальные командиры экспедиции, тогда мы поговорим, а пока не угодно ли выпить.

Он приказал слуге принести напитки. Польшэ и Прыгун сели, не заставляя себя просить, Олоне скромно остался стоять на ногах; как обязанный работник, он не смел позволить себе стать на равную ногу с авантюристами. В это время в каюту вошел Мигель Баск.

— Адмирал, — сказал он Монбару, — капитаны Дрейк и Давид прибыли; они ждут на палубе.

— Пусть идут сюда, я должен поговорить с ними.

Мигель Баск вышел и через несколько минут вернулся с обоими капитанами. После первых приветствий оба офицера налили себе по стакану рома, выпили и сели в ожидании известий, которые, без сомнения, их командир собирался им сообщить. Монбар знал цену времени и не подвергал их терпение продолжительному испытанию.

— Братья, — сказал он, — представляю вам Польшэ, о котором все вы, несомненно, уже наслышаны.

Авантюристы поклонились, улыбаясь, и протянули руки буканьеру. Тот дружелюбно ответил на их пожатие.

— Польшэ, — продолжал Монбар, — отправлен к нам в качестве представителя нашими братьями буканьерами из гаваней Марго и Пор-де-Пе. Я предпочитаю предоставить ему самому объяснить, чего он ждет от нас; таким образом мы сумеем легче договориться. Говорите же, брат, мы вас слушаем.

Польшэ налил себе сначала полный стакан рома, который опорожнил разом, без сомнения для того, чтобы прояснить свои мысли, потом, после двух—трех громких «гм», решился наконец заговорить.

— Братья, — сказал он. — Как бы нас ни называли — флибустьеры, буканьеры, — происхождение у нас одно — не правда ли? — и все мы искатели приключений. Мы обязаны помогать и покровительствовать друг другу, как честные матросы. Но для того, чтобы это сотрудничество было продолжительным, чтобы ничто не могло ослабить в будущем союз, в который мы вступаем ныне, и мы и вы должны находить истинную выгоду в этом союзе, не правда ли?

— Совершенная правда, — подтвердил Мигель.

— Вот в двух словах, что происходит, — продолжал Польшэ. — Мы, буканьеры, живем здесь точно птицы на ветвях; нас постоянно преследуют испанцы, гоняясь за нами, как за хищным зверьем; повсюду, где нас застанут, мы ведем неравную борьбу, в которой изнемогаем, не зная сегодня, будем ли живы завтра, и теряя мало-помалу все, что приобрели. Так дальше продолжаться не может — грядет катастрофа, и с вашей помощью мы надеемся не только отвлечь ее, но и никогда не допустить. Захватив слабо защищенный Черепаший остров, вы обеспечите нас надежным убежищем на случай опасности, приютом, всегда открытым в минуту кризиса. Но это еще не все: надо укрепить границы наших владений, для того чтобы спокойствие царило в колонии, чтобы торговые корабли не боялись входить в наши гавани и чтобы мы нашли сбыт для кож, копченого мяса и сажи. Границы эти укрепить легко, надо захватить два пункта: один внутри, который испанцы называют Большой Сан-Хуанской равниной, а мы называли *Большим дном*. Сан-Хуан плохо укреплен, и в нем живут только мулаты, люди смешанной крови, с которыми мы легко справимся.

— Это Большое дно, как вы его называете, пересекает Артибонит? — спросил Монбар, переглянувшись с Олоне, который стоял возле него.

— Да, — продолжал Польшэ, — а в середине находится дом, называемый дель-Ринкон, принадлежащий, кажется, испанскому губернатору.

— Славно было бы захватить этого человека! — сказал Мигель.

— Да, но вряд ли нам это удастся; он должен быть на Санто-Доминго, — заметил Польшэ.

— Может быть... Продолжайте.

— Другой пункт называется Леоган, или, как называют его испанцы, Игуана, то есть ящерица, по форме перешейка, на котором он построен. Владение этой гаванью сделало бы нас властелинами всей западной части острова и позволило бы нам прочно там утвердиться.

— Защищен ли Леоган? — спросил Давид.

— Нет, — ответил Польшэ, — испанцы предоставили его разрушению, что, впрочем, они делают со всеми пунктами, занимаемыми ими, потому что после истребления туземцев рук для работы на острове нет; мало-помалу они бросают прежние поселения и уходят на восток.

— Очень хорошо, — сказал Монбар. — Это все, что вам нужно?

— Да, все, — ответил Польшэ.

— Теперь скажите, что же вы предлагаете, брат?

— Вот что: мы, буканьеры, будем охотиться для вас за дикими быками и кабанами и снабжать провизией ваши корабли по заранее условленной цене, которая не должна превышать половины той цены, которую мы будем спрашивать с иностранных судов, что поведут с нами торги. Мы будем вас защищать, когда на вас нападут, и для больших экспедиций, когда вам понадобятся люди, вы будете иметь право требовать одного из пяти человек. Местные жители, обрабатывающие землю, будут доставлять вам овощи, табак, лес для починки ваших судов, на условиях, одинаковых с условиями относительно провизии. Вот что мне поручено предложить вам, братья, от имени колонистов и французских буканьеров острова Санто-Доминго. Если эти условия вам нравятся, а я нахожу их справедливыми, примите их; вы не раскаетесь, что заключили с нами договор.

Эти предложения были уже известны флибустьерам; они уже обсуждали их выгоды, доказательством чему служило их присутствие в гавани Марго.

— Мы принимаем ваши предложения, братья, — отвечал Монбар. — Вот моя рука от имени всех флибустьеров, которых я представляю.

— А вот моя, — ответил Польшэ, — от имени колонистов и буканьеров.

Другого договора, кроме этого честного пожатия рук, между авантюристами не было; таким образом был заключен союз, который до последнего вздоха буканьерства оставался так же чистосердечен, как союз авантюристов.

— Теперь, — продолжал Монбар, — начнем по порядку. Сколько у вас братьев, готовых к сражению?

— Семьдесят, — ответил Польшэ.

— Очень хорошо; мы прибавим сто тридцать человек флотской команды, что составит двести хороших ружей. А вы, вождь, что можете сделать для нас?

Прыгун до сих пор молчал, слушая разговор с индейским величием и важностью, терпеливо ожидая, когда настанет его очередь говорить.

— Прыгун прибавит двести карибских воинов к длинным ружьям бледнолицых, — отвечал он. — Сыновья его предупреждены, они ждут приказа вождя; Олоне их видел.

— Хорошо, эти четыреста человек будут под моим командованием; так как эта экспедиция самая трудная и самая опасная, я беру ее на себя. Со мной пойдет Мигель Баск; у меня на корабле есть проводник, который проведет нас до Сан-Хуанской равнины. Вы, Уильям Дрейк и Давид, нападете с вашими судами на Леоган; Тихий Ветерок, всего лишь с пятнадцатью матросами, захватит Тортугу. Наши передвижения, братья, должны начаться так, чтобы наши атаки в трех означенных пунктах были произведены одновременно и чтобы испанцы, застигнутые врасплох в этих пунктах, не могли помогать друг другу. Завтра вы опять выйдете в море, господа, и возьмете с собой сто двадцать пять человек, чего, я полагаю, вполне достаточно для того, чтобы захватить Леоган врасплох. А ты, Тихий Ветерок, с остальными пятнадцатью матросами останешься здесь на люгере и будешь наблюдать за Тортугой. Сегодня пятое число, братья, пятнадцатого будет атака; десяти дней достаточно, чтобы были приняты все меры. Теперь, господа, возвращайтесь на свои корабли и пришлите на берег под начальством офицеров всех людей, которые будут в моем распоряжении.

Оба капитана поклонились адмиралу и вышли из каюты.

— А вы, брат, — обратился Монбар к Польшэ, — отправляйтесь с Олоне на Сан-Хуанскую равнину, будто на охоту, только внимательно наблюдайте за городком Сан-Хуан и за домом дель-Ринкон. Нам надо, если возможно, захватить обитателей этого дома; они богаты, влиятельны, взятие их в плен может иметь для нас важное значение. Вы условитесь с Прыгуном насчет помощников, которых он должен привести. Быть может, неплохо было бы вождю постараться привлечь внимание испанцев к своим следам и вынудить их оставить свои позиции, тогда мы могли бы разбить их порознь; поняли ли вы меня, брат?

— Еще бы! — ответил Польшэ. — Разве я дурак? Будьте спокойны, я буду действовать сообразно с вашим планом.

Монбар обернулся к Олоне и сделал ему знак. Работник подошел.

— Поезжай на берег с карибом и Польшэ, — сказал ему адмирал, наклонясь к его уху. — Смотри на все, прислушивайся ко всему; через час Тихий Ветерок передаст тебе письмо, которое ты должен отдать в собственные руки донне Кларе Безар; она живет в доме дель-Ринкон.

— Это легко, — ответил Олоне. — Я отдам ей письмо, если нужно, прямо при ее слугах, в самом ее доме.

— Сохрани тебя Бог! Сделай так, чтобы она сама пришла к тебе за письмом.

— Черт побери! Это немного труднее, однако я постараюсь успеть.

— Ты должен успеть.

— А! Ну коли так, честное слово, вы можете на меня положиться!

Польтэ встал.

— Прощайте, брат, — сказал он. — Когда завтра вы сойдете на берег, я буду уже на пути к Сан-Хуанской равнине; стало быть, мы встретимся только там. Но не беспокойтесь, все будет в порядке к вашему приезду. Да, кстати. Взять ли мне с собой вспомогательный корпус буканьеров?

— Конечно, они будут вам очень полезны для того, чтобы наблюдать за неприятелем; только спрячьте их хорошенько.

— Не тревожьтесь об этом, — сказал он.

В эту минуту в каюту вдруг вбежал Мигель Баск. Лицо его было перекошено от гнева.

— Что случилось? Опомнись! — холодно сказал Монбар.

— С нами случилось большое несчастье! — вскричал Мигель, который с бешенством рвал на себе волосы.

— Какое же? Говори!

— Этот негодяй Антонио де Ла Ронда...

— Ну?! — перебил Монбар, задрожав.

— Сбежал.

— Черт побери!

— Десять человек бросились за ним в погоню.

— Конечно, они его не догонят! Как же быть?

— Что случилось? — спросил Польтэ.

— Наш проводник сбежал.

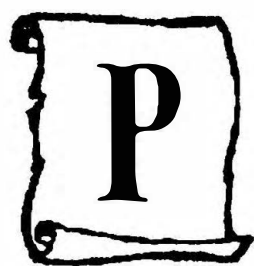
— Только-то? Я берусь доставить вам другого.

— Да, но этот шпион, быть может, самый хитрый из всех испанских шпионов; он знает наши тайны и может повредить успеху нашей экспедиции.

— Ба-а! Сохрани нас Бог! — беззаботно прибавил буканьер. — Не думайте об этом, брат; сделанного не воротишь! Пойдемте вперед.

Он вышел, по-видимому вовсе не расстроенный случившимся.

Фрей Арсенио

Расскажем, кто были эти буханьеры, о которых мы уже говорили, и откуда происходит их название. Краснокожие карибы на Антильских островах имели обыкновение, захватив пленников в ожесточенных битвах, которые они вели друг с другом и с белыми, разрубать пленников на куски и раскладывать их на плетенках из прутьев, под которыми разводили огонь. Плетенки эти назывались *барбако*, место, куда их клали — *буканом*, а коптить мясо значило — *буканировать*. Отсюда-то французские буханьеры и заимствовали свое название, с той разницей, что таким образом, как карибы с людьми, они поступали с животными.

Первыми буханьерами были испанцы, поселившиеся на Антильских островах и имевшие постоянные сношения с индейцами, когда занимались охотой; они привыкли называть сами себя этим индейским названием, которое, впрочем, трудно было бы заменить другим. Буханьеры не занимались иным ремеслом помимо охоты. Они делились на две группы: первые охотились только за быками, чтобы сдирать с них кожу, вторые — за кабанами, чтобы пользоваться мясом, которое они солили и продавали колонистам-плантаторам и обывателям. Эти две группы буханьеров носили почти одинаковый костюм и вели почти один и тот же образ жизни. Настоящие буханьеры были те, которые охотились за быками, а других они называли не иначе, как охотниками. Буханьеры водили с собой свору из двадцати пяти ищеек, стоившую, по договоренности между ними, тридцать ливров. Как мы уже говорили, оружие их составляли длинные ружья, изготовленные в Дьеппе или Нанте. Охотились они всегда по крайней мере по двое, иногда их собиралось и больше, и тогда все пользовались чужим имуществом, как своим собственным. По мере продолжения нашего рассказа мы подробнее коснемся истории этих странных людей, их образа жизни и странных обычаев.

Когда дон Санчо и мажордом уехали, Польшэ и Олоне долго и насмешливо глядели им вслед, потом опять как ни в чем не бывало принялись устраивать свой бухан. Как только бухан был устроен, огонь разведен, мясо положено на плетенку, Олоне и Польшэ принялись за дело. Они расстелили на земле шкуру быка и прибили ее к земле кольями, потом

сильно натерли ее золой, смешанной с солью, для того, чтобы шкура высохла как можно скорее. После этого они занялись ужином. Приготовления были непродолжительны и не сложны: кусок говядины был положен в котелок, наполненный водой и солью, стоявший на огне. Говядина сварилась быстро; Олоне вынул ее из котелка с помощью длинной острой палочки и положил на пальмовый лист, служивший вместо блюда, потом деревянной ложкой собрал жир и бросил его в горлянку. На этот жир он выжал сок лимона, прибавил немного перца, смешал, и знаменитый *перечный соус*, так любимый буканьерами, был готов. Тогда, положив говядину на чистое место перед палаткой возле горлянки, он позвал Польшэ, и, сев друг против друга, они взяли ножи, деревянные палочки вместо вилок и с аппетитом принялись есть, старательно обмакивая каждый кусок говядины в перечный соус. Собаки окружили их, не смея просить, и жадно смотрели на разложенную провизию, следя сверкающими глазами за каждым куском, отправленным авантюристами в рот. Таким образом, молча, они ели уже несколько минут, когда две собаки вдруг подняли головы, с беспокойством обнюхали воздух и залаяли, а следом за ними и вся свора разразилась громким лаем.

— Ого! — сказал Польшэ, прихлебывая водку и передавая горлянку Олоне. — Что это значит?

— Это, верно, какой-нибудь путешественник, — беззаботно отвечал Олоне.

— В такое время? — с сомнением произнес буканьер, подняв глаза к небу и смотря на звезды. — Как, черт побери! Уже больше девяти часов.

— Не знаю, что это может быть, но, если я не ошибаюсь, мне слышится лошадиный галоп.

— Это правда, сын мой, ты не ошибаешься, это действительно лошадиный топот... Ну вы, молчите! — закричал он на собак, которые залаяли еще громче и готовы были броситься вперед. — Лежать, черт побери!

Собаки, давно привыкшие беспрекословно повиноваться повелительному тону этого голоса, немедленно уселись на свое место, перестали лаять, но продолжали глухо ворчать.

Между тем лошадиный галоп, который собаки слышали издалека, быстро приближался, скоро он стал совсем отчетлив, и наконец через несколько минут из леса выехал всадник, хотя из-за ночной темноты нельзя было узнать, кто он. Выехав на равнину, он остановил свою лошадь, несколько минут осматривался вокруг с нерешительным видом, потом

снова пришпорил лошадь и крупной рысью направился к букану. Доехав до двух буканьеров, спокойно продолжавших ужинать, он поклонился и заговорил с ними по-испански.

— Добрые люди, — сказал он, — кто бы вы ни были, я прошу вас именем нашего Спасителя Иисуса Христа дать на эту ночь гостеприимство заблудившемуся путешественнику.

— Вот костер, вот говядина, — коротко ответил буканьер на том же языке, на котором говорил незнакомец. — Отдохните и закусите.

— Благодарю вас, — отвечал приезжий.

Он сошел с лошади, при этом движении плащ его раскрылся, и буканьеры заметили, что на этом человеке монашеская ряса. Открытие удивило их, но они не обнаружили своего удивления. Незнакомец в свою очередь вздрогнул от испуга, — впрочем, тотчас взяв себя в руки, — когда узнал, что, торопясь отыскать приют на ночь, наткнулся на букан французских авантюристов.

Между тем буканьеры дали ему место подле себя, и пока он надевал путы на лошадь и снимал с нее узду, чтобы она могла есть высокую сухую траву, росшую на равнине, они приготовили ему достаточную часть говядины, чтобы утолить аппетит человека, уже двадцать четыре часа не имевшего в орту ни крошки. Несколько успокоенный дружеским обращением авантюристов и от невозможности поступить иначе, приезжий храбро покорился тому неприятному положению, в которое поставила его опрометчивая поспешность, и, сев между своими хозяевами, принялся есть, размышляя про себя, каким образом ему выбраться из опасности, в которой, по его мнению, он находился.

Между тем авантюристы, которые перед его приездом уже почти закончили свой ужин, дали поестъ собакам, чего те ждали с нетерпением, после чего разожгли трубки и начали курить, ничуть не интересуясь своим гостем. Наконец приезжий вытер рот и, чтобы доказать своим хозяевам, что он так же спокоен, как и они, взял сигару и закурил, стараясь держаться так же беззаботно, как и буканьеры.

— Благодарю вас за ваше великодушное гостеприимство, сеньоры, — сказал он через минуту, понимая, что более продолжительное молчание может быть истолковано не в его пользу. — Мне было необходимо собраться с силами — я с самого утра ничего не ел.

— Это большая неосторожность, сеньор, — отвечал Польша, — отправляться без сухарей, как выражаемся мы, матросы; степи похожи на море: знаешь, когда пустишься в плавание по ним, но никогда не знаешь, когда пристанешь к берегу.

— Ваши слова абсолютно справедливы, сеньор; без вас мне пришлось бы провести очень неприятную ночь.

— Ба-а! Не говорите об этом, сеньор, мы уверены, что в подобных обстоятельствах вы поступили бы точно так же. Гостеприимство — священный долг, от которого никто не имеет права отказываться, и ваш случай служит тому доказательством.

— Я не совсем вас понимаю...

— Вы испанец, если я не ошибаюсь, а мы, напротив, французы; мы забыли на время нашу ненависть к вашему народу и приняли вас, как имеет право быть принят всякий посланный Богом гость.

— Это правда, сеньор, и верьте, что я благодарен вам за это вдвойне.

— О Боже мой! — ответил букарьер. — Уверяю вас, что вы напрасно так настаиваете на этом. То, что мы делаем в эту минуту, мы делаем столько же для вас, сколько и для нашей чести; поэтому, сеньор, прошу вас не говорить об этом более, — право, не стоит труда.

— Может быть, вы не подозреваете, сеньор, — смеясь, заметил Олоне, — но мы с вами знакомы.

— Старые знакомые?! — вскричал незнакомец с удивлением. — Я вас не понимаю, сеньор!

— Однако я выразился довольно ясно.

— Если вы соизволите объясниться, может быть, и я пойму, что доставит мне большое удовольствие.

— Буду очень рад объяснить вам все, сеньор, — насмешливо сказал Олоне. — Во-первых, позвольте мне заметить, что как бы вы ни закутывались в ваш плащ, а все-таки видно ваше одеяние францисканца.

— Я и в самом деле монах этого ордена, — отвечал приезжий, смутившись, — но это не доказательство того, что вы меня знаете.

— Действительно, но я уверен, что одним словом оживлю ваши воспоминания.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, любезный сеньор, мы с вами никогда не виделись.

— Вы так уверены в этом?

— Вы знаете, что человек никогда не может быть полностью уверен ни в чем; однако мне кажется...

— Однако мы с вами встречались не очень давно. Правда, вы, может быть, не обратили на меня особого внимания.

— Клянусь честью, я не понимаю, о чем вы, — решительно произнес монах, минуты две внимательно рассматривавший Олоне.

— Мне очень жаль, что вы меня так и не вспомнили, — смеясь, сказал Олоне, — и я, как обещал вам, одним словом рассею все ваши сомнения... Мы виделись на острове Невис; теперь вспомнили?

При этих словах монах побледнел, смутился и некоторое время оставался стоять как вкопанный. Однако ему ни на секунду не пришло в голову опровергать справедливость этого уверения.

— Где у вас состоялся продолжительный разговор с Монбаром, — продолжал Олоне.

— Однако, — сказал монах с нерешительностью, не лишенной страха, — я не понимаю...

— Каким образом я знаю все это? — с усмешкой перебил Олоне. — Но это еще не все.

— Не все?..

— Неужели вы думаете, сеньор падре, что я трудился бы возбуждать ваше любопытство по поводу такой безделицы? Я знаю еще кое-что!

— Как! Вы знаете еще кое-что? — спросил монах, инстинктивно отодвигаясь от этого человека, которого готов был принять за колдуна, тем более что он был француз и его душа принадлежала дьяволу, если только у него была душа, в чем достойный монах очень сомневался.

— Неужели вы предполагаете, — продолжал Олоне, — что я не знаю причину вашего путешествия, — откуда вы едете, куда и даже к кому?

— О, это невозможно! — испуганно пролепетал монах.

Польтэ в душе искренне смеялся над испугом испанца.

— Берегитесь, отец мой, — таинственно шепнул он на ухо фрею Арсенио, — человек этот знает все. Между нами, я думаю, что в нем сидит демон.

— О! — вскричал монах, подскочив и перекрестившись, что еще больше рассмешило авантюристов.

— Полно, сядьте на место и выслушайте меня, — продолжал Олоне, схватив монаха за руку и заставляя его сесть. — Это всего лишь шутка и ничего более.

— Извините меня, благородные кабальерос, — пролепетал монах, — я очень тороплюсь, я должен сейчас же оставить вас.

— Ба! Куда вы поедете в такое время? Вы упадете в какую-нибудь канаву.

Эта не самая приятная перспектива заставила задуматься монаха, но страх взял верх.

— Все равно, я должен ехать, — сказал он.

— Да полно вам, в таких потемках вы никогда не найдете дорогу к дель-Ринкону.

На этот раз монах был сражен. Эти слова буквально связали его по рукам и ногам; он считал себя жертвой какого-то страшного кошмара и даже не старался продолжать бесполезную борьбу.

— Вот вы теперь становитесь рассудительны, — продолжал Олоне. — Отдохните, я больше не стану вас мучить, и чтобы доказать вам, что я не так страшен, как вы предполагаете, я берусь найти вам проводника.

— Проводника... — пробормотал фрей Арсенио. — Сохрани меня Бог воспользоваться услугами вашего проводника!

— Не волнуйтесь, сеньор падре, это будет не демон, хотя, может быть, он имеет какое-то нравственное и физическое сходство с злым духом. Проводник, о котором я говорю, просто кариб.

— А! — сказал монах, глубоко вздохнув, будто с него свалилась большая тяжесть. — Это действительно кариб?

— А кто же еще?

Фрей Арсенио набожно перекрестился.

— Извините меня, — сказал он, — я не хотел вас оскорбить.

— Полно, полно, имейте терпение; я сам схожу за обещанным вам проводником. Я действительно вижу, что вы хотите нас оставить.

Олоне встал, взял ружье, свистнул собак и удалился большими шагами.

— Вам не на что будет жаловаться, — заметил Польшэ. — Вы сможете продолжать ваш путь, не боясь на этот раз заблудиться.

— Неужели этот достойный кабальеро и в самом деле пошел за проводником? — спросил фрей Арсенио, не смеявшийся слишком полагаться на обещания Олоне.

— Я не вижу, куда бы он мог еще отправиться; ему незачем оставлять букан.

— Так вы действительно буканьер, сеньор?

— К вашим услугам, сеньор падре.

— А-а! И часто вы посещаете эти места?

— Мне кажется, черт возьми, что вы меня допрашиваете, сеньор падре, — заметил Польшэ, нахмутив брови и пристально глядя ему в лицо. — Что вам до того, здесь я бываю или в другом месте?

— Мне это решительно все равно.

— Это правда, но для других, может быть, не все равно, не правда ли? И вы не прочь бы узнать...

— О! Как вы можете предполагать?... — поспешил перебить фрей Арсенио.

— Я не предполагаю, а очень хорошо знаю то, о чем говорю. Но послушайте моего совета, сеньор монах, бросьте привычку выпытывать сведения, особенно у буканьеров; это мой вам совет! Эти люди по своему характеру не любят расспросов, и когда-нибудь вы попадете в беду.

— Благодарю вас, сеньор; я буду помнить об этом, хотя в данном случае у меня не было того намерения, которое вы предполагаете.

— Тем лучше, а все-таки примите этот совет к сведению.

Получив выговор, монах погрузился в боязливое молчание, и чтобы развеять свои мысли, вовсе не веселые, взял четки, висевшие у него за поясом, и начал шепотом бормотать молитвы. Около часа прошло таким образом, никто не произнес ни слова. Польшэ жевал табак, насвистывая сквозь зубы, монах молился или, по крайней мере, делал вид, что предается этому занятию.

Наконец послышался легкий шум, и вскоре на тропинке показался Олоне; за ним шел Прыгун.

— Проворнее, проворнее, сеньор монах, — весело проговорил подошедший флибустьер, — вот вам проводник. За его верность я могу поручиться. Он без всякого риска доведет вас на расстояние двух ружейных выстрелов от дома.

Монах не заставил повторять приглашения. Все казалось ему предпочтительнее опасности оставаться в обществе таких людей; кроме того, ему нечего было опасаться индейца. Он вскочил на лошадь, надев на нее узду, — животное отлично поужинало и успело отдохнуть.

— Сеньоры, — сказал он, сев в седло, — благодарю вас за ваше любезное гостеприимство; да будет с вами благословение Господне!

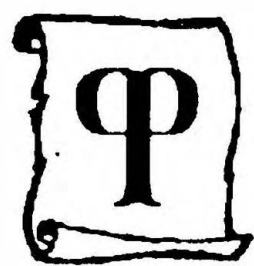
— Благодарю, — смеясь, ответил работник, — но позвольте мне дать вам перед отъездом последнее поручение: не

забудьте сказать от меня донне Кларе Безар, что я жду ее здесь завтра; вы слышите меня?

Монах вскрикнул от ужаса, ничего не ответил, вонзил шпоры в бока лошади и поскакал галопом в ту сторону, куда уже направился кариб тем быстрым и легким шагом, за которым лошадь с трудом может поспеть. Оба буканьера наблюдали за бегством монаха с громким смехом, потом, протянув ноги к огню и положив оружие под руку, они легли спать под охраной своих собак, бдительных часовых, которые не допустят нападения врасплох.

Глава XXVI

Последствия встречи

Фрей Арсенио следовал за своим молчаливым проводником, радуясь, — хотя он был, так сказать, передан в руки индейца, который инстинктивно должен был ненавидеть испанцев, этих свирепых притеснителей его почти истребленного рода, — что целым и невредимым выбрался из рук авантюристов, которых он опасался не только как разбойников, людей неверующих и порочных, но и как демонов или, по крайней мере, колдунов, находящихся в сношениях с дьяволом; вот каковы были ошибочные понятия, которые самые просвещенные испанцы имели о флибустьерах и буканьерах.

Лишь благодаря беззаветной преданности монаха донне Кларе и влиянию, которое эта очаровательная женщина оказывала на всех, кто с ней сталкивался, он согласился на исполнение безумного, с его точки зрения, плана — встретиться с одним из самых знаменитых главарей флибустьеров; с трепетом провожал он свою духовную дочь на остров Невис.

Теперь он направлялся к ней сообщить о прибытии эскадры флибустьеров в гавань Марго и, следовательно, о присутствии Монбара на Эспаньоле. К несчастью, монах, не привыкший к ночным путешествиям по непроходимым дорогам, заблудился в пути. Дрожа от страха, умирая с голоду, разбитый усталостью, монах, увидев неподалеку огонь, почувствовал если не мужество, то надежду, и, как можно поспешнее направившись к огню, наткнулся прямо на букан французских авантюристов, подобно мотыльку, привлеченному блеском гибельного пламени, на котором он сожжет свои крылья.

Будучи счастливее этих насекомых, достойный монах не обжегся. Напротив, он отдохнул, напился, наелся и, отделившись легким испугом, благополучно выпутался из опасности, — по крайней мере так он предполагал, — и даже достал проводника; стало быть, все шло к лучшему. Монах почти забыл об опасности, глядя, как его проводник беззаботно и спокойно идет впереди лошади, прокладывая себе дорогу в высокой траве и двигаясь в окружавшей их темноте так же уверенно, как будто над ними светили яркие солнечные лучи.

Таким образом они следовали довольно долгое время друг за другом, не произнося ни слова; как все испанцы, фрей Арсенио выказывал глубокое презрение к индейцам и общался с ними лишь в самых крайних случаях. Со своей стороны, кариб не имел никакого желания вступать с тем, кого он считал кровным врагом своего народа, в разговор, который был бы пустой болтовней.

Они уже достигли небольшого пригорка, с вершины которого виднелись огоньки солдатского бивака, раскинутого возле дома дель-Ринкон, как вдруг вместо того, чтобы спуститься с горы и продолжить путь вперед, Прыгун остановился, тревожно оглядываясь, и стал глубоко вдыхать в себя воздух, сделав испанцу рукой знак остановиться. Тот повиновался и встал неподвижно, как конная статуя, наблюдая с любопытством, смешанным с некоторым беспокойством, за движениями своего проводника. Кариб растянулся на земле и, приложившись к ней ухом, стал прислушиваться. Через несколько минут он приподнялся, не перестав, однако, беспокоиться.

— Что случилось? — шепотом спросил монах, которого эти проделки начали серьезно тревожить.

— Нам навстречу во весь опор скачут всадники.

— Всадники в такое позднее время ночи в степи? — недоверчиво спросил фрей Арсенио. — Это невозможно!

— Но ведь вы же едете? — заметил индеец с насмешливой улыбкой.

— Гм! Это правда, — прошептал монах, пораженный логикой этого ответа. — Кто бы это мог быть?

— Не знаю, но скоро увидим, — произнес кариб.

Прежде чем монах успел спросить кариба о его намерениях, Прыгун скользнул в высокой траве и исчез, оставив растерявшегося и испуганного фрея Арсенио совершенно одного. Прошло несколько минут, в продолжение которых монах старался услышать, впрочем напрасно, стук копыт,

который индеец со своим тонким слухом уже давно различил среди смутного шума равнины. Монах, считая себя совсем брошенным своим проводником, уже собирался продолжить путь в одиночку, отдавшись в руки Провидения, когда рядом с ним в траве послышался легкий шелест и появился индеец.

— Я их видел, — сказал он.

— Ага! — заметил монах. — И кто же эти люди?

— Такие же белые, как и вы.

— Стало быть, испанцы?

— Да, испанцы.

— Тем лучше, — продолжал фрей Арсенио, которого это приятное известие окончательно успокоило. — А много их?

— Пятеро или шестеро. Они, как и вы, направляются к дель-Ринкону, куда, как я понял, очень спешат.

— О, это прекрасно! Где же они теперь?

— На расстоянии двух полетов копья; судя по направлению, которого они держатся, они проедут мимо того места, где стоите вы.

— Тем лучше, нам остается только подождать их.

— Вы как хотите, а мне ни к чему встречаться с ними.

— Это правда, друг мой, — произнес монах с понимающим видом, — может быть, эта встреча будет неприятна для вас... Позвольте же поблагодарить вас за то, что вы меня проводили до этого места.

— Так вы решили ждать их? Я могу, если хотите, провести вас так, что вы с ними не встретитесь.

— Я не имею никакой причины прятаться от людей моего цвета кожи, кто бы они ни были; я уверен, что найду в них друзей.

— Хорошо, мне нечего вмешиваться в ваши дела... Но шум приближается, они скоро подъедут. Я оставляю вас, им незачем видеть меня здесь.

— Прощайте.

— Последняя просьба: если вдруг им вздумается спросить вас, кто служил вам проводником, не говорите.

— Вряд ли они спросят меня об этом.

— Все равно, обещайте мне, если это случится, сохранить тайну.

— Хорошо, я буду молчать, если вы этого требуете, хотя и не понимаю причины этой просьбы.

Не успел еще монах договорить, как индеец исчез. Всадники быстро приближались, лошадиный топот становился все громче. Вдруг из мрака выскочили несколько теней, едва заметных в темноте, и отрывистый голос спросил:

— Кто идет?

— Друг, — ответил монах.

— Скажите ваше имя, — продолжал тот же голос гневным тоном, и сухой звук взводимого курка неприятно отозвался в ушах монаха. — В этих местах по ночам друзей не бывает.

— Я бедный французский монах и еду в дель-Ринкон; меня зовут фрей Арсенио Мендоса.

В ответ на слова монаха раздался хриплый крик, но был ли это крик радости или гнева, монах не разобрал, — всадники налетели на него как молнии, прежде чем он успел понять причину такого быстрого движения.

— Эй, сеньоры! — вскричал он голосом, дрожащим от волнения. — Что это значит? Разве я имею дело с разбойниками?

— Тихо, тихо, успокойтесь, сеньор падре, — сказал грубый голос, показавшийся монаху знакомым. — Мы не разбойники, а такие же испанцы, как и вы, и ничто не могло доставить нам большего удовольствия, как встреча с вами в эту минуту.

— Я очень рад слышать это, кабальерос; признаюсь, что резкость вашего обращения сначала очень меня встревожила, но теперь я вполне успокоился.

— Тем лучше, — с иронией ответил незнакомец, — потому что мне нужно с вами поговорить.

— Поговорить со мной, сеньор? — удивленно переспросил монах. — Но мне кажется, что время и место не совсем подходят для разговора. Если вы соизволите подождать, пока мы доедем до дома, то там я буду полностью к вашим услугам.

— Перестаньте болтать и слезайте с лошади, — грубо сказал незнакомец. — Если вы, конечно, не хотите, чтобы я вас стащил.

Монах с испугом огляделся: всадники смотрели на него с мрачным видом и, по-видимому, вовсе не были расположены помогать ему. Фрей Арсенио как лицо духовное и по природе своей вовсе не был храбр; это приключение начало серьезно пугать его. Он не знал еще, в чьи руки попал, но все заставляло его предполагать, что эти люди, кто бы они ни были, относятся к нему недоброжелательно. Однако, всякое сопротивление было невозможно. Он решил повиноваться, но не без вздоха сожаления о том, что пренебрег советом кариба. В конце концов он слез с лошади и стал перед своим строгим допросчиком.

— Зажгите факел, — сказал незнакомый всадник. — Я хочу, чтобы этот человек меня узнал; узнав, кто я, он поймет, что ему не удастся отвертеться от моих вопросов и что только одна откровенность может спасти его от грозящей ему участи.

Монах понимал все меньше и меньше. Он уже начал думать, что все это кошмарный сон. Между тем по приказанию всадника один из людей в его свите зажег факел из дерева *окота*. Как только пламя осветило лицо незнакомца, монах вздрогнул от удивления и черты его тотчас прояснились.

— Слава Богу! — вскричал он, сложив руки, тоном неопишуемой радости. — Возможно ли, чтоб это были вы, сеньор дон Стенио Безар? Я вовсе не думал, что в эту ночь буду иметь счастье встретиться с вами, сеньор граф. Я не узнал вас и почти испугался.

Граф не ответил и только улыбнулся. Дон Стенио Безар мчался из Санто-Доминго во весь опор, чтобы удостовериться в сведениях, доставленных ему доном Антонио де Ла Ронда, и вдруг нечаянно, в ту минуту, когда подъезжал к цели своей поездки, он наткнулся на фрея Арсенио Мендоса, то есть на единственного человека, который мог доказать ему справедливость или ложь уверений шпиона, донесшего на донну Клару ее мужу. Трусость фрея Арсенио была давно известна его землякам, следовательно, ничего не могло быть легче как добиться от него правды со всеми подробностями. Граф был почти уверен, что если он хорошенько напугает фрея Арсенио, то монах признается во всем, что ему известно. Следует, однако, заметить, что, действуя таким образом, граф вовсе не имел намерения в действительности применить к бедному монаху меры, непохвальные всегда, но в особенности бесславные для человека в его положении; к несчастью, столкнувшись с непредвиденным и непонятным для него сопротивлением монаха, граф поддался гневу и необдуманно отдал приказания, жестокость которых ни в каком случае нельзя оправдать.

Помолчав несколько секунд, дон Стенио проницательно посмотрел на монаха, как будто хотел узнать его тайные мысли и, грубо схватив его за руку, сказал сердитым голосом:

— Откуда вы едете? Разве монахи вашего ордена имеют привычку рыскать здесь в такое время?

— Ваше сиятельство! — пролепетал фрей Арсенио, застигнутый врасплох вопросом, которого он вовсе не ожидал.

— Посмотрим, посмотрим, — продолжал граф, — отвечайте сию же минуту, да без уверток.

— Я не понимаю, ваше сиятельство, за что вы так сердитесь на меня; клянусь вам, я ни в чем не виноват.

— Ха-ха-ха! — мрачно рассмеялся граф. — Вы спешите защищаться прежде, чем вам предъявили обвинение; стало быть, вы чувствуете себя виновным.

Фрей Арсенио знал ревность графа, которую тот не умел скрывать, так что она обнаруживалась каждую минуту, при всех. Теперь он понял, что муж узнал тайну донны Клары, и оценил опасность, грозившую ему за то, что был сообщником графини. Однако он надеялся, что граф знает только о некоторых обстоятельствах, а подробности путешествия графини ему не известны. Хотя монах в глубине души дрожал при мысли об опасности, которой он, без сомнения, подвергался, находясь один, без защиты, в руках человека, ослепленного гневом и желанием отомстить за то, что считал пятном для своей чести, он все же решил, что бы ни случилось, не изменять доверию, оказанному ему несчастной женщиной. Он поднял голову и твердым голосом, удивительным для него самого, ответил:

— Ваше сиятельство, вы — губернатор на Эспаньоле, у вас есть право распоряжаться людьми, находящимися в вашем подчинении, вы располагаете властью почти самодержавной; но, насколько мне известно, вы не имеете права обижать меня ни словом, ни поступками, не имеете права подвергать меня допросу. Надо мной есть власть, от которой я завишу. Отведите меня к ним, предайте меня их суду; если я совершил какой-нибудь проступок, они меня накажут, — им одним принадлежит право осуждать меня или прощать.

Граф выслушал этот решительный ответ монаха, кусая губы от досады и гневно топая ногой; он не ожидал встретить такой решительный отпор.

— Вот как! — вскричал он, когда фрей Арсенио наконец замолчал. — Вы не хотите отвечать?

— Не хочу, ваше сиятельство, — сказал монах холодно, — потому что вы не имеете право допрашивать меня.

— Вы забываете, сеньор падре, только одно: если я не имею права, то имею силу, по крайней мере теперь.

— Неужели вы способны употребить силу во зло, против незащитного человека? Я не воин, физическая боль меня страшит, я не знаю, как вынесу пытку, которой вы меня подвергнете, но знаю наверняка только одно...

— Что же, позвольте вас спросить, сеньор падре?

— Я скорее умру, чем отвечу хоть на один ваш вопрос.

— Это мы увидим, — сказал граф насмешливо, — если вы меня вынудите прибегнуть к насилию.

— Увидите, — сказал францисканец голосом кротким, но твердым, показывавшим неизменную решимость.

— В последний раз вас предупреждаю — берегитесь, подумайте.

— Я уже все обдумал... Я нахожусь в вашей власти; пользуйтесь моей слабостью как вам заблагорассудится. Я не стану даже пытаться прибегнуть к защите — это бесполезно. Я буду не первым монахом моего ордена, который падет мучеником, исполнив свой долг; другие предшествовали мне и другие последуют за мной на этом горестном пути.

Граф с гневом топнул ногой. Безмолвные и неподвижные, присутствующие с испугом переглядывались между собой. Они предвидели, что эта сцена между двумя людьми, из которых ни тот, ни другой не хотел уступить, а граф, ослепленный яростью, скоро не будет в состоянии повиноваться здоровым советам рассудка, скоро получит страшную развязку.

— Ваше сиятельство, — прошептал дон Антонио де Ла Ронда, — звезды начинают бледнеть на небе, скоро рассветет, а мы еще далеко от дома, не лучше ли отправиться в путь не медля?

— Молчите! — отвечал граф с презрительной улыбкой. — Педро, — обратился он к одному из слуг, — подай фитиль.

Слуга сошел с лошади и приблизился к графу с длинным фитилем в руках.

— Пальцы! — лаконично сказал граф.

Слуга подошел к монаху, тот не колеблясь протянул обе руки, хотя лицо его было покрыто страшной бледностью, а все тело дрожало. Педро равнодушно намотал фитиль между пальцами монаха, потом обернулся к графу.

— В последний раз спрашиваю, монах, — сказал граф, — будешь ты говорить?

— Мне нечего вам говорить, ваше сиятельство, — отвечал фрей Арсенио кротким голосом.

— Зажги! — приказал граф, до крови закусив себе губы.

Слуга с тем бесстрастным повиновением, которое отличает людей этого сословия, зажег фитиль. Монах упал на колени, поднял глаза к небу, лицо его приняло мертвенный оттенок, холодный пот выступил на висках, волосы стали дыбом. Страдание, которое он испытывал, должно было быть ужасным, — грудь его с усилием вздымалась, но приоткры-

тые губы оставались безмолвны. Граф с беспокойством смотрел на него.

— Будешь ты говорить, монах? — спросил он глухим голосом.

Монах обратился к нему лицо, подергивающееся от боли и, бросив на него взгляд, полный невыразимой кротости, сказал:

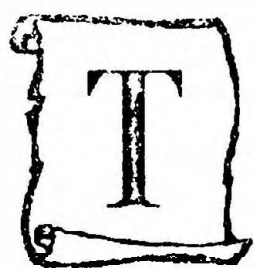
— Благодарю, ваше сиятельство, за то, что вы мучили меня, боль не существует для человека с живой верой.

— Будь ты проклят, негодяй! — вскричал граф, ударив его в грудь сапогом. — На лошадей, сеньоры, на лошадей! Мы должны доехать до дома до восхода солнца.

Испанцы сели на лошадей и удалились, бросая сочувственные взгляды на бедного монаха. Фрей Арсенио, побежденный страданиями, без чувств упал на землю.

Глава XXVII

Организация колонии

Тройная экспедиция, такая серьезная, как та, которую задумал Монбар, требовала необыкновенной осторожности. Несколько пунктов, занимаемых буканьерами на испанском острове, совсем не походили на города; это были скопления хижин, выстроенных беспорядочно, по прихоти хозяев, занимавших пространство в двадцать раз больше того, которое они должны были бы занять, что делало почти невозможным защиту этих пунктов от нападения испанцев, если бы тем пришлось на ум покончить разом со всеми опасными соседями. Во-первых, Марго, самый важный по стратегическому положению пункт во всех французских владениях, было жалким селением, без полиции, без правильной организации, где говорили на всех языках и куда испанские шпионы прокрадывались без каких-либо затруднений, не подвергаясь опасности быть узванными, и разведывали таким образом все планы флибустьеров.

Монбар, прежде чем атаковать испанцев, не без оснований подозревая, что те уже знали о причинах его присутствия на острове — от дона Антонио де Ла Ронда или от других шпионов, — и на желая, когда он приготовился неожиданно напасть на неприятеля, чтобы его самого захватили врасплох, решил обезопасить Марго от внезапного нападения. Было решено созвать на адмиральский люгер большой совет

флибустьеров. Таким образом решения, принятые на совете, не дойдут до ушей неприятеля.

Через два дня после отъезда Польшэ на палубе собрался совет, — адмиральскую каюту нашли слишком тесной, чтобы вместить всех тех, кому богатство или репутация давали право присутствовать на этом собрании. В десять часов утра бесчисленное множество пирог со всех сторон окружило люгер. Монбар принимал депутатов по мере того, как они являлись, и проводил их под навес, приготовленный для них. Скоро собрались все; их было сорок человек — флибустьеров, буканьеров и просто местных жителей. Это были авантюристы, давно уже жившие на островах, жесточайшие враги испанцев. Загорелые под тропическим солнцем энергичные лица, пылкие взоры делали их похожими скорее на разбойников, чем на мирных колонистов, а решительные манеры наводили на мысль о чудесах неимоверной отваги, которые они уже совершили и, когда наступит минута, совершат опять.

Когда собрались все члены совета, Мигель Баск приказал всем пирогам отплыть к берегу, а к люгеру вернуться только после того, как на большой мачте вывесят клетчатый красный с черным флаг. Совет, предваряемый великолепным завтраком, проходил за столом, во время десерта, чтобы проще было обмануть нескромные взоры, которые с вершин гор, без сомнения, наблюдали за всем тем, что происходило на люгере. Когда завтрак был кончен, слуги подали крепкие напитки, трубки и табак и приподняли полог тента. Весь экипаж люгера удалился на бак, и Монбар, не вставая со стула, ударил ножом по столу, требуя тишины. Депутаты знали, что разговор пойдет о важных делах, и потому пили и ели только для вида, и хотя стол являл собой декорацию в виде настоящей флибустьерской оргии, головы у всех были совершенно свежи и холодны. Рейд Марго представлял в эту минуту странное зрелище, не лишенное некоторого живописного и дикого величия. Тысячи пирог составляли огромный круг, в центре которого находилась флибустьерская эскадра. На берегу горы и скалы были буквально затоплены сплошной массой жителей, сбегавшихся из всех домов, чтобы присутствовать издали на этом гигантском пиру, об истинной причине которого они вовсе не подозревали.

Монбар в нескольких словах обратил внимание друзей на огромное стечение зрителей, окружавших их, и на то, насколько основательно принял он меры предосторожности.

Затем, наполнив свой стакан, встал и сказал звучным голосом:

— Братья, за здоровье короля!

— За здоровье короля! — ответили флибустьеры, вставая и чокаясь стаканами.

В ту же секунду все пушки с люгера принялись палить со страшным грохотом; крики, раздавшиеся с берега, доказывали, что зрители приняли живейшее участие в этом патриотическом тосте.

— Теперь, — продолжал адмирал, усаживаясь на место, и его примеру последовали все собеседники, — поговорим о наших делах, и поговорим таким образом, чтобы наши движения, — а наших слов никто не может слышать, — не позволяли догадаться о том, что нас занимает.

Совет начался. Монбар с присущими ему точностью и ясностью выражения в нескольких словах обрисовал то критическое положение, в котором может оказаться колония, если не принять экстренных мер для того, чтобы не только дать ей возможность защититься, но и обойтись без помощи отсутствующих членов экспедиции.

— Я понимаю, — сказал Монбар в заключение, — что пока у нас не было других дел, кроме охоты за дикими быками, эти предосторожности были бесполезны; но теперь положение изменилось. Мы хотим устроить для себя неприступное убежище, мы хотим нападать на испанцев на их земле; следовательно, мы должны ждать серьезного отпора со стороны врага, который, судя по тому, как мы будем действовать против него, скоро поймет, что мы хотим остаться единственными обладателями этой земли, которую он привык считать как бы принадлежащей ему по закону. Следовательно, мы должны быть готовы не только к сопротивлению, но и к тому, чтобы подвергнуть их такому наказанию за их дерзость, что они навсегда потеряют желание пытаться вновь завладеть землей, завоеванной нами. Для этого нам надо выстроить настоящий город вместо временного лагеря, которого до сих пор нам было вполне достаточно. Кроме того, необходимо, чтобы, кроме членов нашего общества, никто из посторонних не мог забраться к нам, шпионить за нами и передавать врагу наши тайны, каковы бы они ни были.

Флибустьеры горячо рукоплескали этим словам, справедливость которых они признавали. Они поняли наконец необходимость навести порядок и вступить в великую человеческую семью, приняв некоторые законы, от которых прежде хотели освободиться навсегда, но которые составля-

ют единственное условие выживания любого общества. Под руководством Монбара и двенадцати членов общества принялись рассуждать и немедленно решили, какие следует принять меры. Но когда все было решено, совет вдруг встал перед затруднением, о котором никто не подумал: кому поручить исполнять эти меры, — никто из буканьеров не имел признанной власти над другими. Затруднение было велико, почти непреодолимо, однако Монбару опять удалось все устроить ко всеобщему удовлетворению.

— Ничего не может быть легче, — сказал он, — как устранить это затруднение. Это случай исключительный, и мы будем действовать сообразно обстоятельствам: выберем предводителя как бы для опасной экспедиции, выберем человека умного и решительного, это нам ничего не стоит, ведь нам есть из кого выбирать. Предводитель этот будет избран нами на один год, а следующий за ним — только на полгода, чтобы исправлять злоупотребления власти, которое впоследствии они могут иметь намерение совершить. Предводитель этот будет называться губернатором и станет управлять всеми гражданскими делами с помощью советников, выбранных им самостоятельно; он будет руководствоваться законами нашего общества и охранять, как капитан на своем судне, безопасность колонии. В случае же измены он должен быть предан смертной казни... Согласны вы на это предложение, братья?

Депутаты единогласно согласились.

— Тогда немедленно приступим к выборам.

— Извините, братья, — сказал Красивая Голова, — но если вы позволите, я прошу у совета позволения сказать несколько слов.

— Говорите, брат, мы вас слушаем, — отвечал Монбар.

— Я предлагаю в губернаторы себя, — не из честолюбия, оно было бы нелепо, но потому что в эту минуту я считаю себя единственным человеком, годным для этой цели. Все вы меня знаете, и, следовательно, хвалить я себя не стану. Некоторые причины обязывают меня взять назад мое слово и не следовать за экспедицией, которой, однако, по моему убеждению, я окажу большие услуги, если вы изберете меня в губернаторы.

— Вы слышали, братья, — сказал Монбар. — Посоветуйтесь между собой, но прежде наполните ваши стаканы. Вам дается десять минут на размышления; через десять минут все стаканы, которые окажутся не опорожнены, будут считаться отрицательными голосами.

— А, изменник! — сказал Мигель Баск, со вздохом наклоняясь к уху Красивой Головы, возле которого сидел. — Я знаю, зачем вы хотите остаться в Марго.

— Вы знаете? Да будет вам! — отвечал тот с некоторым замешательством.

— Это не трудно угадать; вы попались, товарищ.

— Да, вы правы, это так... Чертовка, которую я купил на Сент-Кристофере, вскружила мне голову; она заставляет меня ходить по струнке.

— А-а, любовь! — иронически сказал Мигель Баск.

— Черт бы побрал эту любовь, а вместе с ней и эту женщину... Она такая слабенькая, что я могу убить ее ударом кулака.

— Она очень хорошенькая; у вас прекрасный вкус. Ее, кажется, зовут Луизой?

— Да, Луиза... Я совершил очень невыгодную покупку.

— Ба-а! — сказал Мигель с серьезным видом. — Есть способ все устроить.

— Вы думаете?

— Я знаю наверняка.

— Расскажите же мне, что это за способ!.. Признаюсь, эта женщина перевернула вверх дном все мои мысли; эта чертовка со своим птичьим голосом и лукавой улыбкой вертит мною как флюгером. Ей-Богу, я несчастнейший из людей! Посмотрим, каков ваш способ, брат.

— Продайте ее мне.

Красивая Голова вдруг побледнел при этом неожиданном предложении, которое действительно все устраивало; но он не подозревал, что Мигель сделал ему это предложение шутя и только для того, чтобы испытать его. Брови его нахмурились, он ударил кулаком по столу и ответил дрожащим от волнения и гнева голосом:

— Ей-Богу, друг, какой великолепный способ придумали вы, но черт меня побери, если я его приму! Нет, нет, как бы ни огорчала меня эта чертовка, я ведь говорил вам, что она меня околдовала, я ее люблю! Понимаете ли вы это?

— Понимаю ли? Еще бы! Успокойтесь, я не имею никакого намерения отнимать у вас вашу Луизу. Что мне делать с женщиной? Кроме того, то, что я видел у других, несколько не вдохновляет меня самому заниматься любовью.

— Ну и прекрасно! — отвечал Красивая Голова, успокоенный этим откровенным объяснением. — Вот что значит говорить как следует! Притом, вы правы, брат, хотя я ни за что на свете не соглашусь расстаться с Луизой, но если бы

мне пришлось снова покупать ее, черт меня побери, если бы я ее купил!

— Э-э! — сказал Мигель, пожав плечами. — Так все говорят, а когда наступает время, непременно делают ту же глупость.

Красивая Голова подумал с минуту, потом дружески ударил по плечу Мигеля и сказал, смеясь:

— Это правда, брат; кажется, я действительно поступил бы так, как вы говорите.

— Я знаю, — ответил Мигель, пожав плечами.

Пока между двумя авантюристами шел этот разговор, прошло десять минут.

— Братья, — сказал Монбар, — начнем голосование.

Он посмотрел: все стаканы были опорожнены.

— Брат Красивая Голова, вы единогласно избраны губернатором Марго.

— Братья! — сказал Красивая Голова, кланяясь. — Благодарю вас, я не обману ваших ожиданий, наша колония, даже если мне суждено быть погребенным под ее развалинами, никогда не падет от руки испанцев. Вы знаете меня слишком хорошо, чтобы усомниться в моей клятве. Я намерен сегодня же приняться за дело, так как адмирал сказал, что нам нельзя терять ни минуты. Положитесь на меня, я сумею отстоять ваши интересы.

— Прежде чем мы расстанемся, — произнес Монбар, — мне кажется, следует договориться еще несколько дней сохранять наши намерения в тайне.

— Завтра можно без опаски разгласить их, — отвечал Красивая Голова. — Только позвольте мне, братья, выбрать из вас себе помощников.

— Выбирайте, — сказали флибустьеры.

Красивая Голова назвал восемь авантюристов, безоглядая храбрость которых была ему известна, потом в последний раз обратился к представителям буканьеров, которые уже встали и приготовились оставить люгер.

— Вы помните, не правда ли, что считаете меня начальником экспедиции?

— Помним, — ответили они.

— Следовательно, вы обязаны полностью подчиняться всем моим приказаниям, которые я отдам для общих выгод.

— Обязаны, — опять подтвердили депутаты.

— Таким образом, вы клянётесь повиноваться мне без ропота и сомнений?

— Клянемся.

— Хорошо, теперь до свидания, братья.

На большой мачте был вывешен флаг, и через несколько минут пироги подошли к люгеру и забрали на берег всех буханьеров, кроме Красивой Головы и восьми помощников, выбранных им.

Монбар и Красивая Голова уединились на люгере, где оставались взаперти несколько часов, без сомнения договариваясь между собой о мерах, которые следовало принять для достижения желанного результата. Потом, незадолго до заката солнца, новый губернатор простился с адмиралом, сел в шлюпку, приготовленную специально для него, и в сопровождении своих офицеров вернулся на берег.

К одиннадцати часам вечера, когда в селении, по-видимому, все уже спали, все двери были заперты, огни погашены, случайный наблюдатель мог бы присутствовать при странном зрелище. Вооруженные люди украдкой пробирались из домов, бросая в темноту тревожные взгляды; они шли поодиночке, приглушая шум своих шагов, по большой площади и присоединялись к другим людям, вооруженным так же, как и они, и уже поджидавшим их. Скоро число этих людей, увеличивавшееся с каждой минутой, сделалось довольно значительным; по приказанию, отданному тихим голосом, они разделялись на несколько групп, уходили с площади и с различных сторон окружали город.

Последняя группа из сорока человек осталась, однако, на площади и, в свою очередь разделившись, не вышла за пределы города, а отрядами из десяти человек разошлась с площади в четыре противоположные стороны и направилась в глубь улиц. Эти отряды занялись обыском в домах; ни одно здание не укрылось от их бдительности. Они входили во все дома и осматривали их с самым пристальным вниманием, пробовали стены и потолки, отворяли даже шкафы и комоды.

Такие поиски должны были продолжаться долго, и действительно, они прекратились только на рассвете. В домах были найдены восемь испанских шпионов, и трое остановлены часовыми во время их побега, — то есть всего одиннадцать. Губернатор велел их пока заковать в кандалы и отправить на люгер, чтобы они не могли убежать.

На восходе солнца буханьеры, простые колонисты, работники и флибустьеры, вооруженные заступами и топорами, принялись рыть вокруг города ров. Работа эта, производимая с необыкновенным усердием, продолжалась три дня. Ров имел двенадцать футов ширины и пятнадцать глубины; на

краях, приподнятых откосом со стороны Марго, вбили колья, скрепленные между собой крепкими железными скобами, оставив кое-где амбразуры для пушек и бойниц.

В то время как все население трудилось с тем лихорадочным жаром, который совершает чудеса, в лесу, окружавшем гавань, были сделаны большие прогалины, после чего лес подожгли, позаботившись, чтобы пожар не распространился больше чем на полмили по всем направлениям. Эти гигантские работы, которые в обычное время требуют довольно значительного времени, были окончены за десять дней, что показалось бы невероятным, если бы об этом обстоятельстве не упоминалось во многих сочинениях, достойных доверия. Таким образом Марго по милости решительных действий губернатора и бесстрастного повиновения, с которым флибустьеры исполняли его приказания, был защищен не только от неожиданного нападения, но и поставлен в такое положение, что мог выдержать правильную осаду. Все это было сделано скрытно, так что испанцы не подозревали об этой перемене, столь опасной для них, предвещавшей им ожесточенную войну. Когда укрепления были готовы, губернатор велел поставить на гласисе¹ десять виселиц, и несчастных испанских шпионов повесили, — тела их остались прибитыми к виселицам железными цепями, для того, как сказал Красивая Голова со зловещей улыбкой, чтобы вид трупов казненных напугал их соотечественников, которые вздумают последовать их примеру и пробраться в город. После чего все колонисты и обыватели были созваны на большую площадь, и Красивая Голова, взойдя на специально приготовленный помост, сообщил им о мерах, принятых им для общей пользы, и просил у них поддержки. Жители не могли отказать ему в этой поддержке, тем более что все меры были приняты ради их пользы. Губернатор, видя, что его поступки одобряют, просил жителей выбрать из их среды совет из семи человек. На это предложение они согласились с радостью, не без оснований предположив, что эти советники станут защищать их интересы. Семь муниципальных советников были выбраны тут же и по приглашению губернатора немедленно заняли места на помосте возле него. Тогда губернатор объявил толпе, что в колонии ничего не изменилось, что она по-прежнему будет управляться зако-

¹ Г л а с и с — пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости.

нами флибустьерства, что все будут жить так же свободно, как и прежде, что меры эти были приняты вовсе не с намерением подчинить колонистов унижительному игу, а им во благо. Это последнее уверение произвело самое лучшее впечатление на толпу, и губернатор удалился среди криков и самых горячих уверений в преданности. Хотя Монбар оставался в стороне, ему одному жители были обязаны всеми этими улучшениями; Красивая Голова был лишь покорным исполнителем воли флибустьера.

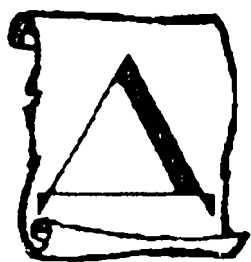
Когда адмирал увидел, что все проходит в соответствии с выработанным планом, он решил уехать и после прощального разговора с губернатором оставил город с флибустьерами.

Мигель Баск уехал за несколько часов до Монбара с секретным поручением, и с ним отправились девяносто решительных человек.

С этого момента началась собственно экспедиция, но каков будет ее результат, никто предвидеть не мог.

Глава XXVIII

Побег

аже не потрудившись посмотреть на письма, отданные ему, дон Санчо спрятал их в своем камзоле и поспешно отправился в комнату сестры. Та ждала его с беспокойством.

— Вот и ты, брат! — вскричала она, завидев его. — Разве ты не ждала меня, милая сестра? — отвечал молодой человек, целуя ее.

— Нет, я тебя ждала, но ты так долго не ехал; откуда ты так поздно? — спросила она с волнением.

— Откуда я? С охоты. Это единственное удовольствие, позволительное для дворянина в здешних краях.

— Как, так поздно?

— Милая Клара, с охоты возвращаешься как получится, особенно в этих местах, где иногда радуешься и тому, что можешь возвратиться.

— Ты говоришь загадками, брат, что-то я тебя не понимаю. Будь так добр, объясни яснее; у тебя была какая-то неприятная встреча?

— Да, и даже несколько раз... Но прости, милая Клара, если тебе это все равно, начнем по порядку. Ты желала видеть меня тотчас по возвращении, и вот я к твоим услугам.

Будь так добра, скажи мне, чем я могу быть тебе полезен. Потом я расскажу тебе о ряде странных приключений, разнообразивших сегодня мою охоту; не скрою, что спрошу у тебя некоторых объяснений, и ты, наверное, не откажешься дать их мне.

— О чем ты хочешь спросить меня, Санчо?

— Ни о чем... Теперь же, сестра, говори первая, прошу тебя.

— Если ты требуешь.

— Мне нечего требовать от тебя, сестра, я могу только просить.

— Хорошо, я исполню твою просьбу... Я получила несколько писем.

— И я тоже, но, признаюсь, я еще их не прочел; однако я нахожу их очень важными.

— А я прочла свои, и знаешь ли, что сообщают мне между прочим?

— Нет, разве что меня назначают главным алькальдом¹ Санто-Доминго, что весьма удивило бы меня, — сказал он, смеясь.

— Не шути, Санчо, дело очень серьезное.

— В самом деле? Говори же, сестра, ты видишь, что у меня физиономия такая же спесивая, как и у твоего любезного супруга.

— О нем-то и идет речь.

— Ба-а! Уж не занемог ли мой зять, исполняя свои благородные и скучные обязанности?

— Нет, он здоров по-прежнему.

— Тем лучше для него; я не желаю ему зла, хотя он самый скучный господин из всех, кого я знаю.

— Хочешь выслушать меня, да или нет? — спросила донна Клара с нетерпением.

— Но я только это и делаю, милая сестра.

— Ты просто несносен!

— Полно, не сердись; конечно, я смеяться не стану.

— Ты видел солдат, расположившихся лагерем около дома?

— Да; признаюсь, я очень удивился.

— Ты удивишься гораздо больше, когда узнаешь, что мой муж едет сюда.

¹ А л ь к а л ь д — здесь: городской судья.

— Он? Это невозможно, сестра, он не сказал мне ни слова об этой поездке.

— Потому что она секретная.

— Ага! — сказал молодой человек, нахмутив брови. — Ты точно знаешь, что он едет?

— Точно. Тот, кто мне пишет, видел его отъезд, о котором не подозревает никто, а посланник, который привез мне известие и которому велено было спешить, опередил его всего на несколько часов.

— Это действительно очень важное известие, — прошептал молодой человек.

— Что же делать?

— Принять его, конечно, — беззаботно ответил молодой человек, устремив, однако, на донну Клару вопросительный взгляд.

— О! — вскричала молодая женщина, в отчаянии ломая руки. — Мне изменили! Он едет с намерением отомстить.

— Опомнись! За что же, сестра?

Молодая женщина бросила на него странный взгляд и, наклонившись к нему, сказала глухим голосом:

— Я погибла, брат мой, погибла, потому что этот человек знает все; он убьет меня.

Дон Санчо был невольно растроган этой горестью; он обнял свою сестру, ему стало стыдно за ту роль, которую он играл в эту минуту перед ней.

— И я тоже, Клара, — сказал он, — я знаю все.

— Ты?! О, ты смеешься надо мной, брат!

— Нет, я не смеюсь, я люблю тебя и хочу тебя спасти, если бы даже для этого пришлось отдать мою жизнь. Успокойся и не смотри на меня такими горестными глазами.

— Но ради Бога! Что ты знаешь?

— Я знаю то же, что, вероятно, какой-нибудь изменник поведал твоему мужу, то есть, что ты уезжала отсюда на лодке на остров Невис, что там...

— О, ни слова больше, брат мой! — вскричала она, падая ему на руки. — Ты действительно знаешь все, но клянусь, брат, именем всего священного на свете, хотя все против меня, я невинна!

— Я это знал, сестра, я никогда в этом не сомневался... Каковы твои намерения, ты будешь ждать своего мужа здесь?

— Никогда! Разве я тебе не говорила, что он меня убьет?

— Что же делать, раз так?

— Бежать! Бежать немедленно, сию же минуту!

— Но куда?

— Откуда я знаю? В горы, в леса, лучше к диким зверям, чем оставаться здесь!

— Хорошо, поедem. Я знаю, куда тебя отвезти.

— Знаешь?

— Да, ведь я тебе уже говорил, что сегодня на охоте со мной случались разные приключения.

— Действительно. Но какое отношение?..

— Очень большое, — перебил ее дон Санчо. — Мажордом, проводивший меня, и я, нечаянно наткнулись на буканьеров.

— А! — тихо вскрикнула донна Клара, еще больше побледнев.

— Да, и я намерен проводить тебя к ним. При этом один из этих буканьеров дал мне поручение к тебе.

— Что ты хочешь сказать?

— Ни́чего более того, что говорю, сестра.

Она подумала с минуту, потом решительно обернулась к молодому человеку.

— Хорошо, брат, отправимся к этим людям. Хотя уверяют, что они жестоки, но, может быть, не все человеческие чувства погасли в их сердце и они сжалятся надо мной.

— Когда мы поедem?

— Как можно скорее.

— Это правда. Но за домом наблюдают; видно, солдаты получили секретное предписание. Ты, вероятно, даже не подозреваешь, что ты пленница, бедная сестра! По какой другой причине находились бы здесь солдаты?

— О! Если это так, я погибла.

— Может быть, есть средство... Вероятно, запрещение касается тебя одной. К несчастью, путь, который тебе предстоит, будет продолжителен, утомителен и усеян бесчисленными опасностями.

— Что за беда, брат! Я сильная, не беспокойся за меня.

— Хорошо, мы попытаемся... Ты непременно хочешь бежать?

— Во что бы то ни стало.

— Подожди меня несколько минут.

Молодой человек вышел и возвратился через некоторое время с большим свертком под мышкой.

— Вот платье моего пажа; слуга по ошибке уложил его в мой чемодан. Оно совсем новое, и я помню, что портной принес его мне за несколько минут до моего отъезда из Санто-Доминго. Но я благодарю судьбу за эту ошибку. Оденься,

закутайся в плащ, надень на голову эту шляпу; я ручаюсь за все. Кроме того, этот костюм предпочтительнее женского платья для путешествия верхом. И не забудь обязательно заткнуть эти пистолеты и кинжал за пояс; неизвестно, что может случиться.

— Благодарю, брат, через час я буду готова.

— Хорошо, а я пока пойду посмотрю. Не открывай никому кроме меня.

— Не беспокойся.

Молодой человек закурил сигару и вышел с самым беззаботным видом, какой только мог принять. На дворе он очутился лицом к лицу с мажордомом. Тревожное выражение лица сеньора Бирбомоно не укрылось от дона Санчо, однако он продолжал идти, притворяясь, будто не заметил мажордома. Но тот прямо подошел к нему.

— Я рад, что встретился с вами, ваше сиятельство, я шел постучаться в дверь вашей комнаты.

— Да? — спросил дон Санчо. — А по какой это причине?

— Вашему сиятельству известно, что происходит, — продолжал мажордом, по-видимому не замечая иронического тона молодого человека.

— Разве что-нибудь происходит?

— Разве вашему сиятельству не известно?

— Вероятно нет, если я спрашиваю; впрочем, так как мне это вовсе не интересно, то вы можете и не рассказывать.

— Напротив, ваше сиятельство, это касается вас так же, как и всех живущих в этом доме.

— Ага! И что же это?

— Начальник этих солдат поставил часовых около дома.

— Хорошо, нам нечего бояться нападения буканьеров, которых вы так боитесь. Я пойду поблагодарю офицеров.

— Как вам угодно, ваше сиятельство, только это будет для вас затруднительно.

— Почему же?

— Потому что отдан приказ всех пускать в дом, а из дома никого не выпускать.

Трепет пробежал по жилам молодого человека при этих словах; он страшно побледнел, но, сделав над собой усилие, ответил небрежным тоном:

— Это запрещение не может касаться меня.

— Извините, ваше сиятельство, но оно касается всех.

— Итак, вы думаете, что если я захочу выйти?..

— Вас не пустят.

— Черт побери! Это довольно неприятно, — не потому, что я имел намерение уйти, но мне по моему характеру нравится все, что мне запрещают.

— Вы не прочь бы прогуляться, ваше сиятельство?

Дон Санчо взглянул на Бирбомоно, как будто хотел прочесть в глубине его сердца.

— А если бы и так? — спросил он наконец.

— Я берусь вывести вас.

— Вы?

— Ведь я мажордом.

— Это правда. Стало быть, запрещение вас не касается?

— Оно касается меня так же, как и других. Но солдаты не знают этого дома так, как знаю его я; я проскользну у них между рук, когда захочу.

— Мне очень хотелось бы попробовать.

— Попробуйте, ваше сиятельство. Я приготовил трех лошадей в таком месте, где их никто не найдет.

— Для чего три лошади? — спросил молодой человек.

— Потому что вы, вероятно, имеете намерение отправиться на прогулку не только со мной, а захотите взять еще кого-нибудь.

Дон Санчо понял, что мажордом угадал его мысли, и тотчас же решился.

— Будем вести открытую игру, — сказал он. — Можно ли на тебя положиться?

— Я верен и на меня можно положиться, ваше сиятельство, вы имеете на это доказательство.

— Но кто может поручиться, что ты не готовишь мне засаду?

— Для чего?

— Для того, чтобы получить награду от графа.

— Нет, ваше сиятельство, никакая награда не заставит меня изменить моей госпоже! Я люблю донну Клару, которая всегда было добра ко мне и часто меня защищала.

— Ладно, я тебе верю, да и не время рассуждать сейчас. Вот мои условия: пулю в лоб, если ты мне изменишь; тысячу пиастров, если останешься мне верен. Согласен?

— Согласен, ваше сиятельство. Пиастры мои.

— Ты знаешь, я напрасно не угрожаю.

— Я знаю.

— Хорошо. Что же надо делать?

— Следовать за мной. Наш побег будет самым легким, я все приготовил тотчас по приезде. Я начал подозревать не-

ладное, увидев этих демонов-солдат; подозрения мои переросли в уверенность, когда я стал осторожно расспрашивать всех вокруг: преданность госпоже сделала меня проницательным. Вы видите, что я хорошо поступил, приняв меры предосторожности.

Тон, которым были произнесены эти слова, имел такой отпечаток истины, выражение лица слуги было так чисто-сердечно, что последняя подозрительность молодого графа рассеялась.

— Подожди меня, — сказал он, — я схожу за сестрой.

Он удалился скорыми шагами.

— Э-э! — с усмешкой промолвил Бирбомоно, оставшись один. — Не знаю, будет ли доволен сеньор дон Стенио Безар, когда увидит, что жена, которую он думал захватить, сбежала от него. Бедная сеньора! Она так добра ко всем нам, что было бы стыдно изменить ей. Кроме того, этот добрый поступок принесет мне тысячу пиастров, — прибавил Бирбомоно, потирая руки, — что составляет довольно хорошую сумму.

Было около одиннадцати часов вечера. Мажордом позаботился, чтобы все огни в доме были погашены, невольники были отосланы спать, вокруг царила торжественная тишина, прерываемая через равные промежутки времени часовыми, монотонными голосами перекликавшимися между собой.

Дон Санчо вернулся с сестрой, закутанной так же, как и он, в длинный плащ. Донна Клара ничего не говорила, но, подойдя к мажордому, любезно протянула ему правую руку, которую тот почтительно поднес к своим губам. Хотя офицеры велели солдатам старательно караулить не только дом, но и окрестности, те, напуганные темнотой и мрачной таинственностью окружающего их леса, неподвижно стояли за деревьями, только перекликаясь каждые полчаса, но не отваживаясь отходить даже на несколько шагов от своего убежища. Причины этой трусости были просты; хотя мы уже говорили, напомним о них для большей ясности.

В первое время после высадки буканьеров на Санто-Доминго отряды, которые губернатор посылал в погоню за ними, были вооружены мушкетами, но после нескольких встреч с французами, встреч, в которых французы разбили их наголову, страх солдат перед авантюристами сделался так велик, что как только их посылали против этих людей, которых они считали почти демонами, как только они попа-

дали или в леса, или в ущелья гор, или даже на равнину, где, как они могли предполагать, буканьеры сидели в засаде, они начинали почем зря палить из мушкетов для того, чтобы предупредить неприятеля и заставить его удалиться. Благодаря этим искусным маневрам авантюристы действительно уходили и становились неуловимыми. Губернатор, заметив этот результат, наконец угадал причину неудач; тогда, для того, чтобы устранить возобновление подобного факта, он отнял у солдат мушкеты и дал им колья. Спешим прибавить, что эта перемена пришлась вовсе не по вкусу храбрым солдатам, которые видели себя вновь подверженными ударам своих грозных врагов.

Мажордом и два лица, которым он служил проводником, не будучи вынуждены принимать других мер предосторожности, кроме как идти тихо и не разговаривать, успели выйти из дома с противоположной стороны от того места, где солдаты раскинулись биваком. Пройдя линию часовых, беглецы пошли скорее и скоро достигли чащи, среди которой были спрятаны три лошади в полной упряжи, — спрятаны так хорошо, что, не зная, где они находятся, их ни за что нельзя было найти. Для большей предосторожности, чтобы не дать им заржать, мажордом завязал им веревкой ноздри. Как только три путешественника сели на лошадей, Бирбомоно обратился к дону Санчо:

— Куда мы едем, ваше сиятельство?

— Вы знаете, где расположились буканьеры, которых мы с вами встретили сегодня? — вместо ответа спросил молодой человек.

— Знаю, ваше сиятельство.

— Как вы думаете, найдете вы это место в темноте?

Мажордом улыбнулся.

— Нет ничего проще, — сказал он.

— Отведите же нас к этим негодяям.

— Хорошо, только, ваше сиятельство, не гоните вашу лошадь, мы еще слишком близко от дома; малейшая неосторожность с нашей стороны, и может быть поднята тревога.

— Вы думаете, они осмелятся преследовать нас?

— Поодиночке, конечно, нет, но так как их много, они решатся, тем более, что, как я слышал, они уверены в том, что буканьеры никогда сюда не приходили; это удваивает их храбрость, доказательство которой они не прочь были бы дать за наш счет.

— Справедливое рассуждение. Распоряжайтесь нашими действиями как сочтете нужным; мы поступим так, как вы советуете.

Беглецы отправились в путь. Кроме мер предосторожности, которые необходимо было принять, путешествие это не имело в себе ничего неприятного, в ясную душистую ночь под небом, усеянным блестящими звездами, среди восхитительного пейзажа, малейшие подробности которого позволял угадывать прозрачный воздух.

Через час после езды умеренной рысью поехали быстрее, потом перешли на галоп. Донна Клара, склонившись к шее своей лошади, жадно устремив глаза вперед, как будто досадовала на медленность езды, которая, однако, приобрела лихорадочную быстроту погони. Иногда она наклонялась к брату, который ехал рядом с ней, и спрашивала прерывающимся голосом:

— Скоро мы приедем?

— Скоро, имей же терпение, — отвечал молодой человек, подавляя вздох сострадания к сестре.

Уже звезды гасли на небе, становилось свежо, горизонт покрывался широкими перламутровыми полосами, легкий морской ветерок доносил до путешественников свое терпкое благоухание; ночь прошла. Вдруг в ту минуту, когда всадники выезжали из пустого леса, в котором они уже целый час ехали по тропинке, проложенной дикими быками, на равнину, мажордом, ехавший на несколько шагов впереди, вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись назад, вскричал голосом, прерывавшимся от волнения:

— Остановитесь, ради Бога!

Молодые люди остановились, дрожа, не понимая причины этого приказанья. Мажордом наклонился к ним.

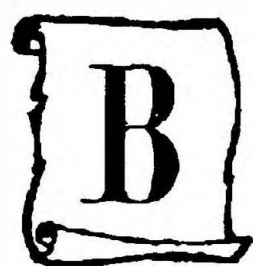
— Смотрите! — шепнул он, вытянув руку в сторону равнины.

Они прислушались. До их слуха донесся быстрый галоп, приближавшийся с каждой секундой; почти тотчас они увидели сквозь завесу листьев несколько всадников, мчавшихся во весь опор. Ветер сорвал шляпу с головы одного из всадников.

— Дон Стенио! — с испугом вскричала донна Клара.

— Мы едва успели! — воскликнул дон Санчо.

Ход событий ускоряется

Всадники продолжали бешено скакать, не замечая беглецов. Один из них, однако, при вскрике донны Клары сделал движение, чтобы удержать свою лошадь, но предположив, без сомнения, что ослышался, после минутной нерешительности последовал за своими спутниками, к большому счастью для себя, потому что дон Санчо уже выхватил пистолет, решив прострелить ему голову.

Несколько минут беглецы оставались неподвижны, склонив головы и с тоской прислушиваясь к галопу лошадей, топот которых быстро удалялся и скоро замер вдали, смешавшись с шумом ночи. Тогда они перевели дух, и дон Санчо опять вложил в луку седла пистолет, который до сих пор держал в руке.

— Да! — прошептал он. — Мы избежали большой опасности, только густой кустарник помешал им увидеть нас.

— Слава Богу! — прошептала донна Клара. — Мы спасены!

— То есть, мы спасаемся, сестра, — заметил молодой человек, будучи не в состоянии удержаться от маленькой насмешки, как ни серьезны были обстоятельства.

— Они несутся как на крыльях ветра, — поспешил успокоить мажордом. — Нам нечего их опасаться.

— Вперед! — воскликнул дон Санчо.

— Да, да, вперед, — прошептала донна Клара.

Они выехали из чащи, служившей им таким надежным укрытием, на равнину. Небо прояснилось, и хотя солнце было еще за горизонтом, однако природа уже отходила от своего ночного сна: птицы просыпались под листьями, их тихое щебетание было как бы прелюдией к утреннему пению, мрачные силуэты диких зверей виднелись в высокой траве, влажной от росы, хищные птицы распускали свои могучие крылья, как будто хотели полететь к солнцу и приветствовать его восхождение; словом, это была уже не ночь, но еще и не день.

— Э! Что я вижу там, на вершине горы! — сказал вдруг дон Санчо.

— Где? — спросил Бирбомоно.

— Там, прямо.

Мажордом приложил руку к глазам и внимательно пригляделся.

— Ей-Богу! — вскричал он через минуту. — Это человек.

— Человек?

— Совершенно верно, ваше сиятельство, и насколько я могу разглядеть, это кариб.

— Черт побери! Что же он делает на этом пригорке?

— Об этом мы легко узнаем через минуту, если только он не улизнет от нас.

— Поедем же к нему скорее, ради Бога!

— Брат мой, — возразила донна Клара, — к чему нам замедлять наш путь, ведь мы так торопимся!

— Это правда, — сказал молодой человек.

— Успокойтесь, сеньора, — произнес мажордом, — этот пригорок лежит на нашем пути, нам непременно надо проехать мимо.

Донна Клара молча опустила голову, и все поехали дальше. Они скоро доехали до пригорка, на который взобрались галопом. Кариб не двигался с места, но всадники, пораженные, остановились, когда увидели, что он не один. Индеец, встав на колени, по-видимому оказывал помощь человеку, распростертому на земле и начинавшему приходить в себя.

— Фрей Арсенио! — вскричала донна Клара, увидев этого человека. — Боже мой, он умер!

— Нет, — лаконично ответил индеец, обернувшись к ней, — но его пытали.

— Пытали?! — вскричали беглецы.

— Взгляните на его руки, — продолжал кариб.

Испанцы вскрикнули от ужаса и сострадания при виде окровавленных и распухших пальцев бедного монаха.

— О, это ужасно! — прошептали они с горестью.

— Злодей! — воскликнул дон Санчо. — Это ты истерзал его.

Кариб пренебрежительно пожал плечами.

— Бледнолицый помешался, — сказал он. — Мои братья не мучают отцов молитвы, они уважают их. Это такие же белые, как и сам он, так страшно его пытали.

— Объясните, ради Бога! — произнесла донна Клара. — Каким образом этот достойный монах находится здесь в таком жалком положении?

— Лучше пусть он сам объяснит, когда придет в чувство. Прыгун знает не много, — отвечал кариб.

— Это правда, — сказала донна Клара, слезая с лошади и становясь на колени возле раненого. — Бедняжка, какие страшные страдания он должен был претерпеть!

— Итак, вы ничего не можете нам сказать? — спросил дон Санчо.

— Почти ничего, — ответил кариб. — Вот все, что мне известно.

Он рассказал, каким образом монах был поручен ему, как он служил ему проводником до тех пор, пока они не столкнулись с белыми и пока монах не отпустил его, чтобы присоединиться к ним.

— Но, — прибавил кариб, — не знаю почему, тайное предчувствие не давало мне удалиться; вместо того, чтобы уйти, я спрятался в кустах и оттуда смотрел, как его подвергли пытке, заставляя открыть тайну, о которой он молчал. Наконец, ничего не добившись, они махнули на него рукой, бросили полумертвого, тогда я кинулся к нему на помощь, — вот все, что я знаю... Я — вождь, язык у меня не раздвоен, ложь никогда не оскверняла губ Прыгуна.

— Прости мне, вождь, неприятные слова, которые я произнес в первую минуту. Я был ослеплен гневом и горестью, — сказал дон Санчо, протягивая руку карибу.

— Бледнолицый молод, — улыбаясь, ответил кариб, — язык его действует быстрее разума.

Он взял руку, так чистосердечно протянутую ему, и дружелюбно пожал.

— Ого! — сказал мажордом, качая головой и наклоняясь к уху дон Санчо. — Или я очень ошибаюсь, или тут замешан дон Стенио.

— Это невозможно! — с ужасом сказал дон Санчо.

— Вы не знаете вашего зятя, ваше сиятельство, это натура слабая, а все слабые натуры злы; поверьте мне, я знаю наверняка то, что вам говорю.

— Нет! Нет! Это было бы слишком ужасно.

— Боже мой! — воскликнула донна Клара. — Мы не можем оставаться здесь дольше, однако мне не хотелось бы бросить таким образом этого бедного человека.

— Возьмем его с собой, — с живостью сказал дон Санчо.

— Но позволят ли его раны перенести утомительный и длинный переезд?

— Мы почти приехали, — сказал мажордом. Обернувшись к карибу, он прибавил: — Мы едем к букану двух буканьеров, которые со вчерашнего дня охотятся в лесу.

— Хорошо, — сказал кариб, — я провожу бледнолицых по узкой тропинке. Они придут раньше, чем поднимется солнце.

Донна Клара села на лошадь, монаха осторожно положили перед мажордомом, и маленький отряд вновь пустился шагом в путь, предводительствуемый карибом. Бедный фрей Арсенио не подавал других признаков жизни, кроме глубоких вздохов, время от времени приподнимавших его грудь, и горестных стонов. Через три четверти часа езды они добрались до букана. Он был пуст, но не брошен, как показывали бычьи шкуры, еще разложенные на земле, и копченое мясо, висевшее на вилах. Вероятно, авантюристы были на охоте. Путешественников раздосадовала эта неудача, но Прыгун вывел их из затруднения.

— Пусть бледнолицые не тревожатся, — сказал он, — вождь предупредит своих белых друзей, а в их отсутствие бледнолицые могут брать все, что найдут здесь.

Подавая пример, кариб приготовил постель из сухих листьев, которую накрыл шкурами, а на них с помощью мажордома осторожно положил раненого, потом развел большой огонь и, в последний раз повторив беглецам, что им нечего бояться, удалился, скользя, как змея, в высокой траве.

Мажордом, достаточно хорошо знавший нравы авантюристов, с которыми иногда общался, правда всегда соблюдая крайнюю осторожность, потому что, несмотря на то что он хвастался своей храбростью, они внушали ему суеверный страх, успокоил своих хозяев, уверив их, что законы гостеприимства свято чтутся буканьерами и что если бы они даже были самыми ожесточенными их врагами, а не гостями — ведь они приехали по их официальному приглашению, — то и тогда им нечего было бы опасаться с их стороны.

Благодаря неустанным заботам донны Клары бедный монах скоро пришел в себя. Сначала он был очень слаб, но мало-помалу собрался с силами настолько, чтобы рассказать донне Кларе, что с ним случилось после их разлуки. Рассказ этот, конец которого во всех подробностях совпадал с рассказом кариба, привел донну Клару в оцепенение, которое скоро перешло в испуг, когда она подумала о страшной опасности, грозящей ей. В самом деле, какой помощи могла она ожидать? Кто осмелится защитить ее от мужа, высокое положение и всемогущая власть которого сведут на нет все ее усилия избавиться от его мщения?

— Не теряйте мужества, дочь моя, — прошептал монах с нежным состраданием. — Бог выше человека! Уповайте на

Него, Он вас не оставит, Он поспешит к вам на помощь и поможет вам.

Донна Клара, несмотря на свое полное упование в могуществе Провидения, отвечала на эти утешения слезами и рыданиями. Она чувствовала, что погибла.

Дон Санчо вышагивал большими шагами перед палаткой буканьеров, кусал усы, гневно топал ногой и перебирал в голове самые безумные планы.

— Черт возьми! — пробормотал он наконец. — Если этот демон не захочет образумиться, я прострелю ему голову, и делу конец!

Очень довольный тем, что после таких усилий он нашел прекрасный способ избавить сестру от насильственных мер, на которые, может быть, желание мщения толкнуло бы дона Стенио, молодой человек закурил сигару и принялся терпеливо ждать возвращения буканьеров, совершенно успокоившись насчет будущего.

Мажордом, почти равнодушный к тому, что происходило вокруг него и радуясь обещанной награде, не терял времени даром. Рассудив, что буканьеры по возвращении будут рады найти готовый завтрак, он поставил на огонь чугунок с огромным куском говядины и с большим количеством воды, вместо хлеба положил под золу иньям¹, после чего занялся приготовлением перечного соуса, необходимой приправы к столу буканьеров.

Беглецы уже часа полтора находились в букане, когда вдруг услышали страшный лай; десятка два собак с воем бросились к ним, но громкий, хотя и отдаленный свист отозвал их, и они быстро убежали.

Через несколько минут испанцы увидели двух буканьеров; они шли очень быстро, хотя оба несли на плечах по крайней мере сто фунтов и, кроме того, с ними было оружие и весь охотничий наряд. Подойдя к букану, они первым делом бросили на землю при входе десять бычьих шкур, свежих и отвратительно покрытых кровью и жиром. После этого они подошли к приезжим, которые поднялись им навстречу. Собаки как будто поняли, что они должны сохранять нейтралитет, легли на траву, устремив, однако, пылающие глаза на испанцев, вероятно готовые вцепиться им в горло по первому сигналу.

¹ И н ь я м — растение семейства диоскорейных со съедобными клубневидными корнями, богатыми крахмалом.

— Милости просим, — сказал Польшэ, снимая шляпу с вежливостью, которую трудно было предположить, видя его грубую наружность. — Пока вам угодно будет оставаться здесь, мы будем считать вас братьями; все, что мы имеем, принадлежит вам, располагайте всем, как вам заблагорассудится, так же как и нашими руками, если потребуется наша помощь.

— Благодарю вас от имени моих спутников, кабальеро, и принимаю ваше любезное приглашение, — ответила донна Клара.

— Женщина! — вскричал Польшэ с удивлением. — Извините меня, сеньора, я вас не узнал.

— Я та самая донна Клара Безар, которой, как мне сказали, вы должны отдать письмо.

— Стало быть, милости просим еще раз, сеньора. Письмо это поручено не мне, а моему товарищу.

— Черт побери! — вскричал Олоне, подходя к фрей Арсенио. — Прыгун говорил нам, что этому бедному монаху порядком досталось, но я не ожидал найти его в таком плачевном состоянии.

— В самом деле, — сказал Польшэ, нахмутив брови, — я не очень религиозен, но посовестился бы поступать таким образом с монахом. Только язычник способен на подобное преступление.

С этими словами грубый авантюрист с заботливостью, истинно сыновней и возбуждавшей в испанцах восторг, начал облегчать нестерпимые страдания раненого, что по милости продолжительной практики в лечении всякого рода ран удалось ему сполна, и фрей Арсенио заснул живительным сном. В это время Олоне отдал донне Кларе письмо, порученное ему Монбаром, и молодая женщина отошла в сторону прочесть его.

— Скажите пожалуйста, — весело воскликнул Олоне, ударив мажордома по плечу, — каков молодец, подумал о существенном, и завтрак готов!

— Если так, — сказал Польшэ, со значением подмигнув своему товарищу, — закусим *вдвойне*, у нас скоро будет дело.

— Разве мы не подождем возвращения индейского вождя? — спросил дон Санчо.

— Для чего? — улыбаясь, осведомился Олоне. — Не беспокойтесь о нем, сеньор, он недалеко; у каждого из нас есть свое дело.

— А у вас, должно быть, очень тонкое чутье, сеньор, — сказал Польшэ. — Вы так скоро явились на наше приглашение.

— Как это?

— Вы скоро это узнаете; но послушайте моего совета, набирайтесь сил, ешьте.

В эту минуту донна Клара присоединилась к обществу; осанка ее стала тверже, а лицо приняло почти веселое выражение. Завтрак был скоро готов. Листья служили вместо тарелок. Сели не за стол, а на землю, и храбро принялись за еду. Дон Санчо сделался очень весел; эта жизнь казалась ему очаровательной; он хохотал как сумасшедший и ел с аппетитом. Даже донна Клара, несмотря на свою озабоченность, отдала должное этому импровизированному пиршеству.

— Ну, мои красавцы, — сказал Польшэ своим собакам, — не ленитесь, ступайте караулить окрестности, пока мы будем завтракать; вашу долю вам оставят.

Собаки вскочили, разбежались во все стороны и скоро исчезли.

— Какие у вас славные собаки! — сказал дон Санчо.

— Вы, испанцы, знаете в собаках толк, — отвечал буканьер с лукавым видом.

Граф почувствовал укол, но смолчал.

Действительно, испанцы на Эспаньоле ввели странный обычай натаскивать собак на индейцев.

Завтрак окончился в самой дружеской обстановке. Когда люди позавтракали, настала очередь собак. Олоне свистнул им, в одно мгновение они собрались вокруг него, и он раздал им пищу, разделив ее на равные доли. Буканьеры, предоставив гостям заниматься своими делами, занялись приготовлением шкур.

Так прошло несколько часов. К трем часам пополудни одна из собак залаяла и тотчас замолчала. Мы забыли сказать, что после завтрака по знаку Олоне собаки вернулись на свой пост. Буканьеры переглянулись.

— Один! — сказал Олоне.

— Два! — почти тотчас отвечал Польшэ, когда лай другой собаки раздался с другой стороны.

Скоро неистовый лай собак разнесся по всей округе. Между тем ничто не указывало на источник тревоги: не слышалось никакого подозрительного шума, равнина казалось погруженной в самый полный покой.

— Извините, кабальеро, — сказал дон Санчо Польшэ, который продолжал работать с прежним усердием, лукаво

посмеиваясь со своим товарищем, — позвольте мне задать вам вопрос.

— Спрашивайте, сеньор. Спрашивать иногда бывает полезно; кроме того, если ваш вопрос мне не понравится, я могу и не отвечать, не так ли?

— О! Совершенно верно.

— Говорите же без опасения, я слушаю вас.

— Вот уже несколько минут ваши собаки подают вам сигналы, так, по крайней мере, я предполагаю.

— Вы предполагаете справедливо, это действительно сигналы.

— А не будет ли нескромно спросить вас, что значат эти сигналы?

— Вовсе нет, сеньор, тем более, что они должны интересоваться вас столько же, сколько и нас.

— Я вас не понимаю.

— Сейчас поймете; эти сигналы означают, что равнина в эту минуту занята отрядами солдат, которые идут сюда, чтобы окружить нас со всех сторон.

— Черт побери! — вскричал молодой человек, вздрогнув от удивления. — И это вас не волнует?

— Для чего тревожиться заранее? У меня с моим товарищем была очень срочная работа, которую нам надо было закончить. Теперь дело сделано, и мы подумаем, как нам поступить.

— Но мы не сможем оказать сопротивление такому множеству врагов. Мы с сестрой подвергаемся большой опасности и должны бежать, не теряя ни минуты.

— Бежать? — переспросил буканьер с насмешкой. — Полноте! Вы смеетесь, сеньор! Ведь мы окружены непроходимым кольцом.

— Стало быть, мы погибли.

— Как скоро вы все решили! Напротив, погибли они.

— Они? Но ведь нас только четверо против ста.

— Вы ошибаетесь; там двести человек. На каждого из нас придется по пятьдесят. Свистни собакам, Олоне, теперь они бесполезны. Смотрите, вы видите?

Он протянул руку перед собой. Длинные копья испанских солдат были видны над высокой травой. Польшэ не солгал; эти копья составляли круг, все больше и больше суживающийся около букана.

— Ну как, нравится? — прибавил буканьер, поглаживая дуло своего ружья. — Сеньора, сядьте возле раненого.

— О, позвольте мне сдаться! — порывисто вскричала графиня. — Эта ужасная опасность угрожает вам из-за меня.

— Сеньора! — продолжал буканьер, с необыкновенным достоинством ударив себя в грудь. — Вы находитесь под охраной моей чести, и клянусь Богом, что пока я жив, никто не осмелится коснуться вас пальцем. Сядьте возле раненого.

Невольно подчиняясь тону, которым буканьер произнес эти слова, донна Клара поклонилась и молча села у изголовья фрея Арсенио, который все еще спал.

— Теперь, кабальеро, — обратился Польша к дону Санчо, — если вы никогда не присутствовали при экспедиции буканьеров, я обещаю вам, что вы увидите славный праздник и что он доставит вам удовольствие.

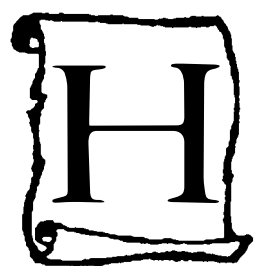
— Что ж! — беззаботно ответил молодой человек. — Будем драться, если нужно! Пасть в сражении — прекрасная смерть для дворянина.

— Вы славный молодой человек, — сказал буканьер, дружески ударив его по плечу. — Из вас может выйти толк.

Между тем солдаты приближались, и круг все сужался.

Глава XXX

Монбар Губитель

Н а несколько минут зловещая и грозная тишина тяжело нависла над равниной. По свисту Олоне собаки встали позади своих хозяев; пригнув головы, оскалив острые зубы, сверкая глазами, они ждали приказания броситься вперед, но не только не лаяли, а даже не ворчали.

Олоне, опираясь на свое длинное ружье, спокойно курил трубку, бросая насмешливые взгляды вокруг. Польша совершенно хладнокровно приводил в порядок утварь букана, взятую с места для работ, которыми он занимался утром. Мажордом, хотя и с некоторым внутренним беспокойством об исходе этой неравной битвы, старался не унывать, но он прекрасно понимал, что, попади он в руки своего господина, для него не будет никакой пощады, так как он способствовал побегу графини. Дон Санчо Пеньяфлор, несмотря на природную беззаботность и задиристый характер, также несколько тревожился, потому что, будучи офицером испанской армии, он должен был занимать место в рядах не буканьеров, а солдат, готовящихся их атаковать. Донна Клара, стоя на коленях возле монаха, сложив руки, поднимая

глаза к небу, с лицом, орошенным слезами, горячо молилась, испрашивая защиты у Всемогущего. Фрей Арсенио спокойно спал.

Таков был живописный и величественный вид букана в эту минуту; четыре человека хладнокровно готовились отразить наступление двухсот человек регулярного войска, от которых, как они знали, им нечего было ждать никакой пощады, но которых их безумное сопротивление должно было раздражать и заставить пойти на жестокие меры.

Между тем круг все сужался, и головы солдат уже показались над высокой травой.

— Эге! — сказал Польшэ, потирая свои жесткие руки с радостным видом. — Кажется, пора начать пляску; что скажешь, приятель?

— Да, пора, — ответил работник, взяв головню.

— Смотрите, не трогайтесь с места, — сказал Польшэ, оборачиваясь к испанцам, — а то вам придется плохо.

На этом последнем слове он сделал насмешливое ударение.

Буканьеры, устраивая свой букан, вырвали траву шагов на тридцать вокруг палатки; трава эта, высохшая от солнца, была положена по краям очищенного места. Олоне положил ружье, подошел к этой траве, зажег ее, после чего возвратился к своим товарищам. Вспыхнувшее пламя тотчас расползлось по всем направлениям, и скоро большая часть степи представляла собой нечто вроде огромного горнила. Буканьеры смеялись над этим как над превосходной шуткой. Испанцы, застигнутые врасплох, вскрикнули от ужаса и бросились назад, преследуемые пламенем, которое все разгоралось и распространялось во все стороны. Однако было очевидно, что авантюристы не имели намерения сжечь живьем несчастных испанцев; трава загоралась и тут же быстро потухала. Буканьеры только хотели возбудить панический страх в рядах врага и произвести среди них беспорядок, в чем вполне и преуспели. Солдаты бежали с криками ужаса перед этим огненным морем, не оглядываясь, не повинуюсь приказаниям своих командиров и думая только о том, как бы избежать ужасной опасности, угрожающей им.

В это время Польшэ спокойно объяснил дону Санчо вероятный результат придуманной им «шутки».

— Видите ли, сеньор, — говорил он, — пожар этот ничего не значит; через несколько минут все погаснет. Если эти люди трусы, то можно считать, что мы от них отделались, а если нет, они вернутся, и тогда дело выйдет серьезное.

— Но если вы признаете непригодность этого способа, для чего же вы его употребили? Мне кажется, он скорее вреден, чем полезен для нашей защиты.

Буканьер несколько раз покачал головой.

— Вы не правы, — сказал он, — у нас было несколько причин для того, чтобы действовать подобным образом. Во-первых, ваши соотечественники, если даже вы считаете их храбрыми, теперь растерялись, и очень трудно будет вернуть им мужество, которого у них уже нет; с другой стороны, мне хотелось немножко осмотреться вокруг при свете огня и очистить степь. Кроме того, — прибавил он с лукавым видом, — откуда вы знаете, что огонь, зажженный мной, не сигнал?

— Сигнал! — вскричал дон Санчо. — Так у вас здесь неподалеку есть друзья?

— Как знать? Мои товарищи, сеньор, большие непоседы, и часто их встречаешь там, где меньше всего ждешь.

— Признаюсь, я не понимаю ни слова.

— Потерпите, сеньор, потерпите! Скоро вы сами все поймете, уверяю вас. Олоне, — обратился он к своему товарищу, — теперь неплохо бы, кажется, сходить тебе туда?

— Правда, — ответил Олоне, небрежно закидывая ружье за спину, — он должен меня ждать.

— Возьми с собой собак.

— Зачем?

— Чтобы найти дорогу, приятель. Теперь нетрудно заблудиться; посреди этого пепла все следы сбились.

Олоне кликнул нескольких собак по именам и ушел.

— Посмотрите, — продолжал Польшэ, указывая на Олоне, который шел так быстро, что казалось, будто он бежит, — какой красавец! А ведь он в Америке всего два месяца. Предсказываю вам, что через три года это будет один из самых знаменитых авантюристов.

— Вы его купили? — спросил дон Санчо, не очень интересуясь этими подробностями, не имевшими для него никакой важности.

— К несчастью, нет. Мне его дали всего на несколько дней. Он обязанный работник Монбара Губителя. Я давал за него двести пиастров, он не захотел мне его продать.

— Как! — вскричал молодой человек. — Монбар, знаменитый флибустьер?!

— Он самый, это мой друг.

— Стало быть, он где-то поблизости?

— Это, сеньор, входит в категорию тех обстоятельств, о которых вы скоро узнаете.

Как и предвидел буканьер, пожар погас почти так же быстро, как и вспыхнул, из-за недостатка пищи на равнине, где росла только трава да кое-где валялся хворост. Испанцы укрылись у реки, песчаные берега которой защищали их от огня. Лес, слишком отдаленный от центра пожара, остался невредим, хотя несколько огненных языков, угасая, коснулись ближайших деревьев. Из букана легко было видеть, как испанские офицеры старались восстановить порядок в своих отрядах, чтобы предпринять новую решительную атаку, которая, однако, по-видимому, нисколько не тревожила Польшу. Среди офицеров особенно выделялся один: он был верхом и чрезвычайно суетился, чтобы восстановить расстроенные ряды. Другие офицеры поочередно подходили к нему за приказаниями. Этого офицера дон Санчо узнал с первого взгляда.

— Вот чего я боялся, — прошептал он. — Граф сам командует этой экспедицией! Мы погибли.

Действительно, это был дон Стенио Безар. Приехав в дель-Ринкон на рассвете и узнав о побеге графини, он сам захотел командовать экспедицией.

Положение осажденных было критическим. После ухода Олоне их осталось только трое, не считая женщины, в голой степи, без всяких окопов, а между тем уверенность буканьера вовсе не уменьшалась, и он с насмешкой следил за приготовлениями неприятеля.

Испанцы, стараниями офицеров с большим трудом приведя свои ряды в порядок, наконец снова направились на букан с теми же предосторожностями, что и прежде, то есть составив круг, чтобы полностью окружить букан.

Солдаты шли медленно, осторожно ступая по земле, едва остывшей, которая могла скрывать новую засаду. Граф, указывая своей шпагой на букан, напрасно призывал солдат ускорить шаг и разом покончить с негодяями, осмелившимися сопротивляться войскам его величества. Солдаты не слушали и шли очень осторожно. Спокойствие и мнимая беззаботность врагов пугали их больше активного противодействия со стороны неприятеля и, по их мнению, должны были таить в себе какую-то страшную ловушку.

В эту минуту положение усложнилось одним странным обстоятельством: на реке показалась пирога и пристала к тому самому месту, которое испанцы оставили всего несколько минут тому назад. В этой пироге сидели пять чело-

век: три авантюриста и два испанца. Авантюристы сошли на землю так спокойно, как будто были одни и, толкая испанцев перед собой, решительно направились к солдатам. Те, удивленные и сбитые с толку такой смелостью, смотрели на них, не смея сделать ни малейшего движения, чтобы задержать их. Этими тремя авантюристами были Монбар, Мигель и Олоне, за ними бежали восемь собак; оба испанца шли безоружные впереди, тревожась за свою участь, на что указывали бледность на их лицах и испуганные взгляды, которые они бросали вокруг. Граф Безар, увидев авантюристов, вскрикнул от бешенства и бросился к ним навстречу с поднятой шпагой.

— Руби! Руби этих негодяев! — крикнул он.

Солдаты, стыдясь, что их не боятся три человека, повернулись и решительно бросились на них. Авантюристы были окружены в одно мгновение. Не испугавшись этого маневра, они тотчас встали плечом к плечу друг с другом; таким образом они могли обороняться со всех сторон. Солдаты инстинктивно остановились.

— Смерть им! — закричал граф. — Нечего щадить негодяев!

— Молчать! — отвечал Монбар. — Прежде чем угрожать, послушайте, какие известия принесли вам эти два гонца.

— Схватить этих негодяев! — снова закричал граф. — Убейте их, как собак!

— Полноте! — насмешливо продолжал Монбар. — Вы с ума сошли! Схватить нас! Попробуйте-ка!

Три авантюриста, вынув горлянки с порохом, висевшие у них за поясом, высыпали порох в свои шляпы, а поверх пороха побросали пули из ружей и держали в одной руке шляпу, превратившуюся таким образом в брандер, а в другой — зажженную трубку.

— Будьте осторожны, братья! — продолжал Монбар. — А вы, негодяи, пропустите нас, если не хотите, чтобы мы подняли всех на воздух!¹

Твердым шагом три авантюриста подошли к испанцам, парализованным ужасом, ряды которых расступились, чтобы пропустить их.

— О! — с насмешкой прибавил Монбар. — Не бойтесь, мы не убежим, мы хотим только добраться до наших товарищей.

¹ Этот поступок, несправедливо приписываемый разным буканьерам, действительно принадлежит Монбару. — *Примеч. автора.*

Таким образом двести человек боязливо следовали на почтительном отдалении за тремя флибустьерами, которые, куря на ходу, чтобы не дать трубкам погаснуть, насмехались над трусостью испанцев. Польшэ был вне себя от восторга, а дон Санчо не знал, чему он должен удивляться больше, безумной ли отваге французов или трусости своих соотечественников.

Так авантюристы, пройдя довольно продолжительный путь, соединились со своими товарищами, не будучи ни на минуту потревожены испанцами. Несмотря на просьбы и увещевания, граф добился от солдат только того, что они продолжали идти вперед, а не отступали, как они намеревались.

Но в то время как авантюристы увлекали солдат за собой и привлекали все внимание к себе, произошло одно событие, на которое граф обратил внимание слишком поздно и которое начало внушать ему серьезные опасения за исход всей операции. Позади круга, образуемого испанскими солдатами, как бы по волшебству возник другой круг — из буканьеров и краснокожих-карибов, — во главе которых виднелся Прыгун. Буканьеры и индейцы действовали так дружно, так быстро и в особенности так тихо, что испанцы были окружены железной стеной прежде, чем успели догадаться об угрожающей им опасности. Граф вскрикнул от бешенства, солдаты ответили ему криком ужаса. Действительно, положение было чрезвычайно опасным для несчастных испанцев. Одно только чудо могло спасти их от смерти. Дело шло уже не о том, чтобы сражаться против нескольких человек, правда решительных, но с которыми численно можно было совладать; флибустьеров было по крайней мере двести человек, со своими союзниками-карибами они составили отряд в пятьсот человек, храбрых как львы, на три сотни превосходящий испанцев. Те поняли, что погибли.

Дойдя до букана, Монбар тотчас пожал руку Польшэ и, похвалив его за то, что он успел выиграть время, занялся со своими товарищами приведением в порядок пороха и пуль, рассудив, вероятно, что теперь они бесполезны.

Пока флибустьер занимался этим, донна Клара, бледная как смерть, устремила на него пылкий взор, не смея, однако, приблизиться к нему. Наконец она отважилась сделать несколько шагов и, сложив руки с мольбой, прошептала дрожащим голосом:

— Я здесь.

Монбар вздрогнул при звуке этого голоса и побледнел, но, сделав над собой усилие и несколько смягчив жесткое выражение своего взгляда, ответил, вежливо поклонившись:

— Я пришел сюда только для вас, сеньора. Сейчас я буду иметь честь явиться к вашим услугам; позвольте мне только позаботиться о том, чтобы наш разговор происходил спокойно.

Донна Клара потупила взор и вернулась к изголовью больного. Авантюристы подходили все ближе. Они находились всего в десяти шагах от испанцев, ужас которых увеличивался от этого неприятного соседства.

— Эй, братья! — закричал Монбар громким голосом. — Прошу вас, остановитесь!

Флибустьеры замерли на месте.

— А вы, — обратился Монбар к солдатам, — бросьте ваше оружие, если не хотите быть немедленно расстреляны.

Немедленно все копья и шпаги солдат упали на землю с редким единодушием, которое указывало на их горячее желание, чтобы эта угроза не была приведена в исполнение.

— Отдайте вашу шпагу, — приказал Монбар графу.

— Никогда! — вскричал граф, наскакивая с поднятой шпагой на флибустьера, от которого он находился на расстоянии всего четырех шагов.

В эту минуту раздался выстрел, и шпага графа разлетелась в щепки; граф был обезоружен. Монбар, схватив одной рукой лошадь за узду, другой стащил графа с седла и бросил его на землю.

— Что за дьявольская мысль одному идти против пятисот! — смеясь, воскликнул Польшэ, опять заряжая свое ружье.

Граф приподнялся. Смертельная бледность покрывала его лицо, черты были искажены гневом. Вдруг он увидел графиню.

— А! — закричал он, взревев, как тигр, и бросаясь к ней. — По крайней мере, я отомщу!

Но Монбар схватил его за руку и заставил остаться неподвижным.

— Одно слово, одно движение, и я прострелю вам голову, как хищному зверю, на которого вы похожи! — сказал он.

В словах флибустьера слышалась такая угроза, движения его были так быстры, что граф невольно сделал шаг назад и, скрестив руки на груди, остался стоять, внешне спокойный; но в сердце его бушевал вулкан, а взгляд был упорно устремлен на графиню. Монбар с минуту смотрел на своего врага с выражением печали и презрения.

— Граф, — сказал он наконец с иронией, — вы захотели помериться силой с флибустьерами; вы увидите, чего это стоит... Пока, побуждаемый безумным желанием мщения, вы гнались за женщиной, благородное сердце и блистательные добродетели которой не достойны были оценить, половина острова, которым вы управляете, была отнята навсегда у вашего государя моими товарищами и мной; Тортуга, Легоан, Сан-Хуан, даже ваш дель-Ринкон, застигнутый врасплох, были завоеваны почти без кровопролития.

Граф поднял голову. Лихорадочный румянец покрыл его лицо. Он сделал шаг вперед и закричал голосом, прерывающимся от бешенства:

— Ты лжешь, негодяй! Как ни велика твоя дерзость, а ты не мог захватить тех пунктов, о которых говоришь.

Монбар пожал плечами.

— Оскорбление от такого человека, как вы, ничего не значит, — сказал он. — Вы скоро получите подтверждение моих слов... Но довольно об этом! Я хотел захватить вас в свои руки, чтобы сделать свидетелем того, что я скажу этой госпоже. Пожалуйста, сеньора, — обратился он к донне Кларе, — простите меня, если я захотел увидаться с вами не иначе, как в присутствии того, кого вы называете вашим мужем.

Донна Клара встала, дрожа, и приблизилась к флибустьеру. Наступило минутное молчание. Монбар, склонив голову на грудь, казался погружен в горькие мысли. Наконец он поднял голову, провел рукой по лбу, как бы желая прогнать последние тучи, затемнявшие его рассудок, и обратился к донне Кларе тихим голосом:

— Сеньора, вы желали меня видеть, чтобы напомнить время, навсегда прошедшее, и вверить мне тайну. Я не имею права знать эту тайну; граф де Бармон умер, умер для всех, особенно для вас, так как вы не постыдились отречься от него и, связанная с ним узами законного брака и еще более законными узами законной любви, вы малодушно позволили отдать себя другому. Это преступление, сеньора, которого никакое раскаяние не может загладить ни в настоящем, ни в прошедшем.

— Сжальтесь над моими мучениями, над моими страданиями! — вскричала несчастная женщина, разбитая этим проклятием, падая на колени и заливаясь слезами.

— Что вы делаете, графиня? — вскричал граф Безар. — Встаньте!

— Молчите! — резко сказал Монбар. — Оставьте эту преступницу изнемогать под тяжестью ее раскаяния; вы были ее палачом и менее всякого другого имеете право защищать ее.

Дон Санчо бросился к сестре и, оттолкнув графа, приподнял ее. Монбар продолжал:

— Я прибавлю только одно слово, сеньора: у графа де Бармона был ребенок; в тот день, когда он придет просить у меня прощения за свою мать, я прощу ее... может быть, — прибавил он нетвердым голосом.

— О! — вскричала молодая женщина, с лихорадочной энергией схватив руку флибустьера, которой он не имел мужества отнять. — О! Вы велики и благородны; это обещание возвращает мне надежду и мужество... Мое дитя! Клянусь вам, я найду его.

— Довольно, — произнес Монбар с плохо сдерживаемым волнением, — этот разговор и без того уже слишком затянулся. Ваш брат любит вас и сумеет вас защитить. Я сожалею, что не вижу здесь еще одного человека, — он подал бы вам совет и поддержал вас в вашем состоянии.

— О ком вы говорите? — спросил дон Санчо.

— О духовнике сеньоры.

Молодой человек отвернулся и ничего не ответил.

— Посмотрите, брат, — сказал тогда Польшэ, — вот он, полумертвый; взгляните на его обгоревшие руки.

— О! — воскликнул Монбар. — Какое чудовище осмелилось...

— Вот кто! — продолжал буканьер, ударив по плечу графа Безара, онемевшего от испуга, потому что только в эту минуту он заметил свою жертву.

Пламя сверкнуло в глазах Монбара.

— Злодей! — вскричал он. — Пытать беззащитного человека! О, испанцы! Порода ехидн, какими страшными муками могу я вас истерзать?

Все присутствующие задрожали от ужаса при этом взрыве гнева, столь долго сдерживаемом, который наконец разрушил все преграды и вылился наружу с непреодолимой силой.

— Горе тебе, палач! — продолжал флибустьер зловещим голосом. — Ты мне напоминаешь, что я Монбар Губитель. Олоне, разведи огонь в букане.

Неописуемый ужас завладел всеми присутствующими при этом приказании, которое явно говорило, на какую ужасную муку был осужден граф; сам дон Стенио, несмотря на свою неукротимую гордость, почувствовал холод в серд-

це. Но в эту минуту монах, который до сих пор лежал неподвижно, по-видимому нечувствительный ко всему происходящему, с трудом встал и, опираясь на руки донны Клару и ее брата, шатаясь подошел и стал на колени перед флибустьером.

— Сжальтесь! — вскричал он. — Сжальтесь именем Господа!

— Нет, — сурово ответил Монбар, — этот человек осужден!

— Умоляю вас, брат, будьте милосердны, — настойчиво просил монах.

Вдруг граф вынул два пистолета, спрятанных в камзоле, и направил один на донну Клару, а другой приставил себе ко лбу.

— К чему умолять тигра? — сказал он. — Я умру, но по своей воле, и умру отмщенный!

Он спустил курки. Раздался двойной выстрел. Граф повалился на землю с простреленной головой; второй выстрел, неточно направленный, не попал в донну Клару, а поразил фрея Арсенио прямо в грудь и опрокинул его к ногам убийцы. Последнее слово бедного монаха было:

— Сжальтесь!

Он умер, устремив глаза к небу, как бы обращая к Небу последнюю молитву за своего палача...

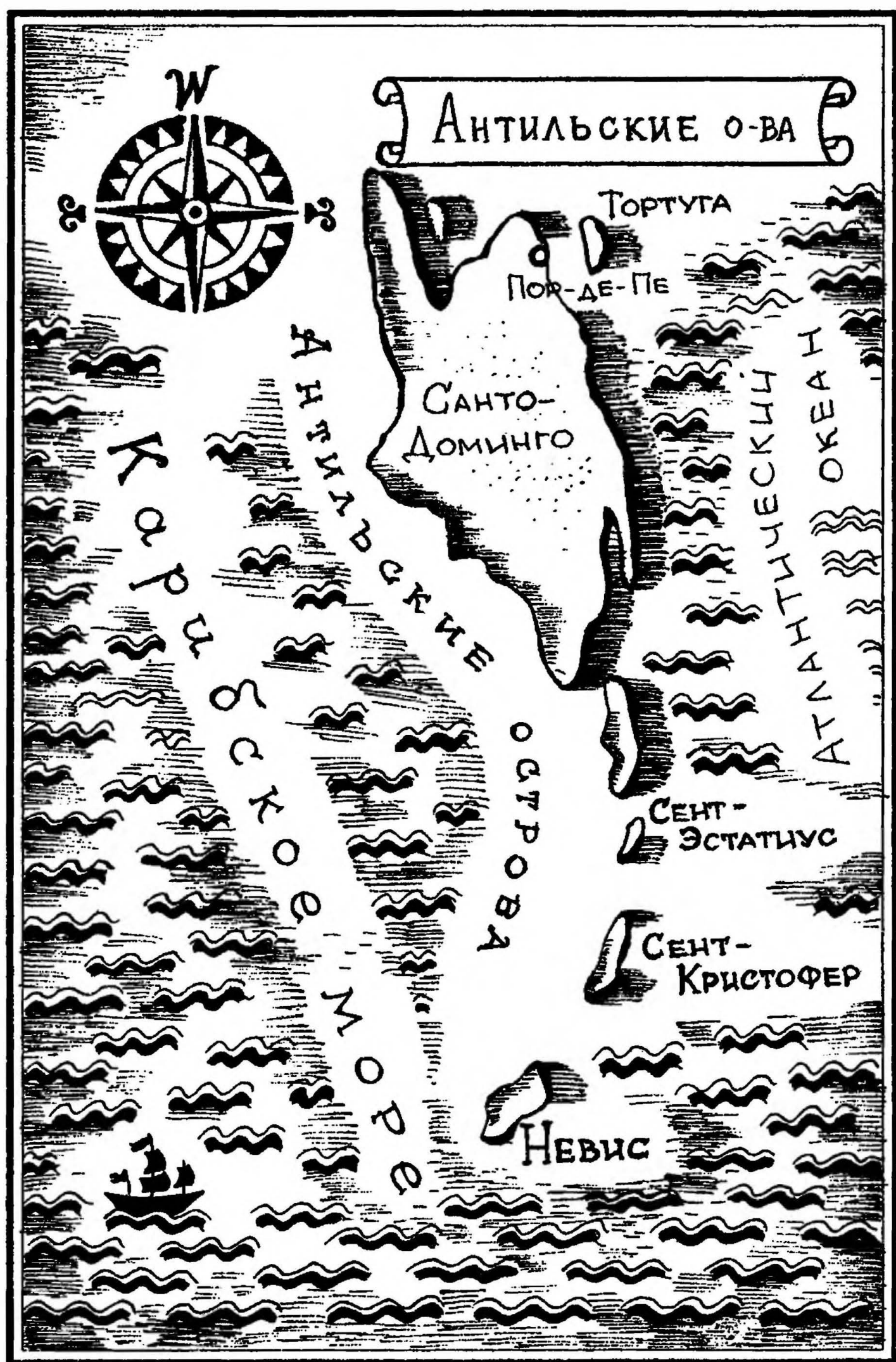
На закате дня равнина опять вернулась к своему обычному уединению. Монбар, похоронив в одной могиле жертву и убийцу, — для того, конечно, чтобы праведник заступился за преступника перед престолом Всевышнего, — вместе с флибустьерами и карибами уехал в Марго.

Донна Клара с братом вернулась в дель-Ринкон в сопровождении испанских солдат, которым Монбар из уважения к донне Кларе и дону Санчо согласился возвратить свободу.

Когда-нибудь мы продолжим историю этих знаменитых флибустьеров, которые были основателями французских колоний в Америке, если этот рассказ, служащий как бы прологом, понравится читателям.

Морские цыгане

Флибустьеры — французские и английские авантюристы, ставшие корсарами... Это были хищные птицы, слетающиеся со всех сторон... Даже грозные римляне не совершали подвигов столь блистательных. Будь их политические и дипломатические таланты под стать проявляемому ими несокрушимому мужеству, они создали бы в Америке великое государство.

ВОЛЬТЕР

Глава I «Лосось»

Семнадцатого октября 1658 года в восьмом часу вечера два человека сидели в большой зале «Лосося», самой большой гостинице города Пор-де-Пе, являвшейся обычным местом сборищ авантюристов всех наций, которых жажда к золоту и ненависть к испанцам привлекали на Антильские острова.

В этот день над городом стояла страшная жара; большие желтоватые облака, насыщенные электричеством, растянулись от одного конца горизонта до другого, и ни малейшее дуновение ветра, даже на закате солнца, не освежало землю, замиравшую от зноя. Со стороны гор доносился глухой шум, и эхо повторяло раскаты отдаленного грома. Море, черное, как чернила, волнуемое каким-нибудь подземным потрясением, приподнималось бурными волнами и со злобещим стоном тяжело разбивалось о скалы берега. Словом, все предвещало приближение урагана. Жители Пор-де-Пе, по большей части грубые моряки, давно привыкшие бороться с самыми страшными опасностями, невольно подчиняясь всеобщему беспокойству природы, заперлись в своих домах. Улицы были пусты и безмолвны, город казался брошен, и

гостиница «Лосось», которая обычно в это позднее время была заполнена посетителями, укрывала под закопченным потолком своей просторной залы только двух человек, о которых пойдет речь и которые, опираясь локтями о стол, опустив голову на руки и покуривая трубки, рассеянно следили за фантастическими клубами дыма, беспрестанно вырывавшимися у них изо рта и сгущавшимися вокруг синеватым облаком.

Оловянные стаканы, бутылки, карты, кости, разбросанные по столу, доказывали, что два этих человека давно уже находились в гостинице и что, испробовав все развлечения, они бросили их — от утомления или от того, что более серьезные мысли занимали их и мешали наслаждаться, как они, может быть, желали бы, удовольствиями, которые сулили им игра и вино.

Один из них был старик лет шестидесяти, еще бодрый, гордо державший на плечах красивую голову, которой длинные белые волосы, брови, еще черные, усы, густые и седые, и небольшая бородка придавали очень благородный вид. Его простой, но изящный костюм был абсолютно черным; шпага со стальным эфесом была небрежно брошена на стол возле шляпы и плаща.

Второй был гораздо моложе своего товарища. На вид ему казалось от сорока пяти до сорока восьми лет, не больше. Это был человек атлетического сложения, плотный и плечистый; черты его лица, довольно обыкновенного, были бы незначительны, если бы не выражение редкой решимости и неукротимой воли, которое придавало ему совершенно особый отпечаток. На нем был костюм богатых буканьеров, роскошный до сумасбродства, сверкавший золотом и брильянтами; тяжелая и массивная фанфаронка окружала его шляпу, украшенную страусовыми перьями, прикрепленными брильянтовым аграфом¹, составлявшим целое состояние; длинная рапира, висевшая сбоку на широкой портупее, для большего удобства, без сомнения, стояла в эту минуту, зажатая между его коленями; два пистолета и кинжал были заткнуты за пояс, широкий красный плащ висел на спинке стула.

¹ А г р а ф — нарядная застежка.

Давно уже угрюмое молчание царило между этими людьми; они продолжали курить и окутывать залу клубами дыма, по-видимому не думая друг о друге.

Трактирщик, худощавый, сухой и долговязый, в грязном и оборванном платье, с лицом висельника, несколько раз под предлогом поправить светильню в лампе, — что было вовсе не нужно, — вертелся около этих странных гостей, не привлекая их внимания, и уходил, пожимая плечами с презрительным видом к таким неприбыльным посетителям.

Наконец младший вдруг поднял голову, с гневом разбил трубку об пол и, ударив кулаком по столу, так что стаканы и бутылки запрыгали и забренчали, вскричал грубым голосом:

— Ей-Богу, этот франт насмехается над нами! Неужели мы должны оставаться здесь вечно? Клянусь своей душой! Есть от чего взбеситься, прождав так долго!

Старик медленно приподнял голову и, устремив спокойный взгляд на своего товарища, сказал тихим голосом:

— Потерпи, Пьер, еще не поздно.

— Потерпи?! Вам легко говорить, господин д'Ожерон, — проворчал тот, кого называли Пьером. — Почему я знаю, куда этот воплощенный черт запропастился!

— А я разве знаю, друг мой? Однако, как видишь, я жду, не жалуясь.

— Гм! Все это прекрасно... — продолжал Пьер. — Вы его дядя, а я его закадычный друг, это другое дело.

— Правда, — ответил, улыбаясь, д'Ожерон, — и в качестве закадычных друзей вы не должны ничего скрывать друг от друга, не правда ли?

— Именно. Вы это знаете так же хорошо, как и я, вы ведь в молодости много воевали с испанцами.

— Эх, и славное было времечко, Пьер, — сказал д'Ожерон, подавляя вздох, — я был тогда счастлив, у меня не было никаких огорчений и забот.

— Ба-а! Вы говорите, что были счастливы тогда? А теперь разве вы не счастливы? Все Береговые братья, флибустьеры, буканьеры и колонисты любят вас и почитают за отца, и я — первый; мы все дадим изрубить себя на кусочки за вас. Его величество — да защитит его Господь! — назначил вас нашим губернатором, чего же более можете вы желать?

— Ничего, ты прав, Пьер, — ответил старик, печально качая головой, — мне действительно больше нечего желать.

На несколько минут воцарилось молчание. Затем буканьер продолжал.

— Вы позволите задать вам вопрос, господин д'Ожерон? — спросил он с некоторой нерешимостью в голосе.

— Конечно, друг мой, — ответил старик. — Посмотрим, что за вопрос.

— О! Может быть, я напрасно спрашиваю вас об этом, — заметил Пьер, — но, право, не могу удержаться, признаюсь вам.

— Хорошо! Спрашивай, чего ты боишься?

— Прогневать вас, господин д'Ожерон... Вы знаете, что я не слышу робким.

— Я думаю, ты, Пьер Легран, — один из наших самых отважных флибустьеров. Одно твое имя заставляет дрожать испанцев.

Пьер Легран выпрямился с очевидным удовольствием при этом заслуженном комплименте.

— Ну, — сказал он тоном человека, принявшего окончательное решение, — вот о чем идет речь. Когда мой работник Питриан отдал мне ваше письмо, естественно, моим первым движением было повиноваться вам и спешить на свидание, которое вы мне назначили в «Лососе».

— Благодарю тебя за поспешность, которую ты проявил в этом случае, друг мой.

— Хорош бы я был, если бы не пришел! Это было бы даже смешно, право! Итак, я пришел; мы играли, пили — очень хорошо, ничего не может быть лучше, только я спрашиваю себя, какая серьезная причина заставила вас уехать с острова Сент-Кристофер инкогнито в Пор-де-Пе.

— Ты желаешь знать эту причину, Пьер?

— Да, если это не неприятно вам, разумеется, а то считайте, что я ни о чем не спросил, и не будем больше об этом говорить.

— Напротив, будем говорить, друг мой, мне хотелось открыть тебе эту причину при моем племяннике, твоим закадычным другом, но так как он не приходит, ты все узнаешь сейчас.

— Мы можем еще подождать, господин д'Ожерон, теперь он, вероятно, не замедлит явиться.

— Может быть, но это не имеет значения... Кроме того, он уже почти знает мои планы; слушай же ты меня.

— Ах, хитрец! Он ничего мне не сказал.

— Я ему запретил.

— Тогда другое дело, он правильно поступил, что молчал.

— Слушай меня внимательно, дело стоит того. Ты помнишь, не правда ли, как кавалер де Фонтенэ, неожиданно атакованный испанской эскадрой, был вынужден после героического сопротивления оставить Тортугу?

— Конечно, помню, господин д'Ожерон, и прискорбно было видеть, как развевался испанский флаг над Скальным фортом и как эти проклятые испанцы дразнили нас и смеялись нам в лицо! Ей-Богу! Чего бы я только ни дал, чтобы сыграть хорошую шутку с этими проклятыми донами и прогнать их с нашего острова!

Д'Ожерон, улыбаясь, слушал буканьера. Когда тот замолчал, он наклонился вперед, положил руку ему на плечо и, пристально посмотрев ему в лицо, сказал тихим и сдержанным голосом:

— Ну, Пьер, друг мой, я тоже хочу сыграть хорошую шутку с испанцами и прогнать их с нашего острова.

— Как?! — вскричал Пьер, вздрогнув от неожиданности. — Правду ли вы говорите? Это действительно ваше намерение?

— Клянусь честью, Пьер, именно поэтому я и оставил Сент-Кристофер и инкогнито приехал в Пор-де-Пе; здесь нет недостатка в испанских шпионах, им не нужно знать, что я так близко от Тортуги.

— Ага! Отлично! Если так, мы посмеемся.

— Я надеюсь на это.

— Мы на них нападем?

— Мы дадим испанцам сдачи, они напали на нас врасплох, мы нападем на них.

— Прекрасно! — вскричал Пьер, радостно потирая руки.

— Я рассчитываю на тебя, Пьер.

— И правильно делаете, господин д'Ожерон.

— Кто из наших капитанов есть здесь сейчас?

— Гм! — сказал Пьер, потирая себе лоб. — У нас довольно мало людей. Однако есть несколько старых Береговых братьев, на которых можно положиться в случае необходимости.

— Черт побери! Это неприятно. А что с Губителем?

— Монбар уехал полгода тому назад, и с тех пор о нем не было известий.

— Черт побери! Черт побери! — пробормотал старик с задумчивым видом.

— Это так. Морган, Красавец Лоран, Красивая Голова, Рок Бразилец, Олоне, Тихий Ветерок — все уехали, а куда — этого никто не знает.

— О-о! Это совсем неприятно! Кто же у нас остался?

— Во-первых, я.

— Это правда, но еще?

— Еще, кроме четырех или пяти надежных людей, я никого назвать не могу.

— Кто же эти четверо или пятеро?

— Мигель Баск, Дрейк, Польшэ, ваш племянник Филипп.

— Кто еще?

— Да вроде бы и все.

— Гм! Маловато — дело предстоит жаркое, испанцев голыми руками не возьмешь.

— Надеюсь, но имена, названные мной, известны вам давно, все это люди решительные.

— Знаю, мой друг, но если затея нам не удастся, это будет для нас непоправимым уроном. Лучше, может быть, воздержаться.

— Я не согласен с этим, господин д'Ожерон, каждый из нас может набрать несколько решительных авантюристов.

— Это правда, но Тортуга почти неприступна, особенно если ее станут хорошо защищать, а так и будет.

— Уж можете не беспокоиться. Дон Фернандо д'Авила, командующий испанским гарнизоном, даст скорее убить себя и всех своих солдат, чем сдастся.

— Ты видишь, что было бы безумством пытаться выгнать его с такими ограниченными силами, какими располагаем мы.

— Ба-а! Когда же мы считали наших врагов? Береговые братья все такие же, какими были в ваше время, господин д'Ожерон, поверьте, каждый из них стоит десяти испанцев...

— Ах, почему не приходит Филипп! Может быть, он подал бы нам хороший совет.

— Филипп сказал бы вам то же, что говорю и я, господин д'Ожерон.

— Очень может быть, друг мой, но дело серьезное и требует глубоких размышлений.

— Размышляйте, но не отказывайтесь от этой затеи. Клянусь вам, теперь, когда я знаю ваши планы, у меня просто слюнки текут, и если вы нас оставите, ей-Богу, я возьму остров без вас, это так же верно, как и то, что меня зовут

Пьер Легран и что я ненавижу испанцев! Не знаю, что именно я сделаю, но это все равно. Я уверен, что обязательно добьюсь успеха.

Д'Ожерон расхохотался над этими словами флибустьера.

— Успокойся, горячая голова, — сказал он, — я не говорил, что отказываюсь.

— Ну и прекрасно!

В эту минуту в залу вошел человек; на одно мгновение он остановился на пороге двери, бросил вокруг подозрительный взгляд, потом, узнав, без сомнения, двух человек, которые одни находились в гостинице, снял плащ и решительным шагом направился к ним.

— А-а! — вскричал Пьер. — А вот, наконец, и Филипп! Здравствуй, друг, — прибавил он, протягивая ему руку.

— Здравствуй, Пьер, — ответил вновь пришедший, — я здесь, чего ты хочешь от меня? Ей-Богу, дело должно быть стоящее, а не то, предупреждаю тебя, я рассержусь, что ты заставил меня прийти сюда, когда я надеялся провести время гораздо приятнее.

Пьер расхохотался.

— Смотри, — сказал он, указывая на д'Ожерона, который, увидев своего племянника, отодвинулся немного в тень.

Филипп обернулся к нему.

— Э-э! — весело вскричал он. — Я не ошибаюсь, добрый дядюшка, неужели это вы?

— Кто же еще это может быть? — спросил Пьер насмешливым тоном.

— Ты рад видеть меня, племянник? — спросил старик.

— Неужели вы сомневаетесь, дядюшка? — вскричал Филипп, бросившись в объятия, раскрытые ему д'Ожероном.

— Нет, не сомневаюсь, — ответил тот с волнением, — я знаю, что ты меня любишь.

— Благодарю, дядюшка. Какой добрый ветер занес вас в наши края? Вы приехали у нас поселиться? Это был бы приятный сюрприз для меня.

— Может быть, племянник. Не стану говорить ни да ни нет, это будет зависеть от некоторых условий.

— Посмотрим, что это за условия, дядюшка; предупреждаю вас, что я приму их с закрытыми глазами.

— Хорошо, но ты слишком спешишь.

— Почему же? Разве я не должен желать, чтобы вы жили со мной?

Говоря таким образом, он взял стул и сел между дядей и приятелем.

Филипп был красивый молодой человек лет двадцати шести, с гибким и стройным станом; его несколько худощавое тело, казалось, было одарено необычайной силой и редкой ловкостью. Лицо его было изумительно красиво; оно показалось бы даже женственным, если бы не яркий блеск его черных глаз, вспыхивавший при малейшем волнении, и выражение неукротимой решимости, которое оно тогда принимало. Несмотря на более чем простой костюм, во всей его наружности было врожденное изящество, обнаруживавшееся без его ведома и указывавшее на аристократическое происхождение молодого человека.

Дядя с удовольствием его рассматривал и, по-видимому, не мог на него насмотреться. Молодой человек улыбнулся и, поцеловав старика, сказал:

— Почему вы не предупредили меня о вашем приезде, дядюшка? Я был бы так рад узнать, когда вы приедете. Не хорошо удивлять меня таким образом.

— Ты сожалеешь об этом, племянник?

— Напротив, только я бы предпочел, чтобы было иначе.

— Это было невозможно, Филипп, мое присутствие здесь должно оставаться неизвестным для всех, я приехал инкогнито.

— А! Это совершенно меняет дело!.. У вас, конечно, есть какой-то план?

— Да, — перебил Пьер, — и даже большой план.

— Скажите, пожалуйста! Тебе, кажется, это известно?

— Еще бы!

— Хорошо, стало быть, дядюшка и мне скажет.

— Именно это я и собираюсь сделать, тем более что хочу знать твое мнение.

— Что бы это ни было, я с вами согласен, дядюшка.

— Ты же еще не знаешь, о чем идет речь, какой ты сумасшедший, право! — ответил старик, улыбаясь.

— Это ничего не значит, дядюшка, для меня очевидно, что вы не можете ошибаться. Теперь говорите, я вас слушаю.

— Вот в двух словах причина моего приезда: я хочу с помощью моих бывших товарищей взять Черепаший остров и прогнать оттуда испанцев.

— А! — сказал Филипп задыхающимся голосом и вдруг побледнел как смерть.

Капелла Богоматери

шестнадцать милях от Пор-де-Пе, среди велико-
лепной равнины, через которую протекает широ-
кий ручей и которая укрыта от морских ветров
высокими горами, поросшими лесом, возвышает-
ся очаровательный испанский городок, носящий
название Сан-Хуан, в котором проживало тогда от четырех
до пяти тысяч жителей. Из-за своего положения, которое
сделало его объектом нападений авантюристов, он был ок-
ружен рвами и земляными стенами, представлявшими до-
статочное укрепление для того, чтобы сопротивляться атаке
его смелых соседей.

Почти посреди главной улицы этого города находился дом
из красного кирпича, крыльцо которого, поддерживаемое
двумя колоннами художественной работы, вело на широкий
двор, в центре которого находился колодец. Крыльцо с двой-
ной лестницей вело в главный корпус здания, с правой и
левой стороны которого стояли башенки, украшенные за-
тейливой резьбой.

В тот день, когда начинается наша история, к восьми
часам утра величайшее оживление царило в этом доме, быв-
шем тогда гостиницей, которой теперь, без сомнения, не
существует. Суетившиеся слуги входили и выходили, одни
путешественники приезжали, другие уезжали, пеоны¹ сед-
лали лошадей или водили их к водопою, крики и ругатель-
ства смешивались в воздухе с живым говором, свойственным
южным народам.

В самую оживленную минуту на двор въехал всадник,
закутанный в широкий плащ. Один из пеонов, без сомнения
поджидавший его приезда, быстро приблизился к нему,
схватил поводья его лошади и, когда всадник слез с лошади,
сказал ему на ухо вполголоса:

— В церкви Мерсед.

— Благодарю, — ответил всадник так же тихо и, вложив
золотую монету в руку пеона, повернулся, не занимаясь
своей лошадью, прикрыл складками плаща лицо, вышел со
двора и направился большими шагами к церкви, находив-
шейся на этой же улице, только несколько повыше.

¹ Пеон — слуга, наемный рабочий.

Как и все церковные испанские строения, церковь Мерсед в городе Сан-Хуане смотрелась настоящей игрушкой и снаружи и внутри. Если не считать двух женщин, закутанных в мантильи, стоявших на коленях и, по-видимому, набожно молившихся, церковь была пуста. При звуке шагов вошедшего, шпоры которого зазвенели о плиты, они обернулись. Незнакомец устремил на них проницательный взгляд, потом дошел до исповедальни, находившейся в углу боковой капеллы, остановился, сбросил свой плащ, скрестил руки на груди и застыл в ожидании. Обе женщины, шепотом обменявшись несколькими словами, встали; одна направилась к двери, другая с робким и боязливым видом пошла прямо к исповедальне, возле которой стоял молодой человек. В нескольких шагах от него она приподняла свою мантилью и открыла восхитительное личико шестнадцатилетней девушки, о каком только мог мечтать поэт. Молодой человек почтительно ей поклонился и прошептал голосом, прерывавшимся от волнения:

— Да благословит вас Бог, Хуана, за то, что вы согласились на это крайне важное свидание!

— Может быть, я поступила нехорошо, — отвечала она тоном невыразимо грустным, — но я не хотела уезжать, не простившись с вами еще раз.

— Увы! — прошептал он. — Разве ваш отъезд так близок?

— Сегодня вечером — завтра, уж никак не позже, фрегат, на котором мы поплывем, должен отчалить, скоро мы расстанемся навсегда. Вы забудете меня, Филипп...

— Забыть вас, Хуана! О, вы этого не думаете! — вскричал он горестно.

Молодая девушка печально покачала головой.

— Отсутствие — все равно что смерть, — прошептала она.

Молодой человек бросил на нее пристальный взгляд и, схватив руку, которую нежно пожал, спросил дрожащим голосом:

— Стало быть, вы забудете меня, Хуана?

— Я? О, нет! — воскликнула она. — Я умру, верная моей первой, моей единственной любви. Но вы, Филипп, вы молодцы, вы хороши собой... вы будете отделены от меня бескрайним морем, вы не увидите со мной больше, и другая женщина изгонит любовь ко мне из вашего сердца, а воспоминание обо мне — из вашей памяти.

Наступило короткое молчание.

— Хуана, — произнес молодой человек, — верите ли вы моей любви?

— Да, Филипп, верю, верю всеми силами моей души.

— Если так, то почему же вы сомневаетесь во мне?

— Я не сомневаюсь в вас, Филипп... увы, я боюсь будущего.

— Будущее в руках Бога, Хуана. Он, разлучающий нас сегодня, может, если Ему будет угодно, соединить нас когда-нибудь.

— Никогда не увижу я Эспаньолы, — прошептала она, — я чувствую, я умру в этой дикой и неизвестной стране, где меня заставляют жить вдали от всего, что я люблю.

— Нет, вы не умрете, Хуана, потому что если не можете вернуться вы, бедное дитя, то я мужчина, я силен, я сумею приехать к вам.

— О!.. — вскричала она с радостью. — Но нет, — прошептала она тотчас, — я не смею верить такому счастью.

Филипп грустно улыбнулся, услышав эти слова.

— Дитя! — сказал он с нежностью.

Молодая девушка бросила на него долгий взгляд из-под полуопущенных ресниц.

— Вы гордый и храбрый дворянин, Филипп, — сказала она, — может быть, многие женщины оспаривают честь союза с вами, между тем как я только бедная девушка...

— Что вы хотите сказать, Хуана? — продолжал он с волнением. — Разве я не люблю вас и не предпочитаю вас всем остальным?

— Да, вы так думаете, Филипп. Вы искренне так говорите, но наступит день...

— Никогда, повторяю вам, Хуана!

Она несколько раз печально покачала головой. Молодой человек с удивлением наблюдал за ней, не понимая этого упорного недоверия.

— Филипп, — сказала она наконец печальным тоном, от которого сердце молодого человека мучительно сжалось, — сегодня, может быть в последний раз, позволено нам видеться, дайте мне все сказать, друг мой, — прибавила она, приложив свою крошечную ручку к его губам, как бы не позволяя ему прерывать ее. — Я не хочу расстаться с вами так, чтобы вы не знали, кто я. Вы знаете только мое имя. Два месяца тому назад молодая девушка, неблагоразумно отважившаяся выехать верхом на большую равнину, подверглась нападению бешеного быка. Свирепое животное, разорвав двух лошадей, ранив и обратив в бегство слуг, опустив голову и со страшным ревом бежало за ней; молодая девушка, вне себя от испуга, скакала по равнине, уносимая

своей лошастью и чувствуя позади себя необузданный бег быка, приближавшегося к ней с головокружительной быстротой. Вдруг в ту минуту, когда последняя надежда оставляла ее, когда она уже вручала Богу свою душу в последней молитве, какой-то человек решительно бросился между ней и быком и выстрелил в обезумевшее животное из ружья; бык рухнул наземь и с ревом бессильной ярости издох у ног своего победителя. Этой молодой девушкой была я, Филипп, ее спасителем — вы. Вы помните это страшное приключение, не правда ли?

— Да, Хуана, помню и благословляю его, потому что ему я обязан счастьем нашего знакомства! — с чувством воскликнул он.

— Теперь слушайте меня, друг мой. Вы, быть может, предполагали, видя меня роскошно одетой и окруженной многочисленной прислугой, что я богата и принадлежу к благородной фамилии.

— Я ничего не предполагал, Хуана, я вас полюбил, вот и все.

Она вздохнула, смахнув слезу.

— Меня зовут Хуана, — продолжала она, — я никогда не знала ни отца, ни матери. Мне сказали, что мой отец был убит на войне до моего рождения, а моя мать умерла, дав мне жизнь. Вот все, что я знаю о своем семействе, даже имя моих родителей никогда не произносилось при мне. Мои первые годы покрыты завесой тайны, которой я никогда не могла приподнять, я не помню ничего; только мне кажется, что я жила в другой стране, я долго оставалась на море и, прежде чем поселилась на Эспаньоле, жила в краю, где небо не так чисто, деревья темнее, а солнце холоднее... но это только предположения, ни на что не опирающиеся. Мне кажется также, что я слышала и сама говорила на другом языке, не на кастильском, но какой это язык, я сказать не могу. Одно я знаю точно: мне покровительствует могущественная фамилия, постоянно наблюдающая за мной и никогда не теряющая меня из виду. Дон Фернандо д'Авила не родня мне, мне это известно наверняка. Это выслужившийся солдат, который, по всей вероятности, обязан высоким положением, которого он достиг, и еще более высоким положением, которое ему обещано, только попечению, которым он окружал мое детство. Вот и вся моя история, Филипп, она очень коротка, очень мрачна и очень таинственна; но я обязана из любви, которую испытываю к вам, обязана из уважения к самой себе познакомить вас с ней, и, убежденная, что испол-

нила священный долг, я без ропота покорюсь вашей воле, какова бы она ни была.

Молодой человек с минуту смотрел на молодую девушку с необъяснимым выражением, в котором смешивались любовь, стыд и горесть.

— Хуана, — сказал он наконец дрожащим голосом, — вы праведное и благородное дитя, ваше сердце чисто, как у ангела! Я недостойн вашей любви, потому что я вас обманул!

— Вы меня обманули, Филипп? Это невозможно! — сказала она с лучезарной улыбкой. — Я вам не верю.

— Благодарю, Хуана! Но, в свою очередь, я хочу вам сказать, кто я.

— О! Я знаю, вы красивый и храбрый дворянин, которого я люблю, что мне за дело до остального!

— Позвольте мне сказать, Хуана; когда вы узнаете все, вы осудите меня или извините. Я дворянин, вы сказали правду, дворянин даже знатного рода, но я беден.

— Что же мне до этого?

— Ничего, я это знаю, но мне остается открыть вам тайну, тайну страшную, которая, когда вы ее узнаете, может быть навсегда разрушит мое счастье.

— Продолжайте, — сказала она, с недоверием качая головой.

— Я не испанец, Хуана.

— Знаю, — сказала она, улыбаясь, — еще я знаю, что вы француз, что вы один из предводителей страшного общества *морских цыган*, как называют их испанцы, перед которым дрожит кастильское могущество... Так это-то, Филипп, и есть та страшная тайна, которую вы не решаетесь мне открыть? Полно, друг мой, я давно уже знаю все, касающееся вас, разве это не часть моего существа?

— Итак, вы меня прощаете?

— За что мне вас прощать, Филипп? Я не мужчина, я даже не знаю, испанка ли я. Эти ссоры и эта ненависть меня не интересуют, я женщина и люблю вас — вот все, что касается меня.

— О, да благословит вас Бог за эти слова, Хуана, они возвращают мне жизнь.

— Вы сомневались, Филипп?

— Я не смел надеяться, — отвечал он кротко.

— Одни женщины умеют любить, — прошептала она печально. — Ах, мы должны расстаться!

— О! Нет еще, нам незачем торопиться.

— К чему увеличивать нашу горесть, продолжая это жестокое прощание?

— Разве вы не хотите больше увидеться со мной?

— После того, что я вам сказала, разве вы считаете меня достойной вас, когда я не более чем бедная девушка?

В глазах Филиппа сверкнули яркие молнии.

— Пойдемте, — сказал он.

— Куда вы меня ведете?

— Пойдемте, Хуана, я хочу вам ответить у подножия алтаря.

Она пошла за ним, дрожа от надежды и боязни, в боковую капеллу во имя Божией Матери Всех Скорбящих.

— Станьте на колени возле меня, Хуана, и запомните мои слова, примите клятву, которую я произнесу в присутствии Божией Матери.

Молодая девушка встала на колени, ничего не отвечая.

— Я клянусь, — сказал тогда молодой человек твердым голосом, — никогда никого не любить, кроме вас, клянусь приехать к вам, в каком бы месте вы ни находились, клянусь быть возле вас раньше, чем пройдет год. Пусть Святая Дева, которая видит меня и слышит, накажет меня, если я не сдержу клятвы, которая исходит из глубины моего сердца!

— Я клянусь, что буду вас ждать, Филипп, и буду вам верна, что бы ни случилось, — ответила молодая девушка, сложив руки и подняв глаза на святое изображение.

Они встали.

— Вот, Хуана, — продолжал Филипп, сняв перстень с левой руки, — возьмите этот перстень, пусть он будет обручальным, вы одна, отослав мне его, можете возвратить мне свободу.

— Пусть будет как вы желаете, Филипп, я вас люблю и верю вам; я принимаю ваш перстень, возьмите взамен мой, — прибавила она, подавая ему богатый бриллиантовый перстень, — я никогда с ним не расставалась. В детстве я носила его на шее на золотой цепочке; может быть, это последняя вещь на память от моей матери, которую она завещала мне, умирая. Сохраните его, теперь он принадлежит вам, потому что я ваша невеста, ваша супруга перед Богом.

В ту минуту, когда молодые люди обменялись таким образом перстнями, яркий луч солнца блеснул в окне капеллы и залил их блестящим светом.

— Принимаю это предзнаменование, — сказал, улыбаясь, молодой человек, — мы будем счастливы, Хуана. Свя-

тая Дева покровительствует нам и благоприятствует нашей любви.

— Да будет она благословенна! — набожно ответила молодая девушка.

— Когда вы уезжаете и куда направляетесь, Хуана?

— Срок нашего отъезда окончательно еще не установлен. Дон Фернандо д'Авила ждет с минуты на минуту, что его назначат губернатором в Панаму.

— Так далеко! — сказал Филипп, нахмутив брови.

— Ах! Вы видите, что мы разлучены навсегда.

— Не говорите так, моя возлюбленная! Нет ничего невозможного, я поклялся приехать к вам и сдержу свою клятву.

— Да услышит вас Небо!

— Я вспомнил, кажется, дон Фернандо д'Авила — губернатор Черепашьего острова?

— Да.

— Это славный воин и достойный противник, мы уже сталкивались с ним.

— Сегодня или завтра я должна отправиться к нему, с Черепашьего острова мы поедem на материк. Вы видите, Филипп, что мы не должны думать о возможности увидеться, по крайней мере скоро.

— Это не так, моя возлюбленная, разве я не приехал сюда, к своим врагам? Почему же я не могу пробраться на Тортугу? Поверьте мне, одно не труднее другого.

— Но если вас узнают, вы лишитесь жизни.

— Успокойтесь, моя возлюбленная, опасность не так страшна, как вам кажется.

Молодая девушка печально вздохнула.

— Теперь, — промолвила она через минуту, — пора расставаться, Филипп.

— Уже расставаться, моя обожаемая Хуана! — с мольбой воскликнул молодой человек.

— Это необходимо, Филипп, более продолжительное отсутствие может возбудить подозрения. Кроме того, не должны ли мы увидеться? Теперь я счастлива, я надеюсь!

— Повинуюсь вам, Хуана, ухажу, как вы желаете... Еще одно, последнее слово.

— Говорите.

— Что бы ни случилось, что бы ни нарасказывали вам обо мне, вы никогда не должны верить, что я перестал вас любить.

— Я верю вам, Филипп, и буду верить только вам, клянусь.

— Я принимаю вашу клятву, Хуана, она написана в моем сердце, и теперь я ухожу, исполненный веры, моя возлюбленная. Я не прощаюсь с вами, я говорю: до свидания!

— До свидания, Филипп! — ответила она, протянув ему руку.

Молодой человек подержал с минуту эту крошечную ручку в своей руке, нежно поцеловал ее несколько раз, потом, сделав над собой усилие, сказал прерывающимся голосом:

— До свидания, Хуана, до свидания!

Он резко повернулся и твердыми шагами вышел из церкви. Хуана провожала его взглядом до тех пор, пока он не исчез, потом упала на колени перед алтарем Божией Матери Всех Скорбящих, прошептав голосом, дрожащим от волнения:

— До свидания, мой возлюбленный Филипп!

— Сеньорита, — сказала служанка, тихо приблизившись к своей госпоже после ухода молодого человека, — мы уже давно ушли из дома, разве вы не боитесь, что наше отсутствие найдут очень продолжительным?

— Но ведь мы в церкви, Чиала!

— Это правда, сеньорита, даже в прекрасной церкви, однако все-таки лучше вернуться домой, ведь надо все приготовить к вашему отъезду.

— Правда, но так как, может быть, мне никогда больше не придется возвратиться сюда, — отвечала Хуана с кротким вздохом, — будьте так добры, Чиала, дайте мне еще помолиться Святой Деве за того, кого я люблю, только пять минут.

Дуэнья недовольно покачала головой, как женщина осторожная, но осталась ждать.

Через несколько минут обе дамы, закутавшись в мантильи, наконец вышли из церкви. На паперти они встретились с человеком, старательно прикрытым плащом, который почтительно им поклонился. Девушка не могла удержаться от нервного трепета при виде этого человека; ускорив шаги, она наклонилась к дуэнье и шепнула ей тихим и дрожащим голосом:

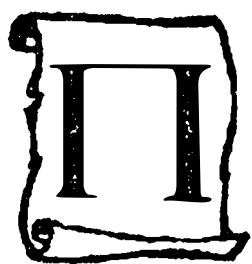
— Как вы думаете, он нас узнал?

— Кто знает! — в тон ей ответила дуэнья.

Между тем незнакомец остановился на церковной паперти и следил за ними насмешливым взором.

— Опять придется повторить, — сказал он сквозь зубы, — я опоздал на четверть часа. Терпение!

Обязанный работник

Прежде чем продолжать наш рассказ, скажем два слова о том страшном товариществе флибустьеров, или Береговых братьев, о которых мы говорили выше, как оно возродилось и каким образом сумело стать столь грозной силой.

Флавио Джойа, гражданин из Амальфи, что в Неаполитанском королевстве, усовершенствовал в 1303 году компас, оказал мореплаванию огромную услугу. Это усовершенствование, позволившее мореплавателям не держаться берегов, а плавать в открытом море, далеко от земли, и дало толчок тому духу открытий, который впоследствии обеспечил человеку владычество над морями и принес ему обладание земным шаром, все части которого стали отныне ему доступны.

Мореплавание с первой половины XIV века начинало обретать все более смелые стремления. Испанцы отправились на Канарские острова, находившиеся за пятьсот миль от испанского берега; здесь они принялись совершать высадки для того, чтобы брать туземцев в рабство.

Первый же систематический план открытия и исследования новых земель был задуман португальцами после изгнания мавров из их страны. Вполне естественно, что помыслы португальцев были устремлены к африканскому континенту. Мы не будем ничего говорить здесь об успехе этих отважных странствований, а ограничимся только замечанием, что в среде этих смелых мореплавателей появился Христофор Колумб, которому предоставлена была честь открыть Новый Свет.

Странное дело, тщетно пытаюсь снискать расположение многих монархов, отвергаемый всеми как сумасшедший или мечтатель, Колумб, напоследок обратившийся к Фердинанду и Изабелле, тогда остановившимися перед Гранадой, которую они осаждали, опять, после долгих переговоров, получил отказ — и на этот раз без всякой надежды на успех; он оставил лагерь, чтобы удалиться в Англию, куда уже неоднократно собирался податься, когда взятие Гранады вдруг изменило намерение обоих государей и заставило их принять предложения, от которых они так решительно отказывались сначала.

Христофор Колумб удалился от лагеря уже на несколько миль, когда курьер королевы догнал его; став недоверчивым от постоянных неудач, этот великий человек не без колебаний решился вернуться в Санта-Фе, где в то время расположился двор.

В Палосе, маленькой андалузской гавани, был снаряжен флот, которому суждено было принести Испании Новый Свет. Снаряжение, оплаченное из королевской казны, далеко не отвечало величию предприятия, все издержки не превышали ста тысяч франков. Эскадра, отданная под начальство Колумба, произведенного в адмиралы, состояла из трех небольших кораблей, два из них были немногим больше шлюпок.

Адмирал плыл на «Санта-Марии», Мартин Алонсо Пинсон получил начальство над «Пинтой», имея лоцманом своего брата, и, наконец, «Нинья» была отдана под начальство Висенте Яньеса Пинсона, младшего из братьев Пинсонов. Суда взяли на борт годовой запас провизии. Экипажи состояли из девяноста человек, матросов и дворян, решившихся последовать за Колумбом.

Незадолго до восхода солнца 3 августа 1492 года флот снялся с якоря у Сальтеса, близ Уэльвы, в присутствии толпы зрителей, желавших успеха этому необыкновенному предприятию; однако большая часть провожающих не надеялась вновь увидеть смелых авантюристов.

В пятницу 12 октября 1492 года, после шестидесятипятидневного плавания, на восходе солнца вахтенный заметил землю — остров Гуанахани, или Сан-Сальвадор, один из Лунайских островов, или островов Багамского архипелага.¹ Великая проблема, до сих пор неразрешимая, была решена: Новый Свет был открыт или, лучше сказать, отыскан.

Но только в третье путешествие Колумб достиг берегов американского континента. 1 августа 1498 года Алонсо Перес, матрос, родившийся в Уэльве, стоявший на часах на марсе, увидел остров Тринидад. За ним открылся Гвианский берег, у устья Ориноко. Адмирал направил судно на запад и поплыл вдоль берегов Парии и Куманы, на которые несколько раз высаживался. Так был открыт американский континент.

1 Ныне о. Уотлинг.

Тотчас после первого путешествия адмирала Фердинанд и Изабелла, ослепленные великолепным и неожиданным результатом, достигнутым им, сочли за нужное принять предосторожности, чтобы обеспечить себе обладание землями, которыми их одарил гениальный авантюрист почти против их воли, и теми, которые в будущем он мог еще открыть. Следуя в этом примеру португальцев, которые в 1438 году заставили папу Евгения IV пожаловать им все страны, которые они откроют «от мысов Бохадор и Нан... вплоть до индийцев¹», король и королева обратились к папе Александру VI с просьбой не только закрепить за ними страны, которые они уже открыли, но и те, которые будут открыты ими впоследствии.

Александр VI, родившийся подданным Фердинанда, желая сделать приятное этому государю, не увидел никаких затруднений, чтобы исполнить его просьбу. Щедрым поступком, который ему ничего не стоил, но который увеличивал власть и притязания папы на всемирное владычество, он отдал буллой испанской короне все земли, открытые Фердинандом и Изабеллой, и те, которые впоследствии они могли открыть; однако, для того, чтобы эта привилегия не вступала в противоречие с данной ранее Португалии, Александр VI определил границей между этими двумя государствами воображаемую черту, проведенную от одного полюса до другого и проходящей в ста милях к западу от Азорских островов, отдавая своим полномочием все, что было к востоку от этой линии, Португалии, а все страны, находившиеся на западе, — Испании.

Основываясь на этой булле, данной в 1493 году папой, который силой своей власти уступал обширные области, не только ему не принадлежащие, но местоположение и даже существование которых было ему неизвестно, испанцы, считая себя законными владельцами Америки, присвоили ее, так сказать, в свою пользу, запретив выходцам из других стран не только селиться там, но и высаживаться на берег с целью вести торговлю с местными жителями. Эти притязания, как ни чудовищны они кажутся нам ныне, не возбудили тогда в Европе никаких протестов. В те времена Старый Свет все еще приходил в себя после кровавых побоищ, вызванных как опустошительным потоком непрерывных набегов варва-

¹ Так называли жителей не только Индии, но и Эфиопии.

ров, так и свирепыми междоусобицами, и был слишком серьезно занят решением собственных проблем, для того чтобы предпринимать отдаленные экспедиции и устраивать колонии в неизвестных странах.

Более столетия дела оставались в таком положении. Испания, владычица морей, на которых ею был установлен деятельный надзор, без опаски вывозила в свои гавани золото Нового Света.

Но как ни всевидяще было грозное око испанских властей, некоторые иностранцы успели обмануть его бдительность. Возвратившись в Европу, они показывали золото, добытое ими, и рассказывали зачарованным слушателям небывалые истории о неизвестных областях, в которых они побывали. Эти истории, переходя из уст в уста, скоро приняли фантастические размеры, разбудив алчность в слушающих, и из всех гаваней Франции, Англии и даже Германии отправились экспедиции на поиски нового Эльдорадо.

Испанцы, искренне считавшие себя владельцами Нового Света, считали себя ограбленными; они преследовали иностранцев и обращались с ними как с пиратами. К несчастью, ни Франция, ни Англия, ни другие европейские народы не имели флота, способного бороться с испанским, давно завоевавшим репутацию непобедимого. Они должны были склонить голову, проглотить свой стыд и признать собственное бессилие.

Тогда-то, в то самое мгновение, когда морское могущество Испании казалось непоколебимым в веках, одинокие авантюристы, пострадавшие от междоусобных раздоров, изгнанные религиозными войнами, искавшие ненадежного убежища на уединенных островках Атлантического океана и уже теснимые в этом последнем убежище, отважились сделать то, на что не рискнула пойти вся Европа, и смело бросили перчатку кастильскому колоссу. Эти авантюристы, будучи представителями разных наций, говоря на разных языках, исповедуя разные религии, но связанные между собой узами нищеты и ненависти к угнетению, составили грозное товарищество Береговых братьев, которому суждено было около столетия противостоять испанскому могуществу и положить начало европейским колониям в Новом Свете.

В то время, когда происходит наша история, французские военные суда, весьма немногочисленные, оставляли гавани только для коротких плаваний вдоль берегов, так что торговый флот защищал себя как мог, правительство не заботи-

лось о нем, поэтому большая часть торговых судов имела многочисленный экипаж и пушки, чтобы защищаться против пиратов, наводнявших моря. Так что хотя между Францией и Испанией был мир, французское правительство охотно закрывало глаза на снаряжения, производившиеся в ее гаванях, и делало вид, будто принимает за мирных купцов смелых корсаров, заходивших туда запасаться съестными припасами или, построив суда, выходивших в море для того, чтобы преследовать испанские галионы. Поэтому корсары, заранее уверенные в безнаказанности, а в случае надобности и в покровительстве французских властей, не старались скрыть свои намерения и действовали в Дьеппе, Нанте или Бресте так бесцеремонно, как будто находились у Антильских островов. Действительно, что могло сказать французское правительство авантюристам? Ничего, ведь для того, чтобы окончательно убедить их в своем покровительстве, оно само назначало губернатора из числа людей, уважаемых флибустьерами, и беспокоилось о том, чтобы ему была выделена часть добычи, отнятой у испанцев. Ныне это неизбежно вызвало бы *casus belli*¹, но тогда дело обстояло иначе: спорные вопросы истолковывались другим образом, правительства безмолвно условились, что все происходившее по другую сторону экватора не должно было ни в чем изменять европейский мир. Таким образом, жизнь в американских водах контролировалась Береговыми братьями, которые безнаказанно бороздили моря, гонясь за кастильскими галионами.

Мы закончим теперь это отступление, конечно очень длинное, но необходимое для уразумения последующих событий, и начнем опять нашу историю с того места, где оставили ее, то есть в ту минуту, когда Филипп после разговора с доньей Хуаной вышел из церкви Мерсед в волнении, которое, несмотря на все его самообладание, он не мог скрыть полностью. Очутившись на улице, он надвинул шляпу на глаза и медленным шагом направился к гостинице. Лошадь его была оседлана, ее держал за поводья пеон, тот самый, который недавно сказал ему, чтобы он шел в церковь. Молодой человек прыгнул в седло, бросил золотую монету пеону и выехал со двора. Ему больше нечего было делать в городе; благоразумие предписывало ему уезжать как можно скорее.

¹ Повод к войне (лат.).

Однако он не ускорил бега лошади и ехал шагом, нисколько не заботясь об ужасной опасности, угрожавшей ему, если бы, несмотря на переодевание, в нем узнали флибустьера. Война испанцев с Береговыми братьями была неумолима и беспощадна; всякий пленник, взятый испанцами, немедленно подвергался повешению, флибустьеры же расстреливали пленных — в этом заключалась единственная разница в способах расправы с врагом. Впрочем, с той и с другой стороны убийство пленных совершалось необыкновенно быстро.

К счастью для молодого человека, был полдень, знойное солнце обжигало землю, и жители, спрятавшись в домах от изнурительной жары, отдыхали с запертыми дверями и ставнями, так что улицы были совершенно пусты, и по тишине, царствовавшей в городе, он точь-в-точь походил на город из «Тысячи и одной ночи», жителей которого волшебник вдруг превратил в статуи.

Филипп благополучно добрался до ворот, которые один сонный лансеро¹ ворча отворил ему за пиастр и крепко за ним запер, и скоро очутился за городом. Перед ним расстилалась огромная равнина, покрытая роскошной растительностью и перерезаемая здесь и там почти высохшими ручьями. Оглянувшись на город, уже скрытый деревьями, он глубоко вздохнул и, наклонившись к шее лошади, поскакал галопом, не обращая внимания на жару, увеличивавшуюся с каждой минутой и становившуюся нестерпимой. Филипп чувствовал потребность быстрой ездой придать другое направление своим мыслям.

Уже больше двух часов мчался он таким образом. Лошадь его начинала утомляться и замедлять бег, как вдруг чей-то голос радостно воскликнул:

— Я знал, что встречу его здесь!

Молодой человек остановился и с удивлением осмотрелся вокруг. На камне, под тенью огромного дерева, сидел человек и, улыбаясь, смотрел на Филиппа, выпуская клубы дыма из трубки с коротким чубуком.

— Питриан! — с удивлением вскричал Филипп. — Что ты тут делаешь, мой милый?

¹ Л а н с е р о — испанский конный стражник.

— Жду вас, господин Филипп, — ответил тот, вставая и подходя взять поводья лошади, пока молодой человек сходил на землю.

Этот Питриан был высокий широкоплечий малый лет тридцати пяти. Его умная, веселая физиономия как бы освещалась серыми глазами, взгляд которых живо перебегал с предмета на предмет и сверкал смелостью и хитростью; его кожа, загорелая и задубевшая от ветра, дождя, солнца и моря, приняла кирпичный цвет, делавший его похожим скорее на кариба, чем на европейца, хотя он был француз, парижанин. Костюм его был самый простой и первобытный, он состоял из небольшого холщового плаща и панталон, спускавшихся только до середины бедра. Надо было присмотреться вблизи, чтобы узнать, холщовая или нет эта одежда, до такой степени она была запачкана кровью и жиром. Старая шляпа с козырьком покрывала его голову; за поясом у него был чехол из крокодиловой кожи, в котором находились четыре ножа и штык, а возле себя он положил одно из тех длинных ружей, которые Бражи в Дьеппе и Желен в Нанте изготавливали специально для буканьеров.

Питриан снял седло с лошади и начал прилежно обтирать ее, чуть слышно ворча про себя.

— Что ты там бормочешь, животное? — спросил, смеясь, молодой человек, который удобно разлегся в тени и играл с собаками работника.

— Животное! — произнес тот, пожимая плечами. — Я знаю, ваша лошадь тоже животное. Да мыслимое ли дело так загнать благородную скотину!

Филипп расхохотался.

— Хорошо, — сказал он, — ворчи, ворчи, это облегчит тебе жизнь. Кстати, знаешь ли ты, что я умираю с голоду; нет ли у тебя чего перекусить?

Работник, по-видимому, не слышал этого вопроса и продолжал обтирать лошадь. Филипп давно знал этого человека, он не настаивал и терпеливо ждал, чтобы Питриан занялся им. Питриан отвел лошадь в тень, дал ей напиться, положил перед ней две охапки травы, потом приблизился к молодому человеку, который притворился, будто не думает о нем.

— Итак, вы говорите, что голодны? — резко спросил Питриан.

— Еще бы! Я ничего не ел со вчерашнего дня.

— Есть смысл оставаться так долго без еды! — насмешливо заметил работник. — Но вы, должно быть, страшно проголодались?

— Признаюсь, я очень голоден.

— Я думаю! К счастью, я человек предусмотрительный, меня врасплах не застанешь; поищите у моей палатки.

Филипп внимательно огляделся и увидел, что рядом с палаткой, на листе, служившем тарелкой, лежит большой кусок вареной говядины и стоит горлянка с водкой.

— Я знал, что вы попросите у меня есть, вот и запасся.

— Ты поистине драгоценный человек, — сказал Филипп, схватив говядину. — Разве ты не составишь мне компанию?

Они сели друг против друга, взяли ножи, и обед начался.

— Теперь, — сказал молодой человек, — сделай мне удовольствие и объясни, каким образом я нашел тебя здесь?

— О! Очень просто: я вас искал.

— Как, ты меня искал?

— Капитан Пьер Легран сказал мне сегодня утром: «Я должен непременно сегодня вечером видеть моего друга Филиппа в гостинице «Лосось». Я не знаю, куда он запропастился. Отыщи его, Питриан, и без него не возвращайся». Я отправился на поиски... Вот и все.

— Ты отправился на поиски, это очень хорошо, но почему ты пошел в эту сторону, а не в другую?

Питриан расхохотался.

— Ничего не может быть проще, — сказал он, — я дал понюхать ваше платье Миро и сказал ему: «Ищи, Миро, ищи!» Добрая собака вертелась туда и сюда несколько минут, потом взяла ваш след и привела меня сюда. Теперь вам все ясно?

— Почти, — ответил молодой человек, бросая на работника подозрительный взгляд, — но разве Пьер хочет говорить со мной о чем-то серьезном?

— Кажется.

— Ты ничего не знаешь?

— Представления не имею, только он непременно ждет вас в гостинице.

— Буду.

— А обо мне вы позаботились, господин Филипп?

— Да, я все устроил.

— В самом деле?

— Честное слово! Ты теперь мой, я купил тебя у Пьера за четыре собаки и бочонок с порохом.

— Это не дорого.

— Он черт знает как дорожил тобой.

— Я думаю! Он с трудом найдет другого такого, как я.

— Теперь все устроено, и ты можешь быть спокоен.

— Благодарю. Я ваш и телом и душой на два года, потом я буду свободен.

— Решено.

— Да здравствует веселье! Я не променял бы свое нынешнее положение даже на сто луидоров с изображением французского короля... Кстати, я принес ваше ружье, пороховницу и мешок с пулями.

— Зачем?

— Неизвестно, что может случиться, беда приходит очень быстро, а по-моему нет ничего глупее, чем дать себя убить ни за что ни про что.

— Ты прав, пожалуй.

Говоря таким образом, Филипп взял ружье, зарядил его и положил возле себя. Авантюристы отдыхали долго, жара была так сильна, что они предпочли переждать зной, прежде чем отправились в путь. Было около пяти часов вечера, когда они наконец подумали об отъезде. Питриан сложил свою палатку из тонкого полотна, перекинул ее через плечо, оседлал лошадь. Филипп уже хотел на нее садиться, когда собаки вдруг наострили уши и начали настороженно лаять.

— Это что такое? — спросил Питриан. — Разве здесь в окрестностях есть испанцы, мои добрые собаки?

Собаки устремили сверкающие глаза на работника и завертели хвостом, повернув голову к тропинке, которая вела в город.

— Посмотрим, что там такое, мои красавчики, — сказал Питриан и, бросившись к дереву, ухватился за ствол и влез наверх с быстротой и ловкостью обезьяны. Через несколько минут он спустился.

— К нам едут гости, — сказал он.

— Хорошо, будем же вежливы и приготовим им достойную встречу, — смеясь ответил Филипп. — Много их?

— Человек двадцать, насколько я мог различить.

— Немного.

— Я тоже так думаю. Кроме того, они кажутся мне довольно мирными людьми. Это лансерос, провожающие носилки, запряженные лошадьми.

— Хорошо. Пусть себе едут.

Через несколько минут неподалеку слышались бубенчики лошадей и хлопанье бича майорала¹. Оба авантюриста решительно встали с ружьем в руках посреди тропинки.

— Стой! — закричал Филипп громовым голосом.

Но этот призыв запоздал — при неожиданном появлении авантюристов лошади и солдаты остановились как бы по взаимному уговору: до того безумная отвага этих двоих испугала проезжавших. Авантюристы обменялись насмешливой улыбкой и, небрежно взяв ружья под мышку, подошли к носилкам.

— Куда направляетесь вы, проклятые испанцы? — грубо спросил Филипп у долговязого и желтолицего человека, дрожавшего всем телом, который казался начальником каравана.

— Мы путешествуем, благородный кабальеро, — отвечал тот невнятным голосом, низко кланяясь.

— Скажите пожалуйста! — заметил, ухмыльнувшись, Питриан. — И вы что же, путешествуете таким образом без всякого позволения?

Тот не ответил и со страхом осмотрелся вокруг; копья в руках солдат дрожали, так велик был их испуг.

— Ну-ка, — насмешливо продолжал Питриан, — покажите нам, кто спрятался в этих носилках, чтобы мы могли судить, какое уважение следует ему оказывать.

— Извольте, сеньор, — сказал кроткий и нежный голос, при звуках которого Филипп вдруг задрожал.

Занавеси носилок раздвинулись, и очаровательное, грациозное личико доньи Хуаны показалось в проеме. Филипп взглядом приказал Питриану молчать и, сняв шляпу, сказал, почтительно поклонившись:

— Сеньорита, извините наше нескромное любопытство и продолжайте ваш путь; клянусь, никто больше не беспокоит вас.

— Я извиняю вас, кабальеро, — ответила она с нежной улыбкой. — Поезжайте, — обратилась она к майоралу.

— Позвольте пожелать вам благополучного пути, сеньорита, — печально добавил молодой человек.

— Надеюсь, что оно окончится благополучно, — выразительно произнесла девушка, — так же хорошо, как и началось.

¹ М а й о р а л ь — здесь: старший погонщик.

Она в последний раз махнула рукой, и носилки удалились. Филипп остался стоять неподвижно, склонив голову, со шляпой в руке, до тех пор, пока процессия не исчезла за поворотом тропинки, и вдруг, выпрямившись, глубоко вздохнул.

— Ты видел эту женщину, Питриан? — спросил он работника прерывающимся голосом. — Я люблю ее, это моя невеста, она унесла с собой мое сердце!

— Хорошо! — улыбнувшись, сказал Питриан. — Она должна возвратить его вам, если бы даже нам пришлось разрушить все испанские колонии, чтобы отыскать ее.

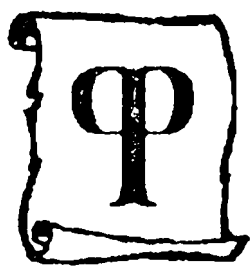
— Я дал клятву жениться на ней.

— Клятва священна для дворянина. Мы ее сдержим, я не знаю, как мы это сделаем, но мой отец, который был вовсе не дурак, говорил: «Тот всего дождется, кто умеет ждать», — и он действительно был прав.

Через десять минут авантюристы отправились по дороге в Пор-де-Пе, куда прибыли к десяти часам вечера.

Глава IV

Дядя и племянник

Филипп отпустил своего работника и сразу же отправился в гостиницу, невольно тревожась по поводу предстоящего свидания, причины которого он не понимал, — должно быть, случилось нечто очень важное, если Пьер Легран, вместо того чтобы просто ждать его в их общей квартире, вызвал его в гостиницу в такое позднее время.

Присутствие дяди, которого он считал находящимся на острове Сент-Кристофер, где тот занимал пост губернатора, было для него проблеском света и предостережением, чтобы он вел себя осмотрительно. Действительно, д'Ожерон был человек не только деятельный, очень заботившийся о чести авантюристов, с которыми он несколько лет делил опасности и тяготы флибустьерской жизни, но, кроме того, очарованный удовольствиями этой жизни, исполненной сильных ощущений и неожиданностей, он посвятил себя телом и душой счастью своих товарищей по оружию и мечтал о лучшем обустройстве их ненадежных убежищ, о том, чтобы дать Франции богатые колонии, превратив всех этих смелых хищных птиц, этих отважных покорителей морей в мирных жителей и трудолюбивых колонистов.

Этот план, достойный во всех отношениях человека с таким возвышенным умом и таким горячим сердцем, он старался осуществить любыми способами, жертвуя для этой цели даже личным состоянием. Словом, он продолжал превращать в жизнь идеи Ришелье, которому хотелось если не совсем уничтожить огромную власть испанцев в Америке, — дело пока невозможное, — то по крайней мере ограничить ее, так чтобы большая часть богатств Нового Света служила на пользу Франции, будучи отобрана у Испании.

Французское правительство понимало величие этой благородной и патриотичной идеи; слишком слабое для того, чтобы открыто помочь д'Ожерону военной силой, оно могло лишь тайно поощрять его действия и предоставить ему полную свободу, заранее обязавшись одобрить все, что он надумает предпринять.

Как ни ненадежна была эта слабая опора, д'Ожерон довольствовался ею и смело принялся за дело. Но задача была крайне тяжелой: флибустьеры, привыкшие к полной свободе, к самой необузданной вольности, нисколько не были расположены сгибать голову под игом, которое хотел наложить на них губернатор острова Сент-Кристофер; они не без оснований утверждали, что Франция, отвергнув их как уродливых членов своей семьи и предоставив их самим себе, когда они были слабы, не имела права теперь, когда их отвага сделала их могущественной силой, вмешиваться в их дела и предписывать им законы.

Всякий другой человек, кроме д'Ожерона, без сомнения, отступил бы перед трудной задачей обуздать этих неукротимых людей. Но этот могучий разум, который поддерживала надежда на свершение великого и благородного дела, напротив, лишь подстегивали препятствия, по большей части неожиданные, которые возникали на каждом шагу и грозили помешать осуществлению его планов. Не прошло и четырех лет с тех пор, как д'Ожерон начал гигантское дело нравственного исправления, а его опыты уже принесли плоды и в нравах авантюристов начала обнаруживаться заметная перемена; они невольно подчинялись родительскому влиянию этого человека, который посвятил себя их счастью и которого они привыкли уважать, как отца.

Д'Ожерон понимал, что для достижения своей цели он должен не просто покуситься на законы Береговых братьев, но пойти на смелый шаг, став во главе этого общества, и направлять его действия. Авантюристы, которым лестно было видеть своим предводителем такого человека, весьма сла-

бо сопротивлялись ему, в глубине души понимавшие выгоды твердого и разумного управления.

Добившись этого результата, д'Ожерон уехал во Францию. Хотя в то время был самый разгар Фронды, он отправился в Булонь, где в то время находился кардинал Мазарини, которого принцы вынудили удалиться, но который, однако, из этого изгнания тайно управлял делами короля. Кардинал благосклонно принял авантюриста, уговаривал его продолжать начатое дело, любезно согласился на все его просьбы, и д'Ожерон, не теряя ни минуты, уехал из Булони в Дьепп, откуда отплыл на остров Сент-Кристофер.

Но в его отсутствие случилось множество событий, заставивших губернатора изменить задуманные им намерения и отложить на некоторое время планы реформ.

Испанцы начали энергичные военные действия против флибустьеров, разбили их в нескольких схватках, захватив большое их число и повесив без всякого суда. В конце концов смелым нападением они захватили Черепаший остров, который надежно укрепили и где оставили многочисленный гарнизон под командой храброго и опытного офицера.

Потеря Тортуги нанесла сокрушительный удар по могуществу авантюристов, лишив их надежного убежища недалеко от Санто-Доминго, а следовательно, на пути испанских судов. Кроме того, несмываемое кровавое пятно легло на честь флибустьеров, которых до сих пор считали непобедимыми. Во что бы то ни стало необходимо было вернуть Черепаший остров, это орлиное гнездо, откуда так безопасно вылетали флибустьеры, чтобы неожиданно нападать на испанские колонии.

Вернувшись на остров, д'Ожерон, не объявляя о своем присутствии, надел костюм флибустьера, сел со своими двумя людьми в ветхую лодку, в которую из всех щелей вливалась вода, сумел незаметно пройти среди многочисленных судов, и после семнадцатидневного путешествия, в котором он раз сто чуть не погиб, ему удалось высадиться целым и невредимым в Пор-де-Пе. Прибыв на Санто-Доминго, губернатор отправил одного из своих людей к Пьеру Леграну, старому флибустьеру, которого он давно знал, назначил ему свидание в гостинице и открыл ему свои планы, подключив к переговорам и своего племянника Филиппа, который имел большое влияние среди флибустьеров благодаря своей необыкновенной энергии, львиному мужеству, а особенно счастьем, сопровождавшему все его предприятия.

Д'Ожерон внимательно следил за выражением беспокойства, которое внезапно появилось на лице молодого человека, когда было упомянуто о Черепашьем острове. Старик нахмурил брови и, устремив на молодого человека проницательный взгляд, спросил:

— Что это значит, Филипп? Ты колеблешься, не решаясь напасть на испанцев?

— Нет, дядюшка, — ответил Филипп с очевидным замешательством, — я не колеблюсь, сохрани меня Бог!

— Ты просто отказываешься, — добавил дядя с насмешкой.

Молодой человек побледнел еще больше, если такое возможно, при этой язвительной иронии.

— Вы не поняли смысла моих слов, дядюшка, — почтительно заметил он.

— Так объясни мне все откровенно, — сказал губернатор с нетерпением, — я должен знать, по крайней мере, что у тебя на уме.

Хотя уже и будучи стариком, д'Ожерон, все еще молодой сердцем и умом, сохранил со времен прежней отважной жизни вспыльчивость, которая при малейшем противоречии заставляла кровь бросаться ему в лицо и пробуждала в нем страшный гнев.

— Я очень хочу объясниться, дядюшка, но сделаю это с одним условием.

— С каким? Говори же.

— Вы должны выслушать меня спокойно и не сердиться.

— Где это ты видел, чтобы я сердился, черт побери! — вскричал раздражительный старик, ударив кулаком по столу так, что тот чуть не разлетелся в щепки.

— Вот видите, вы уже начинаете сердиться!

— Отправляйся к черту!

— С удовольствием, — ответил Филипп, делая шаг к двери.

Но дядя торопливо схватил его за полу камзола.

— Полно тебе, оставайся здесь и поговорим, — сказал он кисло-сладким тоном.

— Хорошо, лучше закончить этот разговор сейчас.

— Я тоже так думаю.

— Вы хотите взять Тортугу?

— Хочу.

— Чем?

— Как чем?

— Я полагаю, что вы не имеете намерения захватить остров в одиночку?

— Еще бы!

— Так что же вы собираетесь делать? Испанский гарнизон многочислен, офицер, командующий им, опытен, он всегда остерегается, прекрасно зная, что когда-нибудь мы вздумаем напасть на него врасплох; кроме того, остров отлично укреплен.

— Я знаю все это, дальше!

— Дальше?

— Ты что, хочешь сказать, что Черепаший остров неприступен?

— Я не хочу ничего сказать, нет, я только хочу заставить вас понять, насколько трудна эта экспедиция, особенно теперь.

— Почему же именно теперь?

— Потому, что все наши самые храбрые братья отсутствуют, и здесь никого не осталось.

— Я уже заметил это господину д'Ожерону, — вставил Пьер Легран, выбивая трубку об угол стола.

— А что я на это ответил?

— Вы ответили, что можно обойтись без отсутствующих.

— И опять скажу то же самое — слышишь, племянник?

— Прекрасно слышу, дядюшка.

— Ну, а хочешь ты услышать мое мнение обо всем этом?

— Мне будет очень лестно узнать его, дядюшка.

— Так вот мое мнение, милостивый государь: по причинам, мне неизвестным, но о которых, будьте уверены, я узнаю, вы не желаете, чтобы Тортуга была атакована.

— О, дядюшка! — сказал Филипп, краснея. — Как вы можете предполагать что-либо подобное?

— Полно, полно, племянник! Со мной увертки бесполезны, я достаточно стар, чтобы меня можно было обмануть.

Молодой человек сделал усилие над собой.

— Вы действительно предлагаете нам отнять остров у испанцев? — спросил он резко.

— Конечно.

— Если так, выслушайте меня, дядюшка.

— Ничего другого я не желаю. Вот уже целый час я приглашаю тебя говорить.

— Это дело слишком важное, — продолжал Филипп, — его нельзя обсуждать здесь, куда всякий может войти, и притом трактирщик ненадежен; в Пор-де-Пе полно испан-

ских шпионов, наш план будет тотчас же известен неприятелю.

— Все это очень хорошо. Вот я люблю, когда ты так говоришь.

— Сохраните ваше инкогнито, дядюшка, ваше присутствие здесь должно оставаться в тайне, а мы с Пьером послезавтра созовем наших братьев на островок Мариго.

— Почему послезавтра? Почему на островок?

— Потому что на островке никто не сможет шпионить за нами, там мы будем чувствовать себя как дома и свободно поговорим.

— Хорошо, но послезавтра будет уже поздно.

— Нужно время, чтобы предупредить наших друзей; кроме того, нам нужны достоверные сведения о состоянии обороны Тортуги.

— Правда, но кто нам доставит эти сведения?

— Я, черт возьми! Я проберусь на остров, и — можете быть уверены! — от меня ничто не ускользнет.

— Мы отправимся вместе, — с живостью сказал Пьер.

— Благодарю, но я отправлюсь один, так будет гораздо лучше, один человек всегда может спрятаться, двое же рискуют попасть в засаду.

— Как хочешь, друг.

— Ну как, решено, дядюшка?

— Да, решено, Филипп, ей-Богу, ты настоящий молодец! Теперь мне жаль, что я сердился на тебя.

— Ба-а! Забудьте об этом, дядюшка, я уж и сам не помню.

— Решено, послезавтра.

— Непременно.

— Только не дай себя убить.

— Не так я глуп! Испанцы меня не увидят.

— Что мы будем делать теперь?

— Уйдем. Становится поздно, и вам надо отдохнуть.

— Итак, ты предлагаешь мне гостеприимство, Пьер?

— Еще бы! Хорош бы я был в ином случае!

Пьер подозвал трактирщика, расплатился, и все трое встали, чтобы уйти. В ту минуту, когда они дошли до дверей, молния прорезала темноту, и страшный удар грома сотряс стекла.

— Ого!.. Это еще что такое? — спросил д'Ожерон.

— Начинается ураган, — ответил Пьер, — он собирается уже два дня. Я жалею о судах, которые пытаются пристать к берегу в подобную бурю.

— Ш-ш! — остановился вдруг Филипп, с живостью наклонив голову вперед. — Вы слышали?

— Что такое? — спросили они.

— Пушка!

— Как пушка? — вскричали они с беспокойством.

— Слушайте! Слушайте!..

Все прислушались. Прошло несколько секунд, потом дважды раздался слабый звук, в происхождении которого опытные моряки не могли ошибиться.

— Это пушка! — вскричали они.

— Погибает судно!

— Да, да, — сказал д'Ожерон, печально качая головой, — это сигнальная пушка: ветер гонит судно к берегу, и на нем знают, что погибли, но кто попытается помочь им в такую бурю?

— Я, если не найдется никого другого! — благородно вскричал Филипп.

— Мы! — повторил Пьер, спокойно снимая свое красивое вышитое платье и старательно складывая его, чтобы не испортить.

— Да вы с ума сошли, друзья мои, — увещевал их д'Ожерон, — вы двадцать раз утонете, прежде чем доберетесь до этого судна. Притом, откуда вы знаете, что это наш корабль? Это, верно, какой-нибудь испанский галион, которого прибило к берегу.

— Тем лучше, дядюшка! — весело заметил Филипп.

— Тем лучше?! Почему?

— Потому что мы его захватим, — ответил Филипп, смеясь.

Д'Ожерон, загнанный в тупик этим ответом, опустил голову, сложил руки на груди и пожал плечами. Такая смелость превосходила все, что он видел до сих пор.

— Ах, как я сожалею в эту минуту о Питриане! — воскликнул Пьер.

— Почему же, сударь? — спросил работник, внезапно появляясь в дверях.

— А! Ты здесь, мой милый? Добро пожаловать; ты, верно, колдун.

— Никак нет, но я догадывался, что буду здесь нужен, и пришел.

— И правильно сделал. С тобой и моим приятелем Филиппом, я уверен, мы преуспеем.

— Кто в этом сомневается! — просто ответил Питриан, даже не спрашивая, о чем идет речь.

— Скорее! — вскричал Филипп. — Найдем лодку.

— Это не так трудно, — весело отозвался Пьер.

Все трое, оставив д'Ожерона в дверях гостиницы, бегом бросились к берегу.

Глава V

Герцог Пеньяфлор

З а месяц до начала нашего рассказа человек, старательно закутанный в толстые складки длинного плаща, ехал на сильной гнедой лошади по едва проложенной дороге от Медальина до Веракруса. Было около одиннадцати часов утра, морской ветерок спал, и жара постепенно становилась изнурительной в этой бесплодной и песчаной местности, которая окружает город и по которой всадник ехал шагом. Пристально осмотрев окрестности, всадник, успокоенный полным уединением, окружавшим его, решился снять с себя плащ и, сложив вдвое, бросить его на седло.

Тогда стало легко определить в ехавшем молодого человека лет двадцати двух, с тонкими и благородными чертами лица; его высокий лоб, черные глаза, насмешливый рот с небольшими темно-каштановыми усами придавали его овальному лицу выражение гордости, презрения и некоторой жестокости; он был высок и строен, манеры имел чрезвычайно изящные и непринужденные. Костюм из черного бархата с серебряными позументами прекрасно оттенял матовую белизну лица. Короткая шпага в серебряных ножнах доказывала, что он имел благородное происхождение, потому что одни только дворяне имели в то время право носить шпагу. Из-под шляпы из вигоневой шерсти, низкой и с широкими полями, выбивались длинные локоны черных волос, в беспорядке падавшие на плечи; ботфорты из желтой кожи с тяжелыми серебряными шпорами поднимались выше колен. Словом, это был блистательный кавалер, донжуанская внешность которого должна была нравиться сладострастным веракрусам и внушать ревность множеству мужей.

В нескольких шагах от города он снова надел свой плащ, потом проехал Гуариту и скоро достиг первых домов предместья Техерия. Впрочем, путешественник лишь ненадолго углубился в это предместье; скоро его лошадь сама остановилась перед ветхим черным домом, массивная дверь любопытной резьбы которого тотчас отворилась перед ним.

Молодой человек сошел с лошади и бросил поводья пожилому слуге, который, заперев дверь, подошел к нему, сняв шляпу.

— Герцог спрашивал меня, Эстебан? — по-испански спросил молодой человек слугу.

— Два раза, граф, — почтительно ответил Эстебан.

— Он не тревожился и не сердился на мое отсутствие?

— Не сердился, но тревожился, ваше сиятельство.

— Нет ничего нового?

— Нет, ваше сиятельство; за те два дня, что продолжалось ваше отсутствие, герцог оставался взаперти в своих комнатах. Он вышел только раз, чтобы проститься с губернатором.

— Герцог едет?

— Приказано готовиться сегодня вечером, ваше сиятельство, ничего не изменилось.

— Мне ничего не приносили?

— Сегодня утром, около часа тому назад, приходил человек с двумя торговцами, которые принесли сундуки.

— Хорошо, я приведу в порядок свой костюм, потом пойду к герцогу. Доложите ему о моем возвращении, Эстебан.

Слуга поклонился, передал поводья лошади конюху и вошел в дом через черный ход, а молодой человек вошел в парадную дверь, поднялся на первый этаж, повернул ключ в двери и очутился в передней, где возле стен стояло несколько сундуков, тех, о которых говорил Эстебан. Молодой человек прошел эту комнату не останавливаясь и сошел в спальню, вероятно свою, потому что тотчас стал снимать костюм, помятый в дороге.

Он полностью переоделся и бросил последний взгляд в зеркало, когда появился Эстебан.

— Что вам нужно? — спросил он слугу.

— Герцог ждет вас, граф, в столовой, — ответил тот, кланяясь.

— Ступайте, я иду за вами, — сказал граф.

Они спустились на нижний этаж, прошли несколько комнат, богато меблированных и заполненных слугами в парадных ливреях, пеонами и конюшими, стоящими или сидящими, которые молча кланялись молодому человеку, и наконец остановились перед дверью, возле которой стояли два привратника, каждый с золотой цепью на шее. Один отворил дверь, второй приподнял портьеру и доложил:

— Граф дон Гусман де Тудела.

Граф вошел в сопровождении Эстебана, на котором ливреи не было и который казался доверенным слугой. Портьера

за ними опустилась, и дверь затворилась. Комната, в которой очутился молодой человек, оказалась столовой. Два человека сидели за столом, стоящим посреди комнаты и уставленным яствами, до которых еще никто не дотрагивался. Дворецкий и двое слуг в черном ждали приказания подавать.

Из двух человек, сидевших за столом, первым был старик лет, по крайней мере, восьмидесяти; хотя его волосы и борода были ослепительной белизны, однако он был еще прям и бодр, его черные глаза были полны огня и молодости, выражение лица жестко, мрачно и печально. На нем был богатый костюм из черного бархата, вышитый серебром, а на шее — два ордена: Святого Духа и Золотого Руна. Это был герцог Пеньяфлор.

Человек, сидевший рядом с ним, был моложе его как минимум на тридцать лет. Это был сын герцога, маркиз дон Санчо Пеньяфлор. Несмотря на свои сорок лет, это был человек еще молодой, ни одной морщины не виднелось на его лбу, чистом и гладком, как будто ему было только двадцать лет, его красивое и мужественное лицо было веселым и беззаботным, что составляло резкий контраст с мрачной серьезностью отца. Костюм его, сшитый по последней моде французского двора, был сумасбродно богат и смотрелся на нем восхитительно. В эту минуту он поигрывал золотым эфесом своей шпаги, напевая вполголоса сегидилью.

— Добро пожаловать, дон Гусман, — произнес герцог, протягивая молодому человеку руку, которую тот почтительно поцеловал, — мы ждали вас с нетерпением.

— Ваша светлость, — ответил граф, — только очень важные причины, независимые от моей воли, могли удержать меня вдали от вас.

— Мы не упрекаем вас, милостивый государь, вы объясните нам после, что вы сделали, а теперь садитесь. Подавайте, — прибавил герцог, обращаясь к дворецкому.

— О-о, дон Гусман! — сказал маркиз, с любопытством глядя на него. — Как вы нарядны, любезный кузен, я не видал у вас этих великолепных кружев. Это английские, не так ли?

— Да, кузен, — ответил граф.

— Пожалуйста, дайте адрес торговца Эстебану.

— Я поступлю проще, кузен, — сказал граф, улыбнувшись, — если эти кружева так вам нравятся, я подарю их вам.

— Ей-Богу! — весело вскричал маркиз, потирая руки. — Это правда, я было забыл; наверное, пройдет много времени, прежде чем вы...

— Вы, видно, сошли с ума, маркиз, что говорите такие вещи, — грубо перебил герцог, бросив на него строгий взгляд.

Дон Санчо потупил голову и прикусил губу. Обед продолжался в молчании. Герцог и граф были озабочены, только маркиз сохранял свою обычную веселость. Когда сладости были поставлены на стол, герцог подал знак и слуги исчезли. Трое собеседников остались одни. Маркиз собрался встать.

— Что вы делаете, дон Санчо? — спросил герцог.

— Я оставляю вас, отец, — ответил маркиз, — вы будете говорить о серьезных вещах с моим кузеном, мне лучше удалиться.

— Оставайтесь, дело это касается вас больше, чем вы предполагаете.

— Если вы хотите, я останусь, хотя не вижу, чем может быть полезно мое присутствие.

Герцог подал ему запечатанный конверт.

— Прочтите, это вам, я получил его сегодня утром.

— Королевский приказ! — воскликнул маркиз с удивлением.

— Да. Король соблаговолил, по моей просьбе, назначить вас губернатором Эспаньолы.

— О! Отец, как я вам признателен! — вскричал маркиз, целуя руку герцога.

— Я хотел иметь возле себя единственного сына, оставшегося у меня.

— Разве вы намерены оставить Новую Испанию, отец?

— Один и тот же курьер привез ваше назначение и приказание мне ехать в Панаму.

— Какая честь для нашей фамилии!

— Его величество осыпает нас милостями.

— Позвольте мне, герцог, — сказал граф, — присоединить мои поздравления к поздравлениям моего кузена.

— Вы отчасти являетесь причиной того, что случилось, дон Гусман, — с улыбкой ответил герцог.

— Я? — удивленно переспросил граф.

— Конечно. Чтобы обеспечить успех трудного предприятия, вверенного вам, я согласился, несмотря на преклонные года, принять место губернатора в богатой провинции Панама. Я знаю, что будучи уверены в возможности получить от меня помощь во всем, вы не колеблясь будете исполнять

ваши обязанности до конца. Мы с вашим кузеном отправимся почти в одно время с вами. Дон Санчо будет служить нам посредником, таким образом нам нечего будет опасаться измены и мы ни с кем не разделим славы избавления нашего отечества от непримиримых врагов, которые столько лет бросали ему дерзкий вызов.

— Благодарю вас и постараюсь, клянусь вам, оправдать ваше доверие ко мне.

— Потрудитесь рассказать мне в двух словах, чем вы занимались эти два дня.

— Я, как мне кажется, в точности исполнил все ваши поручения. Я договорился с человеком, на которого вам указали; человек этот отныне всецело предан мне, сегодня же он должен представить меня капитану бригаантины «Кайман», которая завтра выйдет из гавани.

— И вы уверены в этом человеке?

— Как в себе самом.

— Итак, мы простимся с вами, потому что мы также уезжаем. Я написал инструкции, от которых вы не должны отступать, они изложены в этой бумаге, возьмите ее и остерегайтесь, как бы ее у вас не похитили.

Граф взял бумагу из рук герцога.

— Эти инструкции я выучу наизусть, — заявил он, — потом, когда они запечатлеются в моей памяти, я сожгу бумагу.

— Это будет благоразумно, — улыбаясь, заметил герцог.

— Итак, кузен, мы будем там врагами, — весело воскликнул маркиз, — берегите себя и не позволяйте моим полусотням застать вас врасплох.

Герцог, склонив голову на грудь, глубоко задумался.

— Вам придется иметь дело с сильными людьми, — продолжал маркиз, — я ведь давно их знаю.

— Вы с ними сражались, кузен?

— Я несколько раз имел с ними дело, то как враг, то как друг; это демоны! Однако, — внезапно прибавил он меланхолическим тоном, очень удивившим молодого человека, — я не могу плохо отзываться о них, менее, чем всякий другой, я имел бы на это право.

— Потрудитесь объясниться, кузен...

— Зачем? — перебил маркиз с живостью. — Вы сами узнаете их. Помните только, что это люди во всем значении этого слова, они имеют все пороки и все добродетели, свойственные человеческой натуре: заходят так же далеко в хорошем, как и в плохом; ненависть к деспотизму породила в

них неукротимую вольность, которую они величают свободой, — слово, выдуманное ими и одним им понятное.

— Судя по тому, что вы мне говорите, кузен, я вижу, что мне придется очень трудно.

— Более чем вы предполагаете, кузен. Дай Бог, чтобы вы не погибли в этих трудах!.. Ах! — прошептал он вполголоса. — Для чего вы согласились взять на себя это опасное поручение?

— Что мог я сделать? — ответил граф тем же тоном.

— Это правда, — сказал маркиз и, бросив взгляд на герцога, все еще погруженного в раздумья, он продолжал, — я не могу разговаривать с вами, как мне хотелось бы, дон Гусман, однако послушайте: так как я теперь губернатор на Эспаньоле, я мог бы, кажется, быть вам полезен; вы знаете, какую дружбу я питаю к вам, не делайте ничего, не посоветовавшись со мной, может быть, мои советы будут вам полезны.

— Я тронут до глубины души вашими словами, кузен, но как же я увижусь с вами?

— Не беспокойтесь, вы получите от меня известие, мне же остается прибавить только одно: будьте осторожны, самое легкое подозрение будет сигналом к вашей смерти, эти люди не прощают, я имел доказательство.

В эту минуту герцог приподнял голову и провел рукой по лбу. Бросив повелительный взгляд на маркиза, как бы приказывая ему молчать, он наклонился к графу и тоном кротким и сердечным, который граф слышал от него очень редко, сказал ему:

— Дитя мое, через минуту мы расстанемся и, может быть, больше никогда не увидимся; я не хочу разлучиться с вами, не открыв вам некоторых обстоятельств, которые вам нужно — я скажу, даже необходимо — знать для успеха вашего поручения и для успокоения вашей совести.

— Я слушаю вас с уважением и признательностью, — ответил молодой человек, — вы были для меня отцом, я всем обязан вам, я был бы самым неблагодарным человеком на свете, если бы не питал к вам искреннего и глубокого уважения.

— Я знаю ваши чувства, дитя мое, я верю доброте вашего сердца и правоте вашего образа мыслей, вот почему я хочу до нашей разлуки поведать вам историю вашего детства, в чем я вам отказывал до сих пор... Вам известно, что наша фамилия одна из знатнейших в Испании, она восходит к временам зарождения монархии, наши предки всегда высо-

ко ставили честь нашего имени, которое передали нам незапятнанным. Ваша мать приходилась мне сестрой, вы видите, дитя мое, что вы мой близкий родственник: я вам дядя. Ваша мать, донна Инесса Пеньяфлор, появилась на свет гораздо позже меня; она была совсем еще ребенком, когда я женился. После смерти моего отца я сделался ее опекуном.

В те времена, о которых я вам говорю, любезный Гусман, между Францией и Испанией была война; по некоторым причинам моя сестра была отдана в монастырь в городе Перпиньяне, который тогда еще принадлежал нам. Прошло несколько лет. Перпиньян, осажденный лично самим кардиналом Ришелье, после продолжительной и героической обороны был вынужден сдаться. После взятия города я прискакал туда, чтобы забрать мою сестру из монастыря и отвезти ее в Испанию. Я нашел ее умирающей, монастырь был разграблен французами. Изгнанные и разбежавшиеся монахини укрылись, кто где мог; моя сестра нашла убежище в бедной испанской семье, где я с трудом смог ее найти. Встревоженный ее болезнью, я позвал доктора, чего бедные люди, принявшие ее к себе, сделать не могли по причине своей нищеты. Сестра не хотела видеть доктора, я с величайшим трудом убедил ее принять его. Он долго оставался у нее, когда наконец он вышел, я поспешил расспросить его; лицо его было печально, он отвечал на мои вопросы с принужденным и смущенным видом. Я вошел в комнату сестры, она плакала и также ничего не хотела мне говорить. Доктор возвратился к вечеру, я снова расспросил его, он сказал мне несколько банальных утешений, и мне показалось, что он старается удалить меня; настойчивость, с которой он уговаривал меня идти спать, внушала мне подозрения, я предчувствовал несчастье. Я притворился, будто соглашаюсь, и вышел, но как только он вошел в спальню моей сестры, я проскользнул в комнату, отделенную от ее спальни одной перегородкой, и прислушался; так я узнал всю правду: мою сестру обольстил один французский офицер, потом бросивший ее. Что я мог сделать? Я не колеблясь все простил бедному обманутому ребенку, потребовал только, чтобы она назвала мне имя своего обольстителя. Человек этот носил одно из знатнейших имен французского дворянства. Я поехал к нему в Париж, где он тогда находился. Я потребовал от него, чтобы он загладил совершенное им преступление, но он расхохотался мне в лицо и повернулся спиной. Тогда я нанес ему одно из тех оскорблений, которые требуют крови; дуэль была назначена на другой день... Он опасно ранил

меня. Два месяца я находился между жизнью и смертью, наконец стал выздоравливать. Мой враг уехал из Парижа. Невозможно было узнать его местопребывание, и я вернулся в Перпиньян с разбитым сердцем.

Герцог был бледен, капли пота выступили на его висках, фразы, срывавшиеся с его губ, были сухи и отрывисты. Маркиз, наклонившись вперед, устремив пристальный взгляд на отца, слушал речь герцога с каким-то страхом. Граф, закрыв лицо руками, не видел ничего, все его внимание было сосредоточено на рассказе старика. Тот продолжал:

— Моя сестра родила мертвого ребенка, я нашел ее выздоровевшей. Я ничего не рассказал ей о своем путешествии. Ничто не удерживало меня во Франции, я уехал с ней в Испанию. Три месяца спустя его величеству угодно было назначить меня вице-королем Новой Испании; я приготовил все к своему отъезду, который, по королевскому предписанию, должен был состояться немедленно. Сестра, как мы условились, должна было ехать со мной в Мексику. В это время один из наших дальних родственников, живший в Мадриде уже несколько недель, явился ко мне и официально попросил руки моей сестры. Этот родственник несколько раз видел Инессу у меня, хотя жила она уединенно. Он влюбился в нее и хотел на ней жениться. Его звали граф дон Луис де Тудела.

— Мой отец? — вскричал молодой человек.

— Да, дитя мое, ваш отец, потому что, несмотря на свое отвращение к этому союзу, сестра уступила моим просьбам и согласилась выйти за него замуж. Через несколько дней после ее свадьбы я уехал из Испании в Мексику. Я был там уже два года, когда вдруг получил три известия, одно за другим, которые заставили меня поспешно вернуться в Испанию, рискуя подвергнуться немилости короля. Человек, обольстивший мою сестру, приехал в Мадрид в свите французского посланника. На одном балу при дворе он узнал в графине де Тудела женщину, так постыдно брошенную им в Перпиньяне. Вместо того, чтобы стыдиться своего прошлого поведения и держаться в стороне, он счел, что случай достаточно хорош, чтобы возобновить с ней любовную связь. С презрением отвергнутый графиней, человек этот имел гнусность публично обесславить ее, изобразив в искаженном свете то, что произошло между ними в Перпиньяне. Граф, узнав об этом, вызвал его на дуэль. Они дрались. Этот человек убил графа.

— Вы знаете имя этого человека? — вскричал молодой человек голосом, дрожавшим от горести.

— Знал, но он переменял его и взял другое, — глухо произнес старик.

Молодой человек с горечью потупил голову и подавил рыдание.

— Моя сестра умерла от горя через несколько дней после своего мужа, оставив вас годовалым сиротой. Я взял вас к себе, Гусман, и стал относиться с отеческой заботой, но я сохранил для вас священное поручение — отомстить за вашего отца и за вашу мать.

— Я непременно исполню это поручение, благодарю, герцог, — сказал молодой человек с лихорадочным возбуждением.

— Я с величайшим вниманием занимался вашим воспитанием, которое направил на подготовку к морской службе, потому что вы должны были стать моряком для исполнения моих и ваших планов; слава Богу, хотя вы еще очень молоды, вы по справедливости пользуетесь репутацией офицера искусного и опытного. Теперь последнее слово.

— Я слушаю вас, герцог.

— Убийца вашего отца, обольститель вашей матери — один из предводителей этих страшных людей, среди которых вы будете жить, я это знаю наверняка, одно только мне не известно — имя, которое он принял с тех пор, как вступил на этот путь убийства и грабежа.

— Ах! Это для меня все равно! — решительно вскричал граф. — Как бы хорошо ни спрятался этот человек, я его найду, клянусь вам!

— Хорошо, дитя мое. Час нашей разлуки настал. Вы знаете, какое кровавое поручение должны исполнить! Да поможет вам Господь! Вот вам мое благословение, уезжайте и сдержите вашу клятву.

Молодой человек стал на колени перед стариком, который протянул ему руку для поцелуя, потом поднялся и простился с маркизом.

— До свидания! — сказал маркиз, выразительно пожимая графу руку.

— До свидания! — ответил граф и вышел из столовой.

Герцог следил за ним взглядом, прислушивался к шуму его шагов, который все более и более стихал, потом гордо приподнял голову и сказал торжествующим тоном:

— На этот раз я наконец отомщу!

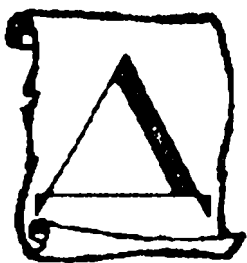
— Ах, отец! — прошептал маркиз печально. — Неужели вы неумолимы?

Старик повернул голову к сыну с неповторимым выражением презрения, пожал плечами и медленно вышел из столовой.

— Бедный Гусман! — пробормотал дон Санчо, глядя, как удалялся его отец.

Глава VI

Поступление на службу

он Гусман де Тудела после разговора с герцогом Пеньяфлором заперся в своей комнате.

Оставшись один и будучи уверен, что ему нечего опасаться любопытных взоров, молодой человек упал на стул, опустил голову на руки и довольно долго оставался погруженным в полную неподвижность.

О чем он мог размышлять? Лишь он один мог бы ответить на этот вопрос. Может быть, он думал о своем погибшем будущем, о своих надеждах, вдруг разбитых ужасным признанием, сделанным ему. Может быть, он мечтал о мщении обольстителю своей матери, в котором поклялся. Может быть также, посылал он последнее прощание любимому существу, которое долг вынуждал его бросить без надежды увидеть когда-нибудь. В двадцать лет не является ли любовь величайшим делом в жизни, и когда человек красив, богат и знатен, жизнь кажется так приятна и легка!

Впрочем, каковы бы ни были размышления несчастного молодого человека, должно быть, они были очень печальны, потому что жгучие слезы пробивались сквозь пальцы и приглушенные рыдания вырывались из его груди, несмотря на все усилия удержать их. Наконец он приподнял лицо, побледневшее от страданий, и провел рукой по влажному лбу.

— Прочь слабость! — сказал он с печальной улыбкой. — Прощайте, мои прекрасные мечты! Мое сердце должно быть теперь мертво для всякого другого чувства, кроме ненависти!

Он отпер сундук, вынул матросское платье, положил его на стул и с последним вздохом стал снимать свой блестящий костюм.

Он уже заканчивал переодеваться в матросское платье, когда в дверь тихо постучали.

— Это он! — прошептал граф и пошел отворить дверь.

Человек лет сорока, по наружности походивший на матроса, со шляпой в руке, почтительно стоял на пороге.

— Войдите, мэтр Агуир, — сказал граф.

Матрос поклонился и вошел в комнату.

— *Se pues hablar?*¹ — произнес он, бросая вокруг подозрительные взгляды.

— По-французски или по-испански, как хотите, мэтр Агуир, — ответил молодой человек, запирая дверь, — мы одни.

— Хорошо. Если так, нам нечего опасаться, ваше сиятельство.

— Гм! Мэтр Агуир, оставьте, пожалуйста, вашу привычку называть меня сиятельством, отныне зовите меня просто Марсиалем, — это имя я намерен принять.

— Буду повиноваться, — ответил Агуир, кланяясь.

— Хорошо, садитесь и поговорим.

— По вашему приказанию я был у капитана «Каймана».

— А! Его название «Кайман»?

— Да.

— Хорошее имя для флибустьерского судна.

— Оно и есть флибустьерское.

— Знаю, а этого здесь и не подозревают?

— Вовсе нет, — его принимают за судно, торгующее чернокожими невольниками; при этом капитан осторожен: он никого не отпускает на берег, вот уже неделя как он бросил якорь в Сакрифичиосе, и ни один матрос из его экипажа не был в Веракруссе.

— Да, смелая игра, но ведь все может в конце концов открыться.

— Сегодня ночью он снимается с якоря.

— О-о! Стало быть, нам надо поторопиться.

— Я так и сделал. По странной случайности я находился в Сакрифичиосе во время прибытия этого судна; несмотря на то, что оно перекрашено и переоснащено, такого старого моряка, как я, это обмануть не могло. Их ухватки показались мне подозрительны и...

— Зачем же путаться? — перебил молодой человек, улыбаясь. — Почему бы не сказать мне откровенно.

— Что такое? — спросил Агуир, вздрогнув от изумления.

¹ Как вам угодно говорить? (исп.)

— Да, конечно, ведь я теперь ваш. Дело очень просто. Вы баск из Байонны, то есть полуиспанец, вы воспользовались этим, чтобы поселиться здесь, но с какой целью? Теперь это меня не касается, так что я ничего вам не скажу, только вы устроились так, чтобы у вас всегда оставалась возможность поддерживать связь с вашими друзьями — Береговыми братьями. Смысл истории, которую вы мне поведали сейчас, состоит в том, что вы уже несколько дней ждали этого судна; теперь, когда мы поняли друг друга, как я надеюсь, пожалуйста, продолжайте, я весь превратился в слух.

Все это было сказано тоном тонкой и язвительной насмешки, который до того смутил матроса, что он стал в тупик. Но так как это был человек смелый, к нему быстро вернулось его обычное хладнокровие, и, посмотрев прямо в лицо графу, он сказал:

— Ну да, это правда. Дальше что?

— Больше ничего.

— Любопытно было бы узнать, кто сообщил вам эти сведения, граф.

— Вы забываете наши условия, мэтр Агуир. Меня зовут Марсиаль, пожалуйста, запомните это раз и навсегда. Что касается источника моих сведений, то вы понимаете, мой милый, что дело, в которое я вступаю, достаточно серьезно, чтобы я принял меры предосторожности; я наблюдал за вами, вот и все, для меня было довольно важно, чтобы вы мне не изменили.

— Может быть, вы и правы, — с сомнением ответил Агуир.

— Вернемся к нашему делу.

— Вы знаете, что я устроился на «Кайман» боцманом.

— Это решено?

— Я уже получил жалованье вперед.

— Как вперед?

— То есть, — сказал Агуир с замешательством, — капитан по моей просьбе дал мне вперед сумму, которая была мне нужна.

— Хорошо! — сказал граф с насмешливой улыбкой. — А насчет меня что вы предприняли?

— Я предложил капитану взять вас, выдав вас за моего земляка, заблудившегося у этих берегов и преследуемого ненавистью испанцев. По моей рекомендации капитан вас берет, но прежде хочет вас видеть.

— Это справедливо; где его найти?

— В Сакрифичиосе, он ждет нас к четырем часам, я приготовил лодку.

— Очень хорошо! Теперь моя очередь, — сказал молодой человек, положив на стол связку бумаг.

Глаза Агуира засверкали жадностью, он придвинул свой стул и наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть.

Марсиаль — мы сохраним ему это имя — развязал ленту, связывавшую бумаги, и начал раскладывать их, говоря:

— Счет дружбе не мешает, сдержите ваши обещания, и я сдержу свои; вот купчая на тот дом, в котором вы живете, вот еще пятьдесят тысяч ливров банковскими билетами, пересчитайте.

Матрос с возбужденным трепетом схватил бумаги, которые подал ему молодой человек, и принялся рассматривать их с самым пристальным вниманием.

— Все верно, — сказал он.

— Теперь, — продолжал молодой человек, — вот расписка на пятьдесят тысяч ливров, но вы можете получить их только по возвращении во Францию по аттестату, написанному мною, в котором значится, что я доволен вашими услугами; возьмите. Вы видите, что я держу свои обещания, как вы держите ваши. Одно последнее слово, для того, чтобы между нами не было недоразумений: если вы хотите служить вашим друзьям во вред испанцам, это меня не касается, так как и вы не должны интересоваться причинами моего поведения. Помните только, что вы принадлежите мне, что мы ведем открытую игру без хитрости и без измены и что вы обязаны мне безоглядно повиноваться.

— На один год, — ответил матрос.

— До того дня, когда вы вернетесь во Францию.

— Это решено.

— Да, но запомните хорошенько мои слова, мэтр Агуир, вы меня знаете достаточно хорошо, не правда ли, чтобы быть убежденным, что при первом подозрении я прострелю вам голову?

— Угрозы бесполезны, — ответил матрос, пожимая плечами, — моя выгода — самое надежное ручательство вам за мою верность.

— Хорошо, я подумал, что, может быть, вы никогда не вернетесь жить в Веракрус и что, следовательно, подарить вам дом довольно бесполезно. Поэтому я прибавил к обещанной сумме двадцать тысяч ливров в придачу, оставив вам в собственность этот дом.

— Благодарю, я сдал его внаем сегодня утром на пять лет и взял плату вперед.

— Я с удовольствием прихожу к выводу, что вы знаток в делах, — сказал Марсиаль, смеясь, — это ручательство для меня, спрячьте все эти бумаги, теперь мы пойдем, когда вы хотите.

— Сейчас, если вы желаете.

— Хорошо, сейчас.

Они вышли. Уходя, молодой человек не мог удержаться от последнего вздоха, но он тотчас справился с собой и сказал твердым голосом своему спутнику:

— Пошли.

Было три часа пополудни, они вдвоем прошли через весь город, никого не встретив: стояла страшная жара, и улицы были пусты. Граф был переодет, так что не боялся быть узанным своими друзьями. Они беспрепятственно дошли до гавани. В конце пристани на причале стояла маленькая лодка.

— Вот и лодка, — сказал матрос.

— В путь, — лаконично ответил молодой человек.

Расстояние от Веракруса до острова Сакрифициос, где обычно бросают якорь большие суда, находящие там надежное убежище, составляет одну милю. Когда море спокойно, эта прогулка восхитительна. Вскоре поднялся легкий ветерок, позволивший путешественникам поднять парус и плыть, не утомляя себя греблей.

По мере того как они приближались к острову, бригантина «Кайман» как будто поднималась из воды и наконец предстала во всех подробностях. Это было прекрасное судно, длинное, со стройными очертаниями, его высокий рангоут был отброшен назад, такелаж содержался с замечательным старанием. По середине корпуса, абсолютно черного, была проведена тонкая полоса, красная, как кровь. Пушечных портов не было видно, а следовательно, отсутствовали и пушки. На палубе никого не было.

Граф отметил про себя одно важное обстоятельство: были натянуты абордажные сети, конечно, из опасения внезапного нападения.

— Какое славное судно! — сказал он в ту минуту, когда лодка объезжала корабль.

— Да, — с удовольствием ответил матрос, — и быстроходное, ручаюсь вам.

— Так вы его знаете?

— Еще бы! Я два года служил на нем под начальством Монбара.

Через несколько минут Марсиаль и Агуир вышли на берег острова Сакрифичиоса. Едва они сделали несколько шагов, как заметили человека, подходившего к ним.

— Вот капитан «Каймана», — сказал моряк, — вы видите, что он явился на свидание вовремя.

— Да, вижу! — сказал молодой человек, подходя и с любопытством рассматривая его.

Так как этот человек должен играть важную роль в нашем рассказе, мы в нескольких словах набросаем его портрет. Этот человек был в полном смысле слова настоящий морской волк; действительно, он больше походил на тюленя, чем на человека. Хотя ему было по крайней мере лет пятьдесят, внешне он выглядел не старше сорока; он был низенького роста, но крепкий и сильный, загорелый цвет лица имел почти кирпичный оттенок, серые глаза были живыми и выразительными, физиономия, умная, хотя и суровая, дышала смелостью и спокойной неустрашимостью человека, привыкшего много лет бороться с опасностями, в каком бы виде они не являлись. На нем был камзол из толстого синего сукна, все швы которого были обшиты галунами того же цвета, только несколько светлее, концы галстука были украшены серебряными кистями, жилет, серый, затканый большими цветами, широкие коричневые панталоны с такими же галунами, как и камзол, шелковые чулки и башмаки с серебряными пряжками. Черная бархатная шапка со стеклянным образком Богоматери покрывала его голову. Широкий кожаный пояс стягивал его стан; за пояс были заткнуты два длинных пистолета. Таков был внешний вид этого человека, который, заметив приезжих, небрежно направился к ним, куря трубку с чубуком почти неприметным, который казался приклеен к его губам.

— А! Это ты, — весело сказал он матросу, — кого ты нам привез?

— Капитан Тихий Ветерок, — отвечал он, — я привез нового товарища, о котором говорил вам вчера.

— Ага! — сказал тот, бросив проницательный взгляд на молодого человека. — Малый стройный и, кажется, крепкий... Как тебя зовут, мой милый?

— Марсиаль, капитан, — ответил граф с почтительным поклоном.

— Хорошее имя, ей-Богу! Ты баск?

— Так точно, капитан.

— И тебя прибило к этому берегу?

— Да, капитан, вот уже два года лавирую я в этих водах и не могу дожидаться попутного ветра, чтобы выбраться отсюда.

— Хорошо, хорошо, мы тебя выведем, будь спокоен. Агуир мне сказал, что ты хороший матрос.

— Вот уже семнадцать лет как я хожу в море, капитан, а мне еще нет и двадцати трех.

— Гм! Так ты должен знать свое дело, когда так... А ты знаешь, кто мы, не так ли?

— Знаю, капитан.

— И не боишься поступить на наше судно?

— Напротив, я очень этого хочу.

— Очень хорошо. Я думаю, мы сделаем из тебя что-нибудь.

— Я тоже надеюсь.

— Есть у тебя оружие и порох?

— У меня есть все, что нужно.

— Теперь я должен предупредить тебя об одном: на суше мы все равны, на судне — нет. Присягнув, мы должны покоряться. У нас только одно наказание.

— Какое?

— Смерть, чтобы избежать повторения проступка. Агуир, которого я знаю давно, поручился мне за тебя, измена с твоей стороны убьет не только тебя, но также и его, у нас кто поручился, тот и расплачивается. Поэтому подумай хорошенько, прежде чем решиться, ты еще волен отказаться, если наши условия покажутся тебе слишком тяжелыми; когда же дашь слово, будет уже поздно.

— Я согласен, — ответил Марсиаль твердым голосом.

— Хорошо, но ты молод, я не хочу ловить тебя на слове, будь на бригантине сегодня вечером в семь часов, постарайся закончить свои дела до тех пор. Ты прочтешь договор и если после этого захочешь вступить к нам, тогда — хорошо, ты будешь вторым лейтенантом.

— Все мои дела закончены, капитан, мне нет необходимости возвращаться в Веракрус. Агуир может привезти мне мой сундук и мое оружие.

— Ты мне нравишься, ты отличный парень, пойдем же, если хочешь.

Они сели в лодку и через несколько минут подплыли к бригантине. Однако не без тайного сжатия сердца и нервного трепета молодой человек ступил ногой на корабль, где он должен был жить среди людей, которых ему представили

хищными зверями, живущими только убийством и грабежом, не имеющими ни веры, ни законов, ни отчизны.

В ту же ночь, к трем часам утра, «Кайман» вышел в открытое море, увозя на своем борту лейтенанта Марсиаля и боцмана Агуира, двух новых членов команды. Капитан Тихий Ветерок взял курс на Санто-Доминго; его крейсерство кончилось, и он возвращался в Пор-де-Пе.

Глава VII

Спасение

 ту минуту, когда три моряка под предводительством Филиппа бросились из гостиницы, страшное зрелище, вдруг представившееся их глазам, заставило их с испугом отступить. Во всю ширь горизонта небо казалось огненной скатертью, беспрерывно перерезаемой зеленоватыми зигзагами молний. Гром гремел безостановочно страшными раскатами, дождь лил как из ведра, море, побелевшее от пены, билось о берег с оглушительным ревом, ветер завывал с бешенством, заставляя дома трещать, срывая крыши, вырывая с корнями деревья и вертя их, как былинки. Лошади и весь скот выбегали из конюшен и риг с ревом и ржанием ужаса. Ураган, угрожавший с утра, наконец разразился с непреодолимой силой и яростью.

Авантюристы, прибежавшие на берег, чувствовали, несмотря на свою храбрость, трепет страха и, укрываясь за скалами, не находили в себе мужества бороться с ужасным стихийным бедствием, поразившим город и угрожавшим разрушить его до основания. Как бы еще увеличивая ужас этого зрелища, свет и мрак сменяли друг друга с такой быстротой, что невозможно было ничего различить вокруг, и даже самые близкие предметы внезапно исчезали, вновь появляясь через минуту, но как бы прикрытые туманной дымкой, которая искажала их формы и обманывала относительно их положения и истинного расстояния до них. Словом, в природе царил страшный хаос, в котором море, небо и земля как будто готовы были смешаться в ужасном разрушении.

Однако, когда прошла первая минута замешательства, Филипп вместе с Питрианом и Пьером, решившими не оставлять его, подошел к толпе авантюристов и просьбами и угрозами сумел собрать вокруг себя человек пятьдесят, ко-

торые, вдохновленные его примером, поклялись повиноваться ему во всем, что он им прикажет сделать во имя общего спасения.

Как ни велика была опасность, которой подвергались жители, она ничего не значила в сравнении с опасностью, грозившей судну, прибываемому к берегу, которое уже несколько раз палило из пушек, призывая на помощь. На помощь этому судну Филипп и решил направить все свои усилия.

— Друзья! — закричал он тем, кто был рядом с ним. — Одно из наших судов погибает, наши братья подвергаются смертельной опасности. Неужели мы дадим им умереть, как презренным испанцам, даже не попытаюсь их спасти?

— Нет! Нет!.. — закричали в один голос Береговые братья. — Поспешим к этому судну!.. К этому судну!..

— Прежде узнаем, где оно находится, — ответил Филипп. — Следуйте за мной.

Они бросились к самому краю берега, насколько позволяли бешеные волны. Авантюристы никогда не выходили без оружия, поэтому у всех были с собой ружья. Филипп приказал дать залп из всех ружей одновременно. Почти тотчас на море блеснула вспышка, за которой послышался довольно сильный выстрел.

— Судно находится на юго-западе, — сказал Филипп, — не более шестидесяти сажень¹ от нас. Давайте сюда поскорее кабельтовы², пустые бочонки, доски — словом все, что найдется! Ты, Пьер, вели развести большие костры и бросай в огонь смолу, чтобы пламя горело ярче.

Все приказания были тотчас исполнены. Люди, бросившиеся на помощь, трудились за двоих. Кроме того, многие авантюристы и колонисты, увлекаемые примером, присоединились к ним и наперебой спешили принести все необходимое. Скоро огромные костры полыхали на берегу на протяжении более одной мили. С судна их заметили, потому что с этой минуты пушка стреляла не умолкая. Ураган как будто стихал, молния блистала все реже, и раскаты грома становились глуше. В минутном проблеске все увидели высокую корму большого корабля, находившегося уже довольно близко от берега, потом снова наступила темнота, и корабль, мелькнувший как бы во сне, вдруг исчез.

¹ Морская сажень равняется 1,6 м.

² К а б е л ь т о в — здесь: трос, канат.

— Это «Кайман»! — вскричали авантюристы. — Судно Тихого Ветерка и Монбара! Надо его спасти!..

Конечно, это намерение было прекрасным и достойным во всех отношениях, но, к сожалению, почти неосуществимым. Целый час прошел в бесполезных попытках спустить лодку в бушующее море, которое тотчас выбрасывало ее на берег.

— Линь сюда! — вдруг закричал Филипп. — Ей-Богу, скажут, что не нашлось ни одного человека среди нас, чтобы спасти пятьдесят.

Он начал раздеваться. Принесли лить, это была веревка толщиной в мизинец, свитая вчетверо, длиной в четыреста саженой. Филипп привязал один конец к крепкому кабель-тову, а другой — к своему поясу. Почти тотчас разделись Пьер и Питриан.

— Оставайся здесь, друг! — вскричал Пьер. — Именно я должен решиться на этот отчаянный поступок. Если я умру, что весьма вероятно, никто, кроме тебя, не будет обо мне сожалеть.

— Извините, извините, — вдруг вмешался Питриан, — я простой работник, до моей жизни или моей смерти никому нет дела, стало быть, я должен решиться на это.

Спор грозил затянуться, никто из троих не хотел уступать. Вмешался четвертый, д'Ожерон.

— Дети мои, — сказал он своим звучным голосом, — поступок, замышляемый вами, смел, но он сумасброден.

— Дядюшка! — вскричал молодой человек.

— Молчи, дитя, и дай мне закончить, — строго сказал д'Ожерон. — Я не отговариваю вас, я знаю, что это бесполезно; только если вы уж непременно хотите пожертвовать собой...

— Хотим! — закричали все в один голос.

— Так отправляйтесь все втроем; вы будете помогать друг другу, и если двое изнемогут, может быть, третьему удастся достичь судна, и тогда ваша жертва не будет напрасной.

— Хорошо! — весело вскричали все трое. — Прекрасно придумано!

— Теперь будьте осторожны, я сам берусь потихоньку спускать лить. Отправляйтесь же с Божией помощью!

Он обнял их и вдруг отвернулся, чтобы отереть слезы, помимо его воли навернувшиеся ему на глаза: этот мужественный человек с львиным сердцем понимал всю неизмеримость опасности, которой подвергались племянник и его товарищи, но не считал себя вправе мешать их героическому поступку.

Филипп, Пьер и Питриан плавали как рыбы; они давно привыкли к морю и знали, как надо вести себя с ним, чтобы не сделаться игрушкой в его руках. Переговорив о чем-то между собой, они вместе подошли к морю. Огромная волна, побелевшая от пены, бежала к ним, приподняв футов на двадцать свой грозный хребет. В ту минуту, когда она со страшным шумом разбилась у их ног и начала удаляться, они бросились в воду и дали ей увлечь себя в море. Собравшаяся на берегу толпа вскрикнула от испуга и восторга. На некотором расстоянии от берега моряки дружно нырнули и таким образом очутились под надвигающейся на них второй волной. Однако, как ни рассчитано было их движение, несмотря на их усилия, волна чуть не захлестнула их, пытаясь унести к берегу. Но в конце концов их усилия увенчались успехом: волна уже отступила и несла их в море, так что они не были выкинуты на берег.

— Мужайтесь, братья! — закричал Филипп.

— Мужайтесь! — отвечали его товарищи.

Началась долгая и изнурительная борьба разума и хладнокровия против слепой и разрушительной силы стихии. Полтора часа держались эти три человека рядом среди бушевавшего моря, бросавшего их во все стороны, продвигаясь на один шаг, отступая на сто, но не сдаваясь, позволяя увлечь себя, когда чувствовали, что силы их оставляют, удваивая усилия, едва силы возвращались к ним, и не отчаиваясь.

Впрочем, ураган стал заметно стихать, дождь перестал, тьма сделалась не столь непроглядной, и авантюристы уже достаточно ориентировались, чтобы придерживаться верного направления.

Три товарища страшно утомились и уже совсем вяло боролись с волнами, которые, хотя ветер в значительной мере лишился своей силы, были все же ужасны, потому что после бури море еще долго не стихает.

Питриан, не спускавший глаз со своего господина, медленно приблизился к нему, и в ту минуту, когда Филипп, окончательно лишившись сил, тихо шел ко дну, чтобы не лишать мужества своих друзей, нырнул, вытащил его из воды, заставил положить обе руки на свои широкие плечи и таким образом спас его. Филипп, задыхавшийся и почти без чувств, машинально принял эту помощь, даже не сознавая преданности своего работника.

Вдруг прямо перед собой пловцы заметили судно. У него остались только нижние мачты, и вообще оно находилось в

критическом положении. Однако экипаж, по-видимому, не отчаивался в своем спасении: ясно слышался свисток боцмана, командовавшего маневрами, и размеренное пение матросов, выполнявших их.

Вдруг чудовищная волна подхватила судно на страшную высоту и уронила со страшным треском.

— Мы сорвались с якоря! — вскричала команда в один голос.

Действительно, два передних якоря сорвались, и судно упало на бок, таща за собой задние якоря. Вдруг из волн появились и взобрались на палубу три человека, полуобнаженные, страшные на вид. Первый бросился к румпелю, между тем как двое других упали на палубу, сцепившись друг с другом словно мертвые. Это явление было так внезапно и так неожиданно, что, кроме рулевого, никто на судне не заметил его.

— Мы погибли! — вскричали моряки с тоской.

— Вы спасены! — ответил хриплый и громкий голос.

— Пьер Легран! — с радостью воскликнул Тихий Ветерок. — Сам Господь тебя прислал, брат! Как ты сюда попал?

— Через борт, а как же еще? — ответил он, смеясь. — Вот уже два часа, как мы плывем, чтобы добраться до вас, но теперь не время разговаривать, отыщи Филиппа и Питриана, они упали где-то на палубе. У Филиппа линь, вели всей твоей команде взяться за него и тяните изо всех сил, тысяча чертей, если не хотите напиться из большой чашки! Я возьмусь за румпель, не беспокойся.

Тихий Ветерок не заставил дважды повторять себе эти распоряжения, он пошел отыскивать двух авантюристов, но тех уже подняли, и они начали приходить в себя. Отвязали линь от пояса молодого человека, и команда «Каймана» с капитаном во главе начала тянуть линь изо всех сил; все понимали, что в этом заключалась их последняя надежда на спасение.

Между тем по приказанию Пьера, который принял командование, задние якоря были обрублены и судно приведено в некоторый порядок. Ветер совсем стих, опасность прошла мимо.

— Куда ты нас ведешь? — спросил Тихий Ветерок Пьера.

— Ты видишь, — отвечал тот, — течение несет нас к мысу Каренахо. На берегу прикрепили канаты в трех местах. Если удастся обогнуть мыс, мы благополучно бросим якорь.

— Без тебя мы погибли бы, брат.

— Полно, ты шутишь; кроме того, эта мысль принадлежала не мне, а Филиппу, я только последовал за ним.

— Хорошо, отныне я в долгу у всей вашей троицы, ведь и храбрый Питриан тоже здесь.

— Еще бы! Без него Филиппа не было бы здесь, Питриан спас его в ту минуту, когда он тонул, рискуя утонуть сам.

Начинало светать. На берегу виднелась толпа мужчин и женщин, которые приветствовали подплывающих, хлопая в ладоши и с громкими криками бросая в воздух шляпы, но опасность еще не миновала, как все полагали. Вдруг матросы, тянувшие канат, упали навзничь, команда вскрикнула с отчаянием: канат лопнул.

— Молчать! — закричал Пьер громким голосом. — Бросайте якорь!

Можно было слышать прерывистое дыхание всей массы собравшихся на берегу людей, до того глубокой была тишина.

Якорь упал. Наступила критическая минута. Судно продолжало быстро приближаться к берегу, скорость его мало-помалу уменьшалась. Потом оно остановилось, медленно повернулось; якорь держал, судно было спасено. Команда закричала радостное «ура», на которое ответили восклицания с берега.

— Славное судно, мой старый дружище, — заметил Пьер, — жаль было бы потерять его.

— Его построил Монбар, — с гордостью заявил Тихий Ветерок, — а он знает в этом толк.

Глава VIII

Представление

В тот момент, когда в силу обстоятельств наш рассказ снова переносит нас в гостиницу, то есть около полудня, Корник, хозяин этой гостиницы, печально стоял на пороге двери, с испуганным видом взирая на опустошения, произведенные ураганом прошлой ночью. Достойный трактирщик позаботился запереться в своем доме и всю ночь дрожал от страха, так что зрелище, представшее теперь его глазам, не только изумляло, но и пугало его, когда он думал об ужасных опасностях, которым он мог бы подвергнуться, если бы не затаился столь предусмотрительно в своем доме.

Пробило половину первого; почти в ту же минуту вошли шесть моряков — или, лучше сказать, они ворвались в гостиницу так неистово, что оттолкнули Корника, чуть было не сшибив его с ног. Однако он не рассердился, напротив, он громко расхохотался и, с трудом обретя равновесие, сказал троим или четверем голодным слугам, блуждавшим, как тени, по зале:

— Ну-ка, живо вина этим господам!

«Эти господа» оказались малыми самой мошеннической наружности, с резкими и слегка нетрезвыми движениями, в оборванной одежде, но из их карманов при малейшем движении раздавался очень приятный серебристый звук. Корник не ошибся относительно прибывших. Увидев их, он весело потер себе руки, пробормотав сквозь зубы:

— Хорошо, вот кайманы пристают к берегу, сейчас мы повеселимся.

Матросы сели за стол и начали пить, крича во всю глотку и разговаривая все одновременно.

После этих пришли другие, потом еще и еще, так что зала быстро заполнилась и поднялся страшный шум. Более полутора сотен авантюристов собрались в помещении, где могли свободно вместиться только шестьдесят, но они так ловко расселись вокруг столов и прилавка, что среди залы еще оставалось достаточно пространства для прохода трактирщика и его слуг. Те беспрестанно бегали от одного столика к другому и не знали, кого слушать. Корник собственноручно откупоривал бутылки и не считал унижительным наполнять стаканы своих посетителей.

Скоро толпа в зале сделалась настолько многочисленной, что, как разливающееся море, волны посетителей залили и смежные комнаты. Марсиаль и Агуир, еще не привыкшие — по крайней мере первый — к странным поступкам авантюристов, с трудом пробрались к концу длинного стола, уже занятого двенадцатью флибустьерами, с трубками в руках игравшими в кости на пригоршни золота, которое они беспрестанно вытаскивали из своих глубоких, как пропасть, карманов.

Марсиаль с любопытством рассматривал странное зрелище, представшее пред его глазами, и оставлял, несмотря на замечания своего товарища, стакан полным, даже не думая его опорожнять. Между тем веселье становилась все громче, вино и ром разгорячили головы, гневные и вызывающие крики начинали примешиваться к хохоту и веселым песням,

здесь и там затевались драки, которые Корник со своими слугами все с большим трудом пытался прекратить.

В это время высокий и красивый молодой человек лет двадцати восьми, с надменными чертами насмешливого лица, развязной походкой вошел в залу. Он был одет чрезвычайно щеголевато, золотая фанфаронка опоясывала его шляпу, украшенную дорогими перьями и заливчатски надетую набекрень. Правая рука его, белая и аристократичная, почти закрытая волнами богатых кружев, лежала на эфесе шпаги. Войдя, он бросил гордый взгляд вокруг, как бы отыскивая кого-то, потом решительно подошел к тому столу, где сидели Марсиаль и Агуир, грубо отталкивая всех попадавших на его пути, которые — отдадим им справедливость — спешили удалиться по первому его требованию. Сев у стола, молодой человек наклонился к играющим.

— Э! — воскликнул он. — Да здесь, кажется, забавляются, ей-Богу! И я хочу участвовать.

— Да, да! — подтвердили несколько авантюристов, весело подняв голову. — Это вы, кавалер? Добро пожаловать!

— Давно ты здесь? — поинтересовался кто-то.

— С час. Я оставил свое судно в гавани Марго и пришел сюда.

— Bravo! Успешно прошла твоя экспедиция?

— Еще бы! Ведь испанцы — наши банкиры, — сказал он, смеясь.

— Итак, ты богат?

— Как четыре генеральных откупщика.

— Раз так, ты пришел кстати, — заметил один из игроков, — этот демон Нантэ поклялся обобрать нас. Посмотри, капитан, что перед ним.

— Ба-а! — произнес Нантэ с громким хохотом, небрежно разбрасывая груды золота, находившуюся перед ним. — Это еще пустяки, я надеюсь утроить выигрыш.

— Посмотрим, — ответил молодой человек, которого называли кавалером и капитаном.

— Когда же ты начнешь, капитан? — продолжал Нантэ.

— Сейчас, — ответил тот и, тихо положив руку на плечи Марсиаля, сказал ему: — Уйдите отсюда, друг.

Молодой человек вздрогнул при этом прикосновении, но не тронулся с места. Капитан подождал с минуту.

— Разве вы глухи, друг мой? — продолжал он, снова положив руку на его плечо, на этот раз сильнее.

Марсиаль обернулся и взглянул прямо в лицо капитана.

— Нет, — ответил он только.

— Хорошо, — сказал капитан, крутя усы, — вы не глухи? Я очень рад за вас, но если так, почему же вы не встаете?

— Потому что, вероятно, мне не угодно, — сухо ответил Марсиаль.

— Что? — произнес капитан, нахмутив брови. — Это гораздо смешнее, чем я предполагал.

— Вы думаете?

— Еще бы! Отойдите от двери, — обратился он к матросам, которые, привлеченные шумом этого спора, столпились позади него.

— Для чего же им отходить от дверей? — спросил Марсиаль, все еще внешне спокойный.

— Для того, — ответил капитан насмешливо-вежливым тоном, — что если вы не встанете, я буду к величайшему моему сожалению вынужден выбросить вас отсюда.

— Вы с ума сошли! — сказал молодой человек, презрительно пожимая плечами и опорожняя свой стакан.

Капитан, невольно изумленный твердостью и решительностью молодого человека, с минуту рассматривал его с удивлением, смешанным с любопытством.

— Не ребячьтесь, молодой человек, — сказал он, — я вижу, вы не знаете, с кем имеете дело.

— Действительно, не знаю, — ответил Марсиаль, — и мало беспокоюсь по этому поводу. Вас называют капитаном и кавалером, но это по моему мнению не дает вам никакого права быть грубым со мной.

— А-а! — сказал кавалер с насмешкой. — Ну, так знайте же, милостивый государь, что я — кавалер де Граммон!

— Я не знаю никакого кавалера де Граммона и повторяю, что мне все равно.

При этих словах, внятно и гордо произнесенных, трепет ужаса пробежал по всей зале. Кавалера де Граммона¹, одаренного геркулесовой силой и беспримерной ловкостью во владении оружием, опасались все эти люди, небезосновательно хваставшиеся, что не боятся ничего, но неоднократно имевшие возможность видеть, как он давал доказательства сверхъестественной силы и свирепого мужества.

— Ну, друг мой, — медленно продолжал кавалер, сняв шляпу и кладя ее на стол, — так как я сказал вам свое имя и

¹ Эту личность так и звали, и он действительно принадлежал к этой древней фамилии. — *Примеч. автора.*

звание, мне остается только сообщить вам, на что я способен, и вы скоро это узнаете, ей-Богу!

Марсиаль встал, бледный и спокойный.

— Остерегайтесь, — сказал он, — вы не имеете никакой причины ссориться со мной, мы друг друга не знаем, вы оскорбили меня без причины, я хочу об этом забыть; еще есть время, уйдите, потому что, клянусь Богом, мое терпение истощается, и если ваша рука коснется меня, я покончу с вами, как с этим стаканом.

И он вдребезги разбил стакан, который держал в руке.

Авантюристы разразились громким смехом.

— Bravo! — сказал капитан с насмешливым видом. — Прекрасно сказано, клянусь своей душой, но все это мне порядком наскучило. А ну, дайте место!

Он бросился на молодого человека. Тот внимательно следил за всеми движениями кавалера; Марсиаль отскочил в сторону, его глаза метнули молнию. Бросившись, как тигр, на своего противника, он ухватил его за шиворот и за пояс, приподнял над головой, несмотря на отчаянные усилия кавалера высвободиться, и бросил на улицу, где тот повалился наземь, словно чурбан. Продемонстрировав таким образом авантюристам свою необыкновенную силу, молодой человек небрежно прислонился к столу и скрестил руки на груди. Но кавалер почти тотчас приподнялся и со шпагой в руке с диким ревом бросился в залу. Он весь посинел, кровавая пена виднелась на его губах, сжатых от гнева.

— Его жизнь! Мне нужна его жизнь! — кричал он.

— Я безоружен, стало быть, вы хотите меня убить? — насмешливо заметил Марсиаль, не делая ни малейшего движения, чтобы уклониться от грозившего ему удара.

Капитан остановился.

— Это правда, — пробормотал он задышающимся голосом, — однако он должен умереть. Дайте ему шпагу, кинжал, дайте что-нибудь!

— В настоящий момент я не испытываю желания драться, — сказал Марсиаль холодно.

— О! Он боится, трус! — вскричал кавалер.

— Я не боюсь и я не трус, — возразил Марсиаль, — только мне жаль вас: если мы будем драться, я вас убью, потому что вы опьянели и ослепли от гнева.

В эту минуту новое лицо, которое при шуме, поднятом этой ссорой, незаметно вошло в залу вместе с другими, вдруг ударило капитана по плечу. Тот обернулся, словно его ужалила змея, но при виде незнакомца, стоявшего перед ним

холодно и с достоинством, его пыл вдруг остыл. Опустив шпагу, хотя нервный трепет пробежал по всему его телу, он прошептал задыхающимся голосом:

— Монбар!

Это действительно был знаменитый флибустьер. С минуты он наслаждался своим торжеством над этой неукротимой натурой, потом заговорил.

— Твой противник прав, де Граммон, — сказал он резким голосом, — ты не в состоянии драться.

— А-а! — сказал тот злобно. — И ты также против меня.

— Ты с ума сошел, — возразил Монбар, слегка пожав плечами, — я только хочу помешать тебе сделать глупость.

При виде Монбара авантюристы почтительно отступили, оставив широкое пространство среди залы.

— Этот человек обесславил меня, он должен умереть! — возразил капитан, с бешенством топнув ногой.

Марсиаль сделал два шага вперед.

— Нет, милостивый государь, — сказал он тоном, исполненным достоинства, который удивил всех зрителей этой странной сцены, — вы сами обесславили себя грубым и дерзким оскорблением, которым хотели меня заклеить; я только защищался! Я не сохраняю против вас ни гнева, ни вражды, я считаю вас, и говорю это громко перед всеми, честным человеком; то, что случилось между нами, ничего не значит, я был ловчее вас, потому что был спокойнее, вот и все!

Пока молодой человек говорил таким образом, Монбар внимательно рассматривал его, строгие черты флибустьера принимали выражение благосклонности, а когда Марсиаль замолчал, он прошептал, смотря на капитана:

— Хорошо сказано. Как ты думаешь, кавалер, мальчик, кажется, славный?

Кавалер с минуту оставался неподвижен, опустив глаза в землю, в сильном волнении, которое, несмотря на все его самообладание, он не мог преодолеть. Наконец он поднял голову, лихорадочный румянец покрыл его лицо, и поклонившись молодому человеку, стоявшему перед ним, он сказал:

— Да, ей-Богу! Вы славный малый, и, что еще лучше, у вас благородное сердце, я же хищный зверь, я заслужил жестокий урок, который вы преподали мне; простите же меня, я сознаюсь в своей вине.

— Ну, это уж слишком, — ответил Марсиаль.

— Нет, это, напротив, хорошо, — сказал Монбар.

— Теперь последнее одолжение, — продолжал капитан.
— Я к вашим услугам.
— Согласитесь сделать мне честь скрестить со мной шпагу.

— Милостивый государь...

— О! Не отказывайте мне, пожалуйста! — перебил кавалер настойчиво. — Во мне не сохранилось гнева к вам, но моя честь требует, чтобы вы дали мне это вознаграждение, хотя бы для того, — прибавил он с печальной улыбкой, — чтобы стряхнуть пыль, которой запачкано мое платье.

— Вы видите, я безоружен.

— Это правда, — сказал Монбар, вынимая свою шпагу из ножен и подавая ее Марсиалю, — согласитесь драться этой шпагой; капитан прав, вы не можете отказать ему в удовлетворении, которого он требует.

— Я и не думаю об этом, я принимаю вашу шпагу, но где же мы будем драться?

— Здесь же, если вы не возражаете, — ответил капитан.

— Хорошо.

Оба противника скинули камзолы и встали в позицию.

Зала гостиницы представляла в эту минуту странное зрелище. Авантюристы отступили вправо и влево, чтобы дать место сражающимся; они влезли на столы, сохраняли молчание, но тревожно вытягивали шеи из-за плеч друг друга, чтобы лучше следить за дуэлью.

Вежливо поклонившись, противники скрестили шпаги. С первых выпадов присутствующие поняли, что эти люди были чрезвычайно искусны. Несмотря на стремительность нападений капитана, Марсиаль, неподвижный, как будто был пригвожден к месту, все держал шпагу наготове, его рука казалась железной. Со своей стороны, искусный во всех телесных упражнениях кавалер де Граммон, природная сила которого еще увеличилась из-за стыда первого поражения, противопоставлял своему противнику непоколебимую стойкость. К нему вернулось его обычное хладнокровие, и, как бы играя, он чрезвычайно искусно и изящно действовал шпагой.

Прошло минуты три; в это время в зале, наполненной людьми, не слышалось другого шума, кроме учащенного дыхания обоих противников и зловещего лязга стали о сталь. Может быть, из всех зрителей лишь один Монбар угадывал превосходство гибкой и экономной манеры Марсиаля над размахистыми действиями капитана. Раз Марсиаль отразил нападение капитана таким верным и сильным ударом, что

если бы он не удержал свою шпагу, то капитан был бы проткнут насквозь.

Монбар, заинтересованный этой сценой и не понимая манеры молодого человека, следил с беспокойством, которое против его воли обнаруживалось на его лице, за всеми подробностями этой странной дуэли. Он мысленно спрашивал себя, чем же все это кончится, как вдруг капитан сделал шаг назад и, опустив шпагу, спросил:

— Вы ранены?

— Это правда, — ответил Марсиаль, повторяя его движение.

Шпага кавалера слегка проткнула его плечо, на котором выступило несколько капель крови.

— Господа, довольно! — сказал Монбар, становясь между ними.

— Я нисколько не желаю продолжать, — сказал капитан, — я сознаю себя побежденным вдвойне; этот господин захотел присвоить себе всю честь в этом деле; стоило ему пожелать, и он десять раз убил бы меня.

— О! — сказал молодой человек.

— Ба-а! — весело заметил кавалер. — Я не обманут вашей раной, я только школьник в сравнении с вами, вот моя рука, пожмите ее чистосердечно, это рука друга.

— Беру с радостью, — ответил Марсиаль, — поверьте, ничто не могло бы мне доставить большего удовольствия.

— Ты был скорее удачлив, чем благоразумен, мой добрый Граммон, — сказал, смеясь, Монбар, — этот господин благородный человек, ты не ошибся, он, конечно, убил бы тебя, если бы захотел.

— Не будем говорить об этом, умоляю вас, — улыбаясь, сказал молодой человек.

— Напротив, будем говорить, — возразил капитан с резкой откровенностью, — я грубиян, я заслужил этот урок, повторяю, но будьте спокойны, дружище, я буду его помнить. Как жаль, что такой очаровательный молодой человек как вы, не моряк!

— Извините, но я моряк.

— В самом деле, вы моряк? — с радостью переспросил кавалер.

— Разумеется, — сказал, подходя, Тихий Ветерок, слышавший весь этот разговор, — он мой второй лейтенант, я даже отчасти ему обязан спасением своего судна.

— Вот это прекрасно! — вскричал капитан. — Если вы хотите, мы будем плавать вместе и сыграем не одну славную шутку с этими злодеями-испанцами.

— Э, позвольте, — сказал Тихий Ветерок, — дайте же мне представить его Монбару. С этим намерением я просил его прийти сюда.

— Он сам представился, — смеясь, отвечал флибустьер. — Теперь, друг, он может обойтись без тебя, потому что я за него ручаюсь.

Марсиаль, польщенный такой деликатной похвалой, поклонился Монбару, покраснев от удовольствия и гордости.

Глава IX

Береговые братья

Вследствие ли тайных причин или намерения, принятого заранее, Марсиаль в рассказанных нами происшествиях вел себя так твердо и решительно? Мы не можем сказать этого наверняка. Может быть, молодой человек, по природе храбрый и надменный, почувствовал, как закипела его кровь при грубом оскорблении, полученном им так неожиданно, и невольно поддался справедливому негодованию; может быть, также, притворно выказав гнев гораздо сильнее того, который он чувствовал в действительности, он поспешно ухватился за случай, так благоприятно представившийся ему, чтобы тотчас предстать перед авантюристами тонким знатоком фехтования, человеком решительным, которого ничто не может напугать, и, что было немаловажно в отношении флибустьеров, человеком, одаренным необыкновенной физической силой.

Если действительно таково было его намерение, успех превзошел самые смелые его надежды; авантюристы, сначала сострадательно улыбавшиеся, когда он принял вызов, брошенный ему одним из самых грозных их бойцов, совершенно изменили свое поведение с тех пор, как увидели его в деле, они смотрели на него с сочувственной симпатией, даже с некоторой долей уважения. Никого из авантюристов не обманула его рана, это любезное снисхождение с его стороны тотчас привлекло к нему всеобщее расположение.

Не замечая внимания, предметом которого он стал, молодой человек почтительно выпрямился перед Монбаром, готовый отвечать на его вопросы.

Знаменитый флибустьер был высок ростом. В то время, когда происходит действие этого романа, ему давно уже было за пятьдесят, на его мужественных чертах, которые в молодости были очень красивы, виднелись неизгладимые следы суровой борьбы, которую, без сомнения, он должен был вести в продолжение своей полной опасностей жизни. Его бледное лицо носило выражение жестокой холодности и неумолимой решимости, которые внушали страх и уважение. Его черные глаза горели зловещим пламенем, блеск которого невозможно было выдержать, его непринужденное и изящное обращение выдавало в нем дворянина хорошего происхождения. Костюм его, простой и без вышивки, замечательно опрятный, очень походил на костюм окружавших его матросов. На шее у него висел золотой свисток на цепочке того же металла. Только одно это да еще шпага со стальным эфесом отличали его от товарищей.

Рассматривая в течение нескольких минут молодого человека с вниманием, которое не могло не внушить тому некоторого беспокойства, он сказал коротко:

— Надеюсь, из вас выйдет толк.

— Я очень хотел бы служить под вашим начальством, — ответил Марсиаль.

— Тихий Ветерок уверял меня, что вы хороший моряк.

— Я пятнадцать лет в море.

— Гм! Пятнадцать лет! Который же вам год? Вы мне кажетесь очень молоды.

— Мне двадцать два года. Семи лет я вступил на корабль юнгой и с тех пор редко покидал палубу.

— Вы, верно, все время плавали около берегов?

— Извините, я ловил сельдей с фламандцами, китов с байонцами и с голландцами ходил в жаркие страны.

Авантюрист печально покачал головой.

— Итак, — продолжал он, устремив вопросительный взгляд на Марсиаля, — вы желаете ходить в море с нами?

— Я уже вам сказал, что это самое большое мое желание.

— Вы несчастны? — спросил его Монбар с печальной улыбкой.

Молодой человек невольно вздрогнул при этом вопросе, которого он вовсе не ожидал, и почувствовал, что бледнеет.

— Я? — пролепетал он в замешательстве.

— Да, вы любите, не правда ли? Вашу любовь не разделили, ваше сердце разбито, тогда вам пришло на мысль отправиться в море, и вы с поспешностью ухватились за случай, представившийся вам, и решили уехать на «Каймане».

— Но...

— Да, это безумие чуть было не обошлось вам дорого, бедное дитя, впрочем, успокойтесь, я не спрашиваю у вас вашей тайны. Вам чуть больше двадцати, вы молоды, хороши собой, это частая история, ничего не может быть обыкновеннее, мы все платили этот долг, — прибавил он, отирая свой влажный лоб. — Вы хотите искать приключений?

— Да.

— Ну хорошо, отныне вы наш. Дай Бог, чтобы вы никогда не раскаялись в пагубном намерении, которое принимаете сегодня!

— Я решился, — сказал Марсиаль твердым голосом.

— Раз так, все кончено, желаю вам успеха.

— Ага! — сказал кавалер де Граммон, подходя. — Вы еще вместе? Право, Монбар, ты совсем завладел нашим новым товарищем, никто не может с ним поговорить.

— Говори сколько хочешь, — улыбаясь, ответил авантюрист. — Что ты хочешь ему сказать?

— А вот что, и я не прочь, чтобы ты знал. Послушай, — обратился он к молодому человеку, — до сих пор я жил один, как медведь, не соглашаясь никогда делить дружбу ни с кем, разве только с человеком, так же высеченным из гранита, как и я. Ты такой человек, какого я ждал, хочешь быть моим закадычным другом?

— Конечно! — радостно воскликнул молодой человек.

— Ну, по рукам! Теперь мы братья, — сказал де Граммон, протягивая ему руку.

Марсиаль не колеблясь протянул в ответ свою руку.

— Как тебя зовут, брат?

— Марсиаль.

— Хорошо, только это имя не флибустьерское, я тебе дам другое.

— Как вам угодно.

— Братья должны говорить друг другу «ты».

— Как тебе угодно, брат.

— Ну и прекрасно! Вот твое имя: отныне ты будешь зваться Франкером; или я сильно ошибаюсь, или очень скоро это имя станет знаменитым среди нас.

— Я сделаю все, что нужно для этого, будь спокоен, — весело ответил новоиспеченный авантюрист.

Монбар слушал этот быстрый разговор молодых людей, улыбаясь так, как он умел улыбаться — лишь слегка сжав губы. Марсиаль, или Франкер, потому что теперь мы будем

называть его обоими этими именами, буквально утопал в радости; такой полный успех превзошел все его надежды.

— Теперь, — сказал Монбар, — если вы хотите служить под моим начальством, ваше желание будет исполнено.

Он ударил кулаком по столу.

— Эй, кайманы! — закричал он. — Подходи по порядку!

Матросы тотчас встали из-за столов. Монбар с минуту смотрел на эти смуглые лица с очевидным удовольствием, потом через минуту заговорил среди глубокого безмолвия присутствующих:

— Береговые братья, офицеры, квартирмейстеры и матросы! Наш брат Малуэн, занимавший должность лейтенанта, был убит испанцами при abordage галиона «Сантиссима Тринидад». Пользуясь властью, данной мне договором, который все вы подписали со мной перед нашим отъездом из Пор-де-Пе, я думаю заменить Малуэна человеком решительным и таким же стоящим моряком, как он, но, не желая возбуждать зависти между вами, братья, потому что все вы способны занять это место, я решил не брать ни одного матроса из команды; я выбрал, — прибавил Монбар, положив руку на плечо молодого человека, лицо которого сияло радостью и гордостью, — я выбрал вот этого человека, вы уже знаете его, вы видели его в деле здесь, его я назначаю лейтенантом на бригантину «Змея», которой имею честь командовать. Признайте же Франкера в этом звании, повинуйтесь ему во всем, что касается службы, как обязывает к этому договор, добровольно подписанный вами.

За этой речью последовал ропот удовлетворения, который скоро превратился в единодушные рукоплескания. Потом авантюристы стали один за другим подходить, чтобы пожать руку новому товарищу, обещая повиноваться ему во всем. Исполнив эту обязанность, они снова встали позади Монбара.

— Братья, — сказал тогда Марсиаль, — я очень молод для того, чтобы принять командование над такими людьми, как вы, но забудьте о моих годах, не вспоминайте даже то, что я сделал на нашем добром «Каймане», подождите, чтобы судить обо мне, когда увидите меня в серьезном деле, и будьте уверены, что с Божией помощью я оправдаю выбор, которым удостоил меня Монбар.

— Я прибавляю только одно слово, братья, — вскричал де Граммон, — Франкер мой закадычный друг, не забывайте этого!

Авантюристы ответили радостным «ура».

В эту минуту в гостиницу вошли четыре человека.

— Ребята, — сказал Монбар, — уйдите, мне нужно остаться одному с теми из наших братьев, которые уже несколько раз возглавляли экспедиции.

Никогда приказания даже самого султана делийского не исполнялись с большей быстротой. Через пять минут в зале остались только Монбар, де Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Мигель Баск, Франкер, Дрейк, Польшэ, Филипп, Питриан и одиннадцатый, так старательно закутанный в складки широкого плаща, что невозможно было его узнать.

Кроме Марсиаля, это все были старые и опытные Береговые братья, отборные флибустьеры, люди, не раз пренебрегавшие смертью в неравных битвах и совершавшие героические подвиги. Кавалер де Граммон сосчитал глазами членов собрания и вдруг, обратившись к Питриану, неподвижно стоявшему возле двери, которую он запер, сказал ему грубым голосом:

— Что ты здесь делаешь, негодяй? Убирайся, да поживее, а не то...

— Умерьте ваш пыл, кавалер, — холодно перебил его Филипп, — Питриан здесь, потому что я приказал ему остаться, и он останется до тех пор, пока я не прикажу ему уйти.

Кавалер искоса взглянул на молодого человека. Де Граммон и Филипп ненавидели друг друга. По какой причине? Никто не мог бы этого сказать — может быть, они и сами этого не знали. Всем было известно только то, что они питали друг к другу непреодолимую ненависть, которая угрожала в будущем разразиться катастрофой.

— Что такое? — надменно спросил де Граммон. — Вы, кажется, здесь распоряжаетесь?

— Я всегда и везде распоряжаюсь своими подчиненными, а часто и равными мне, — сухо ответил Филипп.

— Монбар отдал ясное приказание, этот негодяй не имеет права оставаться здесь, и я требую, чтобы он ушел.

— Его право оставаться с нами настолько же основательно, насколько и право вашего нового друга, который, кажется, является не столь опытным флибустьером.

Ссора разгоралась. Вмешался Монбар.

— Вы оба неправы, — сказал он, — твой друг, де Граммон, и твой работник, Филипп, оба не могут присутствовать при разговоре, который будет происходить, они должны удалиться.

— Я со своей стороны этому не сопротивляюсь, — почтительно отвечал Филипп, — и если бы вместо своей обыкновенной невежливости и колкости капитан де Граммон соблаговолил подождать несколько минут, мой работник вышел бы, я сам приказал бы ему. Он остался только потому, что я хочу сказать два слова собравшимся братьям, и эти слова он должен слышать.

— Говори, брат, мы слушаем тебя.

— Я долго распространяться не стану.

— Посмотрим, — с иронией сказал кавалер.

— Наши законы требуют, чтобы тот, кто желает освободить работника, изъявил свою волю перед советом об этом освобождении и о причинах, побудивших его к этой мере, не правда ли?

— Правда, — ответили флибустьеры в один голос.

— Питриан, мой работник, спас меня прошлой ночью, рискуя собственной жизнью, многие из наших братьев могут это засвидетельствовать.

— Во-первых, я, — сказал Тихий Ветерок.

— И я, — прибавил Пьер Легран.

— С этой минуты я освобождаю Питриана, признаю его свободным и равным нам! Обними меня, брат Питриан.

— От всего сердца, и благодарю тебя, брат! — вскричал Питриан, бросаясь на шею Филиппу. — Только я не считаю себя расквитавшимся с тобой, Филипп; если я уже не твой работник, я хочу остаться твоим другом.

— И я этого хочу, брат.

Другие флибустьеры горячо пожали руку Питриану и поздравили его; освобождение случилось очень редко среди флибустьеров.

— Теперь уйди, Питриан, — продолжал Филипп, — тебе сказали, что твое место не здесь, и уведи с собой друга кавалера, который также не может здесь оставаться.

Де Граммон закусил себе губы от ярости, но не мог ничего ответить. Вдруг он протянул руку к человеку в плаще и, указав на него другим флибустьерам, сказал с иронией:

— А это также друг капитана Филиппа, и в этом качестве, видимо, считает себя вправе присутствовать с закрытым лицом на нашем собрании?

— Я действительно один из лучших и старейших друзей капитана Филиппа, — холодно ответил человек в плаще, — и скоро вы получите этому доказательство, кавалер.

— Дайте же это доказательство немедленно! — запальчиво вскричал кавалер.

Незнакомец проводил взглядом Марсиаля и Питриана, которые выходили из залы. Когда дверь за ними захлопнулась, он вышел на середину круга.

— Вот доказательство, — сказал он, распахивая плащ и снимая шляпу.

— Господин д'Ожерон! — вскричали флибустьеры с радостным удивлением.

— Я собственной персоной, господа; теперь вы довольны, капитан де Граммон?

— О, прошу меня извинить! — ответил кавалер, почтительно кланяясь старику, которого все флибустьеры глубоко уважали.

— Оставим это, — улыбаясь, ответил д'Ожерон, — нам предстоит заняться вещами слишком важными для того, чтобы затевать глупую ссору; по-моему, вам лучше чисто-сердечно пожать друг другу руки и помириться.

Оба молодых человека сделали шаг назад при этом предложении.

— Вы не хотите? — продолжал д'Ожерон. — Хорошо, не будем об этом говорить и приступим к делу. Принимаете вы предложение, которое я поручил Пьеру Леграну, нашему брату, сделать вам?

— Пьер Легран, без сомнения, по вашему приказанию, — отвечал Монбар от имени всего общества, — упомянул нам очень неопределенно об этом деле, которое следует предпринять ради нашей общей выгоды, но не упомянул вашего имени.

— Что же вы ответили ему?

— Мы ему ответили, что это предприятие очень рискованное, что испанцы остерегаются, хорошо укрепились и, находясь под начальством храброго офицера, станут защищаться как львы, что мы подвергаемся большой опасности и рискуем не только потерпеть поражение, но и без всякой пользы подвергнуть смерти многих наших братьев.

— Очень хорошо, господа, теперь выслушайте меня, пожалуйста. Я не стану вам напоминать, что я выхлопотал вам от Португалии каперские грамоты, даже когда это государство было в мире с Испанией, не стану упоминать о других услугах, которые я имел честь вам оказать, я убежден, что вы сохранили о них добрые воспоминания.

— Мы не неблагодарны, мы знаем, чем вам обязаны.

— Следовательно, я скажу вам только, что приехал из Франции, я видел кардинала Мазарини...

Трепет любопытства всколыхнул собрание. Д'Ожерон продолжал:

— Его преосвященство соблаговолил исполнить мои просьбы. Кардинал понял, что люди с вашими достоинствами, господа, не должны быть изгнаны из общества, вы уже не отверженные, не пираты, не корсары, вы верноподданные его христианнейшего величества, ваше законное существование признается королем, следовательно, хотя вы остаетесь свободными, как прежде, его величество король Людовик XIV, в своей неисчерпаемой благосклонности к вам, простирает на вас свое полное и совершенное покровительство с правом носить его флаг на своих судах; сверх того, его величество удостоил меня назначения губернатором всех своих владений в Атлантическом океане. Принимаете вы эти условия, господа? Признаете вы за мной это звание, расположены вы повиноваться мне?

— Да здравствует король! — с энтузиазмом вскричали флибустьеры. — Да здравствует наш губернатор!

— Благодарю, господа, благодарю!

— Милости короля радуют нас, — заметил Монбар холодно и с достоинством. — Ваше назначение на пост губернатора служит нам доказательством доброжелательности намерений его величества. Но правда ли, что наша внутренняя организация останется все такой же, и никто, даже король, даже вы, не будете иметь право в нее вмешиваться?

— Клянусь вам честью! — ответил д'Ожерон.

— Хорошо, мы принимаем ваше слово, мы знаем, что на него можно положиться; теперь приказывайте, мы готовы повиноваться вам.

— Я хочу взять Тортугу.

— Мы возьмем ее, — просто ответил Монбар. — Завтра мы договоримся насчет последних мер.

— Не здесь, если вы согласны. Пор-де-Пе наводнен шпионами; мы соберемся на островке Собачья Голова завтра на закате солнца.

— Сколько человек вам нужно?

— Не так много, но только хороших.

— Они все хороши.

— Это правда. Ну так вы, Монбар, Тихий Ветерок, де Граммон — выберите каждый по пятьдесят решительных человек из вашей команды, Пьер Легран найдет столько же, двухсот человек будет достаточно.

— Итак, завтра на закате солнца на островке Собачья Голова, с оружием.

— Будем, — отвечали флибустьеры.

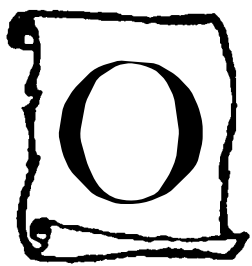
Все разошлись. Д'Ожерон остался один.

— С этими людьми можно кое-что сделать, — прошептал он, — они инстинктивно чувствуют великое и прекрасное. Удастся ли мне организовать их и сделать полезными великой человеческой семье, вне которой они упорно продолжают жить?

Старик несколько раз покачал головой с задумчивым видом, запахнулся в плащ, чтобы его не узнали, и в свою очередь вышел из гостиницы.

Глава X

Островок Собачья Голова

Островок, на котором флибустьеры назначили свидание, — это бесплодная скала или, лучше сказать, песчаный риф, на котором нет никакой растительности и который находится на расстоянии двухсот саженьей от Пор-де-Пе, у берегов Санто-Доминго, от которого он отделен каналом, судоходным только во время прилива. Островок этот, имеющий своеобразную форму, отдаленно похожую на собачью голову, что и дало ему название, которое он носит, служит убежищем бесчисленному множеству морских черепах, которые в определенное время года откладывают здесь яйца в песок.

Берег не представляет никакого убежища для судов, поэтому подойти к нему довольно трудно; однако, несмотря на это, а может быть, именно поэтому флибустьеры выбирали его местом сближения всякий раз, когда им приходилось обсуждать серьезные дела или экспедиции, касавшиеся общества Береговых братьев. Впрочем, место было выбрано очень хорошо, если появлялась необходимость скрыться от шпионов, потому что к островку невозможно было приблизиться с какой бы то ни было стороны, не будучи немедленно замеченным теми, кто находился на острове. Кроме того, море просматривалось далеко до горизонта, а если флибустьеры сами не хотели быть видимы, то это сделать было легко, укрывшись в грот, довольно обширный, находившийся в центре островка, среди груды скал, вероятно появившихся из глубины моря вследствие одного из тех ужасных землетрясений, которые так часто случаются в этих местах и в

несколько минут меняют до неузнаваемости внешний облик земли.

На другой день после того как случай так кстати свел главных предводителей флибустьерства в гостинице, несколько пирог, по большей части с одним человеком на борту, отошли на закате солнца от различных точек берега Санто-Доминго и направились к островку Собачья Голова, куда пристали почти в одно и то же время.

Вытащив пироги на песок, чтобы море не унесло их, так как привязать их не было никакой возможности, люди, сидевшие в них, направились поодиночке к гроту, находившемуся посреди островка, о котором мы уже упоминали выше. Грот был довольно темным, но так как те, которые пришли первыми, позаботились зажечь факелы, воткнув их прямо в песок, прибывшие позже нашли освещение достаточным, чтобы узнать своих товарищей и удостовериться, что ни один подозрительный человек не пробрался между ними.

Собрание было немногочисленным, оно состояло всего-навсего из одиннадцати человек. Это были д'Ожерон, Монбар, Филипп, кавалер де Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Дрейк, Польшэ, Мигель, Марсиаль и Питриан. Двое последних присутствовали на заседании по особому позволению: первый потому, что был закадычным другом кавалера де Граммона, который потребовал этого исключения, а второй потому, что Филипп д'Ожерон исходатайствовал ему это позволение под свою личную ответственность, а в действительности для того, чтобы рассердить де Граммона, которого он искренне ненавидел и которому не прочь был досадить.

Когда все флибустьеры собрались в гроте, они поклонились друг другу и сели кто куда на обломки скал, закулив трубки. Совещание началось. Никто не оспаривал права д'Ожерона председательствовать: возраст и влияние, которым он по справедливости пользовался среди Береговых братьев, доставили ему эту честь. Д'Ожерон повторил, но с большими подробностями, то, что говорил накануне. Он рассказал о своем путешествии во Францию, своем свидании с кардиналом Мазарини, распространился о выгодах, которые доставит товариществу Береговых братьев всемогущее покровительство Людовика XIV, и настаивал, чтобы его слушатели оценили как следует благосклонность, которой их удостаивал король, потом дошел до главной цели собрания, то есть необходимости захватить как можно скорее Тортугу и не позволять далее испанскому флагу развеяться на их

глазах, как бы поддразнивая их и насмехаясь над независимостью, обретением которой они себя льстили.

Речь д'Ожерона, искусно подготовленная, произвела большое впечатление на его слушателей, самые живые чувства которых ему удалось затронуть; люди эти, изгнанные из общества, считавшиеся отверженными, с которыми их враги испанцы обращались, как с пиратами, чувствовали внутреннюю гордость при мысли, что король Людовик XIV искал союза с ними и договаривался, так сказать, как равный с равными. Это предложение короля возвысило их в собственных глазах. Многие из них, брошенные не зависевшими от их воли обстоятельствами в эту жизнь, полную приключений и случайностей, втайне желали оставить ее, чтобы занять место в обществе, изгнавшем их; слова д'Ожерона нашли отголосок в их сердцах, они увидели надежду возвратить в недалеком будущем все блага, которые считали навсегда потерянными для себя и о которых вздыхали тем более, что не думали обладать ими когда-нибудь снова. Справедливо, что человек, как бы силен он ни был, никогда не может безнаказанно отделиться от общества, растоптать ногами законы, управляющие им, и жить одному и вне его; это противно всей человеческой сущности.

Монбар внимательно выслушал д'Ожерона, несколько раз во время его речи он неприметно хмурил брови, потому что, быть может, он один угадал тайные мысли старика и цель, к которой тот стремился.

— Милостивый государь, — ответил он от имени своих товарищей, — мы, как и подобает, признательны его величеству королю Людовику XIV за благосклонность, которой мы вовсе не добивались.

— Это правда, — ответил д'Ожерон, почувствовавший удар и хотевший отразить его, — но его величество принимает участие во всех своих подданных, каковы бы они ни были, где бы ни находились, и рад, когда представится случай оказывать им знаки внимания.

— Извините, — заметил знаменитый предводитель флибустьеров с горькой улыбкой, — вы, кажется, употребили не совсем точное выражение.

— Что вы хотите сказать?

— Вы, кажется, назвали нас подданными?

— Действительно, но, кажется, в этом выражении нет ничего оскорбительного для вас.

— Я только нахожу его несправедливым.

— Как! Разве вы не француз?! — вскричал д'Ожерон с изумлением.

— Кто знает, какая у нас национальность, — откликнулся Монбар с печальной иронией, — ведь наша родина отказалась от нас! Осмотритесь вокруг, нас десятеро, вот Дрейк — англичанин, Мигель — баск, Марсиаль, вероятно, испанец и так далее; нет, мы не французы и, следовательно, не подданные короля Людовика! Мы хищные птицы, которых судьба выкинула на подводные скалы, Береговые братья, флибустьеры — словом, аттические цари, мы не признаем других законов, кроме тех, какие установили сами, других властелинов, кроме нашей воли, не говорите же нам ни о благосклонности, ни о королевском покровительстве, пожалуйста, и обращайтесь с нами, как мы того заслуживаем, то есть как с людьми свободными, которые сами добились своей независимости и сумеют ее сохранить несмотря ни на что.

— Да здравствует Монбар! — закричали флибустьеры, воспламененные этими словами.

— Но если вы свободны, как уверяете, — заметил д'Ожерон, — почему же вы признали владычество Франции?

— Извините, вы опять смешиваете.

— Как смешиваю?

— Конечно, и ничего нет легче, чем доказать это. Не мы обращались к французскому правительству, в помощи которого никогда не нуждались, а, напротив, французский король присылал к нам своих агентов и просил нашей поддержки против Испании, могущество которой в Новом Свете справедливо пугает его.

— Монбар! Монбар! — прошептал, вздыхая, д'Ожерон. — Должно быть, вы сильно ненавидите Францию, эту благородную землю, что говорите таким образом!

В глазах флибустьера блеснула яркая молния, но он сдержался.

— Милостивый государь, — ответил он спокойным голосом, поклонившись старику, — мы все любим вас и уважаем, как вы того заслуживаете; я далек от мысли оскорбить вас или хотя бы огорчить, вы наш губернатор, мы признаем вас в этом звании и всегда рады будем вам повиноваться. Но не забудьте, что это соединено с непременным условием уважать наши законы и обычаи и никогда не вмешиваться во внутренние дела флибустьерства. Прекратим же, заклиная вас, этот разговор, который может только рассорить нас без всяких выгод для нас, оставим короля Людовика XIV, великого и могущественного монарха, с которым мы не хотим

иметь ничего общего ни в настоящем, ни в будущем, и вернемся к причине, собравшей нас здесь, то есть к обсуждению способов скорейшего захвата Тортуги.

— Это так, — сказал Дрейк, — что нам за дело до королей? Да здравствует флибустьерство!

— Да здравствует флибустьерство! — хором повторили Береговые братья.

Д'Ожерон понял, что он не должен настаивать дальше. Монбар своими словами разрушил впечатление, произведенное его речью. Он печально вздохнул и решил ждать лучшего случая, чтобы вернуться к предмету, составлявшему цель его жизни.

— Я жду, господа, — сказал он, — чтобы вы мне сказали, нашли ли вы людей, нужных нам для этой экспедиции.

— Это было нетрудно, — ответил Пьер Легран, — у нас больше людей, чем нужно.

— Но этого недостаточно, — заметил кавалер де Граммон.

— Тем более, — прибавил Монбар, — что с тех пор, как испанцы завладели островом, так как прекрасно поняли важность этой позиции, они значительно усилили укрепления и разместили на острове значительный гарнизон.

— Не считая того, — перебил Дрейк, — что этим гарнизоном командует храбрый офицер дон Фернандо д'Авила; я его знаю, это искусный воин, он скорее даст себя убить, чем сдастся.

— Ну, так его и убьют, — грубо заметил Мигель.

— В этом нет никакого сомнения, — ответил Дрейк, — но перед смертью он нанесет нам жестокий урон.

— Как получить точные сведения об укреплениях на острове? — спросил д'Ожерон. — Это мне представляется делом очень трудным.

— Есть способ, — убежденно заявил Филипп.

— Какой?

— Пробраться на остров, — усмехнувшись, ответил молодой человек.

— Уж не вы ли собираетесь пробираться туда? — колко осведомился де Граммон.

— Почему бы и нет? — парировал Филипп.

— Черт возьми! — вскричал де Граммон. — Клянусь, если вы решитесь на эту глупость, я пойду с вами только для того, чтобы увидеть своими собственными глазами, как вы будете выпутываться.

— Тише, господа! — вмешался д'Ожерон. — Пожалуйста, будем говорить серьезно.

— Уверяю вас, дядюшка, — ответил молодой человек, — что мое предложение вполне серьезно, и если мне дадут позволение, я готов исполнить его.

— Филипп прав, — заметил Монбар, — мы должны действовать именно тем способом, на какой указывает он, как это ни опасно. Мы не можем предпринять ничего, прежде чем не будем знать наверняка уязвимые места острова, на который хотим напасть.

— Но, — возразил д'Ожерон, — пробраться на остров, который так хорошо охраняется, значит отправиться на верную гибель.

— Попытка смелая, я это знаю, я нисколько не скрываю от себя трудности этой затеи, и мне известно, что девяносто девять возможностей из ста против меня, но, несмотря на это, я настаиваю, милый дядюшка, чтобы это поручение было мне дано, я убежден, что сумею справиться.

— Уж нет ли у вас там каких личных интересов, любезный капитан? — осведомился де Граммон насмешливым голосом.

— Может быть, — ответил Филипп с иронией. — Кроме того, — прибавил он, обращаясь к флибустьерам, — что вам за дело до того, как я буду действовать, — лишь бы удалось осуществить задуманное, а, повторяю, если мне позволят, я ручаюсь за успех.

— Что вы думаете об этом, господа? — спросил д'Ожерон.

— Мы думаем, — ответил Мигель, — что часто в подобных обстоятельствах благородные люди жертвовали собой для общей пользы; то, что хочет сделать капитан Филипп, другие уже делали, следовательно, мы должны предоставить ему действовать, как он хочет.

— Вы согласны с этим, господа?

— Да, — в один голос ответили флибустьеры.

— Хорошо, племянник, совет дает тебе позволение пробраться на Тортугу, мы будем ждать твоего возвращения и не станем ничего предпринимать, чтобы действовать соответственно со сведениями, которые ты нам доставишь.

— Благодарю вас, братья, — ответил Филипп, — будьте спокойны, сведения будут точными.

— Сколько времени тебе нужно?

— Мне достаточно двух дней, но с условием, что я отправлюсь сейчас же.

— Ты возьмешь кого-нибудь с собой?

— Меня, — сказал Питриан, — я еще так недавно был у него работником, что мой брат не откажет мне в позволении следовать за ним.

— Да, — сказал Филипп, — поезжай со мной, больше никого не нужно.

— Я думаю! — сказал Питриан, весело потирая руки.

— Совет дает вам два дня, которых ты требуешь, племянник, прямо с Тортуги вы приедете сюда, где мы соберемся обсудить твое донесение. Тотчас после твоего возвращения ты найдешь нас готовыми к немедленным действиям. Ты можешь ехать, когда хочешь.

Филипп поклонился собранию и повернулся, чтобы уйти.

— Вы рады, не правда ли, что вам поручено провести разведку? — тихо произнес де Граммон, подходя к молодому человеку.

— Почему вы так думаете? — спросил Филипп, вздрогнув.

— Ба-а! Вы и сами прекрасно знаете, — заметил де Граммон с ядовитой улыбкой.

— Клянусь честью, я не понимаю вас.

— В самом деле? Зато я понимаю себя прекрасно.

Он насмешливо захохотал, поклонился молодому человеку и отошел.

— О-о! — прошептал Филипп с испугом. — Неужели негодяй угадал? Ей-Богу, пусть он остерегается идти наперекор моим планам, иначе, клянусь жизнью, я убью его, как собаку!

Он быстро вышел из грота.

— Ну что? — спросил он Питриана, подбежавшего к нему.

— Пирога готова, — ответил тот, — мы едем?

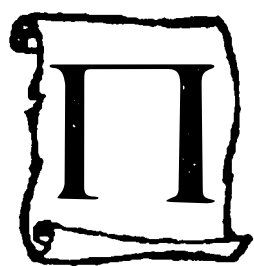
— Отправляемся немедленно, нельзя терять ни минуты, — взволнованно ответил Филипп.

Они прыгнули в легкую лодку и вскоре, с силой налегая на весла, скрылись из глаз.

— До свидания и счастливого успеха! — закричал им вслед насмешливый голос де Граммона, присутствовавшего при их отъезде.

— Этот негодяй замышляет что-то недоброе, — прошептал молодой человек, — необходимо за ним внимательно наблюдать.

Скоро пирога исчезла в темноте, и де Граммон возвратился в грот медленными шагами, по-видимому погруженный в серьезные размышления.

Прежде чем мы перенесемся на Тортугу, куда нас теперь ведут события нашего рассказа, мы обязаны рассказать, как выглядел этот остров и каким образом испанцы завладели им.

Черепаший остров, имя которого благодаря флибустьерам стало столь знаменитым в семнадцатом столетии, обязан этим названием своим очертаниям, весьма похожим по форме на морскую черепаху. Он имеет семьдесят километров в окружности; окруженный огромными скалами, выступающими из моря и называемыми жителями *Железными берегами*, он доступен только с юга, со стороны пролива шириной в пять миль, который отделяет его от Санто-Доминго. Он имеет только одну гавань для больших судов и небольшое селение, носящее название Бас-Тер — Низменная Земля. Почва его плодородна, все антильские плодоносящие деревья и кустарники произрастают там в изобилии, и табак, который там выращивается, гораздо более высокого сорта, чем на других островах. Сахарный тростник растет там хорошо, и дичь размножается неимоверно быстро.

История Тортуги коротка, но запятнана кровью на каждой странице. Занятый сначала испанцами, этот остров был отнят у них, как мы уже рассказывали в предыдущем романе. Береговые братья, избежавшие гибели на острове Сент-Кристофер, решили сделать на этом острове свою штаб-квартиру и приняли меры, чтобы обеспечить себе обладание Тортугой. Но испанцы не дали им спокойно наслаждаться их завоеванием. Они отправили флотилию, которая застала авантюристов врасплох, неожиданно напав на них, и после страшной резни прогнала их с острова. Через некоторое время они вернулись под командой Виллиса, английского авантюриста, и снова захватили остров. Но французские авантюристы, с неудовольствием повиновавшиеся англичанину, требовали помощи от де Пуэнси, губернатора острова Сент-Кристофер, который послал к ним многочисленную экспедицию во главе с офицером по имени Левассер. Виллис сдался без сопротивления, и французы вновь завладели Тортугой. Левассер тщательно исследовал остров, изучая пункты, которые следовало укрепить. Он узнал, что остров неприступен со всех сторон, кроме южной,

как мы уже сказали выше. Он выстроил крепость на пригорке, отдаленном на триста метров от рейда, над которым она должна была возвышаться. Но так как над этой крепостью возвышалась скала высотой в двадцать метров с площадкой в двадцать пять квадратных метров, губернатор выбрал эту площадку для того, чтобы выстроить там свой дом. К этому дому вели пятнадцать ступеней, высеченных в скале, и съемная железная лестница. На площадку установили четыре пушки, и к оборонительным средствам была еще прибавлена ограда, способная устоять против любого приступа; эта позиция, так удачно выбранная, была окружена пропастями, высоким лесом и непроходимым кустарником, которые делали ее неприступной. Лишь одна тропинка, по которой могли пройти рядом три человека, вела к этому форту, получившему название *Скального*.

Едва возведение этих укреплений было окончено, как явились испанцы в количестве восьмисот человек, чтобы их уничтожить. Разгромленные крепостной артиллерией, они пытались высадиться двумя милями ниже, на месте, называемом Кайонной, но, потеряв двести человек, вынуждены были удалиться восвояси. Победа эта не только придала отваги авантюристам, но до того вскружила голову их губернатору, что он, забыв, что безопасность Тортуги зависит от помощи де Пуэнси, захотел стать независимым, так что его подчиненным, привыкшим к безграничной и необузданной свободе, наскучило его тиранство, и они убили его.

В это время кавалер де Фонтенэ, отправленный де Пуэнси с острова Сент-Кристофер, прибыл на Тортугу с пятью сотнями своих людей, восстановил порядок и принял бразды правления островом в свои руки. Но кавалер де Фонтенэ был прежде всего авантюристом; первым, на что он употребил свою власть, было поощрение флибустьерских экспедиций, так что остров часто оставался почти без защитников. Испанцы, узнав об этом от своих шпионов, решили во что бы то ни стало завладеть этим страшным логовищем пиратов, вооружили эскадру и неожиданно появились перед островом, в эту минуту почти пустым. Де Фонтенэ и несколько авантюристов, которыми он располагал в это время, героически защищались, но, подавленные численностью врага, испытывая недостаток в съестных припасах и боевых снарядах, они в конце концов были вынуждены сдаться. Испанский генерал оставил на острове гарнизон из шестидесяти

человек под командой дон Фернандо д'Авила, офицера храброго и опытного, и вернулся в Санто-Доминго. Вот какие странные события разворачивались на этом островке в течение нескольких лет, когда д'Ожерон по возвращении из Франции решился окончательно отнять его у Испании, чтобы сделать из него не штаб-квартиру флибустьеров, как прежде, а сердце колонии, которую он намеревался основать на самом Санто-Доминго. Испанцы, приписывавшие большое значение обладанию Черепашьим островом, вели себя крайне осторожно; следовательно, согнать их с этого места, которое они сделали практически неприступным с тех пор, как овладели им, было делом очень трудным. Несмотря на сильнейшее искушение захватить остров, д'Ожерон, опасаясь неудачи, не хотел ничего предпринимать, пока надежный человек не проведет разведку на месте. Для этого он выбрал своего племянника, зная, что может на него положиться.

В тот самый вечер, когда флибустьеры держали совет в гостинице, трое человек ужинали в довольно обширной и богато обставленной зале Скального форта. Это были донья Хуана, очаровательная молодая девушка, которую мы уже видели на острове Санто-Доминго, ее дуэнья Чиала и дон Фернандо д'Авила, губернатор Тортуги.

Дон Фернандо был человек лет пятидесяти, с чертами лица, свидетельствующими о властном характере его владельца, яркий образчик служаки того времени, не признававшего другого довода, кроме шпаги, другого права, кроме силы.

Занимаясь блюдами, поставленными перед ним, он разговаривал с доньей Хуаной, приехавшей на остров лишь этим утром. Молодая девушка была печальна и озабочена, она односложно отвечала на участливые расспросы губернатора, которые она по большей части пропускала мимо ушей и, следовательно, на которые отвечала невпопад.

— Что с вами, милое дитя? — спросил наконец дон Фернандо, удивляясь, что он один поддерживает разговор. — Уж не больны ли вы? Это путешествие, должно быть, чрезвычайно утомило вас; может быть, вам нужно отдохнуть?

— Вовсе нет, — ответила девушка рассеянно.

— Не стесняйтесь, — продолжал он с участием, — вы здесь у себя и можете поступать, как хотите.

— Вы очень добры.

— Итак, дорогой с вами не случилось ничего необыкновенного, кроме неожиданной встречи с этими двумя негодяями?

— Решительно ничего.

— Вы очень испугались?

— Нет, уверяю вас.

— К счастью, теперь вы в безопасности и вам нечего опасаться этих негодяев.

Молодая девушка слегка нахмурила брови, но воздержалась от ответа. Дон Фернандо встал.

— Я вынужден оставить вас, — сказал он, — извините меня. В этот час я осматриваю свои посты и никогда не пренебрегаю этой обязанностью.

— Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне, — ответила Хуана, — вы видите, Чиала заснула, и я пойду в свою комнату; ведь, верно, в этой крепости нет сада, где можно было бы подышать вечерним воздухом.

— Извините, милое дитя, — возразил губернатор с веселой улыбкой, — у меня есть сад, правда очень маленький и вовсе не похожий на ваши великолепные эспаньольские сады, но, каков бы он ни был, я отдаю его в ваше распоряжение на все время вашего пребывания здесь, и вам тем легче будет в нем гулять, что он сообщается с вашей молельней.

— О, это замечательно! — весело воскликнула Хуана. — Пожалуйста, покажите мне скорее этот сад.

— Ступайте же за мной, мы будем там через пять минут.

Девушка поспешно встала и вышла из залы в сопровождении дон Фернандо, не беспокоясь о Чиале, которая действительно заснула в кресле.

Пройдя двор, освещенный в эту минуту великолепным лунным сиянием, дон Фернандо отворил дверь, запертую только на задвижку, и донья Хуана вдруг очутилась в саду — небольшом, но очень удачно расположенном и по этой причине казавшемся с первого взгляда гораздо больше, чем на самом деле. Там были тень и цветы; птицы, приютившиеся в листьях, с шумом вылетали при приближении гуляющих. Густая живая изгородь из кактусов на самом краю пропасти служила оградой не только саду, но и строениям крепости. Забор этот, как ни казался слаб, был более чем надежен, так как пропасть, почти вертикальная в этом месте, имела глубину более сорока метров.

— Вот мой сад, милое дитя, — сказал тогда дон Фернандо. — Пользуйтесь им, как хотите, не боясь, что вас потревожат, потому что, кроме вас и вашей дуэньи, никто не ступит сюда ногой без вашего позволения.

— Благодарю вас! Право, я не знаю, как мне высказать вам мою признательность за эту огромную любезность с вашей стороны.

— Но ведь я вам почти отец — я заботился о вашем детстве.

— Вы правы, и я вас люблю за вашу неисчерпаемую доброту.

— В свою очередь благодарю вас, но, слава Богу, мы должны остаться здесь всего на несколько дней. Я жду моего преемника с минуты на минуту.

— Это правда. Вы мне сказали, что мы должны отправиться в Панаму, — произнесла она с легким трепетом в голосе.

— Я так думал, но, судя по последним письмам, кажется, мое назначение изменено.

— А! На какое же новое место вас назначают?

— Не знаю. Вероятно, мы отправимся на материк; впрочем, это должно мало вас интересовать.

— Действительно... однако, признаюсь, я не прочь узнать об этом новом назначении.

— Не бойтесь, как только я что-нибудь узнаю, я поспешу сообщить вам.

— Благодарю.

В эту минуту в сад вошел капрал и почтительно приблизился к своему начальнику.

— Что вам нужно, Кабо Лопес? — спросил дон Фернандо.

— Ваше превосходительство, — ответил он, — прибыл курьер из Сантьяго.

— Так поздно? — с удивлением спросил губернатор.

Капрал молча поклонился.

— Хорошо, я иду за вами, ступайте.

Лопес повернулся, как автомат, и вышел в сад.

— Эта дверь, — продолжал дон Фернандо, указывая девушке на большое балконное окно, — ведет в вашу молельню. Теперь я оставляю вас, гуляйте без опасения в этом саду, вам нечего бояться. На случай, если я не увижусь с вами сегодня вечером, позвольте мне сейчас пожелать вам приятно провести ночь, которую вы давно не проводили под моей кровлей.

Простившись таким образом, дон Фернандо ушел, и донья Хуана осталась одна.

Давно уже молодая девушка желала насладиться минутой свободы, она чувствовала потребность привести в порядок свои мысли и откровенно поговорить с собой. Ее отъезд из Сан-Хуана был так внезапен, путешествие так быстро, что эти немногие дни промелькнули для нее подобно сну, не оставив ей необходимого времени подумать о том новом положении, в которое ее поставили события, и о неизбежных переменах, которые силой обстоятельств должны были произойти в ее жизни, до сих пор столь тихой и спокойной.

Для душ юных и верующих ночь имеет неизъяснимую прелесть: бледный свет звезд, серебристые отблески луны, пробивающиеся сквозь ветви деревьев, ночной ветерок, проносящийся как вздох и таинственно шелестящий листьями, глухое жужжание насекомых, журчание ручейка, протекающего в тростнике — все способствует тому, чтобы наполнить сердце упоением, и располагает душу к нежным и меланхолическим мечтам.

Донья Хуана, обойдя несколько раз тенистые аллеи сада, склонив голову к земле, мало-помалу, сама того не замечая, поддавалась влиянию лучезарной природы, окружавшей ее со всех сторон, восхитительная гармония которой находила тихий отклик в ее сердце. Она села в боскете¹ и надолго погрузилась в то восторженное состояние, которое не является ни сном, ни явью и для которого в нашем бедном языке нет определенного выражения.

Недалеко от того места, которое она выбрала для отдыха, возвышалась изгородь, служившая забором саду; возле этой изгороди, как отверстая пасть пропасти, открывался обрыв, уже старый и скрытый высокой сухой травой. Возле этого обрыва росло дерево, закрывая его своими могучими ветвями. Время от времени взгляд молодой девушки машинально обращался к этому месту с упорством, независящим от ее воли, в котором она не старалась даже дать себе отчет.

Вдруг ей показалось, что какая-то тень осторожно выпрыгнула из этой ямы и два глаза сверкнули в темноте, как два раскаленных угля. Донья Хуана невольно задрожала при

¹ Б о с к е т — декоративная роща.

этом ужасном явлении и молча и боязливо притаилась в глубине боскета.

По прошествии двух или трех минут, показавшихся испуганной девушке целой вечностью, эта тень увеличилась и мало-помалу приняла размеры человека, — размеры, казавшиеся гигантскими при обманчивых отблесках луны. Насколько довольно отдаленное расстояние, на котором находилась донья Хуана, позволяло ей судить, человек этот был не испанец, костюм его скорее походил на костюм бужаньера. Кто бы это ни был, человек этот осмотрелся кругом пронизательным взором, как бы стараясь проникнуть сквозь темноту, потом, видимо успокоенный глубокой тишиной, окружавшей его, он стал на колени на краю обрыва и, обвив ствол дерева одной рукой, без сомнения для того, чтобы удержаться, наклонился над ямой, потом тотчас же выпрямился, поддерживая рукой другого человека, который, слегка согнувшись, впрыгнул в сад.

— Ты никого не видел? — шепотом по-французски спросил второй незнакомец первого.

— Никого.

— И ничего не слышал?

— Ничего.

— Стало быть, все в порядке. Теперь надо узнать, где мы.

— Этого я не знаю.

— И я тоже... Давай сюда оружие. В случае тревоги я не прочь иметь, чем защититься.

Ничего не отвечая, товарищ его встал на колени на краю обрыва и через секунду втащил наверх два ружья, крепко привязанных к веревке.

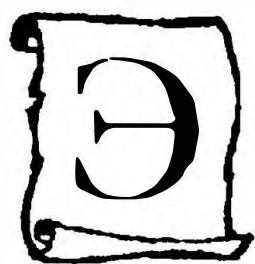
— Вот, — сказал он.

— Хорошо. Теперь надо осмотреться; это нетрудно, ведь светло, как днем. Я — направо, ты — налево, составим круг, центром которого будет этот обрыв; держи глаза и уши настороже. Надо сделать так, чтобы на нас не застукали как дураков.

Его товарищ молча кивнул головой в знак согласия, они повернулись друг к другу спиной и немедленно начали приводить в исполнение свой план. Когда они повернулись, лучи луны упали на их лица, остававшиеся до тех пор в тени.

— Филипп! — вскрикнула девушка, узнав того, кого она любила, в одном из двух человек, таким странным образом забравшихся в сад.

Свидание втроем

то действительно были Филипп и Питриан, так неожиданно забравшиеся в сад губернатора Тортуги. При восклицании девушки флибустьер вздрогнул.

— Кто это? — проговорил он.

Бросив тревожный взгляд вокруг, он решительно подошел к боскету.

— Это я, Филипп, — произнесла молодая девушка, подходя к нему.

— Вы?! Вы, Хуана? — радостно вскричал флибустьер. — О, Бог привел вас сюда!

— Разве вы не знали, что найдете меня здесь? — спросила она.

— Я не смел надеяться.

Вдруг он замолчал. Обойдя сад, что было недолго, Питриан возвращался к боскету. Филипп бросился ему навстречу.

— Друг, — сказал он, — по неслыханному счастью я встретил особу, которую только и хотел видеть, отправляясь сюда. Покарауль, пожалуйста, пока мы перемолвимся несколькими словами и я получу сведения, необходимые для успеха наших планов.

Питриан улыбнулся.

— Хорошо, — ответил он, — только не слишком долго разговаривайте, наше положение не так уж приятно, ни к чему нам позволять глупо поймать себя в этой ловушке.

— Будь спокоен, я прошу у тебя только десять минут.

— Даю вам четверть часа, — великодушно отозвался Питриан и встал за огромным стволом дерева.

Филипп быстро вернулся к Хуане, которая с беспокойством ждала результата его переговоров с товарищем.

— Все хорошо, — сказал он, — мы можем разговаривать, ничем не рискуя. Нас охраняет друг. Хвала Всевышнему, милая Хуана, в своем неисчерпаемом милосердии Он соединил нас!

— Только на несколько минут, — прошептала она печально.

— Что нам за дело до будущего, моя возлюбленная, воспользуемся настоящим, чтобы говорить о нашей любви. Когда вы приехали сюда?

— Сегодня утром.

— И как долго думаете вы оставаться здесь?

— Не знаю. Дон Фернандо очень скрытен, однако мне кажется, я угадала, что мое пребывание здесь будет непродолжительным.

— И вы догадываетесь, в какое место должны ехать?

— Положительно, нет. Мне говорили о Панаме и Маракайбо, правда, оба эти места мне неизвестны, и мне все равно, куда меня повезут, лишь бы я имела надежду увидеть вас там.

— Я дал клятву, Хуана, и сдержу ее во что бы то ни стало.

— Да, да, вы меня любите, Филипп, я полагаюсь на ваше слово, но все же я боюсь.

— Бойтесь чего, друг мой?

— Всего. Наши народы — неумолимые враги; вас считают разбойниками, морскими цыганами, хищными зверями, которых всякий честный человек имеет право истреблять.

— Какое нам до этого дело, моя возлюбленная? Разве вы не знаете, что, когда к нам подступят слишком близко, мы поворачиваемся лицом к этим охотникам и сражаемся с ними?

— Я все знаю, друг мой, и это заставляет меня дрожать еще сильнее. Кроме того, — прибавила она совсем тихо и нерешительно, — это еще не все.

— Гм! Что же еще, друг мой? Говорите без опасения.

Она молчала, печально потупив голову.

— Неужели это гораздо серьезнее, чем я предполагал? — вскричал Филипп, схватив руку девушки и нежно пожимая ее. — Говорите, ради Бога, Хуана, умоляю вас, не оставляйте меня далее в этом смертельном беспокойстве.

— К чему? — ответила она кротко. — К чему говорить об этом вам, друг мой?

— Мне?! — вскричал он. — Стало быть, речь идет обо мне лично? О, говорите, говорите, заклинаю вас!

— Ах! Дело идет о нас обоих, — прошептала она, — потому что оно касается нашей любви.

— Разве нашей любви что-нибудь угрожает? — спросил он с изумлением.

— Не знаю, друг мой; я, может быть, сумасбродствую, вероятно, я тревожусь понапрасну, но повторяю вам, я боюсь.

— Зачем же, если так, вы упорно сохраняете молчание, убивающее меня?

— Вы правы, друг мой, лучше сказать вам все.

— О, говорите! Говорите, я слушаю вас.

Внезапно новое лицо выросло между собеседниками.

— Говорить буду я, — холодно произнес этот человек.

Молодые люди с ужасом отступили.

— Кажется, я испугал вас? — продолжал он с иронией. — Однако, клянусь своей душой, у меня этого и в мыслях не было.

— Ей-Богу! — вскричал Филипп, уже оправившийся от минутного волнения. — Человек ты или демон, а я узнаю, кто ты.

— Я и не скрываюсь, можете смотреть на меня, сколько угодно, — сказал человек, выходя из тени на свет.

— Кавалер де Граммон! — с удивлением вскричал Филипп.

— Он самый, — ответил кавалер, кланяясь со своей обычной насмешливой улыбкой.

— Что вы здесь делаете, милостивый государь? — запальчиво вскричал Филипп.

— А вы сами что? — спросил кавалер. — Черт возьми! Странно вы исполняете поручение, возложенное на вас советом!

Донья Хуана, готовая лишиться чувств, схватилась за изгородь боскета, чтобы не упасть.

— Не об этом поручении идет сейчас речь, милостивый государь, — грубо ответил молодой человек.

— А о чем же, позвольте вас спросить? — все с той же насмешкой продолжал кавалер.

— Я хочу знать, по какому праву пробрались вы сюда за мной?

— А если мне не угодно вам отвечать? — надменно заметил кавалер.

— Я сумею вас заставить, — ответил Филипп, выхватив из-за пояса пистолет.

— Стало быть, вы собираетесь меня убить, — ведь я с вами драться не стану, по крайней мере в эту минуту; разве вы забыли, что наши законы запрещают дуэль во время экспедиции?

Филипп с бешенством топнул ногой и заткнул пистолет за пояс.

— Но я буду великодушен, — продолжал де Граммон, — я вам отвечу, и отвечу откровенно, клянусь вам, а вы судите сами. Когда вы ушли с совета, чтобы приготовиться к исполнению вашего поручения, я просил позволения присоеди-

ниться к вам, заметив нашим братьям, что вас могут убить испанцы и что если случится это несчастье, то хорошо бы кому-нибудь вас заменить и закончить дело, вверенное вашей чести. Совет одобрил это предложение и исполнил мою просьбу, вот почему я здесь, милостивый государь; но ведь вы не это желаете знать, не так ли? Вы хотите узнать, по какой причине я просил этого поручения? Ну, так вы останетесь довольны — я назову вам эту причину.

— Я жду, чтобы вы объяснились, — сказал Филипп с едва сдерживаемым гневом.

— Имейте немного терпения; я имею одно великое качество, или один великий недостаток, как вам угодно об этом судить, — редкую откровенность. Догадываясь о том, что будет происходить между вами и этой молодой девицей, я поспешил сделаться третьим лицом в этом разговоре, чтобы избавить ее от затруднительного объяснения, которое, впрочем, кажется, было для нее довольно неприятно.

— Пожалуйста, без околичностей и приступим прямо к делу, если это возможно.

— Что бы вы ни говорили, — воскликнула Хуана с лихорадочным одушевлением, — ваши нападки и клевета не могут меня задеть. Говорите же!

— Я не стану ни нападать, ни клеветать, — ответил кавалер, почтительно кланяясь девушке, — это оружие подлецов, и я не умею его употреблять; я буду говорить правду и только о себе.

— Говорите скорее; место, где мы находимся, не годится для продолжительных рассуждений, — сказал Филипп.

— Мы в безопасности, ведь вы поставили вашего бывшего работника Питриана на карауле, он не допустит, чтобы нас захватили врасплох; кроме того, мне остается сказать вам всего несколько слов.

Молодой человек буквально кипел от нетерпения, однако он смолчал, понимая, какие страшные последствия могла иметь огласка, не только для него — он мало заботился лично о себе, — но и для доньи Хуаны, которую он любил и которая, волнуясь и дрожа, присутствовала при этом странном разговоре.

— Милостивый государь, — продолжал кавалер де Граммон с той изящной вежливостью, которая отличала его и которой он так хорошо умел пользоваться, когда вспоминал, из какого рода он происходил, — позвольте мне прежде всего

согласиться с вами, что во всем происходящем с нами есть какой-то странный рок.

— Я вас не понимаю, что можем мы иметь общего друг с другом?

— Я объясню. Вы любите эту девицу, и все заставляет меня думать, судя по тому, что я слышал, что любовь эту разделяют.

— Да, — живо откликнулась донья Хуана с той храбростью, которую нередко обретают женщины, оказавшись в крайнем положении, — да, мы любим друг друга, более того, мы обручены, и, клянусь вам, никогда моя рука не будет принадлежать никому, кроме дона Филиппа.

— Милая Хуана! — сказал молодой человек, горячо целуя ей руку.

— Вот именно в этом и заключается тот рок, о котором я вам только что говорил, — холодно продолжал кавалер, не выказывая никакого удивления при этом признании, — я также люблю эту девицу.

— Вы?! — вскричали они с испугом, смешанным с удивлением.

— Да! — ответил он, почтительно кланяясь молодой девушке.

Филипп сделал шаг к кавалеру, но тот остановил его движением руки.

— Вы прекрасны, я мужчина; ваша красота прельстила меня, и я невольно поддался страсти, которая, когда я вас увидел, охватила все мое существо. Имеете ли вы право упрекать меня за это? Нет, любовь и ненависть — два чувства, неподвластные нашей воле, которые овладевают сердцем человека и безраздельно господствуют в нем, о них рассуждать нельзя, мы вынуждены им подчиняться. В первый день, как я вас увидел, я полюбил вас, ваш взгляд, упав на меня нечаянно, сделал меня вашим невольником. Вы видите, я откровенен. Напрасно пытался я добаться до вас и признаться вам в любви, которая сжигала мое сердце, все мои попытки были бесполезны, вы бессознательно убегали от меня, вы без сомнения угадали мои чувства, и так как вы меня не любили, то возненавидели меня.

— Милостивый государь! — запальчиво вскричал Филипп.

— Дайте ему объясниться, милый Филипп, — с благородством сказала Хуана, — лучше, чтобы мы знали раз и навсегда, как нам себя с ним держать.

— Если вы требуете... — прошептал молодой человек, стиснув зубы от гнева.

— Я вас прошу.

— Кончайте же скорее, милостивый государь.

— Имею честь заметить вам, — ответил, поклонившись, кавалер, — что вы сами прервали меня.

Молодой человек топнул ногой и бросил страшный взгляд на кавалера, но промолчал.

— Итак, я догадывался, что у меня есть соперник, — спокойно продолжал тот, — и что соперник этот любим; открытие это, как ни неприятно оно было, однако, мало тронуло меня по той простой причине, что с первой минуты, как я вас увидел, я поклялся себе, что вы будете моей.

— Что?! — с бешенством вскричал молодой человек.

— Я имею привычку, — холодно продолжал кавалер, — всегда держать свои клятвы, это значит, что я сделаю все на свете, чтобы не изменить моему слову.

— Это уже такая дерзость, — вскричал Филипп вне себя от раздражения, — что...

— Извините! Позвольте мне закончить, — перебил кавалер бесстрастно и холодно. — Мне остается прибавить только несколько слов... Мы оба дворяне, оба хорошего происхождения, а это значит, что между нами будет война честная, борьба достойная, это будет, — прибавил он с насмешливой улыбкой, — турнир и ничего более.

— Но вы забываете одно, — заметила донья Хуана надменно, — но довольно важное обстоятельство, как мне кажется.

— Что именно? — осведомился де Граммон.

— То, что я вас не люблю и никогда не буду любить! — ответила она с презрением.

— О-о! — воскликнул кавалер с восхитительным чванством. — Как можно ручаться за будущее? Едва можно рассчитывать на настоящее.

— Вы знаете, что я вас убью, — сказал Филипп, сжав кулаки и стиснув зубы.

— Я знаю, по крайней мере, что вы попытаетесь... Ах, Боже мой! Вам следовало бы благодарить меня, вместо того чтобы ненавидеть. Борьба, разгорающаяся между нами, придаст необыкновенную прелесть вашей жизни; ничего не может быть скучнее любви, которой ничто не препятствует.

— Вы с ума сошли, кавалер; все, что вы нам тут рассказали, несерьезно, — возразил Филипп, совершенно озадаченный странным признанием молодого человека и ни на секунду не допуская, чтобы его слова соответствовали действительности.

— Я с ума схожу по этой девице — да, это правда. Что же касается того, что я вам сказал, думайте, что хотите. Я вас предупредил, теперь вы должны остерегаться.

— Запомните хорошенько, — холодно произнесла донья Хуана, — если когда-нибудь судьба отдаст меня в ваши руки, я скорее убью себя, чем изменю клятве, которую дала моему жениху.

Кавалер, ничего не отвечая, поклонился донье Хуане и, повернувшись к Филиппу, сказал:

— Итак, решено, что мы перережем друг другу горло при первом удобном случае?

— О, конечно!

— Стало быть, не стоит больше возвращаться к этому предмету. Думаю, что теперь пора заняться делами, которые привели нас сюда. Идете вы со мной на разведку или предпочитаете остаться здесь еще на несколько минут и поговорить с этой девицей? Вы видите, у меня добрый характер.

— Дон Филипп и я, — перебила его донья Хуана, — уверены друг в друге, и нам не нужно вести длинных разговоров, чтобы знать, что мы всегда будем любить друг друга. Оставляю вас, господа; становится поздно, и я возвращаюсь в свои комнаты.

Молодой человек с живостью приблизился к своей невесте.

— Не теряйте мужества, Хуана, — сказал он, — я отомщу за вас этому человеку.

— Нет, — ответила она вполголоса со странной улыбкой, — предоставьте это мне, Филипп, — женщины в мщении гораздо опытнее мужчин, — только наблюдайте за ним.

— Но...

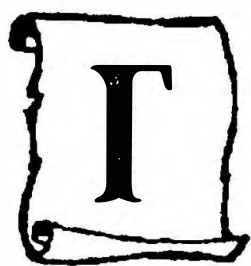
— Прошу вас... Теперь прощайте.

Она вышла из боскета. В ту же минуту явился Питриан.

— Быстрее! — сказал он. — Губернатор.

Все трое бросились в кусты и исчезли там в ту минуту, когда дон Фернандо входил в сад и большими шагами приближался к донье Хуане, которая поспешила ему навстречу.

Дон Фернандо д'Авила

убернатор казался озабочен, лоб его был бледен, брови нахмурены, он шел поспешно, бросая вокруг тревожные взгляды; в руке он держал бумаги, которые комкал с нетерпением.

— А! Вы здесь! — воскликнул он, как только заметил донью Хуану, которая, как мы сказали, шла ему навстречу. — Тем лучше, я рад, что нашел вас здесь. Я боялся, что вы уже вернулись в ваши комнаты.

— Я возвращаюсь туда; поздно, я слишком забылась во время прогулки.

— Ночь светлая, небо сияет звездами; прошу вас, согласитесь побыть со мной несколько минут.

— Я к вашим услугам на все время, какое вы пожелаете.

— Извините меня, уже поздно, время может показаться не совсем приличным, это правда, но курьер прибыл только что, и я должен сообщить вам важные известия.

— Мне? — спросила она с удивлением.

— Да, если только вы согласитесь выслушать меня.

— Я уже ответила, что я к вашим услугам.

— Благодарю вас за ваше снисхождение и не медля воспользуюсь позволением, которое вы мне даете.

Мы сказали, что тихая и темная ночь, освещенная серебристыми лучами луны, была великолепна; войдя в комнату вслед за молодой девушкой, дон Фернандо оставил приоткрытым балконное окно, выходившее в сад, — для того ли, чтобы впустить свежий ночной ветерок или, несмотря на свое звание опекуна, он боялся смутить целомудрие молодой девушки, которой, спешим прибавить, он выказывал искреннюю дружбу, соединенную с глубоким уважением.

Оба сели в кресла возле двери, тогда как между авантюристами, оставшимися наедине в боскете, состоялось короткое объяснение.

— Итак, теперь мы враги, — надменно произнес Филипп.

— Может быть, и враги, — сухо ответил де Граммон, — но уж соперники — наверняка.

— Пусть так, но это соперничество ни в коем случае не должно мешать нам исполнить данное нам поручение.

— Я тоже так думаю.

— Очень рад, что хоть в этом вы со мной согласны. Что же намерены вы предпринять?

— В эту минуту?

— Да.

— Мне кажется, что случай необычайно благоприятствует нам и дает возможность узнать тайну наших врагов.

— Наша рекогносцировка еще не кончена; слишком продолжительное пребывание в этом месте может не только погубить нас, это бы еще ничего, но и расстроить планы наших братьев.

— Вы правы, но мне кажется, есть очень легкий способ все устроить.

— Какой же это способ, позвольте вас спросить? Я был бы чрезвычайно рад воспользоваться вашими сведениями.

— Вот он: пока один из нас останется здесь и постарается уловить отрывки разговора губернатора с его питомицей, другой отправится на разведку, а Питриан останется возле обрыва, чтобы в случае надобности ускорить наш уход.

— Гм! — сказал Филипп. — Этот способ действительно хорош, но кто из нас останется в саду?

— Вы, если хотите, — ответил де Граммон, — в эту минуту речь идет не о любви, а о политике.

— Это правда; итак...

— Я иду, — перебил де Граммон и сделал движение, чтобы удалиться.

— Позвольте, — остановил его Филипп, — я согласен на ваше предложение, но только с одним условием.

— С каким?

— Я буду ждать вашего возвращения, чтобы помочь вам, если будет нужно.

— К чему? Ведь мы больше не друзья.

— Но все еще братья.

— Вы правы, я согласен.

Церемонно поклонившись своему сопернику, кавалер удалился, как призрак проскользнув сквозь кустарник. Филипп, оставшись один, стоял с минуту неподвижен и задумчив, потом приподнял голову, бросил подозрительный взгляд вокруг и, слившись, насколько возможно, с тенью, отбрасываемой ветвями деревьев, осторожно подошел к балконному окну и спрятался в чаще мастичных деревьев, стоявших в нескольких шагах от дома, где заметить его было почти невозможно. Место было выбрано прекрасно: так как собеседники не имели никакой причины понижать тон разговора, слова их отчетливо доходили до Филиппа, который приготовился слушать, прошептав про себя:

— Может быть, я еще ее увижу и поговорю с ней.

Разговор авантюристов, меры, принятые ими, потребовали довольно долгого времени, так что когда Филипп стал слушать разговор дона Фернандо и доньи Хуаны, он почти уже кончился. Молодая девушка говорила:

— И эти сведения достоверные?

— Официальные, — ответил губернатор, — нам привез их верный человек; кроме того, мне их прислал губернатор Эспаньолы.

— И вы приказываете мне оставить вас, когда, быть может, вам угрожает такая великая опасность?

— Во-первых, милое дитя, — дружески сказал дон Фернандо, — я не приказываю вам, а только сообщаю полученные мной приказания, а это разные вещи. Вы знаете, что мы с вами должны повиноваться этой особе, потому что она поручила вас мне ребенком.

— Но кто же эта особа?

— Для чего беспрестанно задавать мне один и тот же вопрос, милое дитя, когда вы знаете, что я не могу вам на него ответить?

Девушка печально опустила голову. Дон Фернандо взял ее руку и нежно пожал.

— Не теряйте мужества, бедняжка! — сказал он с родительской нежностью. — Надеюсь, что когда-нибудь, а может быть и скоро, тайна, так тяготящая ваше сердце, раскроется. У вас все впереди, ведь вы еще почти ребенок.

— Вы очень добры, но я чувствую, что этим нежным словам, которые вы мне говорите, вы и сами не верите.

— Не унывайте, милая Хуана, — возразил дон Фернандо, стараясь отвлечь девушку от этих печальных мыслей, — ведь я вам друг.

— О, вы мне друг, почти отец! — сказала она с волнением. — Я люблю вас за все заботы, которыми вы окружали мое детство, вот почему я дрожу при мысли расстаться с вами.

— Опасность не так велика, как вы предполагаете; завтра я получу подкрепление из полутора сотен человек, которые в соединении с моим гарнизоном составят двести десять решительных и опытных солдат; кроме того, остров хорошо укреплен и снабжен съестными припасами. Будьте же спокойны на наш счет, — прибавил он, смеясь, — хотя эти негодяи сущие демоны, они потерпят постыдное поражение.

Молодая девушка бросила украдкой взгляд на сад и подавила вздох.

— Итак, — продолжала она, — едва приехав сюда, я опять еду, и еду одна.

— Не одна, ваша дуэнья поедет с вами.

— А вы?

— Я приеду к вам.

— Когда, друг мой?

— Быть может, скорее, чем вы думаете.

— Да услышит вас Бог!

Дон Фернандо встал.

— Итак, решено, — сказал он, — завтра на рассвете вы будете готовы, шхуна, на которой вы приехали сюда, еще стоит в гавани. Вы поедете на ней.

— Но простите мне еще один, последний вопрос. Вы мне не сказали, куда я должна ехать.

— Разве вы не знаете?

— Ничего не знаю... Некоторое время тому назад вы мне говорили о выгодном месте, которое вам предлагали в Панаме; мы едем туда?

— Нет, мой покровитель со своей неисчерпаемой добротой выхлопотал мне место гораздо почетнее, а в особенности гораздо выгоднее того, которое он обещал мне прежде.

— Какое же?

— Губернатора Гибралтара в заливе Маракайбо.

— И вы получили назначение?

— Как вы любопытны! — заметил дон Фернандо, улыбаясь.

— Отвечайте мне, пожалуйста.

— Это назначение пришло сегодня вечером, только что.

— Стало быть, ничто не удерживает вас здесь?

— Извините меня, — ответил он с замешательством, — я должен передать власть моему преемнику и ждать его приезда на остров.

— Ведь он приедет завтра?

— Кто вам сказал?

— Вы сами, только что.

— Я вижу, что от вас ничего невозможно скрыть.

— Итак?... — продолжала она, улыбаясь.

— Я хотел вас удивить, но вы так умеете выпытывать у меня мои секреты, что нет никакой возможности сопротивляться вам, и я предпочитаю рассказать вам все сейчас.

— Да, расскажите, расскажите!

— Шхуна, вместо двух пассажиров, увезет троих, я еду вместе с вами.

— Слава Богу! — с радостью вскричала девушка.

— Теперь я вам все сказал, мне ничего к этому больше добавить. Извините, что так долго не давал вам спать; уже

двенадцатый час, я ухожу, да хранят ваш сон Святая Дева и ангелы, милое дитя, прощайте. Заприте хорошенько это окно, до завтра.

Он вышел; Хуана проводила его до сада.

— Итак, — сказала она громко, без сомнения для того, чтобы слышал Филипп, если вдруг он был еще тут, — мы едем в Маракайбо?

— Да, в Маракайбо, а не в Панаму, но возвращайтесь, не оставайтесь дольше в саду, вечера опасны для здоровья, вы же знаете.

— Я возвращаюсь, друг мой.

— Я не уйду, пока вы не запретите окно.

— Я сделаю это сию минуту.

— Кстати, если вы услышите ночью шум в саду, не тревожьтесь, я имею обыкновение несколько раз обходить все с дозором. Возвращайтесь же — и прощайте.

— Прощайте.

Девушка заперла дверь тройным поворотом ключа. Дон Фернандо закутался в плащ, вышел из сада и небрежно затворил за собой калитку, считая бесполезным принимать меры предосторожности, так как скоро он должен был идти с дозором. Кроме того, с этой стороны он нападения не ожидал.

Прошло полчаса. Филипп с нетерпением ждал, чтобы дверь доньи Хуаны отворилась, но его ожидание было обмануто, ничто не пошевелилось, дверь оставалась заперта, и скоро огонь погас. Девушка думала, что флибустьер давно ушел. Филипп безропотно вздохнул и вернулся в боскет, где нашел Питриана, все так же стоявшего на карауле, но начинавшего серьезно тревожиться таким продолжительным пребыванием в неприятельской крепости. Действительно, неосторожности или какой-нибудь случайности было достаточно, чтобы выдать троих флибустьеров, и тогда они погибли бы.

Так как Филипп обещал кавалеру, он остался в боскете, не желая удалиться до его возвращения.

— Маракайбо! — шептал он, — Гибралтар! Не в первый раз имена эти раздаются в моих ушах. О, моя возлюбленная Хуана! Если бы даже моя жизнь зависела от этого, я скоро соединюсь с тобой.

Как и все влюбленные во все времена, забыв о том довольно критическом положении, в котором он находился, молодой человек прислонился плечом к дереву, скрестил руки на груди, опустил голову и погрузился в одну из тех восхити-

тельных любовных грез, перед которыми бледнеют все холодные реалии жизни. Кто знает, сколько времени продолжилось бы это восторженное состояние, если бы вдруг он не был грубо отозван с неба на землю неприятным ощущением, которое оказалось не чем иным, как рукой, тяжело опустившейся на его плечо, между тем как насмешливый голос проговорил ему на ухо:

— Вы спите, друг?

Филипп вздрогнул при звуках этого хорошо знакомого голоса и, быстро приподняв голову, сказал:

— Нет, я мечтаю.

— Хорошо. Но как ни восхитительны эти мечты, прервите их, надо уходить.

— Пошли, я готов.

— Вы не спрашиваете меня, что я сделал и откуда пришел?

— Что мне за дело!

— Как, что вам за дело? — вскричал кавалер с удивлением. — Уж не помешались ли вы?

— Нет, извините, — ответил Филипп в замешательстве.

— Я не знаю, что говорю; напротив, для меня это очень важно.

— Прекрасно, вот теперь вы окончательно проснулись.

— О, совершенно, клянусь вам, и доказательством служит то, что мне любопытно узнать, что вы открыли.

— Признаюсь к своему стыду, что я ничего не открыл, кроме того, что остров сильно укреплен и гарнизон настороже, везде стоят часовые.

— Черт побери, — пробормотал молодой человек, — вы мне сообщаете неприятное известие.

— Знаю, но что же делать?

— И вы не открыли ни одного слабого места?

— Ни одного.

— Черт возьми!

— А вы что узнали?

— Ничего, невозможно было приблизиться настолько, чтобы расслышать хоть одно слово из их разговора.

— Стало быть, нам ничего не удалось добиться?

— Да, и, кажется, мы хорошо сделаем, если уберемся отсюда поскорее.

— Я и сам так думаю.

— Пойдемте же.

Они подошли к обрыву, в который спустились один за другим. Питриан замыкал шествие. Спуск оказался тем труднее, что обрыв был почти отвесный, и флибустьеры на

каждом шагу рисковали сломать себе шею. Была даже минута, когда они, так сказать, висели между небом и землей, не будучи в состоянии ни подняться, ни слететь. Однако после поисков, продолжавшихся не менее двадцати минут, они сумели найти тропинку, по которой прежде поднялись до площадки на скале. Спуск продолжался, они потратили около часа, чтобы дойти до равнины. Отдохнув минуты три, они проскользнули в высокую траву и наконец добрались до берега моря, — к подножию скал, которые с этой стороны составляли неприступную стену около острова. Авантюристы начали подниматься на эти скалы. Скоро перед ними возникла трещина, по которой мог пройти только один человек. Тут Филипп остановился.

— Одно слово, кавалер, — сказал он.

— Говорите, — отвечал тот.

— Вы знаете, где пирога?

— Знаю.

— Узнаете вы то место, где мы находимся?

— Узнаю.

— Вы должны ехать!

— Один?

— Один.

— А вы?

— Я останусь с Питрианом. Вы отчитаетесь о нашей экспедиции совету через сорок восемь часов, не раньше, вы меня понимаете, не правда ли? Наши братья отправятся, и вы приведете их сюда.

— Приведу.

— Вы пристанете к берегу, когда увидите два зажженных фитиля.

— Хорошо.

— Я с помощью Питриана проложу дорогу, достаточно широкую для того, чтобы по ней могли пройти наши братья.

— Но если вас увидят и убьют?

— Как будет угодно Богу, — ответил Филипп просто.

— Милостивый государь, — торжественно произнес кавалер, протягивая ему руку, — пусть будет так, как вы желаете; я сожалею о соперничестве, разделяющем нас, но если я не могу вас любить, я восхищаюсь вами.

— Прощайте — вернее, до свидания через сорок восемь часов.

— Через сорок восемь часов, — ответил кавалер и ушел.

— Таким образом, что бы ни случилось, — прошептал Филипп, — я уверен, что моя возлюбленная Хуана уедет и, следовательно, будет вне опасности.

Питриан, которым Филипп так распорядился, не спросив даже его согласия, казался несколько не удивленным этим поступком своего бывшего господина.

— Что мы теперь будем делать? — спросил он.

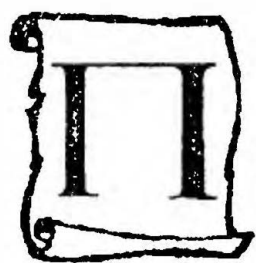
— Спать, — ответил Филипп, стараясь расположиться как можно удобнее среди скал.

— Хорошо, все-таки хоть сколько-нибудь поспим, — беззаботно сказал Питриан, укладываясь рядом с ним.

Через пять минут оба погрузились в глубокий сон.

Глава XIV

Эспаньола

Прежде чем мы пойдем дальше, нам надо объяснить читателю, какой образ правления установили испанцы в Америке и какой системе следовали они в своих колониях после завоевания.

В силу дара папы американские владения были собственностью короны; стало быть, страна принадлежала королю, и земли, занятые или испанцами, или туземцами, считались королевскими владениями. Король не признавал никаких прав, никаких привилегий, он брал подать со всего, он управлял посредством вице-короля. Вице-король начальствовал над армией, решал все военные вопросы, председательствовал в совете и назначал чиновников на вакантные места.

Высший трибунал, называемый *аудиенсией*, служил противовесом власти этого важного чиновника; как апелляционный суд для всех трибуналов, как гражданских, так и духовных, он судил окончательно каждый раз, когда предмет спора не превышал десяти тысяч пиастров — пятидесяти тысяч франков на французские деньги. Суд этот имел права, равнявшиеся правам государственного совета. Аудиенсия сносилась прямо с Советом по делам Индий, этим великим регулятором всех дел, касавшихся испанских владений; члены аудиенсии пользовались огромными привилегиями, но они должны были являться испанцами, и для того, чтобы никакие семейные узы не могли привязывать их к Америке, их сыновьям запрещено было там жениться и приобретать собственность. Точно такое же запрещение касалось и вице-

короля. Ниже него на иерархической лестнице стоял интендант финансов, имевший под начальством сборщика пода-тей. Власть интендантов была так обширна, что они почти были независимы в своих провинциях. Словом, в управлении своими колониями Испания уравнивала все власти, так что ни одна не была неограниченной и не могла избежать контроля. Даже духовная власть, столь сильная в католических странах, подчинялась правилам, перед которыми она должна была преклоняться.

Состав американской церкви нисколько не походил на состав церкви в метрополии. Папа имел номинальную власть над духовенством. Мексиканская церковь повиновалась только королю. Права, данные Фердинанду и Изабелле Александром VI и Юлием II, были так же обширны, как и права главы национальной церкви.

Испанский монарх на полуострове без малейших возражений повиновался самым преувеличенным требованиям римской церкви и папы, а представитель его в Америке имел неограниченную власть и вершил судьбы всех обитателей этих стран. Мало того, никакая булла не принималась в Америке, не будучи рассмотрена и одобрена Советом по делам Индий. Муниципальные советы, состоявшие из рехидоров¹ и алькальдов, свободно назначались жителями каждого города, интересы которого они должны были защищать. Эти муниципалитеты представляли демократический элемент в среде общей деспотической организации. Муниципалитет, или *кабильдо*, никогда не забывал обязанностей, налагаемых на него народными интересами, и во время войны за независимость члены его сразу сделались вожаками народа и горячо поддерживали его права.

Вот какими формами управлялась не только Новая Испания, но и Перу, Чили, Буэнос-Айрес и вообще все владения кастильской короны в Америке.

Слишком глубокая ненависть отделяла побежденных от победителей для того, чтобы обе расы сумели слиться в одну; конечно, случались смешанные браки, но потомки от них, метисы, оказались настроены не менее враждебно по отношению к испанцам, чем чистокровные индейцы, и сделались впоследствии самыми ожесточенными врагами испанцев и главными зачинщиками всех мятежей.

¹ Р е х и д о р — член муниципального совета.

В семнадцатом столетии Америка все еще не переставала бурлить и, несмотря на жесточайшие меры испанцев, внезапный мятеж в отдаленных провинциях время от времени демонстрировал испанскому правительству горячее желание свободы, которое, несмотря на все, что было сделано для его погашения, постоянно тлело в гуще масс.

Мы закончим описывать картину — может быть, слишком длинную, но мы считаем ее довольно любопытной, — испанских владений, сказав несколько слов о состоянии общественного образования в тех странах. Было решено, из политических соображений и как бы в обеспечение повиновения и безопасности правительства, поддерживать массы в глубоком невежестве. Следовательно, американцы были совершенно чужды всему, что происходило вне их отечества; они искренне верили, что участь других народов схожа с их участью. Они были убеждены, что их правительство самое просвещенное из всех управлявших миром и что Испания по своей политической и военной организации — царица народов и, следовательно, самая могущественная.

Говорить по-христиански — значило говорить по-испански, по выражению американцев, и они подразумевали под именем еретиков, с которыми добрые католики не могли вести никаких дел, без всяких исключений англичан, французов, немцев, евреев или мусульман. Бесполезно говорить, что инквизиция, верная хранительница невежества, не пропускала никаких книг, кроме дозволенных ею, и с крайней строгостью преследовала несчастных, у которых находили какое-нибудь сочинение, которое она заблагорассудила запретить. Правда, эти строгости коснулись только мелкого люда и туземцев, высшие классы обращали мало внимания на инквизицию, которую открыто презирали.

Мы скажем в заключение, что заморские владения приносили испанской казне от пяти до шестисот миллионов пиастров ежегодно, несмотря на грабежи вице-королей, интендантов и всех чиновников. Вот откуда происходило стремление испанцев закрыть Америку для иностранцев, вот откуда происходило желание иностранцев пробраться туда.

Из всех испанских колоний остров Эспаньола был самым недоходным и, следовательно, хуже всех управляемым. До середины семнадцатого столетия этот огромный остров целиком оставался под владычеством испанцев, еще не представлявших его истинной ценности по той простой причине, что их внимание было направлено исключительно на коло-

нии на материке, где драгоценные металлы сполна удовлетворяли их ненасытную алчность. Словом, это была колония, ничтожная в глазах Испании, потому что она не только ничего не приносила правительству, но, напротив, еще и стоила ему каждый год значительных сумм, идущих на жалование чиновникам, солдатам и так далее.

В то время, когда разворачивается наша история, население Эспаньолы едва насчитывало четырнадцать тысяч жителей — испанцев, креолов и мулатов, не считая невольников, число которых, без сомнения, гораздо более значительное, не представлялось возможным определить. Справедливость требует упомянуть о полутора тысячах беглых негров, которые укрылись в горы с последними остатками карибов. Эти первые обитатели острова боролись за независимость и часто спускались в равнины опустошать плантации и грабить их владельцев.

В столице, Санто-Доминго, насчитывалось около пятисот домов, она была окружена стенами и защищена тремя крепостями, довольно хорошо для того времени снабженными пушками. Сантьяго был вторым по величине городом. Там поселилось множество торговцев и ювелиров, но его стены разрушались, и укрепления были очень плохи. Другие места обитания, кроме, может быть, одного или двух городов, были плохими селениями, совершенно незащищенными и населенными жалкими горстками жителей.

Прибытие французов на остров осталось незаметным для горделивых кастильцев. Чего они могли опасаться со стороны колонии, состоявшей не более чем из двухсот пятидесяти плохо вооруженных жителей, которые поселились в долине, находящейся на значительном расстоянии от центра испанских владений? Это надменное пренебрежение дало флибустьерам необходимое время укрепиться в Пор-де-Пе, а особенно на Тортуге. Так что когда испанцы, постоянно тревожимые своими беспокойными соседями, вышли наконец из летаргии и вздумали прогнать их из области, которой те так дерзко овладели, то поняли, какую ошибку они допустили: им пришлось затратить невероятные усилия для того, чтобы вернуть земли, которые они позволили у себя захватить, и еще они поняли, что отныне им никогда не суждено быть мирными обладателями Тортуги и той части Эспаньолы, на которую ступили флибустьеры.

Так и случилось. Флибустьеры, для которых обладание Тортугой было очень важным, каждый раз, как их прогоняли оттуда, храбро принимались за свое и хитростями снова

овладевали этим островом, который через некоторое время опять у них отнимался. Вот почему, когда началась наша история, мы вновь увидели их занимающимися организацией экспедиции, чтобы опять овладеть островом, и на этот раз окончательно.

Теперь, когда мы сообщили читателю необходимые подробности, мы попросим его последовать за нами в Санто-Доминго, столицу острова, где будут происходить события, о которых мы обязаны рассказать.

Маркиз дон Санчо Пеньяфлор с удивлением, смешанным с ужасом, присутствовал при коварном рассказе, так неожиданно поведенном герцогом дону Гусману де Тудела; макиавеллевский тон, которым старик, вдохновляемый неумолимой ненавистью, успел не только заинтересовать молодого человека своими планами, но даже заставить почти с радостью взяться за исполнение мщения, порастил его. Но, сдерживаемый уважением, а особенно страхом, который внушал ему старик, он не смел протестовать, что, впрочем, не принесло бы никакого результата, да и на какие причины мог он сослаться, чтобы вывести из заблуждения своего несчастного родственника и не дать ему подвергнуться почти верной смерти? Сестра исчезла уже двадцать лет назад, без сомнения она умерла. Графа де Бармона — или, лучше сказать, Монбара, старого врага его фамилии — касалось это дело, на него направил мщение герцог, его преследовал со всей ненавистью. Маркиз, будучи испанцем, не имел никаких благовидных причин защищать знаменитого флибустьера, которого, напротив, должен был бы считать самым страшным противником кастильского могущества и желать его смерти. Монбар был душой флибустьерства; если он умрет, Береговых братьев нечего будет бояться.

Он искренне любил своего родственника, дона Гусмана де Тудела, и с сожалением и ужасом видел, как тот взялся за поручение, которое должно было, если флибустьеры догадаются о нем, стать причиной его позора и привести его к страшной смерти.

Не смея объяснить яснее из боязни подвергнуться гневу отца, маркиз, насколько это было возможно, уговаривал молодого человека не совершать неосторожных поступков и в особенности ничего не предпринимать, не посоветовавшись прежде с ним. Он предполагал, что, став губернатором Эспаньолы, вдали от герцога он сумеет заставить молодого человека отказаться от пагубных планов и извлечь графа из бездны, в которую его толкала неумолимая рука. Несмотря

на сдержанность, слова маркиза, казалось, произвели впечатление на дону Гусмана, и он дал требуемое обещание. Маркиз, почти успокоившись, думал только о приготовлениях к отъезду в Санто-Доминго, куда спешил приехать, чтобы избавиться от утомительной зависимости, налагаемой на него отцом, и, если будет нужно, помочь своему кузену.

К несчастью, в те времена путешествовать было не так легко, как теперь, средства передвижения были крайне примитивны. Кроме того, флибустьеры походили на хищных птиц, засевших во всех проливах Антильских островов, готовых налететь на испанские суда, как только они появлялись на горизонте, так что те отваживались выходить в море только когда считали себя довольно многочисленными, а в особенности достаточно сильными для того, чтобы отразить нападение тех, кого они клеймили именем негодяев.

Прошло несколько дней, прежде чем довольно значительный караван собрался в Веракрус, тем более что вице-король хотел воспользоваться отъездом нового губернатора Эспаньолы, чтобы доставить необходимые припасы в эту колонию, которая из-за безобразного управления испанской администрации начала приносить серьезные убытки казне метрополии, вместо того чтобы давать ей доход, которого она была вправе ожидать от страны, столь щедро одаренной природой.

Наконец пятнадцать больших кораблей собрались у острова Сакрифичиоса, и маркиз Пеньяфлор уехал из Веракруса.

Переезд прошел благополучно — оттого ли, что флибустьеры на время оставили свои обычные засады, или, что вероятнее, оттого, что они не считали себя достаточно сильными, чтобы атаковать испанскую эскадру; ни один флибустьерский парус не показался в проливах, и новый губернатор добрался до Эспаньолы, не будучи потревожен. О его приезде было объявлено заранее, так что когда эскадра бросила якорь на рейде, все было готово, чтобы принять маркиза. Прием был великолепный: трезвонили колокола, народ, собравшийся большой толпой вдоль пути следования губернатора, приветствовал его радостными криками, безостановочно гремели пушки; переход с пристани в губернаторский дворец явился для маркиза триумфальной процессией.

Однако дон Санчо был озабочен, глаза его беспрестанно устремлялись на толпу, как будто среди этих людей, собрав-

шихся на его пути, он искал знакомое лицо. Маркиз невольно вспоминал то время, когда, будучи еще молод, свободен и беззаботен, он впервые приехал на этот остров, убегая от тиранического притеснения отца и чтобы навестить свою возлюбленную сестру. Где была теперь бедная Клара, которую он не видел почти пятнадцать лет, которая вдруг исчезла, так что было невозможно узнать, жива ли она или изнемогла под тяжестью неизлечимой горести, терзавшей ее?

Эти мысли невольно овладели доном Санчо и наполнили его сердце горькой грустью, как вдруг он вскрикнул от удивления, почти от радости, и остановился, не думая о сопровождавшей его свите, порядок которой могла расстроить эта внезапная остановка. Глаза маркиза нечаянно наткнулись на человека, который, теснясь в задних рядах толпы, прилагал невероятные усилия, чтобы добраться до маркиза. Человек этот устремлял сверкающий взгляд на губернатора и как будто обращал к нему безмолвную мольбу. Дон Санчо сделал движение, от свиты отделился альгвазил¹, направился к указанному месту, растолкал толпу, без сопротивления раступавшуюся перед ним, и, кончиком своего жезла дотронувшись до плеча незнакомца, приказал ему следовать за ним. Тот повиновался и вскоре предстал перед губернатором, которому почтительно поклонился.

— Вы хотели мне что-то сказать, друг мой? — спросил маркиз с благосклонностью, внимательно рассматривая его несколько минут.

— Я действительно хочу поговорить с вашим сиятельством, — ответил незнакомец, поклонившись.

— Говорите, я слушаю вас.

— То, что я должен сказать вашему сиятельству, не должен слышать никто другой.

— Хорошо, станьте за мной. Пойдемте, господа, — обратился он к своей свите.

Процессия опять двинулась вперед и через четверть часа достигла дворца. Незнакомец по пятам следовал за маркизом и вошел за ним в приемную залу; ему никто не препятствовал. Началось представление властей острова новому губернатору. Все время, пока оно продолжалось, дон Санчо, несмотря на все свои усилия казаться спокойным, с трудом

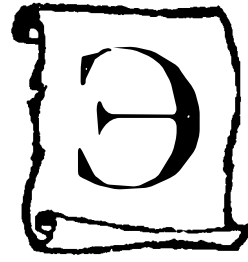
¹ А л ь г в а з и л — судебный исполнитель.

скрывал нетерпение. Наконец церемония закончилась. В то же мгновение маркиз, к великому негодованию присутствующих, оскорбленных этим нарушением этикета, поспешными шагами подошел к незнакомцу, обменялся с ним шепотом несколькими словами, потом сделал ему знак следовать за собой, отвел его в другую комнату и запер дверь.

Отсутствие губернатора было продолжительным. Наконец он вышел, но один, — незнакомец, вероятно, ушел через заднюю дверь. Удивление присутствующих дошло до предела. Они не понимали происходящего и с беспокойством перешептывались между собой. Но удивление это перешло в оштолбенение, когда маркиз, не обращая внимания на их присутствие, приказал немедленно оседлать лошадь и покинул залу, вовсе не думая оставаться с ними.

Глава XV

ДОМИК В ТИХОМ МЕСТЕ

спаньола, или Санто-Доминго, по справедливости носит название царицы Антильских островов. Это действительно самый красивый из всей группы островов, рассыпанных рукой Господа у входа в Мексиканский залив и цветущих на синих водах Атлантического океана.

Санто-Доминго расположен к юго-востоку от Кубы и к востоку от Ямайки. Он имеет шестьсот шестьдесят километров в длину, сто двадцать в ширину, пять тысяч в окружности, не считая бухт и заливов, и площадь около восьмидесяти тысяч квадратных километров; стало быть, после Кубы это самый большой из всех Антильских островов.

Горы, покрывающие центральную часть острова и делящиеся на три главных цепи, расходятся по всем направлениям и могут по большей части обрабатываться до вершины; они покрыты роскошной растительностью, многочисленные реки спускаются с этих гор — к несчастью, они не судоходны, лишь некоторые могут пропускать легкие суда. Три прекрасных озера не менее чем по девяносто километров в окружности составляют основу водной системы этой страны, великолепно плодоносной, где растут пальмы, бананы, мимозы разных сортов и вообще вся флора тропических областей.

Когда испанцы в первый раз высадились на этот остров, он был густо населен представителями пяти племен, не за-

висевших одно от другого и заботливо управляемых вождями, власть которых над их подданными была неограниченной. Испанцы, побуждаемые ненасытной скупостью и гнусным фанатизмом, принесли этому краю, как и всем другим колониям Нового Света, убийства и тиранию и ввели рабство и казни. Они действовали с таким варварством, что от туземного населения на всем пространстве острова к 1542 году оставалось только, как утверждает Лас-Касас, двести человек. Поэтому испанское правительство вынуждено было позволить привезти на Эспаньола четыре тысячи невольников из Гвинеи. Карибская раса была истреблена.

Начало колонизации острова испанцами было самым удачным. Очарованные красотой климата и перестав помышлять о разработке рудников, колонисты прибывали толпами с целью обработать эту плодоносную землю и создать истинное богатство вместо мифического, о котором так давно мечтали. Возделанные плантации давали обильный урожай какао, хлопчатника, имбиря, индиго, табака и сахара, поощряя торговлю этими товарами. Скотоводство также давало высокие прибыли; скотина настолько хорошо размножалась в этом благоприятном климате, что спустя едва сорок лет после ввоза первых коров целые суда отходили от острова, нагруженные кожами. К несчастью, поголовное истребление туземцев грозило поставить крест на процветании колонии; пришлось заменить их неграми. Но плантаторы не захотели тратить деньги на рабов, и все начало приходить в упадок. Испанское правительство, не заботившееся о помощи колонистам и полностью поглощенное своими богатыми владениями в Мексике и Перу, пренебрегло колонией, бывшей всего лишь не приметной точкой среди ее обширных заморских земель. Упадок сделался всеобщим, и в то время, когда происходила наша история, Эспаньола, прежде столь богатая, не только ничего не приносила метрополии, но, как мы уже говорили, напротив, она вынуждена была ежегодно посылать в колонию, которую нерадение привело в запустение, огромные средства на жалованье войскам и чиновникам, и даже одежду и съестные припасы. Эта плодородная земля, эта великолепная страна стала для Испании тягостной обузой, медленно погибавшей под тяжестью нищеты.

К счастью для будущности Эспаньолы, именно в эту критическую минуту в северо-западной части острова поселились новые колонисты; своей неукротимой энергией,

отчаянным мужеством и железной волей они должны были изменить положение и до некоторой степени возвратить этой стране, брошенной даже ее жителями, ее изначальное великолепие. Эти новые колонисты были флибустьеры, изгнанные с острова Сент-Кристофер испанцами и вдруг появившиеся, как стая хищных птиц, на Эспаньоле, которую Провидение, чьи пути неисповедимы, предназначило к преобразению и возрождению.

Теперь, когда мы вкратце познакомили читателя с этим островом, где будут происходить многие важные события нашей истории, мы примемся за наш давно прерванный рассказ.

В нескольких милях от Санто-Доминго, столицы острова, в глубине узкой долины, тогда почти неисследованной и спрятанной среди высоких гор, окружавших ее со всех сторон, возвышался скромный деревянный домик, крытый пальмовыми листьями. Домик этот стоял на краю речки, носящей название Хаина; собственно, это была даже не совсем речка, а поток, почти высохавший во время сильной жары и который через несколько миль впадает в море недалеко от Санто-Доминго. Хаина, так же как и большая часть рек на острове, судоходна только для судов самых малых размеров, но ее извилистые берега, окаймленные высоким лесом, зелеными лугами и чащами мастичных деревьев, восхитительны. Домик гляделся в ее светлые воды. Позади него располагался небольшой двор, закрытый густой живой изгородью, дававший по вечерам приют двум—трем лошадям и стольким же коровам, которые паслись на свободе в нескольких шагах от домика. В домик вела галерея из бревенчатых сводов, составлявших колоннаду; с правой и с левой стороны этой галереи отворялись два окна с тонкими сетками от комаров и длинными шторами из зеленой материи, чтобы смягчать жгучие лучи солнца.

Внутреннее убранство домика отвечало его внешнему виду, то есть все там было просто, скромно, но свидетельствовало о хорошем вкусе и показывало изящную опрятность. Пройдя галерею, вы попадали в переднюю, разделявшую комнаты надвое; одна дверь вела направо, другая — налево, между тем как еще одна дверь напротив вела в столовую, без сомнения общую, меблированную одним столом, четырьмя стульями и буфетом.

Было около десяти часов утра. Женщина лет сорока, с утомленным бледным лицом и потухшими глазами, но все еще стройная и красивая, готовила с помощью негра лет двадцати, веселого, живого, проворного и ловкого, как обезьянка, на которую он необыкновенно походил, стол для завтрака. Дама эта, погруженная, по-видимому, в печальную задумчивость, иногда останавливалась, чтобы бросить взгляд в окно или прислушаться к неопределенному шуму, потом качала головой, вздыхала и опять принималась за свое дело, которое снова бросала через минуту.

Когда она наконец кончила накрывать на стол, негр вышел из комнаты, оставив ее одну. Она скорее упала, чем села на стул, стоявший у окна, и осталась неподвижна, устремив печальный взгляд на дорогу, хорошо просматриваемую с того места, где она находилась.

— Он не едет, — грустно повторила она несколько раз шепотом, — теперь уже слишком поздно, бесполезно ждать его.

Вдруг она вздрогнула, вскочила, тихо вскрикнула и бросилась к двери с лихорадочной поспешностью. К домику приближался всадник. Перед галереей он соскочил на землю, бросил поводья лошади негру и очутился лицом к лицу с женщиной.

— Наконец-то вы вернулись! — вскричала она с радостью. — А я уже перестала вас ждать.

— Сеньора, — ответил приезжий, — я замечу вам, что уехал из Санто-Доминго в четыре часа утра, а теперь только одиннадцать; я проделал около пятнадцати миль верхом по ужасной дороге, рискуя двадцать раз сломать себе шею, что, может быть, было бы небольшим несчастьем, но не помогло бы осуществлению ваших намерений; стало быть, я думаю, что не потерял времени зря.

Говоривший таким образом был человеком лет шестидесяти, сильным, стройным, с умными чертами лица, живые блестящие глаза и черные волосы которого показывали, что он, несмотря на свои года, еще не потерял ни силы, ни энергии.

— Извините меня, друг мой, — смиренно ответила женщина, — я сама не знаю, что говорю.

— Извинить вас?! — вскричал он с дружеской резкостью. — Разве я не слуга вам, даже невольник, готовый повиноваться вам при малейшем слове, при малейшем движении?

Женщина улыбнулась.

— Вы мой друг и больше ничего, Бирбомоно... мой единственный друг, — прибавила она со вздохом, — только ваша преданность никогда не изменяла мне.

— Прибавьте: и никогда не изменит, — ответил он с жаром, — и вы скажете истинную правду.

— Благодарю вас, друг мой. Но пойдемте, пойдемте. Завтрак готов, вы, должно быть, проголодались, мы поговорим за завтраком.

— К вашим услугам, сеньора, признаюсь, я действительно чувствую волчий аппетит.

— Не будем же терять времени, пойдемте.

Они вошли в столовую и заняли места друг против друга за столом. Негр сунул свое толстое черное лицо в полуоткрытую дверь.

— Подавайте, Аристид, — приказала ему госпожа.

Невольник исчез и вернулся с двумя блюдами, составлявшими завтрак.

— Послушай, Аристид, — сказал ему Бирбомоно, — так как ты пока здесь не нужен, сделай мне удовольствие, хорошенько вычисти Негро; бедное животное мчалось так, что взмокло, как будто вышло из реки, ты слышишь?

— Слышу, — ответил негр, — я сейчас им займусь.

— Хорошо, мой милый, если ты понадобишься госпоже, я тебя позову.

Негр вышел, закрыв за собой дверь. Женщина едва дотрагивалась до кушаний, стоявших перед ней, в отличие от Бирбомоно, который, как он сам признался, имел зверский аппетит: его тарелка опорожнялась со страшной быстротой. Женщина украдкой наблюдала за ним, сгорая от нетерпения и с трудом сдерживая слова, готовые вырваться у нее. Наконец, когда первый голод ее собеседника несколько утолился, она не выдержала и решилась начать разговор.

— Ну что? — спросила она с легким трепетом в голосе. — Неужели на этот раз будет то же самое и вы опять ответите мне этим отчаянным словом: ничего?

Бирбомоно приподнял голову, выпил большой стакан ледяной воды, вытер бороду и усы и сказал:

— Кажется, сеньора, мое путешествие было не совсем бесполезным.

— О! — вскричала она, сложив руки с тоской. — Неужели вы что-нибудь узнали?..

— Извините, сеньора, — перебил он, — я не хочу вас обманывать и подавать надежду, которая не может сбыться.

— Ах! — промолвила она с отчаянием.

— Но я привез вам известие, которое будет в высочайшей степени интересно для вас.

— Какое другое известие, кроме того, которое вы мне не привезли, может интересоваться меня теперь? — произнесла она, печально качая головой.

— Кто знает, сеньора? — заметил он. — Я думаю, напротив, для вас очень важно узнать, что я делал во время моей поездки.

— Ах! — возразила она. — Видя, как быстро вы скачете, я почти надеялась...

— Поверьте, сеньора, что если бы у меня не было важной причины, я не рисковал бы загнать бедного Негро.

— Это правда, друг мой, говорите же, я вас слушаю.

— Прежде всего, вы должны узнать, сеньора, что губернатор острова заменен, это уже не дон Луис де Кордова.

Женщина посмотрела на него с сильным удивлением.

— Что мне за дело до этого, друг мой? — спросила она.

— Гораздо больше, чем вы предполагаете, сеньора, и вы сами согласитесь с этим, узнав имя его преемника.

— Я искренне этого желаю, друг мой, — ответила она, улыбаясь, — позвольте же узнать, как зовут этого нового губернатора?

— Вы прежде близко его знали.

— Хорошо, но как его зовут?

— Вы даже питали к нему дружеские чувства.

— Почему же вы не хотите мне сказать, кто это? — спросила она с нетерпением.

— Я боюсь...

— Чего?

— Впрочем, я, кажется, помешался; одним словом, это Санчо Пеньяфлор.

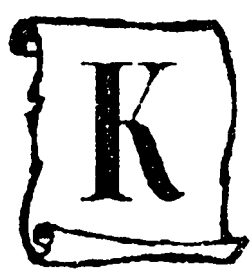
— Ах, Боже мой! — вскричала она, сложив руки и откинувшись на спинку стула, как будто лишилась чувств.

Бирбомоно бросился ей на помощь, но она поспешно приподнялась и, силясь улыбнуться, сказала кротко:

— Вы были правы, друг мой; известие, привезенное вами, интересует меня очень сильно. Теперь расскажите мне все подробности, пожалуйста.

— Я сделаю это немедленно, сеньора.

Два старых знакомых читателя

Как бы по взаимному согласию оба собеседника вдруг замолчали. Бирбомоно, уткнувшись носом в тарелку, машинально вертел в руках сигару, бросая украдкой проницательные взгляды на женщину, сидевшую напротив него; та, еще бледнее обыкновенного, нахмутив брови и с неподвижным взором, постукивала вилкой по столу. Очевидно, оба были серьезно озабочены; ни тот, ни другая не сознавали, что делали в эту минуту. Женщина заговорила первой.

— Бирбомоно, — сказала она с некоторой нерешительностью в голосе, — вот уже три недели, как вы меня оставили; верно, не все это время вы провели в Санто-Доминго?

— Конечно, нет, сеньора, — ответил он, поклонившись, — кроме того, я был вынужден сделать большой крюк, потому что вы мне приказали проехать через Сан-Хуан.

— И вы, без сомнения, долго оставались в этом городе? — спросила она с живостью.

— Нет, сеньора, — ответил он с притворным равнодушием, — только два часа, ровно столько, сколько было нужно, чтобы собрать сведения; потом я уехал.

— И эти сведения?..

— Вот они: вы, сеньора, дали мне письмо к донье Хуане д'Авила; это письмо я привез вам назад.

— Вы привезли его назад! — вскричала она с дрожью в голосе. — Не может быть, чтобы она отказалась принять его.

— Донья Хуаны д'Авила уже нет в Сан-Хуане, сеньора, она уехала к своему опекуну на Тортугу, где он является губернатором.

— О! — сказала она, с унынием опуская голову на грудь. — Мой бедный Бирбомоно, вы действительно привезли мне плохие известия.

— Я в отчаянии, сеньора, но не лучше ли сказать вам правду, чем скрывать то, о чем вы можете случайно узнать не сегодня-завтра, после чего сделаетесь еще несчастнее.

— Да, вы правы, резкая откровенность, как она ни тягостна, все-таки предпочтительнее.

— Притом, сеньора, Тортуга не так далеко, чтобы туда нельзя было добраться.

— Продолжайте, продолжайте!

— Из Сан-Хуана, где ничто больше не удерживало меня, так как я ездил туда только к донье Хуане, а донья Хуана уехала оттуда, я отправился в Санто-Доминго. Я удивился при въезде в город, что там царит праздник. Дома были украшены коврами, улицы усыпаны цветами и заполнены жителями в нарядной одежде; суда, стоявшие на якоре, были убраны флагами и беспрестанно стреляли из пушек. Чрезвычайно удивленный этими знаками всеобщего ликования, я напрасно ломал себе голову, чтобы угадать, какой важный праздник мог возбудить такие демонстрации, — честное слово, я не мог ничего понять. Был вторник, день вполне обыкновенный, посвященный святому Поликарпу, праздновать этого скромного святого не стали бы с таким блеском. Размышляя таким образом, я подъехал к Большой площади. Там стояли гарнизонные войска, и военный оркестр играл бравурные марши. Не будучи больше в состоянии сопротивляться любопытству, я принялся расспрашивать одного гражданина с бесстрастной физиономией, который случайно находился возле меня.

«Вы, должно быть, приезжий, сеньор, — заметил он мне, — если задаете такой вопрос».

«Положим, что так, — ответил я, — сделайте же одолжение, объясните мне».

«С большим удовольствием, сеньор; мы празднуем приезд нового губернатора».

Так же как и вас, сеньора, в первую минуту это известие очень мало заинтересовало меня; однако я притворился обрадованным, и так как мне все равно пока нечего было делать, я продолжил разговор, спросив достойного горожанина, знает ли он имя нового губернатора. Он мне ответил, что это маркиз дон Санчо Пеньяфлор. Мое удивление было так велико, что, услышав это имя, я заставил своего собеседника повторить его несколько раз, чтобы убедиться, нет ли здесь какой ошибки. Я спросил его, приехал ли губернатор, и не для того ли собралась тут толпа, чтобы приветствовать его. Гражданин ответил с неисчерпаемой любезностью, что губернатор уже целый час как приехал и что в эту минуту он принимает во дворце поздравления городских властей. Я узнал все, что хотел узнать, вежливо поклонился любезному гражданину и ушел, обдумывая разные планы.

Рассказывая так подробно о происшествиях, по-видимому маловажных, Бирбомоно очевидно имел цель, без сомнения состоявшую в том, чтобы, возбудив нетерпение сеньоры,

отвлечь ее внимание, переменить течение ее мыслей и таким образом подготовить ее выслушать без волнения важные известия.

Он вполне достиг этой цели: сеньора слушала его с лихорадочным волнением, даже с раздражением, хотя и силилась казаться спокойной, чтобы не рассердить человека, неограниченную преданность которого она знала и прекрасный характер которого ценила. Мы забыли сказать, что, говоря таким образом, вероятно тревожимый солнечными лучами, врывавшимися в открытое окно, Бирбомоно опустил штору, так что собеседники находились в относительной темноте и вид на окрестности был совершенно скрыт от их глаз.

— Какие же планы обдумывали вы? — спросила сеньора.

— Разве я сказал «планы»? — возразил он. — Стало быть, я ошибся, у меня был только один план: пробраться во дворец и представиться губернатору.

— Да, да, — сказала она с живостью, — и вы его исполнили, не правда ли, друг мой?

— По крайней мере постарался, сеньора. Но это было нелегко; не то чтобы солдаты мешали мне войти, напротив, двери были открыты и все могли входить и выходить, но толпа была так тесна, число любопытных так велико, что буквально невозможно было продвигаться вперед.

Читатели видят, что дело происходило не совсем так, но, без сомнения, Бирбомоно имел причину слегка изменить истину.

Говоря, Бирбомоно прислушивался к шуму, сначала почти неслышному, но который увеличивался с минуты на минуту. Сеньора не слушала и не слышала ничего, кроме того, что ей рассказывал Бирбомоно. Все ее внимание было сосредоточено на этом рассказе.

— Однако, — продолжал он, возвысив голос, — хитростью и терпением успел я пробраться во дворец и даже войти в ту залу, где находился губернатор. Тогда случилось странное обстоятельство. Едва его сиятельство, разговаривавший в эту минуту с алькальдом, заметил меня, как без всяких церемоний оставил его, подошел ко мне и назвал меня по имени.

— Это удивительно! Прошло так много времени!

— По крайней мере, четырнадцать лет. Тогда губернатор отвел меня в сторону, не занимаясь больше другими, и начал меня расспрашивать. Вы понимаете, сеньора, что между нами состоялся разговор продолжительный и интересный; мне многое пришлось рассказать ему.

— Ах! — прошептала она, вздыхая. — Бедный Санчо, которого я так любила! Он теперь меня не узнает.

— Почему же, сеньора?

— Горе так жестоко изменило мой облик, друг мой, что меня трудно узнать. Однако я была бы так рада видеть его!

— Это зависит от вас.

— Я не смею отправиться к нему, друг мой.

— Почему бы не приехать ему?

— Захочет ли он? — прошептала она, вздыхая.

— Если вы изъявите желание, сеньора, я убежден, что он тотчас прискачет.

— Ах! Это невозможно, друг мой, он богат, счастлив, могуществен, он, может быть, считает меня умершей.

— Я все ему рассказал.

— Это правда, но я более не принадлежу свету, я существо проклятое. Если он меня увидит, он, может быть, от меня отречется.

— О, какие у вас ужасные мысли, сеньора! Чтобы дон Санчо, который так вас любил, отрекся от вас! О!

— Несчастье делает несправедливым, друг мой. Я прощу ему, если он меня разлюбил, но не хочу подвергаться его презрению.

— О, сеньора, сеньора! Вы жестоки.

— Да, это правда; но, видите ли, я люблю его, друг мой, я люблю его, как любила двадцать лет назад, и будь он здесь, возле меня, на этом самом месте, мне кажется, я нашла бы еще в моих глазах, иссохших от горя, радостные слезы, чтобы приветствовать его возвращение.

Вдруг дверь отворилась, и на пороге показался дон Санчо Пеньяфлор.

— Сестра! — воскликнул он, раскрывая объятия. — Я все бросил, чтобы обнять тебя.

— Это ты! Ты! — громко вскричала она и, бросившись к маркизу, спрятала, заливаясь слезами, голову у него на груди.

Бирбомоно рассудил, что его присутствие вовсе не обязательно, и скромно удалился, затворив за собой дверь. Дон Санчо, столь же взволнованный, как и сестра, смешивал свои слезы с ее слезами.

— Клара! Бедная Клара! — только и мог проговорить он; сердце его было так полно, что он не мог придумать слов, которые передали бы то, что он чувствовал.

— Брат мой! Милый Санчо! — шептала донна Клара сквозь слезы. — Наконец-то я вижу тебя, наконец прижи-

маю тебя к сердцу. О! Я счастлива, так счастлива в эту минуту!

— Возлюбленная сестра, возьми себя в руки, соберись с мужеством; мы снова вместе после такого долгого времени. О! Я заставлю тебя забыть твою тоску и прошлые горести.

Она вдруг выпрямилась при этих словах, откинула волосы, закрывавшие ее лицо, бледное и орошенное слезами, и, печально покачав головой, прошептала:

— Ах! Я проклятое существо, разве ты не знаешь, Санчо? Я одна, всегда одна.

Закрыв лицо руками, она снова заплакала. Маркиз тихо подвел ее к стулу и сел подле нее.

— Клара, — сказал он, держа ее за руку и с нежностью глядя на нее, — ты теперь не одна, я вернулся, и разве ты не знаешь, что я буду помогать тебе всеми силами в твоих поисках?

— Ах! Один раз ты уже давал мне это обещание, брат, помнишь? Однако...

— Да, — перебил он с живостью, — но тогда, сестра, я был молодым человеком, почти ребенком, без права голоса, без воли. Взгляни же на меня теперь, я возмужал, я силен, могуществен, многое, чего не знал тогда, я знаю теперь. Я говорю, что помогу тебе, сестра, и Бог защитит нас, мы преуспеем.

— Ты думаешь? — прошептала она.

— Надеюсь, сестра.

— О! Говори, говори, умоляю тебя, скажи мне все, что ты знаешь.

— Расскажи мне сначала, как ты жила после нашей разлуки, что ты делала, отчего ты вдруг исчезла, заставив нас предполагать, что ты умерла?

— К чему рассказывать тебе об этом, брат? Говори прежде ты.

— Нет, я хочу знать, что было с тобой и чего ради ты вдруг отказалась от света, чтобы похоронить себя в неизвестности и уединении?

— Ты требуешь, чтобы я рассказала тебе об этом, брат?

— Я очень хочу этого, Клара, расскажи мне все, не думай, чтобы мною двигало пустое любопытство, мне нужно знать твою жизнь, чтобы утешить тебя.

— Задача трудная, брат. Ах! Ничто на свете не может утешить мать в потере ее ребенка.

— Бедная сестра!

— А что мой отец? — внезапно спросила она чуть слышно.

— Он жив, — ответил дон Санчо, — и живет, окруженный всеобщим уважением и осыпанный почестями.

— Да-да, — сказала она со вздохом, — так и должно быть. Вспоминает ли он хоть иногда о своей дочери?

— Никогда твое имя не срывалось с его губ; он считает тебя умершей.

— Тем лучше! — заметила она. — Может быть, эта уверенность сделает его снисходительнее к невинному, которого он преследует, ведь одной жертвы должно быть для него недостаточно.

— Ты не знаешь нашего отца, бедная, милая Клара, если тешишь себя этой мыслью. У него железное сердце и неумолимая душа, его ненависть так же сильна ныне, как и двадцать лет тому назад. Герцог Пеньяфлор не прощает, он осуществляет свое мщение с жаром и упорством, которые только усиливаются от затруднений и препятствий, а не слабеют.

— Ах! Я знала все это, однако не смела думать, чтобы это было правдой... Где он? Конечно, в Испании?

— Нет, он одновременно со мной приехал в Америку; он находится теперь в Панаме, но, кажется, не останется там.

— В Америке? Зачем он сюда приехал?

— Попробует в последний раз сделать попытку отомстить, сестра.

— Но что он намерен делать?

— Не беспокойся, я скажу тебе об этом или, по крайней мере, открою тебе все, что мог уловить из темного заговора, который он составил с ужасающим искусством и который, если Господь не помешает ему, должен неминуемо принести ему успех, так хорошо он все продумал.

— Боже мой! Боже мой! — прошептала донна Клара, сложив руки с мольбой.

— Теперь твоя очередь, сестра, говори, я слушаю тебя.

— Что мне сказать тебе, Санчо? Жизнь такого жалкого существа, как я, не представляет никакого интереса... Отвергнутая отцом, презираемая любимым человеком, изгнанная из общества, тайно обвинявшего меня в смерти мужа, лишенная своего ребенка, который составлял для меня все, не сожалея о прошлом, не надеясь на будущее, я скрылась в уединении; на какое-то мгновение я струсила и хотела умереть, но Господь помог мне, у меня оставалась цель: отыскать моего ребенка, получить прощение человека,

единственного, кого я любила и который, как и другие, считал меня виновной, и я решилась жить. Однажды вечером — не знаю, помнишь ли ты, брат, ты тогда отлучился из дворца, приглашенный, кажется, на обед — я осталась одна. Меры предосторожности мной были приняты заранее; я вышла из дворца и уехала из Санто-Доминго, решив никогда больше не возвращаться; меня провожал один человек, ты его знаешь, это Бирбомоно — он один остался верен мне в несчастье, его преданность не изменяла мне никогда, его уважение ко мне осталось прежним, поэтому я не имею от него тайн, он разделял мои радости и горести, он уже не слуга мой, а друг.

— Я его отблагодарю, — сказал маркиз.

— Благодарность, которую он поймет лучше всего и которая больше других ему польстит, брат, — это если ты согласишься пожать ему руку.

— Он достоин этого отличия, сестра, и, конечно, несмотря на расстояние, разделяющее нас, я непременно это сделаю.

Ничего большего донна Клара не могла требовать от надменного дворянина и не настаивала.

— Я заставила Бирбомоно купить под чужим именем этот дом, и с тех пор всегда здесь жила, но часто оставляла его, иногда даже на целые месяцы и годы, под надзором чернокожего невольника по имени Аристид, которого я купила ребенком. Что еще сказать тебе, брат? Скрываясь то под одними одеждами, то под другими, я общалась с буканьерами, исходила остров вдоль и поперек, даже ездила в Мексику, где мой отец был вице-королем. Я сделала еще больше: я пересекла море и объехала Францию и Испанию, отыскивая своего ребенка, осматривая самые жалкие деревушки, входя в самые бедные хижины... и все напрасно, все!

Она заплакала. Брат глядел на нее с сочувствием, не смея помешать ей; горесть этой несчастной матери казалась ему так же велика, как и древней Ниобеи¹. Клара лихорадочным движением отерла слезы и продолжала прерывающимся голосом:

¹ Ниобея (Ниоба) — в греч. мифологии жена царя Фив Амфиона. Семеро сыновей и семеро дочерей Ниобеи были убиты Аполлоном и Артемидой. От горя Ниобея окаменела и была превращена Зевсом в скалу, источающую слезы.

— Два раза мне казалось, что я напала на след, и сердце мое начинало биться сильнее от надежды. Первый раз в Мадриде я нечаянно узнала, что мой отец усыновил какого-то ребенка и воспитывает его так старательно и нежно, как будто связан с ним кровными узами; ребенка этого я видела, ему было тогда около шести лет, он был красив. Его мужественные и гордые черты показались мне имеющими сходство с одним человеком; я сумела приблизиться к этому прелестному ребенку и разговорила с ним. Его звали Гусман де Тудела, но это имя могло быть подложное. Я осведомилась... увы, я ошиблась, это имя было его собственным! Обманутая надежда чуть не свела меня с ума.

— Бедная сестра! — прошептал маркиз, подавляя вздох. — Что же ты сделала тогда?

— Я уехала, я оставила Испанию, как проклятую землю, однако, признаться ли тебе, брат, воспоминание об этом ребенке никогда не выходит из моих мыслей. Я еще слышу звуки его голоса, нежного и свежего, заставлявшего дрожать мое сердце, после стольких лет черты его так свежи в моей памяти, что если бы случай свел нас, я узнала бы его, я в этом уверена. Не странно ли это, скажи, брат?

— Действительно, очень странно, милая Клара, но, пожалуйста, продолжай. Этот ребенок теперь превратился во взрослого мужчину, и я также его знаю, он сейчас в Америке, и, может быть, всемогущий Господь сведет вас вместе.

— Ты как-то странно говоришь это, Санчо.

— Не приписывай моим словам больше важности, чем они имеют в действительности, сестра, продолжай, я слушаю тебя.

— Во второй раз здесь, на Эспаньоле, около двух лет тому назад, случай привел меня в городок Сан-Хуан. Я вошла в церковь; по окончании молитвы я выходила, когда очутилась возле кропильницы, лицом к лицу с очаровательной молодой девушкой, которая протягивала мне пальцы, орошенные святой водой. Не знаю, почему, но при виде этой незнакомой юной девушки я вздрогнула, сердце забилося в моей груди, она поклонилась мне с кроткой улыбкой и ушла. Несколько минут я стояла не двигаясь, в странном волнении, сжимавшем мне сердце, как в тисках, устремив на нее глаза и смотря, как она уходит. Наконец я решилась следовать за ней издали. Когда она вошла в дом недалеко от церкви, я осведомилась, как ее зовут. Ее имя — донья Хуана д'Авила:

это питомица дона Фернандо д'Авила. Я устроила так, чтобы опять встретиться с ней, я говорила с ней, мало-помалу успела с ней сойтись и даже бывала в доме, где она жила почти одна со старой дуэньей по имени Чиала. Ее опекун, дон Фернандо д'Авила, жил на Тортуге, где был губернатором. Донья Хуана не знала своих родных, она не помнила ни мать, ни отца, ей дали фамилию ее опекуна и она носила это имя, не заботясь об этом, она знала только, но очень неопределенно, что ее поручил ребенком дону Фернандо какой-то знатный человек, принадлежавший к одной из могущественнейших фамилий Кастилии, человек этот, имя которого составляет тайну и никогда при ней не произносилось, не терял ее из виду и установил за нею надзор, хоть и тайный, но неусыпный; он протезировал дону Фернандо, который был обязан ему всем и быстро шел в гору. Поэтому храбрый идальго был предан душой и телом своему покровителю, хотя испытывал искреннюю привязанность к своей питомице, которую считал как бы своей дочерью. Все эти подробности, которые я узнавала в продолжение двух лет, в высшей степени возбудили мое любопытство. Не будучи в состоянии выдержать дольше, я несколько дней тому назад отправила Бирбомоно в Сан-Хуан, чтобы постараться узнать что-нибудь положительное, что оправдало бы неопределенную надежду, которая сжигает мне сердце.

— Ну и что же? — с любопытством спросил дон Санчо.

— Донья Хуана, — с грустью ответила донна Клара, — уехала из Сан-Хуана к своему опекуну на Черепаший остров; но, — прибавила она с лихорадочной энергией, — я поеду на Тортугу, расспрошу дона Фернандо и ..

— Извини, сестра, — перебил дон Санчо, — тебе больше нечего рассказать мне?

— Нечего, брат, ты знаешь теперь так же хорошо, как и я, какова была моя жизнь после нашей разлуки.

— Благодарю тебя, сестра, за твое доверие... Теперь моя очередь говорить, а потом, когда ты выслушаешь меня, мы вместе подумаем, что нам следует предпринять. Слушай же меня с величайшим вниманием, потому что, клянусь, мой рассказ тебя заинтересует.

Донна Клара вздрогнула при этих словах и, устремив свои большие глаза, полные слез, на маркиза, сказала глухим голосом:

— Говори, брат, я слушаю.

Задушевный разговор

Завтрак кончился задолго до приезда дон Санчо; брат и сестра перешли из столовой в другую комнату, чтобы дать возможность негру убрать со стола. Комната эта служила спальней донне Кларе; меблированная так же просто, как и весь дом, она тем не менее издавала то нежное благоухание, которое указывает даже людям малочувствительным на любимое убежище светской женщины.

Донна Клара придвинула брату стул, села на другой, напротив него, и, нежно положив свою руку на его руку, сказала:

— Теперь говори, брат, я тебя слушаю.

Маркиз устремил проницательный взгляд на сестру и, видя ее столь печальной и бледной, подавил вздох.

— Ты нашел меня сильно изменившейся, не правда ли, брат? — спросила она с меланхолической улыбкой. — Это оттого, что я очень страдала с тех пор, как мы не виделись, но не об этом теперь идет речь, — прибавила она. — Говори, умоляю тебя!

— Бог тому свидетель, сестра, — сказал дон Санчо, — мне бы очень хотелось приложить бальзам к твоим ранам, пролить хоть мимолетную надежду в твою душу, но я, напротив, боюсь, что мои открытия, очень неполные, даже, я бы сказал, очень мрачные, могут только увеличить, если это возможно, твою горесть.

— Да будет в том воля Божия, как и во всем другом, брат мой, — ответила она с покорностью. — Я знаю, как ты любишь меня, и если ты принес мне горестные известия, пусть будет так, потому что я искренне убеждена, что твоя воля этому противится. Теперь говори без опасения; что бы это ни было — я тебя заранее прощаю.

— Я ожидал от тебя этих слов, сестра, и, признаюсь, мне было это необходимо, чтобы осмелиться все тебе рассказать. Выслушай же меня, потому что это дело гораздо таинственнее, нежели ты подозреваешь... Ты так же хорошо, как и я, и даже лучше меня знаешь нашего отца — воля его неумолима, жестокость холодна, гордость громадна. Я не сообщу тебе ничего нового, если скажу, что после смерти твоего мужа он ни разу не произнес твоего имени. Узнав о твоём внезапном исчезновении, он не выказал ни удивления, ни

беспокойства, не сделал ни одного шага, хотя бы формального, для того, чтобы узнать, куда ты девалась. Когда же о тебе расспрашивали, он так решительно отвечал, что ты умерла, что, признаюсь тебе, сестра, я был сам обманут этой ложью и оплакивал тебя, как будто ты действительно лишилась жизни.

— Мой добрый Санчо, как же ты узнал, что я еще жива?

— Только несколько часов тому назад я узнал от Бирбомоно, что ты жива.

— Как! И все это время, столько лет, ты думал?..

— Да, сестра, кто же мог вывести меня из заблуждения? Ты помнишь, что, отдав твоему мужу последний долг, внезапно вызванный в Мексику отцом, я уехал отсюда и вернулся только двадцать четыре часа тому назад; я ездил в Испанию, где жил несколько лет, потом посетил некоторые иностранные дворы, так что все соединилось, чтобы сгустить покров тайны, которым, без сомнения, с намерением отец закрыл мне глаза. Однако я должен сказать тебе, что невольно, когда воспоминания о тебе посещали меня, я не мог утешиться в этой потере, я чувствовал, что сомнение пробуждается в моем сердце, и хотя ничто не оправдывало этого сомнения, я надеялся, что когда-нибудь свет прольется на эту катастрофу: или я узнаю, каким образом ты умерла, или ты вдруг явишься моим глазам. Странное дело: годы не только не ослабили эту мысль, а напротив, сделали ее сильнее и живее, так что, хотя ничто не рассеяло мрак, среди которого я находился, я был почти уверен, что ты жива, и убедил себя, принимая во внимание ненависть нашего отца, что слух о твоей смерти был нарочно им распространен, чтобы окончательно замкнуть уста тем из наших родных, которые вздумали бы заступиться за тебя перед ним. Как видишь, я не ошибался!

— Правда, брат, но если бы случай не привел тебя сюда?

— Извини, — перебил он с живостью, — случай ничего не значит в этом деле, сестра, сомнение, о котором я тебе говорил и которое мало-помалу перешло в уверенность, заставляло меня желать вернуться на острова. Я не без основания говорил себе, что если ты действительно жива, то я найду тебя только здесь. Я уже хотел принять необходимые меры для того, чтобы вернуться в Америку, когда в ту минуту, когда я меньше всего думал об этом, отец объявил мне, что его величество удостоил меня чести, назначив губернатором Эспаньолы.

— А отец остался в Испании?

— Нет, сестра, он выпросил себе интендантство в Панаме, но не знаю по какой причине теперь передумал и находится пока в Маракайбо.

— Так близко от меня! — прошептала она с трепетом ужаса. — Но что мне до того! Сейчас мне нечего его опасаться.

— Теперь, когда я разъяснил первую причину моего возвращения на острова, я должен вернуться назад, к тому времени, когда я провожал отца в Испанию, то есть через два года после смерти твоего мужа и твоего исчезновения. Здесь я прошу тебя, сестра, слушать меня со всем вниманием: рассказ мой становится до того таинственным, что я сомневаюсь, возможно ли мне будет когда-нибудь отличить истину от лжи и разрушить мрачный заговор, составленный герцогом с тем гибельным искусством, которое могла ему внушить одна только ненависть. Через несколько месяцев после нашего приезда в Мадрид отец, с которым я очень мало общался, хотя жил в нашем фамильном дворце, находящемся, как тебе известно, на улице Аточа, однажды вечером после ужина объявил мне, что уезжает и что его поездка продлится, может быть, несколько месяцев. Отец не заблагорассудил сообщить мне, куда и зачем он едет, я не смел расспросить его и лишь почтительно ему поклонился. Он простился со мной и через час сел в карету. Признаюсь тебе, сестра, что в первую минуту я не заботился о причинах, заставивших отца предпринять это путешествие, мне до этого было мало дела. Я был молод, любил удовольствия, вращался в легкомысленном обществе, отсутствие отца если и не доставляло мне удовольствие, то, по крайней мере, оставляло меня равнодушным. Только через несколько дней на обеде у герцога Медина дель-Кампо я случайно узнал, что отец уехал во Францию.

— Во Францию?! — вскричала, вздрогнув, донна Клара.

— Да, мне сказал об этом сам герцог Медина, спрашивая меня, что за дела могли отозвать моего отца в Париж. Я ответил, что не только ничего не знаю об этих делах, но что мне даже не было известно, что отец пересек Пиренеи. Тогда герцог понял, что допустил неловкость, он закусил губы и переменял тему разговора... Путешествие моего отца длилось семь месяцев. Однажды утром, проснувшись, я узнал от моего камердинера, что ночью он вернулся. Я пошел поздороваться с ним. Отец был еще мрачнее и холоднее, чем я привык его видеть. Он немного поговорил со мной о посторонних вещах, но о своем путешествии не сказал ни слова.

Я подыграл его сдержанности. Только за завтраком он сообщил мне, что один из наших дальних родственников, граф де Тудела, о котором я до тех пор ничего не слышал, умер, и отец решил взять на свое попечение его единственного сына, оставшегося сиротой, и воспитать его, как своего родного сына. По приказанию отца слуга привел очаровательного шестилетнего мальчика, к которому, признаюсь, я тотчас же почувствовал какую-то безотчетную симпатию. Этого ребенка знала и ты.

— Гусман де Тудела? — вскричала она с живостью.

— Он самый... Но мальчик оставался в нашем дворце только несколько дней. Отец, неизвестно по какой причине, поспешил отдать его в Иеронимитский монастырь, где, как тебе хорошо известно, воспитываются дворяне. Мой отец, хотя и был очень строг к этому бедному ребенку, однако внимательно наблюдал за ним и, по-видимому, радовался его успехам. Я часто ездил навещать Гусмана в монастыре; мы много разговаривали с ним, иногда я брал его гулять в город. Бедный ребенок очень этому радовался. Таким образом прошло несколько лет, потом отец забрал его из монастыря и отдал в морской корпус; словом, теперь, несмотря на свою молодость, Гусман — офицер испанского флота. Через год после того как Гусман переехал к нам, отец опять ездил во Францию. На этот раз его отсутствие продолжалось также несколько месяцев, и, вернувшись, он привез еще одного ребенка; на этот раз это была восхитительная девушка.

— Хуана, не так ли? — вскричала донна Клара.

— Откуда тебе известно ее имя, сестра? — с удивлением спросил дон Санчо.

— Неважно, откуда бы я его ни знала, брат.

— Однако...

— Разве ты не помнишь, ведь я только что рассказывала тебе, как познакомилась в Сан-Хуане с этой девушкой?

— Правда, — ответил он, ударив себя по лбу, — не знаю, как это я забыл.

— Продолжай, умоляю тебя.

— Итак, это была Хуана, как ты верно сказала, сестра, но Хуана прибыла не одна, ее провожал офицер, которого мой отец называл ее опекуном. Это был дон Фернандо д'Авила. Оба остановились во дворце. Я знавал прежде дону Фернандо, честного и храброго воина, которому оказал некоторые услуги; но насколько мне было известно, у отца не было никакой причины протектировать ему. Однако герцог, по-видимому, очень полюбил этого человека и имел намерение

серьезно помогать его продвижению по служебной лестнице. Это очень заинтересовало меня, так как мне был прекрасно известен себялюбивый и надменный характер нашего отца. Иногда я спрашивал себя, по какой причине он принимает такое горячее участие в этом человеке: действительно, дон Фернандо д'Авила, который после десятилетней войны во Фландрии с чрезвычайным трудом достиг чина альфереса, благодаря горячей рекомендации отца в один год сделался капитаном и получил приказание ехать на острова командиром роты, которую на свои деньги набрал и экипировал отец. Девочка, несмотря на свою юность, должна была ехать с ним. Не знаю, какое тревожное любопытство заставило меня в день отъезда дона Фернандо проводить его, без ведома моего отца, несколько миль по дороге в Севилью, откуда он должен был отправиться в Кадис. Не стану пересказывать тебе, сестра, разговор, который состоялся у меня с капитаном; повторю тебе только то, что я узнал. Отец ездил во Фландрию, где находился дон Фернандо, предложил ему взять попечение над ребенком, уверив его, что не только даст ему деньги, необходимые для воспитания этой девочки, но что поможет ему сделать карьеру. Дон Фернандо был беден, не имел никаких могущественных покровителей, способных вывести его из бедственного положения, в котором он прозябал. Не осведомляясь о причинах, заставлявших человека с именем и званием моего отца делать ему такие необыкновенные предложения, он поспешил принять их; так хотелось ему во что бы то ни стало выйти из ужасной нищеты, которую он терпел так давно. Он обещал нашему отцу слепо ему повиноваться и немедленно последовал за ним в Париж. Там герцог отдал ему ребенка, после чего они все втроем поехали в Мадрид. Таким образом, милая сестра, по приказанию отца были взяты на воспитание двое детей. Мы с тобой прекрасно знаем герцога Пеньяфлора и не станем оскорблять его предположением, будто любовь к человечеству и филантропия побудили его воспитать этих двух сирот. Какая же причина заставила его действовать подобным образом? И кто такие эти люди? Вот что нам надо узнать.

— А ты что думаешь об этом, брат?

— Мое мнение, сестра, что причина — мщение.

— Мщение? Какое мщение, брат?

— Послушай, моя бедная сестра, — продолжал дон Санчо с печальной улыбкой, — ты умерла или, по крайней мере, слывешь умершей, не правда ли?

— Правда, брат, ну и что?

— Дай же мне закончить. Кто знает, быть может герцог прекрасно знает, что ты еще жива, и распустил слухи о твоей смерти нарочно для того, чтобы упрочить мщение, в котором он поклялся не только тебе, но и человеку, который лишил его старшего сына и похитил у него дочь? Откуда ты знаешь, что отец не следил постоянно за каждым твоим шагом и бросил тебя только для того, чтобы вселить в тебя еще большую неуверенность и суметь таким образом одним махом поразить двух своих смертельных врагов.

— О! То, что ты предполагаешь, ужасно, брат! — вскричала Клара, с ужасом всплеснув руками.

— Сестра, я ничего не предполагаю, — ответил он сухо, — я только делаю выводы. Для меня очевидно, что герцог шаг за шагом следует плану, обдуманному им давно, и вот тому доказательство: месяц тому назад, заметь это хорошенько, пожалуйста, герцог Пеньяфлор и дон Гусман де Тудела находились в Веракруссе. Я тебе уже сказал, что дон Гусман — морской офицер; по приказанию нашего отца, который рассказал ему твою ужасную историю, сестра, хотя и переиначив ее, этот молодой человек, обезумев от горести и стыда, не колеблясь бросил почетную карьеру, открывавшуюся ему, и отправился матросом на флибустьерском судне, решившись умереть или отомстить за свою мать, так низко обещенную, по словам отца, одним из этих людей.

— Но это ужасно, брат!

— Не правда ли? Однако это еще не все. Этот молодой человек, одаренный прекраснейшими качествами и благороднейшими манерами, клятвенно обязался преследовать своей ненавистью предводителей флибустьеров, служить шпионом нашему правительству и предать в наши руки самых знаменитых флибустьеров. Понимаешь ли ты меня теперь, сестра? Должен ли я еще что-то добавить?

— О! Нет, брат, ни слова больше, ради Бога! — вскричала она с ужасом.

— К счастью, — продолжал он, — мне удалось обменяться несколькими словами с Гусманом. Я должен его видеть; может быть, мне удастся, особенно если ты согласишься мне помочь, уберечь его от пропасти, в которую он готов упасть.

— Как ты можешь сомневаться в моей готовности помочь тебе, брат? Ах, Боже мой! Что же делать?

— Я еще не знаю. Прежде всего мне надо его увидеть.

— Это правда, Боже мой, это правда! Какое имя принял он среди флибустьеров?

— Я не знаю.

Она с отчаянием опустила голову и молчала несколько минут. Брат печально смотрел на нее, не смея прервать ход ее мыслей и возобновить разговор.

— Послушай, брат, — сказала донна Клара через минуту, вдруг подняв голову, со сверкающими глазами и упрямо сдвинув брови, — я слишком долго трусливо пряталась в этой долине, час решительных действий наконец пробил, неумолимая борьба между нашим отцом и мной, которую я считала конченной, начинается вновь. Хорошо, я принимаю ее; Господь да поможет мне — он покровительствует матерям, спасающим своих детей.

— Что ты собираешься делать, Клара?

— Оставить этот домик и отправиться в Марго или в Порде-Пе к флибустьерам, они будут ко мне не так жестоки, как мои соотечественники.

— Остерегайся, сестра.

— А чему я подвергаюсь? Смерти? Она будет мне только приятна, брат, если я смогу отыскать своего сына и спасти его честь.

— Но каким именно образом ты собираешься действовать, моя бедная Клара?

— Еще не знаю, Санчо, но Господь вдохновит меня, у меня все получится, я убеждена в этом.

— Поступай же как хочешь, сестра, у меня нет ни права, ни желания удерживать тебя. Но что если Гусман — не сын тебе?

— Ах! — сказала она с сомнением.

— Что если вместо сына у тебя дочь, и эта дочь — Хуана? Тем-то и ужасна, моя бедная сестра, твоя история, что ты, мать, даже не знаешь, какому ребенку дала жизнь, не знаешь, не умер ли этот ребенок при рождении.

— Боже мой! Боже мой! — прошептала она, с отчаянием ломая руки.

— К несчастью, наш отец, подстегиваемый ненавистью, не допустил ни малейшей ошибки, он все рассчитал, все предвидел. Помнишь, когда у тебя начались схватки, тебе дали сильное снотворное, так что все произошло во время твоего сна, и когда ты открыла глаза, твой ребенок уже исчез.

— Это правда, Санчо, это правда! — вскричала донна Клара, залившись слезами. — Я не видела своего ребенка! У меня его похитили прежде, чем я его поцеловала; эту первую ласку, столь сладостную для сердца матери, я не могла оказать своему ребенку! О, не ужасно ли это, брат?

— Успокойся, Клара, ради Бога, твое отчаяние пугает меня.

— О! Ты внезапно оживил все мои горести, эта ужасная рана постоянно обливается кровью в моем сердце! Мать не утешится никогда.

— Клара, сестра моя, умоляю тебя, ты знаешь, как я тебя люблю; я буду помогать тебе всеми своими силами, клянусь, мы отыщем твоего ребенка.

Внезапно, осененная догадкой, она приподнялась со стула с пылающим лицом, с сухими глазами.

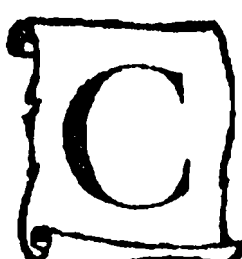
— Брат... — сказала она. — А если оба они — мои дети?

— Что ты говоришь, Клара?!

— Я говорю, брат, что как ни глубок мрак, окружающий нас, как ни искусна ненависть моего отца, свет прольется на эту страшную тайну. Поверь мне, недаром после стольких лет Господь позволяет моему отцу и мне встретиться лицом к лицу. Вот час великой борьбы! Мы увидим, ангел или демон останется победителем в страшной партии, которая будет разыгрываться между нами.

Глава XVIII

Донна Клара

раженная волнением, донна Клара, произнесла с лихорадочной решимостью слова, завершающие предыдущую главу, почти без чувств упала на стул. Ее бледные черты лица, искаженные горестью, закрытые глаза, нервно съежившееся тело делали ее похожей на труп.

Дон Санчо был испуган состоянием, в котором находилась сестра, единственное существо, к которому он чувствовал искреннюю дружбу всю свою жизнь. Сердце его сжалось, и горячие слезы, которые он не отирал, медленно катились по его щекам.

— Бедная сестра! — прошептал он, смотря на нее с нежным состраданием. — Вся ее жизнь — сплошное продолжительное мучение! Почему я не могу вложить надежду в ее разбитое сердце! Боже мой, разве таким образом должен был я ее увидеть после стольких лет?

Он вздохнул, опустил голову на грудь и начал с волнением ходить взад и вперед по комнате. С четверть часа тишина нарушалась только сдержанными рыданиями донны Клары. Вдруг она выпрямилась и, положив свою руку на руку брата

в ту минуту, когда он проходил мимо нее, сказала задыхающимся голосом:

— Санчо, могу ли я рассчитывать на тебя?

— Неужели ты сомневаешься в этом, сестра? — ответил он, останавливаясь, и, взяв ее руку, поцеловал.

— Прости меня, — сказала она. — Ах, я так несчастна, что часто против своей воли не смею верить!

— Я не упрекаю тебя, сестра; я тебя слушаю.

— Ты сказал мне, что любишь этого дона Гусмана де Тудела.

— Как брата.

— Он хорош собой, не правда ли?

— Хорош и храбр, сестра.

— А-а! — сказала она с радостью.

— Да, он настоящий дворянин, это написано на его мужественном лице.

— Ты мне сказал, что надеешься увидеть его?

— Надеюсь, что да, но не знаю, когда и каким образом устроится это свидание.

— Разве вы не условились?

— Герцог наблюдал за нами ревнивым взглядом, так что я смог обменяться с Гусманом лишь несколькими неопределенными фразами, но мне кажется, что он понял их.

— Понимаешь ли ты, что поручение, данное ему, ужасно, что роль, которую он вынужден играть, гнусна!

— Понимаю, но он этого не думает, напротив, он убежден, что выполняет свой долг.

— Но все-таки, как тебе кажется, существует ли в действительности это мнимое родство?

— Что сказать тебе, сестра? Все это покрыто для меня непроницаемой тайной. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что фамилия Тудела находится в близком родстве с нами, но поскольку они никогда не жили при дворе, а всегда в своем имении, среди своих вассалов, мы с ними почти не общались. Я не помню, чтобы видел у отца хоть одного человека, носящего эту фамилию, стало быть, я не могу утверждать, происходит или нет Гусман от этой фамилии, тем более, что герцог Пеньяфлор, я должен в этом признаться, никогда не оказывал мне ни малейшего доверия и, зная о той глубокой дружбе, которую я всегда испытывал к тебе, всегда умышленно скрывал от меня даже самые незначительные свои поступки.

— Повсюду мрак! — прошептала донна Клара. — О, как несправедливо Небо! — вскричала она с отчаянием. — Почему оно позволяет добродетели изнемогать таким образом?

— Пути Господа неисповедимы для взглядов людских, сестра, — ответил дон Санчо с убеждением. — Может быть, когда ты обвиняешь Его милосердие и правосудие, Он готовит громкое оправдание и страшное мщение.

Донна Клара склонила свое бедное лицо, между тем как мрачная улыбка мелькнула на ее губах.

— Нет, — возразила она, — я не могу дольше ждать! Час настал, повторяю тебе, даже если бы мне пришлось изнемочь в борьбе, я буду действовать.

— Что же ты намерена делать?

— Разорвать раз и навсегда плену перед моими глазами.

— Тебе это не удастся.

— Пусть будет то, что угодно Богу, брат, я решилась; кроме того, ты торжественно поклялся помогать мне во всем.

— Во всем, что будет зависеть от меня, сестра, ты можешь рассчитывать на это.

— Благодарю тебя, Санчо... Скажи, Гусман, вступив в ряды Береговых братьев, не сохранил, конечно, своего имени?

— Конечно, ведь если бы узнали, что он испанец, его сочли бы шпионом.

— Ты знаешь, какое имя он взял?

— Знаю, сестра.

— Какое?

— Марсиаль.

— Хорошо, этого мне достаточно; не беспокойся, Санчо, я скоро узнаю, действительно ли этот молодой человек — мой сын.

— Извини, что я спрашиваю, сестра, но каким образом собираешься ты удостовериться в этом?

Донна Клара презрительно улыбнулась.

— Сердце мне подскажет, мать никогда не обманется, когда она должна узнать своего сына.

— Но для этого тебе надо его увидеть.

— Я его увижу, и очень скоро.

— Не осмеливаюсь понимать тебя, сестра. Итак, ты хочешь...

— Да, — перебила она запальчиво, — я, как и он, хочу пристать к Береговым братьям, жить их жизнью, наблюдать за их поступками и, главное, видеть этого молодого человека, этого Марсиаля, но так, чтобы он не знал, кто я. Я

заставлю его полюбить меня; ведь если, как я тайно убеждена, он мой сын, он невольно будет привлечен ко мне, и тогда...

— Но это же безумие, сестра! — вскричал маркиз в ужасе. — Ты ведь не серьезно это говоришь?

— Почему же, позволь тебя спросить, брат?

— Как же ты будешь жить с этими разбойниками, не имеющими ни веры, ни закона?

— У этих разбойников, не имеющих ни веры, ни закона, брат, больше чести, чем у тех, кто их презирает и преследует, как хищных зверей. Мне кажется, ты должен это знать лучше всех.

— Правда, сестра, лично я никогда не мог на них пожаловаться; напротив, они всегда вели себя со мной, как люди благородные, и поверь, я сохраняю к ним глубокую признательность.

— Если так, почему же ты предполагаешь, что они будут вести себя с женщиной не так, как с тобой?

— Я не то хотел сказать, ты не поняла меня.

— Объяснись же, — ответила она с легкой досадой.

— Разве ты забыла, что среди этих людей есть один человек, который запретил тебе являться перед ним?

— Если только я не возвращу ему его сына, это правда.

— Да!

— Я возвращу ему сына, брат. Поверь, мое сердце не обманывает меня.

Маркиз покачал головой и ничего не ответил. На несколько минут в комнате воцарилась молчание; наконец донна Клара прервала его:

— Я приняла решение, и никакая сила не заставит меня изменить его! Кроме того, — прибавила она печально, — не беспокойся, Санчо, он меня не узнает. Посмотри на меня внимательно; скажи, похожа ли эта несчастная, находящаяся перед тобой и разбитая несчастьем, согбенная под тяжестью незаслуженного стыда, на молодую женщину, которую ты знал двадцать лет тому назад? Нет, нет! Монбар, или граф де Бармон, называй его как хочешь, не узнает меня. Ах! Если он увидит меня, он пройдет мимо, и взгляд его не остановится на несчастной, черты которой, обезображенные горем, ничего не подскажут его воспоминаниям.

— Я не имею ни права, ни мужества удерживать тебя от этого мужественного шага, сестра, хотя не предвижу ничего хорошего для тебя. Мои искреннейшие сочувствия и поддер-

жка будут сопутствовать тебе во всем; действуй, как считаешь нужным, и да поможет тебе Господь!

— Он будет со мной, брат, я надеюсь на это.

— Во всяком случае, — задумчиво продолжал он, — помни, что я — губернатор Эспаньолы и благодаря этому званию всегда смогу помочь тебе, если понадобится действительная помощь. Хоть эти негодяи наши смертельные враги, они, однако, часто вынуждены считаться с нами.

— Я знаю, как ты меня любишь, Санчо, и этого достаточно, чтобы я была уверена, что в любом случае могу на тебя положиться.

— О чем бы ты ни попросила меня, сестра, я сделаю это и днем и ночью; по первому твоему зову я явлюсь к тебе.

— Спасибо, — просто ответила Клара, протянув ему руку. Маркиз нежно пожал ее руку и грустно прошептал:

— Бедная сестра!

— Санчо, — продолжала она, — у меня есть тайное предчувствие, что мои горести подходят к концу и что скоро, — прибавила она с внезапной радостью, — я отыщу своего сына и прижму его к сердцу!

Маркиз поклонился сестре, подавив вздох.

— Теперь, — проговорил он, — я вынужден оставить тебя, ведь я отправился к тебе, никого не предупредив. Мое продолжительное отсутствие может показаться странным, мне уже пора появиться в Санто-Доминго и унять беспокойство, возбужденное этим непонятным для всех поступком. Я ведь еще только-только назначен губернатором и должен подумать о том, как достойным образом исполнять возложенные на меня обязанности. Надеюсь, мы скоро увидимся, я еще многое должен тебе рассказать после такой продолжительной разлуки.

— Я не знаю, когда мы свидимся, брат, и как ни велико мое желание поговорить с тобой, я не могу назначить тебе время нового свидания.

— Стало быть, ты намерена привести в исполнение свой план как можно скорее?

— Сегодня же вечером я отправлюсь в Пор-де-Пе.

— Так скоро, сестра?

— Я и так слишком медлила, не настаивай, пожалуйста, это бесполезно.

— Раз так, сестра, я молчу, мне остается только пожелать тебе успеха, но — увы! — я не надеюсь.

— Я не разделяю твоего мнения; прощай, брат.

— Прощай, сестра, — ответил он.

Они обнялись и долго оставались в объятиях друг друга. Донна Клара наконец высвободилась и сказала:

— Вооружись мужеством.

Они вышли. Негр Аристид держал лошадь маркиза под уздцы и прогуливал ее перед домом. Дон Санчо подал ему знак, в последний раз обнял сестру и сел на лошадь.

— Прощай, — сказал он прерывающимся голосом.

— До свидания! — ответила она.

Маркиз вонзил шпоры в бока лошади и галопом помчался прочь. Донна Клара неподвижно стояла на пороге дома и следила за ним глазами, пока могла его видеть. Когда он наконец исчез за поворотом тропинки, она перекрестилась, вздохнула и вернулась в дом, прошептав:

— Он всегда меня любил, добрый брат!

Бирбомоно стоял в прихожей; донна Клара подошла к нему.

— Друг мой, — сказала она ему тихим голосом, — я уезжаю отсюда.

Бирбомоно молча поклонился.

— Я хочу уехать сегодня же, через час, если это возможно.

— Через час все будет готово, — сказал он почтительно.

Она колебалась, потом, вооружившись мужеством, продолжала:

— Видите ли, мой друг, я не знаю, когда я сюда вернусь, мое путешествие может продлиться дольше, чем я желала бы; мне нужно взять с собой довольно значительную поклажу.

— Пока вы беседовали с вашим братом, я все приготовил, — ответил Бирбомоно, — вы можете ехать, сеньора, когда пожелаете.

— Все приготовил?! — воскликнула она с удивлением. — Но как же вы узнали о моем намерении, когда еще час тому назад я сама о нем не знала?

— Стены здесь — простые перегородки, сеньора, невольно, не желая подслушивать, я слышал почти все, о чем вы говорили с его превосходительством.

Донна Клара улыбнулась.

— Я на вас не сержусь, Бирбомоно, — сказала она, — потому что у меня нет от вас тайн, да и я сама хотела вам все рассказать.

— Теперь это не имеет смысла.

— Во время моего отсутствия вы останетесь здесь; как знать, может быть, мне посчастливится вернуться в этот

домик, где я пролила столько горьких слез и который потому сделался мне дорог.

— Извините меня, — сказал Бирбомоно, внезапно побледнев, — я не совсем хорошо понял ваше последнее приказание, которое вы изволили мне дать. Вы, кажется, изъявили желание, чтобы я остался здесь?

— Да, друг мой.

— Простите, сеньора, но это невозможно!

— Почему невозможно?

— Вот уже двадцать лет, как я с вами, сеньора, и ни за что не соглашусь расстаться, когда вы решаетесь на опасное предприятие, во время которого вам больше прежнего понадобится преданный слуга.

— Но, друг мой, вы не подумали о том, что я буду жить среди смертельных врагов испанцев и что, взяв вас с собой, я подвергну вас страшной опасности.

— Извините, сеньора, я подумал об этом, но имею честь заметить вам, что там, где будем мы, находятся другие испанцы, которые живут, не будучи тревожимы никем, с тем простым условием, что покоряются флибустьерским законам и не вмешиваются в их дела. Я буду поступать, как другие — вот и все.

— Я не знала о том, что вы мне сказали, друг мой, однако я предпочла бы, чтобы вы согласились остаться здесь.

— Я уже имел честь гозорить вам, сеньора, что это невозможно; если вы мне прикажете не следовать за вами, я позинуюсь вам, но уеду один в Пор-де-Пе.

— Настаивать дольше — значило бы не признавать вашей преданности, друг мой, но кто же будет караулить дом во время нашего отсутствия?

— Негр Аристид, сеньора; он смышлен, предан и честен, я дал ему все необходимые указания, вы можете полностью положиться на него.

— Если так, я сдаюсь, сделаем так, как вы хотите.

— Благодарю вас за вашу милость, сеньора, — ответил старый добрый слуга, — вы очень огорчили бы меня, если бы потребовали, чтобы я расстался с вами в таких важных обстоятельствах, от которых зависит, может быть, счастье всей вашей жизни.

— Может быть, действительно так будет лучше, друг мой, — ответила донна Клара с задумчивым видом. — Когда лошади будут оседланы, а мулы навьючены, предупредите меня, я буду готова.

Она сделала ему дружеский знак и вошла в спальню, заперев за собой дверь. Перед долгим и опасным путешествием она чувствовала потребность собраться с мыслями и еще раз обо всем хорошенько подумать и все взвесить.

Бирбомоно, обрадованный последними словами своей госпожи, весело отправился готовиться к отъезду.

Незадолго до заката солнца госпожа и слуга выехали из домика, оставленного под присмотром Аристиды, очень гордого таким доверием, и направились в Пор-де-Пе, стараясь сдерживать своих лошадей, так чтобы приехать в город ночью, не привлекая к себе внимания.

Глава XIX

Взятие Черепахи

Вернемся теперь к двум нашим персонажам, которых события рассказа заставили нас оставить в довольно критическом положении. Мы говорим о Филиппе и его бывшем работнике Питриане, которые спрятались в расселине грозных скал — Железных берегов, представляющих для Черепашьего острова природные укрепления.

Оба флибустьера спали без просыпу всю ночь, ничто не нарушало их спокойного сна. Только на рассвете, когда первые лучи дневного светила упали им на лицо, они проснулись. Вокруг все было тихо и уединенно; море, едва волнуемое утренним ветерком, тихо шелестело у подножия скал. Глупыши и зимородки с громкими криками касались своими крыльями ровной поверхности моря; ни один парус не белел на горизонте.

В одно мгновение авантюристы вскочили и спустились к берегу; здесь они оказались в сравнительной безопасности, так как на этом месте их невозможно было заметить с центра острова. К счастью, осматриваясь направо и налево, они увидели природный грот, образованный, без сомнения, благодаря постоянному действию морских волн. Он представлял собой надежное убежище не только от посторонних взоров, но и от солнечных лучей, нестерпимо палящих в полуденный зной.

— Ого! — заметил Филипп, как можно удобнее прислоняясь спиной к скале и набивая свою трубку. — Наше положение кажется мне довольно сносным, как ты думаешь, Питриан?

— Думаю, оно могло быть и хуже и лучше.

— Черт побери! Ты очень разборчив, мой милый, но я с тобой не согласен и нахожу, что мне очень хорошо.

— Согласен, но я думаю, что нам было бы гораздо лучше, если бы мы не забыли о самом главном.

— Что ты хочешь сказать?

— Разве вы не чувствуете голода? — спросил Питриан, отвечая вопросом на вопрос.

— В самом деле, ты заставил меня вспомнить, что я голоден как волк.

— Хорошо, а где же провизия?

— Ты должен это знать лучше меня, Питриан, ведь это ты брал ее с собой.

— Она была в пироге, но пирога-то уплыла вместе с кавалером.

— Гм! Это не очень весело, как же нам быть?

— Я не знаю, а вы?

— Я тоже не знаю, раз спрашиваю тебя. Наше положение не слишком приятно, а перспектива остаться на два дня без еды и вовсе меня не привлекает.

— Я не вижу другого выхода, кроме как съесть друг друга.

— Ты сейчас придумаешь худшее; у нас нет провизии, но мы ее отыщем.

— Отыщем! Я очень этого хочу, только поостережемся, как бы нас не захватили.

— Как же это ты не подумал о провизии? Ведь это твоя обязанность.

— Мне думается, что упреками мы ничего не добьемся, лучше придумать способ выйти из затруднения.

— Это довольно трудно.

— Кто знает! Попробуем.

— Попробуем! Я сам этого хочу, однако сомневаюсь в успехе.

Разговаривая таким образом, оба встали и вышли из грота. Берег был все еще пуст; они пошли вдоль скал, чтобы вернуться на то место, откуда пришли, а оттуда двинуться в глубь острова. Таким образом они шли около десяти минут, внимательно рассматривая сплошную стену из скал, возвышавшуюся над ними, чтобы отыскать обрыв, через который они проскользнули накануне. Вдруг Питриан остановился и вскрикнул от удивления.

— Что такое? — спросил Филипп, ускорив шаги, чтобы поскорее его догнать. — Что еще там случилось?

— Подойдите посмотрите, — ответил Питриан. — Ей-Богу, это что-то странное.

Филипп подошел. В этом месте скалы, вероятно вследствие какого-нибудь вулканического потрясения, громоздились друг на друга в полном беспорядке; одна скала немного выступала к берегу. Питриан случайно, вместо того, чтобы идти прямо, прошел сзади этой скалы, и тогда к своему величайшему удивлению обнаружил перед собой вход в пещеру, довольно высокий и широкий, так что человек обыкновенного роста мог войти туда, не наклоняясь. Пол этой пещеры был покрыт легким слоем тонкого песка, на котором здесь и там виднелись не только чьи-то следы, но и довольно глубокая полоса, как будто тут тащили лодку.

— Что это значит? — вскричал Филипп. — Уж не проходили это?

— Мы легко можем в этом удостовериться; если же мы не найдем выхода, то довольствуемся тем, что вернемся назад.

— Это правда, беда не велика; слава Богу, у нас нет недостатка во времени.

— У нас недостаток только в провизии, — проворчал Питриан.

— Неблагодарный! — смеясь, заметил Филипп. — Может быть, эта пещера приведет нас в такое место, где мы найдем провизию.

— Дай Бог!

Тогда, больше не колеблясь, они вошли в пещеру. Однако, будучи людьми осторожными и не зная, что может случиться, авантюристы на всякий случай старательно осмотрели свое оружие и взвели курки, чтобы быть готовыми к любой случайности.

Пещера была довольно глубокая и имела несколько изгибов. Благодаря неприметным трещинам, вероятно существовавшим в своде, пещера не была погружена в полный мрак, и флибустьеры могли держаться верного направления, хотя находились в полутьме, позволявшей им весьма смутно различать предметы. Скоро они дошли до довольно большой залы почти круглой формы, в которую сверху, из отверстия около четырех футов ширины, проникало солнце, лучи которого разливали довольно яркий свет. В этой пещере флибустьеры обнаружили не одну, а три лодки, из которых две, правда, были в довольно плохом состоянии, не способные без починки плыть по морю, зато третья оказалась почти новой. Лодки эти были старательно приставлены к стене и поддерживались подпорками; в лодках и возле них были разложе-

ны весла, багры, мачты, реи с парусами, снасти и другие рыболовные снаряды.

— Вот, если не ошибаюсь, — радостно сказал Филипп, потирая руки, — это избавит нас от тяжелого труда. Эти лодки пришли сюда не сами по себе, стало быть, существует проход — проход, который мы найдем, так что нам не нужно будет рыть хода, и наши товарищи проникнут на остров так же легко, как к себе домой.

— Несчастье к чему-нибудь, да и сгодится, — нравоучительно сказал Питриан.

— Как хорошо мы сделали, что забыли взять провизию!

— Гм! Я этого не нахожу.

— Ты глуп, Питриан, ты говоришь, не подумав. Если бы у нас была провизия, мы не стали бы ее искать, не так ли?

— Это довольно вероятно, — ответил Питриан с насмешливым видом.

— Ну, сделай же вывод, дуралей, если бы мы не искали провизию — по той причине, что ее у нас не было, — мы не открыли бы этого прохода, столь удобного для осуществления наших планов.

— Это правда, какой же я дурак!

— И я о том же... Но не стоит оставаться здесь дольше, поспешим осмотреть это подземелье, чтобы поскорее узнать, куда оно ведет.

Они отправились в путь и после нескольких поворотов дошли до конца пещеры. Как и предвидел Филипп, через стену скал легко было перейти, пещера выходила во внутреннюю часть острова довольно широкой трещиной, прикрытой густым хворостом и грудой камней, в которой по ее кладке легко было узнать руку человека. Флибустьеры пробрались между камнями, старательно раздвинули хворост и очутились не на открытом пространстве, как они предполагали, а на довольно обширном дворе, закрытом со всех сторон живой изгородью, в глубине которого возвышалась жалкая бамбуковая хижина, покрытая пальмовыми листьями.

— Черт побери, — пробормотал Филипп, — как это неприятно! Хозяин, кто бы он ни был, как только нас увидит, раскричится и напустит на нас жителей. Как же быть?

— Оставайтесь здесь, а я пойду вперед на разведку; если не найду ничего подозрительного, я дам вам знать.

— Ступай и будь осторожен.

Филипп спрятался в хворост, а Питриан решительно направился к дому. В некоторых случаях смелость — лучшая

тактика; поступок Питриана доказал это лишний раз. Он дошел до дома, отворил дверь, которая по местному обычаю была заперта только на защелку, и очутился в комнате, жалко меблированной, служившей и кухней, и спальней; комната эта была пуста, но и мебель, и утварь, словом, все, что заключалось в доме, находилось в таком запущении, что по всему было видно: домик этот давно необитаем.

Осмотрев все и не найдя ничего, что указывало бы на хозяина этого жилища, флибустьер, которому успех его отважного предприятия придал смелости, захотел отворить дверь. Но сделать этого он не смог, несмотря на все свои усилия. Это сопротивление, которого он не ожидал, заинтересовало его, он стал отыскивать, что могло удерживать дверь. Тогда он заметил, что она забита гвоздями снаружи. Он подошел к окну — оно также было забито.

— Что бы это значило? — прошептал он.

В эту минуту он услышал шум шагов и с живостью обернулся, схватив ружье. Это был Филипп, который, устав ждать и беспокоясь, что Питриана так долго нет, решил пойти к нему. Питриан в двух словах рассказал ему, в чем дело. Филипп подумал с минуту, потом расхохотался.

— Решительно, Господь за нас, — сказал он весело, — теперь я понимаю все.

— Что вы понимаете? — с любопытством спросил Питриан.

— Вот в чем дело. Некоторое время тому назад нас уведомили, что на Тортуге свирепствует чума. Вероятно, все жители этого дома погибли от чумы, — я уверен, что мы найдем их трупы в каком-нибудь углу. Тогда, по испанскому обычаю, дом был наглухо забит, а на двери начертан красный крест. Итак, мы здесь у себя дома, и нечего бояться, что нам здесь помешают.

— Все это может быть справедливо.

— Постараемся найти провизию, я буквально умираю от голода.

Они принялись за поиски и обыскали всю комнату вверх и вниз. Филипп угадал: под навесом, выходящим во двор, смежный с садом, они нашли два трупа в состоянии сильного разложения. Несмотря на весьма естественное отвращение, флибустьеры поспешили вырыть глубокую яму и бросили в нее трупы, чтобы избавиться от нестерпимого запаха, распространяемого ими. Флибустьеры захватили иньям, говядину, фрукты, бутылку рому, вернулись в пещеру, которую прошли, не останавливаясь, и заняли свой пост на берегу.

— Право, — весело сказал Филипп, с аппетитом поглощавший провизию, так кстати посланную им случаем, — надо признаться, что всемилостивое Небо помогает нам; эта отважная экспедиция, представлявшая нам один шанс против девяноста девяти, до сих пор удалась нам вполне, как ты думаешь, Питриан?

— Я думаю, — ответил флибустьер с набитым ртом, — что, может быть, вы и правы, но не спешу радоваться, ведь вы знаете испанскую пословицу.

— Какую же? Ведь их много.

— «Идти за шерстью и вернуться остриженным»... Не будем же торопиться воспевать победу, наш успех всецело зависит от де Граммона.

— Это правда; если он попался, чего я не думаю, мы погибли.

— Не думаю, чтобы он попался, но он мог быть убит, а для нас это одно и то же. Наши товарищи, видя, что мы не возвращаемся, предположат, что мы попали в руки испанцев, и откажутся от экспедиции. Что же тогда здесь с нами будет?

— Отправляйся к черту с твоими несчастными предсказаниями, — сказал Филипп, — что ты раскаркался, как зловеющая птица? Ничего этого не случится.

— Аминь! — от всего сердца сказал Питриан, так отхлебнув из бутылки с водкой, что она уменьшилась на добрую треть.

Они продолжали завтракать, разговаривая таким образом между собой, а по окончании завтрака стали наблюдать за открытым морем.

К одиннадцати часам утра они увидели несколько судов на парусах, старавшихся подойти к Тортуге. Суда эти встретились со шхуной, которая из канала выходила в открытое море. Филипп предположил, и это действительно было справедливо, что суда эти везли новый испанский гарнизон, а шхуна — донью Хуану и дону Фернандо д'Авила, ее опекуна. Несмотря на сильную горесть, которую возбудил в нем этот отъезд, он, однако, почувствовал тайную радость при мысли, что любимая им женщина находилась теперь вне всякой опасности.

Прошло два дня; ничто не смутило спокойствия, которым наслаждались оба флибустьера. Несколько раз отправлялись они в дом за провизией, потом опять возвращались на свое место к берегу моря. Решительно все благоприятствовало им: погода стояла прекрасная, море, как говорят моряки,

походило на масло, ни малейшего дуновения воздуха не смущало поверхности, гладкой, как зеркало.

На второй день, около одиннадцати часов, в безлунную и очень темную ночь двое часовых, притаившихся на берегу, заметили свет, на секунду блеснувший в темноте и почти тотчас угасший. Флибустьеры поняли, что это вспыхнул порох, зажженный их товарищами, спрашивавшими их, можно ли пристать к берегу. Ответ не заставил себя ждать; четыре затравочных пороха, сожженных один за другим, предупредили Береговых братьев, что все спокойно и что они могут плыть прямо к берегу.

Однако прошло около часа, и ничто не показывало флибустьерам, что сигналы их были замечены и поняты. И только около полуночи они наконец увидели несколько черных теней, появившихся из темноты, и глухой размеренный шум подсказал им о прибытии флибустьерской флотилии, полностью состоявшей из пирог. Через десять минут флибустьеры выпрыгнули на берег. Их было четыреста человек, все вооружены с ног до головы, все полны решимости победить или умереть. Главные предводители флибустьерства командовали ими: д'Ожерон, Монбар, де Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Мигель Баск, Дрейк, Давид и многие почти столь же знаменитые или шедшие уже по следам этих героев.

— Ну, что нового? — спросил д'Ожерон своего племянника.

— Ничего, насколько мне известно, кроме того, что испанский гарнизон, кажется, удвоился.

— Да, — продолжал д'Ожерон, — несмотря на стремление сохранить наши планы в тайне, кажется, какой-то изменник замешался среди нас и открыл все испанцам. Губернатор Санто-Доминго отправил двести человек подкрепления в гарнизон, они должны были высадиться вчера.

— Так и было в действительности, — заметил Филипп.

Если бы темнота не была так густа, краска, вдруг залившая лицо Марсиаля при словах д'Ожерона, тотчас подсказала бы губернатору, что за изменник выдал их тайну испанцам.

— Что мы будем делать? — спросил Монбар.

— Пойдем вперед, — ответил д'Ожерон, — но прежде выслушаем план Филиппа.

— Вы оказываете мне большую честь, дядюшка, — ответил молодой человек, — план этот прост. Вот он: сто самых ловких среди нас под начальством де Граммона и Питриана проберутся на площадку Скального форта, триста других

под моим руководством нападут на испанцев сзади, так, чтобы поставить их между двух огней.

— Хорошо, но как мы переберемся за Железные берега с пушкой?

— Я нашел дорогу... Вам нравится этот план?

— Он нам подходит, и мы, ничего не меняя, приведем его в исполнение.

Де Граммон приблизился к Филиппу и дружески пожал ему руку.

— Благодарю, брат, — сказал он ему, — что вы уступили мне лучшую роль в этом предприятии, вы сделали мне одолжение, которого я не забуду.

— Я надеюсь на это обещание, — сказал Филипп с иронией, ускользнувшей от капитана.

— Будьте спокойны, — ответил он.

— Прежде, чем мы пустимся в путь, не забудьте, дети, что я дал клятву остаться здесь победителем или умереть, — сказал д'Ожерон.

— Мы победим, — в один голос ответили четыреста авантюристов.

— Обе атаки должны пройти в одно и то же время, они начнутся на рассвете. Теперь достаточно разговоров — и вперед!

Мы сказали, что ночь была темная и безлунная, ни одной звездочки не сияло на небе. Ветер переменился, как это часто бывает к полуночи, и дул с моря, так что оно теперь бушевало, и волны с шумом разбивались о Железные берега. Такая погода благоприятствовала флибустьерам, заглушая ревом моря шум, который они, несмотря на все предосторожности, вынужденно производили, не допуская таким образом, чтобы их заметили обыватели или гарнизон.

Первой заботой д'Ожерона было разделить флибустьеров на два отряда, потом под предводительством Филиппа и Питриана Береговые братья, безмолвные и смелые, как люди, решившие победить или умереть и, следовательно, жертвовавшие своей жизнью, торопливыми шагами направились к пещере, которая вдруг, к величайшему их удивлению, выросла перед ними и в которую они вошли, не колеблясь. Дорогой Филипп рассказал дяде, как случайно нашел он пещеру и домик. Благодаря этому открытию флибустьеры могли сразу же попасть в глубь острова. При выходе из пещеры оба отряда разделились. Самый многочисленный, под командой Монбара, д'Ожерона и других и предводительствуемый Филиппом, засел в домике

(двери и окна которого были отворены) и за ним; домик этот находился совсем близко от места расположения испанцев. Флибустьеры оставались неподвижны и безмолвны, ожидая сигнала, чтобы начать действовать, — первых выстрелов из пушки второго отряда. Тому предстояли огромные затруднения, чтобы добраться до площадки. Но благодаря мужеству, ловкости, а особенно смелости флибустьеров все эти затруднения были преодолены в несколько часов, и в ту самую минуту, когда солнце показалось на горизонте, два выстрела из пушки, заряженной картечью, раздались на площадке Скального форта. В ту же минуту раздался страшный крик трехсот голосов, и первый отряд, устремившись вперед, как поток, прорывающий плотину, начал атаку.

Гарнизон крепости, приведенный в беспорядок этой внезапной и сильной атакой, храбро бросился к оружию. Но испанцы, попавшие меж двух огней, вынуждены были сдаться после героической обороны, продолжавшейся несколько часов. Город был в огне, две трети гарнизона пало.

Флибустьеры снова завладели Тортугой, но на этот раз они должны были сохранить ее за собой. Испанцы сдались. Д'Ожерон, не желая сохранить такое множество пленных, — кроме гарнизона были еще мирные жители, — отправил всех испанцев на судах, взятых в гавани, на Кубу, находящуюся на расстоянии пятнадцати миль, и там оставил их на свободе, не требуя даже выкупа; правда, у них отняли все, что у них было, и несчастные буквально разорились.

Д'Ожерон назначил Давида комендантом Тортуги, укрепления которой были восстановлены в прежнем грозном виде, после чего, оставив в крепости гарнизон из трехсот отборных флибустьеров, губернатор вернулся в Пор-де-Пе с главными руководителями экспедиции.

Марсиаль, опасаясь, как бы не угадали о его связях с испанцами, так храбро сражался возле Монбара, что знаменитый флибустьер счел себя обязанным обратиться к нему с похвалой, которая наполнила молодого человека стыдом и замешательством: он считал себя недостойным такой чести. Но Береговые братья, иначе истолковав краску, залившую его лицо, приписали ее скромности и горячо поздравляли молодого человека.

— Ну что? — спросил с лукавым видом Филипп кавалера де Граммона, вернувшись в Пор-де-Пе. — Вы должны быть довольны, капитан, предприятие прошло превосходно. Вы нашли какую-нибудь хорошую добычу в крепости?

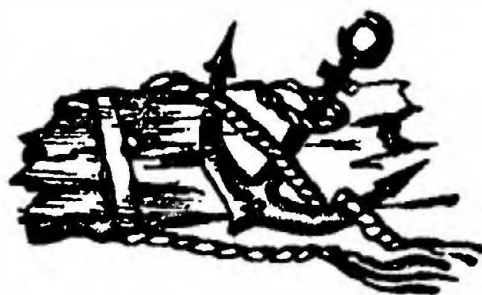
Де Граммон искоса взглянул на него.

— Проклятый насмешник! — сказал он. — Клянусь, я отплачу вам! Ведь вы знали, что она уехала с острова.

— Еще бы! — ответил Филипп и, смеясь, повернулся к кавалеру спиной.

Может быть, первый раз в жизни кавалер де Граммон не нашелся, что ответить.

Взятие Тортуги, как ни было оно достославно для флибустьеров, явилось только началом другой экспедиции, гораздо более важной, которую замышлял Филипп д'Ожерон, чтобы соединиться с любимой женщиной. Поэтому скоро мы вновь увидим его, на этот раз не на маленьком островке, а среди богатых испанских владений в толпе Береговых братьев; сделавшись, сами того не подозревая, орудиями одного из своих братьев, любви которого они благоприятствовали без своего ведома, флибустьеры завязали ту гигантскую борьбу, которая принадлежит скорее эпосе, чем истории, и которая набросила такой великий блеск на это товарищество страшных хищных птиц.

СОДЕРЖАНИЕ

АВАНТЮРИСТЫ

<i>Глава I</i> Гостиница французского двора.....	7
<i>Глава II</i> Семейная сцена.....	14
<i>Глава III</i> Арест.....	22
<i>Глава IV</i> Остров Сент-Маргерит	30
<i>Глава V</i> Взгляд назад	38
<i>Глава VI</i> Увлечение.....	46
<i>Глава VII</i> Отчаяние	55
<i>Глава VIII</i> Заключение.....	63
<i>Глава IX</i> Де л'Урсьер	71
<i>Глава X</i> Люгер «Чайка».....	80
<i>Глава XI</i> Прощай, Франция!	89
<i>Глава XII</i> Начало приключений	98
<i>Глава XIII</i> Совет флибустьеров.....	106
<i>Глава XIV</i> Второе предложение	115
<i>Глава XV</i> Шпион.....	124

<i>Глава XVI</i>	Продажа невольников	133
<i>Глава XVII</i>	Набор	141
<i>Глава XVIII</i>	Невис.....	150
<i>Глава XIX</i>	Экспедиция	159
<i>Глава XX</i>	Дель-Ринкон	167
<i>Глава XXI</i>	Рассказ мажордома.....	176
<i>Глава XXII</i>	По дорогам.....	185
<i>Глава XXIII</i>	Запутанный клубок	193
<i>Глава XXIV</i>	Марго	202
<i>Глава XXV</i>	Фрей Арсенио	211
<i>Глава XXVI</i>	Последствия встречи	218
<i>Глава XXVII</i>	Организация колонии	225
<i>Глава XXVIII</i>	Побег	233
<i>Глава XXIX</i>	Ход событий ускоряется	242
<i>Глава XXX</i>	Монбар Губитель	250

МОРСКИЕ ЦЫГАНЕ

<i>Глава I</i>	«Лосось».....	263
<i>Глава II</i>	Капелла Богоматери.....	272
<i>Глава III</i>	Обязанный работник	280
<i>Глава IV</i>	Дядя и племянник	290
<i>Глава V</i>	Герцог Пеньяфлор.....	297
<i>Глава VI</i>	Поступление на службу	306
<i>Глава VII</i>	Спасение	313
<i>Глава VIII</i>	Представление	318
<i>Глава IX</i>	Береговые братья	327
<i>Глава X</i>	Островок Собачья Голова.....	335
<i>Глава XI</i>	Сад	342
<i>Глава XII</i>	Свидание втроем	349
<i>Глава XIII</i>	Дон Фернандо д'Авила	356

<i>Глава XIV</i> Эспаньола	363
<i>Глава XV</i> Домик в тихом месте	370
<i>Глава XVI</i> Два старых знакомых читателя	376
<i>Глава XVII</i> Задушевный разговор	385
<i>Глава XVIII</i> Донна Клара	392
<i>Глава XIX</i> Взятие Черепахи	399

Эмар Гюстав.

Э 54 Собрание сочинений. В 25-ти т. Т. 7. Золотая лихорадка; Курумилла: Романы/ Пер. с франц. — М.: ТЕРРА, 1993. — 416 с.: ил.

ISBN 5-85255-260-7 (т. 7)

ISBN 5-85255-092-2

В седьмой том Собрания сочинений известного французского писателя Гюстава Эмара (1818—1883) входят романы «Авантюристы» и «Морские цыгане», описывающие подвиги флибустьерской вольницы.

Э 4703010100-012
А30(03)-93 Подписное

ББК 84.4 Фр

Г.Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том 7

Редактор *Е. Серегина*

Художественные редакторы *И. Сайхо, С. Шалимов.*

Технический редактор *В. Лизунова*

Корректор *Г. Каленова*

Подписано в печать 08.12.92. Формат 84х108 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84
Усл. кр.-отт. 21,84. Уч. изд. л. 24,5. Тираж 50000.

Заказ № 2383.

Издательский центр «ТЕРРА». 109008, Москва, Авто-
заводская ул., д.10, а/я 73

Отпечатано с оригинал-макета
на Можайском полиграфкомбинате Министерства
печати и информации Российской Федерации
143200, Можайск, ул. Мира, 93

